ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

№ 10'97

ДЭВИД ВЕБЕР
«МНЕ ЕЩЕ ЕХАТЬ ДАЛЕКО...»

АРТУР КЛАРК
ДЖЕК ЧАЛКЕР

СОВРЕМЕННАЯ НФ: МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИНДЕКС ПОДПИСКИ: 73118

ВАРУС ВИДЕО

на уровне мировых технологий,

Дигитальная
QC система проеерки
записанных кассет

Профессиональные
Hi-Fi дубликаторы

Промышленные роботы –
намотка кассет

которые доступны вам сегодня.

ВАРУС ВИДЕО – обладатель диплома "ЛУЧШИЙ ПРОКАТНЫЙ ПАКЕТ"
Первого Всероссийского Фестиваля "Домашнее Кино" –

предлагает
легальным производителям комплекс услуг
«видеокассета под ключ»,
включающий любые виды упаковки
и тиражирование видеопрограмм любой длительности
с "мастеров" всех форматов.

И все это по конкурентоспособным ценам.

тел.: (095)171 0257 (*оптовая продажа*), (095)170 7014 (*услуги*); факс: (095)170 573

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр
ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена
БОСОВСКАЯ.

РЕДАКЦИЯ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Тамара МАСЛОВА,
Сергей НИКИФОРОВ,
Татьяна СЫЧЕВА,
Людмила ЩЕКОТОВА.

ВЕРСТКА:
Анна ЮРЬЕВА.

ОБЛОЖКА:
Хасими СОРАЯМА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Олег ВАСИЛЬЕВ,
Александр ЖАБИНСКИЙ,
Алексей ФИЛИППОВ,
Анна ЮРЬЕВА.

ИЗДАТЕЛЬ:
ОАО «ЛЮБИМАЯ КНИГА».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 125057, а/я 28.

АДРЕС В INTERNET:
http://www.deol.ru/culture
/esli/index.htm

ТЕЛЕФОНЫ:
795-32-62 (*журнал «Если»*),
795-32-60 (*факс*),
245-78-11
(*отдел распространения*).

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСТРИБЬЮТОР ЖУРНАЛА «ЕСЛИ»:
ЗАО «Сегодня-Пресс».

Контактные телефоны
для распространителей

по России и странам СНГ:
(095) 219-30-30, 219-74-65,
факс 218-41-64;
по Москве:
(095) 219-74-70, 219-74-80,
факс 218-41-64;
по Московской области и городам «Золотого кольца»:
(095) 219-74-90, 219-74-92,
факс 218-41-64.

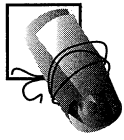
Сдано в набор 5.07.97
Сдано в печать 21.08.97
Отпечатано: General Press Publications SA (Athens, Greece)
Тираж 20000 экз.
В розницу цена свободная.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© «ЕСЛИ», 1997

ФАНТАСТИКА
ЕСЛИ
№10'97(58)
ISSN0136-0140

83 **Дэвид ВЕБЕР**
«МНЕ ЕЩЕ ЕХАТЬ ДАЛЕКО...»
Представьте себе боевую машину, которая обладает не только интеллектом, но и вполне человеческими эмоциями.



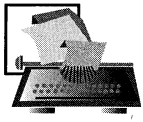
3 **Джефф ХЕЧТ**
ЖИЗНЬ В СОБСТВЕННОМ СОКУ
Попытки смоделировать благополучное общество предпринимались неоднократно. Герои рассказа пошли своим путем, но получили вовсе не то, что ожидали.

15 **Джек ЧАЛКЕР**
ДЕМОН ХЭНКИН-ХАУСА
На протяжении полутора сотен лет в особняке происходят странные события.

45 **Джеймс ХОГАН**
АГЕНТ МАРСИАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
На Землю бежит известный ученый. Вдогонку отправляется спецагент, получивший задание во что бы то ни стало ликвидировать беглеца.

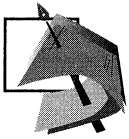
201 **Уильям САНДЕРС**
НЕВЕДОМЫЙ ГАМЛЕТ
Годы жизни Шекспира — 1564—1616. В этот период Британия начинает колонизацию Северной Америки. Так что теоретически великий драматург мог принять участие в экспедиции.

231 **Артур КЛАРК**
ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ
В декабре патриарху НФ исполняется 80! Полагаем, что лучшим подарком писателю будет публикация его рассказа на русском языке.



8 **Людмила ЩЕКОТОВА**
МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, САХАРНЫЕ БЕРЕГА
Научный обозреватель журнала рассказывает о любопытнейшем эксперименте, проведенном американскими учеными.

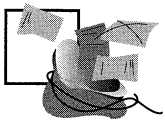
77 **Игорь КВЕТНОЙ**
ОТКРЫТКА ИЗ НОВОГО ВЕКА
Попробуем вместе с известным ученым-медиком заглянуть в грядущее столетие.



240 **Вл. ГАКОВ**
ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ
Журнал продолжает публикацию очерков, посвященных истории европейской фантастики.

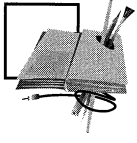
252 **НФ-НОВОСТИ**
Читателей ждет информация о событиях в мире НФ.

254 **РЕЦЕНЗИИ**
О новых книгах У. Уильямса, В. Рыбакова, А. Валентинова, Р. Джордана и других авторов рассказывают наши рецензенты.



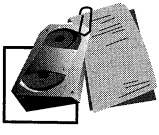
264 **АНКЕТА «ЕСЛИ»**
Первый опыт мониторинга читательской аудитории превзошел все ожидания редакции. О его результатах читайте в новой рубрике «Диалог».

270 **ПЕРСОНАЛИИ**
Предлагаем читателям познакомиться с авторами этого номера.



273 **ВЕРНИСАЖ**
Отвечая на просьбы читателей, «Если» открывает новую рубрику, посвященную фантастической живописи, графике, иллюстрации.

278 **ВИДЕОДРОМ**
В рубрике «Тема» читателей ждет рассказ об исторической фэнтези, а в рубрике «Хит сезона» они познакомятся с долгожданным фильмом Спилберга «Затерянный мир». И, как всегда, — обзор фильмов и новости со съемочной площадки.



ANALOG
SCIENCE FICTION AND FACT
JANUARY 1997

ДЖЕФФ ХЕЧТ

ЖИЗНЬ

В СОБСТВЕННОМ СОКУ

скусственная жизнь представляет собой наиболее мощное орудие современного компьютерного моделирования! — с энтузиазмом провозгласил Джеремия Браун-Хиггинс, изобразив для убедительности широкий всеохватывающий жест обеими руками. — Эти маленькие автономные программы специально закодированы так, что могут слегка изменяться при репликации, каковое свойство и позволяет им ЭВОЛЮЦИОНИРОВАТЬ, приспосабливаясь к окружающей среде. Собственно говоря... — он собрался было рассказать, каким образом И-жизнь помогает моделировать процессы развития органической жизни на Земле, как вдруг его весьма чувствительно лягнули под столом.

Спохватившись, Джеремия весь похолодел: и как это его угораздило употребить это злосчастное слово на букву «э»?.. Ведь профессор Эндрью Харрисон Хардинг неоднократно напоминал некоему Браун-Хиггинсу, что сенатор Боуэн, заказавший и оплативший данное исследование, терпеть не может разговоров об эволюции. К счастью, сей государственный муж оказался слишком занят, чтобы самолично приехать на факультет за итоговым отчетом, и прислал за ним своего советника по вопросам экономической политики, шикарную деловую даму по имени мисс Пул. При первом же взгляде на ее изысканно-строгий костюм Джеремии почудилось, что к лацкану его собственного пиджака (подарок родителей в честь окончания университета) пришпилен яркий ярлычок «ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА».

Профессор отложил вилку (это был скромный ланч в факультетском клубе) и непринужденно зажурчал:

— Мадам, позвольте мне заверить вас, что я выбрал исполнителем нашей работы мистера Браун-Хиггинса именно потому, что он владеет методами моделирования реакций... э-э... автономных индивидов на стимулы как свободного, так и ограниченного рынка. Поэтому у нас появилась великолепная возможность спрогнозировать, каким же образом различные категории населения станут реагировать на те или иные условия экономики. Проделанное исследование, по сути, является лишь первой попыткой, которую совершенно необходимо подтвердить и углубить последующими, более экстенсивными проектами — и тем не менее мы чрезвычайно наглядно продемонстрировали наш основной постулат. А именно: понижение размера минимальной заработной платы, а также отмена абсолютно всех социальных выплат, включая пособие по безработице, *необычайно сильно подстегнет экономическую активность общества!*

Мисс Пул кивнула, сохраняя непроницаемое выражение лица.

— Если не ошибаюсь, профессор Хардинг, вы сообщили мне по телефону, что закончили эту работу? Нам с сенатором хотелось бы взглянуть на нее. Мы уже назначили пресс-конференцию, где будут распространены копии и оглашен новый билль, предложенный лично сенатором Боуэном.

— ...

— У нас небольшая задержка с распечаткой, мисс, — отважно заполнил паузу Джеремия, бросая очередной взгляд на входную дверь. На сей раз, однако, он с облегчением узрел там профессорского ассистента с четырьмя копиями отчета, который был закончен исполнителем Браун-Хиггинсом ровно в 9.00 сегодняшнего утра. Вставая, чтобы принять из рук гонца четыре блокнота в черных пластиковых корочках, наивно скрепленных белыми пластиковыми спиралями, автор на мгновение впал в панику, поскольку никак не мог припомнить: а не забыл ли он после бессонной ночи прогнать свой текст через орфографическую программу?.. Два экземпляра он торжественно вручил мисс Пул, один протянул профессору и один оставил себе.

Двое из присутствующих немедленно накинулись на итоговое резюме, в то время как Джеремия приступил наконец к своему безнадежно остывшему бифштексу с луком и яйцом. Через минуту на лице профессора проступило глубочайшее удовлетворение, в чем, впрочем, не было ничего удивительного, ибо резюме оказалось слегка перефразированной версией его же собственного первоначального предположения. Даже бесстрастная мисс Пул выглядела вполне довольной, ибо *начисто лишенные государственных пособий* И-организмы в массовом порядке обратились к индивидуальной трудовой деятельности, создав тем самым неслыханный бум экономической активности!

У Джеремии, понятно, не хватило времени, чтобы проанализировать истинную природу этой поразительной активности, да, впрочем, это и не входило в его задачу: профессор Хардинг нанял его для того, чтобы он написал саму программу и осуществил прогон модели, а контракт на анализ полученных результатов был подписан с неким маститым профессором экономических наук. Компьютерная модель автоматически свела все свои результаты в соответствующие таблицы, что было весьма существенной деталью именно для автора, желающего уложиться в назначенный срок, о чем он, естественно, не позаботился поставить кого-либо в известность.

Таблицы выглядели чрезвычайно впечатляюще. Джеремия запрог-

раммировал лишь их количество (ровным счетом 55), модель же вполне самостоятельно выбрала перечисленные в них характеристики. Причем, весьма удачно, насколько он мог судить, когда проглядывал их в 5.00 утра, ибо в таблицах наличествовала даже основная трудовая деятельность тех индивидов, что прежде сидели на пособии по безработице. УТОПИ ЗАКАЗЧИКА В ЦИФРАХ! — таков был девиз Джеремии Браун-Хиггинса, и на сей раз ему удалось проделать отличную работу, судя по тому, как рьяно парочка его работодателей перелистывала страницы, сплошь заполненные рядами цифр.

Расслабившись, он с удовольствием прихлебывал горячий кофе, заедая его знаменитым факультетским черничным пирогом, и чувствовал себя наконец совершенно взрослым человеком. Возможно, теперь, когда Джеремия произвел-таки впечатление на профессора, тот даст ему настоящую работу и ему больше не придется делить квартиру в Нью-Джерси со своими родителями?

— Замечательное исследование, профессор Хардинг, — прочувствованно произнесла мисс Пул, с трудом оторвав взгляд от пятидесяти пяти таблиц. — Полный отказ от социальных пособий и снижение минимума заработной платы — шаги довольно непопулярные, однако вы прекрасно показали, что данные решения неизбежно выведут нас на необъятные новые поля экономической активности... А этот потрясающий рост индивидуальной трудовой деятельности? Следовательно, даже самые закоренелые безработные начнут рассчитывать только на себя, что целиком и полностью подтверждает моральную силу нашей позиции!

Она вновь опустила глаза в таблицу, и легкая морщинка озабоченности прорезала ее безупречный беломраморный лоб.

— Вам все же придется внести некоторые изменения для пресс-релиза. Полагаю, вместо таблиц следует дать простые тезисы, снабдив их понятными для неспециалистов заголовками... И, кстати, я вижу здесь огромный скачок занятости по некоторым категориям населения, однако в таблице не указаны типы вновь созданных рабочих мест.

Профессор Хардинг заглянул в свой экземпляр.

— О, это всего лишь техническая проблема, не так ли, Джеремия?

Тот машинально кивнул:

— Ну разумеется, профессор! Наименования категорий попросту не уместились в колонке, так что мы перечислили их отдельным списком. — Он раскрыл свой экземпляр. — Что конкретно вас интересует, мисс Пул?

Мисс Пул зачитала вслух цифровой код категории. Джеремия прилежно проехался по списку указательным пальцем сверху вниз и бодро отрапортовал:

— «Контролируемый распределитель субстанций»!

— Очень странно... А как насчет кода 43?

Джеремия, который и сам был несколько изумлен, прилежно проделал аналогичную операцию. Палец его быстро остановился в нужном месте, глаза моментально просканировали слова «интимные услуги», однако губы наотрез отказались их произнести. Нет-нет, это просто ужасная ошибка... Или же он позабыл учесть в модели какие-то экономические факторы?!

Профессор бросил на него недовольный взгляд. Быстро перелистав свой блокнот, он принялся поспешно просматривать список, и вдруг его пухлое румяное лицо резко побледнело.

— Боже мой, что это?! — вскричал он не своим голосом.

В последовавшей мертвой тишине до Джеремии дошло, что его модель зажила своей собственной жизнью... Он наверняка позабыл ввести какие-то граничные условия, но какие именно? Пока он лихорадочно прокручивал в мозгу все существенные детали, мисс Пул, в свою очередь, добралась до сакраментального списка и приступила к сканированию цифровых кодов. Внезапно ее искусно подкрашенные глаза резко расширились, а изысканно матовые щеки густо порозовели.

— То есть как? Сплошные толкачи наркотиков, рэкетиры и шлюхи? — немузыкально взвизгнула она. — И вы называете это моделью?! Мы немедленно отменяем пресс-конференцию!

Резко захлопнув злополучный блокнот, она вскочила с места и незамедлительно покинула помещение.

ОНИ НЕ СКАЗАЛИ МНЕ НИ ЕДИНОГО СЛОВА О НЕОБХОДИМОСТИ МОРАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ, сообразил наконец Джеремия с той ужасающей ясностью, которая приходит только после катастрофы. С другой стороны, с самого начала предполагалось, что это будет чисто экономическая модель...

Перевела с английского
Людмила ЩЕКОТОВА

Людмила ЩЕКОТОВА

МОЛОЧНЫЕ РЕКИ, САХАРНЫЕ БЕРЕГА

Вероятно, у читателей возникло подозрение, что прочитанный рассказ не что иное, как литературная мистификация, и за псевдонимом Д. Хечт скрылся российский автор. Но, поверьте, это не так. Просто то, что мы воспринимаем как сатиру на дикую реальность, для них выглядит всего лишь забавной шуткой над излишней увлеченностью компьютерным моделированием. Хорошо бы и нам научиться производить эксперименты не над собственным народом, а над вымышленными компьютерными сущностями.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОМЕШАЕМ БУЛЬОН

Лишь только в руки биологам попал компьютер, как некоторые из них прекратили заниматься изучением живых существ и сами принялись творить их. Как известно, в мире битов и байтов единственной реальностью являются компьютерные программы, ну а спецпрограмма, которая методом копирования самостоятельно транслирует себя с одного участка памяти на другой, в принципе отвечает важнейшему критерию, отличающему живую материю от неживой: ОНА РАЗМНОЖАЕТСЯ (реплицируется). Впрочем, в основе всех этих компьютерных чудес лежит навык опытного программиста, умеющего расположить нужные команды в правильной последовательности.

Зато овладевшие этим искусством буквально уподобились творцам: они собственноручно порождают разнообразные виртуальные миры (дигитальные поля и кущи) и населяют их И-существами (цифровыми организмами). И жадно наблюдают за тем, сколь изобретательно эти творения борются за место под виртуальным Солнцем. Короче говоря, посредством абстрактных компьютерных симуляций (не смущайтесь, это вполне нормальный термин) ученые стремятся выявить подспудные законы, правящие совершенно реальным миром.

Большинство исследователей в

области AL* моделируют простые ограниченные сообщества типа колонии бактерий, муравейника или стаи птиц, задавая определенные правила, подсмотренные у матушки-природы. Однако в последнее время бурно развивается куда более многообещающий подход, который вкратце можно сформулировать так: НИКАКИХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ.

Все началось в 1990-м, когда американский биолог Томас Рэй буквально потряс ученый мир своей уникальной моделью эволюции, в основе которой лежал запущенный в цифровой «первородный бульон» один-единственный цифровой «Адам», составленный из последовательности 80 простых команд-инструкций. Впервые примененный Рэем индуктивный метод «снизу вверх» вызвал подлинный бум обновления в компьютерном моделировании... И вот недавно Эндрю Парджеллис, исследователь из Bell Laboratories, сделал принципиально новый шаг, доказав, что И-жизнь может зародиться сама собой — без участия программиста-творца! Правда, свой «первородный бульон» он замешал на изготовленных собственноручно простых инструкциях, однако наделенная репродуктивной способностью программа возникла в нем совершенно самопроизвольно (или, если хотите, по воле случая, который отчего-то проделывал это буквально при каждом новом запуске модели).

Блестящая результативность индуктивного направления не могла не затронуть социально-экономического моделирования — и пару лет назад американские социологи Джошуа М. Эпстейн и Роберт М. Экстелл замахнулись-таки на самый сложный из всех известных биологических феноменов: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО!

СТРАНА САХАРИЯ

Оба исследователя работают одновременно в Brookings Institute (Вашингтон, округ Колумбия) и Santa Fe Institute (штат Нью-Мексико). А так как вторая цитадель науки по праву считается родным гнездом энтузиастов AI**, то совершенно закономерно, что вступившие на путь компьютерного эксперимента Эпстейн и Экстелл наотрез отказались от готовых рецептов в моделировании социальных отношений и построили свою виртуальную лабораторию исключительно по принципу «снизу вверх». А именно: от частных взаимодействий соблюдающих собственные интересы агентов (или тех самых «автономных индиви-

* *Artificial Life — искусственная жизнь.*

** *Artificial Intelligence — искусственный интеллект.*

дов», о которых шла речь в рассказе) — к общим тенденциям! Лишь такой, фундаментальный во всех смыслах подход дает возможность наглядно проследить механизмы возникновения тех или иных тенденций в зависимости от поведения членов общества, решили ученые — и создали простенькую, но весьма примечательную страну Sugarscape, где обитают два конкурирующих человеческих сообщества.

Взглянув на новый виртуальный мир как бы с птичьего полета, мы увидим лишь скопления разноцветных точек... Желтыми обозначен регион, где наличествует прирастающий с некоторой скоростью пищевой ресурс САХАР: его запасы распределены неравномерно, что символизируется разной жирностью желтых точек; на юго-западе и северо-востоке страны расположены две сахарных горы, неудержимо влекущие к себе проголодавшихся И-жителей. Каждый из них принадлежит к одному из сообществ — Красному или Синему племени — и изображается на дисплее точкой соответствующего цвета.

Экспериментаторы постарались, насколько возможно, очеловечить своих агентов: это мужчины и женщины, которые рождаются, взрослеют, занимаются сексом, производят потомство, стареют и умирают. Впрочем, дожить до старости удается не всем, ибо сахариванцы отнюдь не равны: согласно природному порядку вещей, они являются на свет с разными врожденными способностями. Кое-кто обладает особым талантом «чуять» сахар на большом расстоянии, другие получают в дар выживаемость, дольше прочих сохраняя активность при том же количестве пищи, и, наконец, все красные агенты имеют врожденное преимущество над синими: при столкновении у красного больше шансов присоединить синего к своему племени — перекрасить в красный цвет.

Мужчина и женщина (из одного или разных племен — не имеет значения) могут произвести общее потомство при выполнении двух необходимых условий: оба пребывают в детородном возрасте и накопили достаточный запас сахара. Их отпрыск наследует атрибуты родителей — чутье, метаболизм и племенную принадлежность — в соответствии с простой схемой Менделя: скрещивание по трем моногенным признакам.

В простейшем варианте на просторы Сахарии выпускают горстку разноцветных агентов, личные качества и деятельность которых запрограммированы в соответствии с описанными постулатами — вот, собственно, и все. Далее же каждый устремляется на поиски пропитания... В более сложных вариантах ученые исследовали социальные эффекты, порождаемые

поединками (один агент может убить другого и завладеть его/ее сахаром), торговлей (агенты имеют возможность обменять свой сахар на другой ресурс — ПРЯНОСТЬ), заразными болезнями, загрязнением окружающей среды, а также введением права наследования.

В результате с помощью ориентированной на деятельность агентов модели удалось симулировать немало демографических тенденций, наблюдаемых в реальном мире. К примеру, в Сахарии передача сахара по наследству подавляет естественный отбор, в результате чего население становится все более восприимчивым к болезням; в точности то же самое происходит у нас на Земле.

И все же сахарианские спектакли слишком схематичны, чтобы служить подспорьем для изучения современных обществ, хотя и могут пролить некий дополнительный свет на эволюцию относительно несложных культур... Сейчас экспериментаторы занимаются загадкой бурного расцвета и падения цивилизации североамериканских индейцев анасази (1000 — 1300 гг. н.э.) в сотрудничестве с группой археологов. Один из них, Джордж Гамермен из Southern Illinois University, с помощью страны Сахарии нащупал-таки связи между урожайностью маиса и колебаниями численности анасази, после чего признал эту индуктивную модель «недурственным интеллектуальным протезом».

Так вот, более сложной модели человеческого общества, построенной по принципу «снизу вверх», на данный момент попросту не существует. Но, может, в будущем?

КОМПЬЮТЕРЫ МОГУТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕ...

Возможно, вы придерживаетесь иного мнения, однако мне придется вас разочаровать. Начнем с простенького примера: существуют четыре человека, связанные эмоциональными отношениями «нравится — не нравится». Причем, субъекту А нравится субъект Б и не нравятся В и Г; Б терпеть не может А, равнодушен к В и обожает Г; В любит всех, а Г — никого. Вопрос: какие члены этой группы неплохо относятся друг к другу? Выяснить это очень просто, нарисовав геометрическую схему, называемую графом, где субъекты обозначены точками, а отношения приязни — направленными стрелками. Проделав эту несложную процедуру, вы наглядно убедитесь, что взаимности в данной группе не существует!

Если перейти на язык математики, то задача, известная как ПРОБЛЕМА КЛИКИ, состоит в том, чтобы найти наибольшее подмножество М' исходного множества М, все элементы которого связаны симметричным отношением ВЗАИМНОЙ ПРИЯЗНИ (для нашего че-

тырехэлементного М, на котором заданы вышеописанные транзитивные отношения, М представляет собой так называемое пустое множество). Когда множество М содержит сотни элементов, на бумаге уже не разберешься, и приходится писать программу для компьютера... А если тысячи?

На основании накопленного опыта математики авторитетно утверждают, что существуют РАЗУМНО ОГРАНИЧЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, для которых тем не менее невозможно построить алгоритм, вычисляющий абсолютно точный ответ за РАЗУМНЫЙ ПЕРИОД ВРЕМЕНИ. Если вы спросите меня, каков «неразумный» период времени, я отвечу так: тот, по истечении которого точное решение задачи уже никому не требуется! Конкретно же это может означать что угодно — от нескольких лет до...

«Насколько мы можем оценить, решение графов с многими тысячами узлов требует времени, сравнимого или даже большего, чем срок существования нашей Вселенной», — поясняет блестящий специалист в области вычислительной математики Ласло Бабаи из Чикагского университета. Более того, делу не поможешь, даже обратив все атомы Вселенной в элементы ультрасуперкомпьютера, который будет производить столько операций в секунду, сколько поперечников атома сможет преодолеть свет за то же время...

Так вот, «проблема клики» — типичный представитель описанного класса задач: теоретики показали, что — невзирая на большое разнообразие — абсолютно все проблемы, требующие поиска оптимальной стратегии при наличии большого числа возможных выборов, имеют одинаковый уровень сложности. На практике же задачи, которые можно представить в виде многоузловых графов, постоянно возникают в экономике, планировании перевозок, при развитии телефонных сетей, в конструкторской работе и т.п. Что делать? Единственный выход в том, чтобы пожертвовать точностью ради скорости, подсчитав на компьютере удовлетворяющий определенным критериям ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ в относительно короткие сроки.

Однако недавно американские математики получили совершенно шокирующие результаты... Имена их стоит перечислить: Карстен Лунд и Марио Шегеди (AT&T Bell Laboratories), Раджив Мотвани (Стэнфордский университет), а также Санджив Арора и Мадху Судан (тогда еще студенты в Беркли). Итак, эта группа доказала, что для значительного подкласса сложных проблем нельзя гарантировать даже приблизительного ответа за разумный период времени! На практике это означает, что решить любую упрощенную задачу ничуть не легче, чем исходную, и я думаю,

здесь самое время добавить, что структура человеческой цивилизации равносильна графу с миллионами, если не миллиардами точек-вершин.

...ИЛИ ВСЕ-ТАКИ МОГУТ?

Выходит, ситуация тупиковая? Конечные, разумно ограниченные задачи теоретически имеют абсолютно точные ответы, которые на практике абсолютно недостижимы... Существует, правда, универсальный рецепт, доступно изложенный в популярной песенке: «Нормальные герои всегда идут в обход».

Именно ему и последовали специалисты, работающие в той области математики, которую принято называть Theoretical Computer Science: ее бурное развитие за последние десять лет выдвинуло непривычные не только профану концепты интерактивного доказательства и доказательства при нулевом знании, проверки конечного результата и проверки рабочей программы, голографической системы уравнений, наконец...

Чтобы дать о них хоть какое-то представление, понадобится отдельная большая статья, но главную изюминку нового подхода к вычислительным методам сформулировать нетрудно: возможно, для того, чтобы узнать правильный ответ, совсем не обязательно решать задачу до победного конца! Да что там, не только возможно, а весьма вероятно, и человечество еще имеет шансы увидеть наяву и чудеса, и небо в алмазах, и разную прочую фантастику, которую мы все так любим и ценим.

Представьте себе существо, которое могло бы держать нашу Землю в своей руке и у которого все органы тела были бы подобны нашим, а ведь вполне может быть, что такие существа водятся в изобилии; и теперь вообразите, прошу вас, что бы оно подумало о наших битвах, где победа сводится к захвату двух деревушек, которые тотчас же приходится снова отдать врагу.

Вольтер. «Микромегас».

Грезы о будущем

Когда домашний робот-уборщик переставляет «думающее» мусорное ведро, оно сердито дребезжит, ибо только что приступило к сортировке отходов. Хозяину нет дела до их проблем – он занят важными переговорами по видеотелефону, вмонтированному в наручные часы. В саду резвятся дети – играют в кибернетический пинг-понг, а заодно заряжают на солнышке свои жилеты. Словом, день как день – но только в будущем.

К сожалению, пока неясно, займется ли хоть кто-нибудь когда-либо выпуском подобных изделий! Пока же суперпрогрессивные идеи вроде музицирующей футболки на солнечных батареях или эмоционального кухонного контейнера были сдержанно охарактеризованы представителями концерна как «внесенные дизайнерами занятные предложения»...

Ох, уж этот метеорит...

Москвич Владимир Швецов – исследователь геосферы из Российской Академии наук – выдвинул гипотезу, которая вполне логично объясняет, почему на месте тунгусской катастрофы 1908 года нет и не было крупных обломков.

Согласно его расчетам, в воздушную оболочку Земли врезался каменный астероид, размером и весом не уступающий храму Христа Спасителя, да притом на скорости свыше 50.000 км/час. Понятно, что могучего соударения с атмосферой этот не слишком прочный космический снаряд не выдержал, рассыпавшись на великое множество мелких осколков не толще человеческого пальца... А поскольку в момент взрыва выделилось чудовищное количество тепла (энергия тунгусского феномена в тысячу раз превышает энергию первой атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму), то все осколки в этом ужасном пекле попросту испарились!

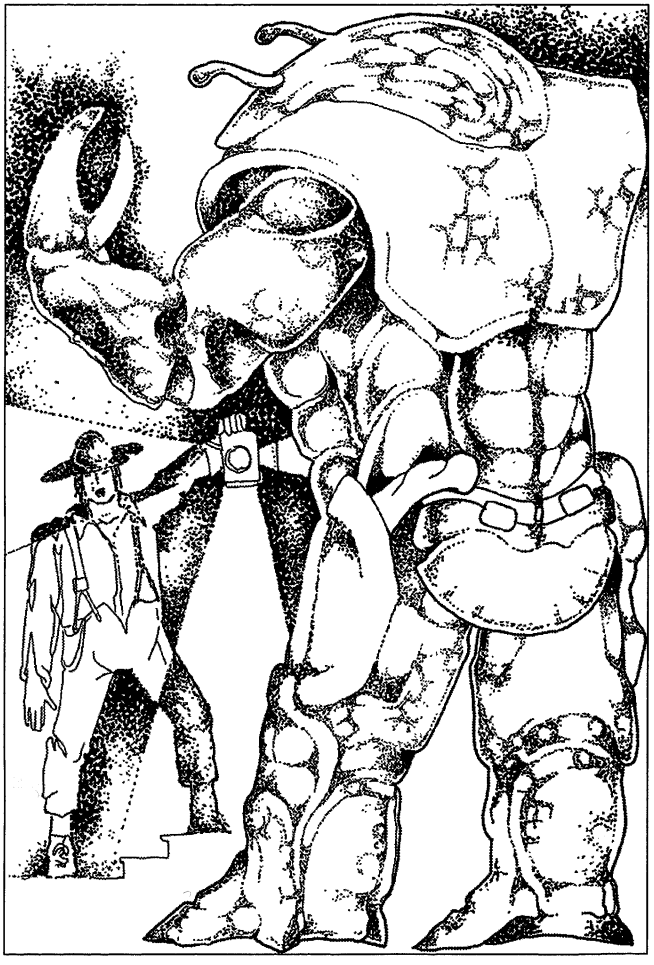
Если теория Швецова верна, и загадочный тунгусский объект действительно был астероидом, то в атмосфере Земли нашел свой конец «в высшей степени необычный экземпляр»! Так комментируют версию российского ученого астрономы NASA.

Гентехника вызывали?

Как недавно выяснилось, вирус-бактериофаг Т4 располагает так называемым ремонтным ферментом, который «ощупывает» цепочку ДНК в поисках неправильных нуклеотидных пар. Обнаружив искомое, фермент делает «надрез» – маркируя тем самым поврежденный участок. Таким образом, с помощью бактериофага Т4 медики смогут быстро и без особого труда составить карту врожденных генетических дефектов любого пациента. Это существенно продвинет вперед проблему исцеления наследственных заболеваний. А там, глядишь, генетики замахнутся и на создание сверхчеловека...

ДЖЕК ЧАЛКЕР

ДЕМОН



ХЭНКИН–ХАУСА

1

То был сонный городок, стоящий на илистом берегу Миссисипи в штате Луизиана. Назывался он Ньютаунард и с 1850 года служил местом, где останавливались пароходы и баржи, вспахивающие воды могучей реки на пути в Нью-Орлеан или вверх по течению в Виксбург. Городок был совсем маленьким и почти не изменился более чем за столетие, прошедшее с того дня, когда первый пароход стал загружаться здесь дровами для долгого путешествия на север.

Люди тут жили тихие, без особых запросов, и отличались тем ощущением мира и спокойствия, которым может одарить лишь атмосфера изолированного от мира городка. Эта изоляция предоставляла им и нечто вроде безопасности, потому что основали поселение не легендарные байю, обитавшие в окружающих буйно заросших тропических болотах, а расчетливые капиталисты, выбравшие это место у реки для получения прибыли.

К началу XX столетия байю стали больше мифом, чем реальностью. Никто из старожилов не мог вспомнить, когда в последний раз видел спокойных и застенчивых жителей болот, и даже тем, кто утверждал, что общался с этими загадочными людьми, верили лишь наполовину. И, конечно, нынешние обитатели болот, предками которых были беглые рабы, уже не представляли какой-либо угрозы благополучию обывателей и были просто бедняками, живущими где-то в диких зарослях.

В городке вроде Ньютаунарда трудно хранить секреты. Искусство распространять сплетни вымерло здесь за ненадобностью, ибо не было такой новости, которую горожанин мог прошептать на ухо соседу — ее уже знали все. Преступления тоже были здесь редкостью, и покой города охраняли лишь двое местных полицейских, ветераны войны, главной обязанностью которых было обшаривать окраины в поисках бродяг и прочей неблагонадежной публики, которой могло взбрести в голову задержаться здесь в поисках дармового ночлега. Для более серьезных случаев в десяти милях южнее имелись казармы полиции штата, приглядывающей за несколькими поселениями среди болот, где любили прятаться бежавшие из тюрем. Но поскольку Ньютаунард мало что мог предложить беглецу, полицейские появлялись здесь только на официальных церемониях.

Городок, как и все маленькие сообщества, имел свою историю, причем весьма колоритную. Во времена, когда страна была расколота, а генерал Грант еще только разрабатывал стратегию будущих сражений,

полк южан под названием «Мародеры Рэкленда» остановился в Ньютаунарде и создал наблюдательный пост в единственном городском поместье — заброшенном Хэнкин-хаусе, пустовавшем с того дня, когда Джозайя Хэнкин, основатель города и строитель собственного замка, сошел с ума и сбежал неизвестно куда. Наблюдатели полковника Рэкленда высматривали с вершины холма направляющиеся вверх по реке к Виксбургу корабли Фаррагата, а заодно и солдат янки, рыскающих по болотам на западе. Они же, не покидая своего поста, разделили судьбу хозяина Хэнкин-хауса, настигшую Джозайю Хэнкина в 1850 году, когда он, прожив в новом доме всего три месяца, внезапно сошел с ума и попытался убить всех, оказавшихся поблизости, выкрикивая при этом какую-то чушь об увиденном в доме ужасе.

После этого все припомнили слова старой колдуньи с болот. Она предупреждала Хэнкина, чтобы он не строил дом на холме, потому что внутри него обитает демон, который забирает к себе всех, кто тревожит его покой. Сама она его, разумеется, не видела, но родственники ее бабушки в 1808 году объявили холм священным местом, где бывшие рабы с болот совершали зловещие ритуалы. Джозайя, по словам старухи, заплатил за свою легкомысленность, и такой же конец она обещала всякому, кто потревожит демона.

Да, Хэнкин-хаус был истинной гордостью городка. В открытом обществе люди все же должны о чем-то говорить, и местные жители более столетия пересказывали истории о старинном доме. Они не очень-то верили в демонов вуду, обитающих внутри холма, но хорошо знали, что Джозайя стал первым и далеко не последним из тех, кого настигла странная смерть.

Полковник Рэкленд и двое его солдат погибли в том доме от огня, хотя ничто в комнатах даже не обгорело. Третий, уцелевший, солдат в одночасье поседел и превратился в буйнопомешанного. Те из горожан, кто был посмелее, осмотрели дом, но обнаружили лишь три тела и зловеще безмолвные помещения.

Дом так и остался стоять пустым, когда Фаррагат двинул свои части вверх по Миссисипи. Он оставался тихим и молчаливым зрителем, когда весь городок рыдал, узнав, что возле местечка под названием Аппоматтокс наступил конец света. Дом спал, когда пошли по могучей реке огромные пароходы, проплывая мимо холма, на котором он стоял.

Затем в марте 1872 года, в тот самый день, когда Грант давал присягу перед началом повторного и трагического для него президентского срока, дом купил Филип Кэннон. Этот человек разбогател во время войны, а еще больше — в неразберихе после ее окончания. Создавалось

впечатление, будто сомнительное прошлое постоянно преследовало его по пятам, а он безуспешно убегал от него и самого себя.

Когда корабль, на котором Фил плыл на запад, остановился для заправки в Ньютаунарде, он увидел поместье, величественно возвышающееся над городом. «Королевские апартаменты», — подумал Фил Кэннон и, не обращая внимания на тревогу горожан, отыскал последнюю родственницу Хэнкина, заплатил ей и стал владельцем дома.

Кэннон стал щедро тратить деньги, надстраивая и перестраивая дом, пока тот не стал выглядеть как новенький, превратившись в яркое доказательство пристрастия Джозайи к готической архитектуре и стремления Фила Кэннона ощущать себя королем.

Новый хозяин полюбил свой дом. Благодаря умению зарабатывать деньги, Кэннон стал в Ньютаунарде большим человеком, и никто не расспрашивал его о прошлом.

Но однажды, почти через два года после покупки дома, Кэннон не вышел на улицу в обычное время, как всегда, держа под руку невысокую красотку из салуна.

Горожане немедленно отправились выяснять, что случилось, и двигали ими не только неприязнь к неожиданностям или привитое древними легендами беспокойство. К тому времени многие успели принять участие в темных делишках Кэннона, и его внезапное исчезновение их не на шутку встревожило. Поэтому группа бизнесменов подошла к дверям Хэнкин-хауса и постучала. Не получив ответа, они попробовали открыть дверь. Оказалось, она не заперта.

Когда в дом ворвался горячий ветер с реки, в главной столовой зазвенели подвески на доставленном из Испании изящном хрустальном канделябре.

Через некоторое время отыскалась голова подружки Кэннона, отделенная от ее тонкой шейки словно гигантской бритвой. Но голову Фила Кэннона так и не нашли.

Как и в тот раз, когда сошел с ума Джозайя, слуг в доме не оказалось. Возникла версия, что местные колдуны крепко прибрали прислугу Фила к рукам, и именно они прикончили Кэннона вместе с любовницей в отместку за кое-какие его тайные сделки с жителями болот. Но никто и никогда больше не видел исчезнувших слуг, а голова девушки была срезана настолько аккуратно, что ни ножом, ни мечом такое не проделать.

Вот так и получилось, что Хэнкин-хаус заколотили вновь, и перед его молчаливыми окнами прошла жизнь еще нескольких поколений. Возникшая поначалу паника и слухи о колдовстве заставили кое-кого

из горожан потребовать, чтобы дом снесли, но Кэннон завещал его синдикату местных бизнесменов, и крикунам быстро заткнули рты. Кстати, к тому времени, когда от разговоров могли перейти к делу, все уже были убеждены, что злодеяние совершили слуги и жители болот.

Но так ли было на самом деле?

В 1898 году в порту Гаваны затонул линкор «Мэн», и Америка впервые после войны 1812 года сцепилась с другим суверенным государством. Одним из нетерпеливых волонтеров на этой войне стал Роберт Хорниг, моложавый капитан из Пятой кавалерийской бригады. Он воевал на Кубе, был ранен, потом вернулся. Расставаясь с воинской службой, он выбрал местом жительства порт Нью-Орлеан, потому что семьи у него, если не считать соратников, не было. Теперь хромой вояка лишился даже армии и превратился в человека без цели в жизни.

Проплывая на запад мимо Ньютаунарда, он сошел на берег и был сразу очарован красотой городка. Поразил его и старый заброшенный дом на вершине холма; восхищение только выросло, когда в ответ на расспросы местные жители выдали ему весь набор жутких историй.

Как и всякое важное приобретение, дом обошелся ему в несколько большую сумму, чем он мог себе позволить, но в глазах капитана Хорнига тот стоил каждого потраченного цента. Одинокий человек полюбил старинное здание — как мужчина влюбляется в свою невесту.

Вскоре его одиночество закончилось. Через город проезжал вестовой по фамилии Мюррей, тоже прошедший испытания на Кубе и такой же человек без роду и племени, каким был капитан. Хорниг решил, что подобный компаньон может скрасить его одиночество, а заодно внести лепту в реставрацию дома. И хотя характер у капитана был не из лучших, юному вестовому пришлись по душе и хромой ветеран, и городок. Мюррей остался.

Тело Хорнига нашли в холле на коврике у подножия большой лестницы. Мюррей лежал в столовой; ему в сердце выстрелили из пистолета, но оружие так и не обнаружилось. Разумеется, вердикт коронера об убийстве и самоубийстве не объяснял все факты. Но какие имелись альтернативы? На сей раз обе жертвы хотя бы не расстались с головами.

Дом снова простоял заколоченным до 1929 года, когда в него вселился Роджер Мередит с женой и дочерью. Крупный биржевой игрок выбрал Ньютаунард и этот дом в качестве тихого и спокойного места, где станет расти его дочь, а заодно нашел убежище от суеты и толкотни Уолл-стрита. Он оказался спокойным и богатым соседом, к тому же родом из Луизианы, так что горожане почти не возражали против его приезда.

Когда всего через семь недель после новоселья малышку Кэрол Мередит увидели ползущей по Мэйн-стрит — напуганную до истерики, окровавленную и с нашпигованным дробью лицом, — все опять решили, что произошло еще одно убийство плюс самоубийство, — жест отчаяния человека, обезумевшего после биржевого краха. По обыкновению, коронер не стал утруждаться объяснением деталей. Как мог коротышка Мередит выбросить жену из окна? Как мог он нанести себе безжалостный удар по голове, ставший, по словам врача, смертельным? И как понять слова девочки, которая, истекая кровью на руках лавочника Тома Мура, повернула к нему лицо и со странной безумной улыбкой прошептала перед смертью: «Папа его убил!».

Началась и закончилась вторая мировая война, одно поколение сменялось другим. Старый дом хранил привычное молчание, покой таинственного демона в холме никто не нарушал. Но однажды...

* * *

Август в Ньютаунарде — месяц скверный. Духота и влажность поднимаются до предела, предусмотренного законами физики. Большинство людей в полдень закрывает ставни и ложится вздремнуть, пока не спадет невыносимая дневная жара. Но на школьном дворе в тени высокого старого дерева жизнь продолжалась.

— Я не трус! — орал рыжий коренастый мальчишка лет четырнадцати высокому угловатому вожаку группы. — Но я не такой болван, чтобы совершать самоубийство, Базз Мердок!

Светловолосый навис над рыжим.

— Нет, трус, потому что наполовину янки! — презрительно ответил Базз Мердок. Сейчас он играл на публику — подростков, составлявших «очень эксклюзивный клуб», а точнее, шайку под названием «Болотные крысы».

Рыжий парнишка по имени Рики Эдхерн оскалился, его лицо исказилось от гнева и стало таким красным, что веснушки на нем почти исчезли. Прозвище «полуянки» всегда приводило его в бешенство. Разве он виноват, что его жалкий папаша родом из Нью-Йорка?

— Слушай, — заявил Мердок, — «Крысы» не принимают к себе всяких там цыплят. — Мальчишки закивали, поддерживая вожака, и стали похожи на тех самых цыплят. — И коль не можешь доказать, что ты не трус, то лучше катись домой прямо сейчас!

— Сам слушай! — рявкнул в ответ Эдхерн. — Я не против проверки, да только прыгать в реку в мешке — верный способ отдать концы!

— Ха! — фыркнул Мердок. — Уж мы бы не сдрейфили, потому как

мы «Болотные крысы», а ты сопля ходячая. Катись-ка ты домой, деточка, пока по шее не получил!

Эдхерн увидел шанс и не упустил его:

— Ха! Тоже мне, «Болотные крысы»! Коли хотите устроить настоящую проверку на храбрость, давай! Слабо тебе будет, Мердок, пойти со мной в Хэнкин-хаус и пробыть там с полуночи до рассвета?

Мэрдок угодил в ловушку и прекрасно это понял. Он не мог отказаться и потерять лицо перед остальными — уж это у него хватило ума сообразить. Но, черт подери, почему маленький гаденыш выбрал именно Хэнкин-хаус?

* * *

В 23.22 городские полицейские Чарльз Уиллс и Джонни Шмидт сели в патрульную машину — одолженный у полиции штата автомобиль с рацией, чтобы при необходимости связаться с казармами в Хукинстоне — и отправились на первый объезд. Когда они приближались к последней контрольной точке, то есть Хэнкин-хаусу, Шмидту показалось, будто он заметил голубоватое свечение в одном из окон на верхнем этаже. Шмидт моргнул, и когда снова посмотрел на окно, свечение исчезло. Он поделился подозрениями с партнером, но тот ничего не увидел. Тогда Шмидт решил, что просто устал и ему начала мерещиться в ночи всякая чертовщина.

Чтобы подстраховаться, патрульные не поленились проверить печати на окнах и дверях старого дома. Никто не смог бы попасть внутрь, не сломав хотя бы одну из них, в этом они не сомневались.

Убедившись, что все печати целы, они покинули зловещее место и вернулись в город выпить кофе. Оба настроились коротать очередную долгую и скучную ночь.

Она действительно оказалась долгой, но далеко не скучной.

* * *

Послышался совиный крик, и Рики Эдхерн подошел к кучке мальчишек, поджидавших его в овраге неподалеку от дороги. С холма на них взирал Хэнкин-хаус, мрачный и угрюмый.

Мердока трясло от страха, но он не осмеливался его показать. Эдхерн тоже был напуган, и залитый лунным светом старый дом нагонял на него куда больший страх, чем недавнее опасение, что мать заглянет в комнату и обнаружит его отсутствие. Весь вечер он мысленно проклинал себя за то, что сам предложил эту идиотскую вылазку, и почти убедил себя, что членство в шайке «Болотных крыс» не стоит та-

кого риска. Но отступать было некуда, потому что ставкой была его честь.

Тишину нарушало лишь стрекотание кузнечиков и непрестанное гудение майских жуков, проносившихся в горячем ночном воздухе. Мальчишки, возглавляемые Мердоком и Эдхерном, направились к старому дому. Неожиданно дорогу осветили далекие огоньки фар, и они едва успели укрыться в высокой придорожной траве, чтобы не попасться на глаза Уиллсу и Шмидту, ехавшим к холму. Минуты тянулись еле-еле, но никто из мальчишек не шелохнулся. Прошла вечность, прежде чем полицейская машина наконец развернулась и поехала к городу.

— Уф-ф! На волоске висели! — воскликнул Эдхерн возбужденным шепотом.

— Заткнись, козел! — прошипел Мердок, которому безумно хотелось смыться. Но ему тоже предстояло жить в Ньютаунарде и дальше.

Мальчишки подошли к высокому крыльцу.

— Ну, и как мы туда влезем, умник? — поинтересовался Мердок, решив, что отыскал выход из этой дурацкой ситуации. Но Эдхерн, подталкиваемый сарказмом Мердока и желанием как можно скорее разделаться с чертовым испытанием, уже поднялся на крыльцо.

— Если сумеем отодрать от двери эту доску, то запросто войдем, — прошептал он, сам не зная, зачем понизил голос.

Помогая друг другу, испуганные мальчишки довольно легко оторвали доску — гвозди более чем за тридцать лет заржавели и ослабли. Когда доска поддалась, один из мальчишек не удержался на ногах и, вскрикнув, упал с доской в руках.

Никто из них не видел, что в окне на втором этаже мерцал голубой огонек.

— Открыто, — хрипло прошептал кто-то из мальчишек.

Мердок сглотнул, собрал все оставшееся мужество и оттолкнул рыжего, который стоял в дверях, вглядываясь во мрак.

— Я первый! — рявкнул он, и тут же удивился, почему собственный голос кажется ему таким странным.

Мердок, а следом и Эдхерн вошли в дом и растворились в темноте.

А невидимый для мальчишек огонек наверху отодвинулся от окна. Поискам, растянувшимся более чем на десять веков, вскоре предстояло завершиться.

2

Когда маленький корабль-разведчик взлетел над странной красно-зеленой поверхностью планеты, которую люди назвали Конолт-4, на

пульте внутри огромного, внушительного и чужого на вид корабля, затаившегося в космической темноте, вспыхнул сигнальный индикатор. Едва крошечный земной разведчик оставил за кормой густую атмосферу планеты, командир чужого корабля отдал короткий приказ. Хищник рванулся к жертве.

Пилот разведчика, огромный ирландец Фини, заметил темный рейдер, когда уже вышел из зоны связи с космодромом на Конолте-4. Он сразу нажал кнопку на панели управления.

— Доктор, боюсь, нас засекли, — невозмутимо сообщил он. Агенты разведки в моменты опасности не паникуют и поэтому остаются в живых.

Сидящий в кормовой каюте Элей Мофад, похожий на херувима лысеющий старик, которому давно перевалило за шестьдесят и которого знали как научного гения века, встрепенулся, услышав слова пилота.

— Насколько они далеко, Фини? — спросил он, не повышая голоса.

— Тысяч двадцать, доктор, и быстро приближаются. Чертовски быстро.

Мофад повернулся и взглянул на ящик, бывший, если не считать койки, единственным предметом в каюте.

— Фини, сколько у нас осталось времени?

— Минут десять, от силы двенадцать. Мне очень жаль, док. Кто-то на этой планете все-таки проболтался.

— Да, я это уже понял, но сейчас нет смысла жаловаться на плохую работу службы безопасности. Мне требуется минимум пятнадцать минут. Сможете дать мне столько времени?

— Попытаюсь, — сухо бросил пилот и взялся за дело.

Пока Мофад лихорадочно подключал свое оборудование к корабельному источнику энергии, Фини начал отчаянно маневрировать.

Чужой звездолет выскользнул из тени планеты и метнул вперед тяговый луч. Пурпурная нить рассекла ледяную темноту космоса. Фини заметил луч лишь за долю секунды до предполагаемого касания, но его великолепно натренированные рефлексы бросили кораблик вверх. Они разминулись с лучом буквально на несколько дюймов.

Чужой корабль развернулся и пошел на второй заход, на этот раз выстрелив пурпурным лучом из носовых труб. И вновь Фини, свернув вниз и влево, ускользнул от него, продолжая безнадежную дуэль, в которой оба корабля вели себя как опытные фехтовальщики. Один из них оказался безоружен, но достаточно проворен и решителен, чтобы избегать выпадов смертельно опасного противника.

Фини знал, что не сможет продолжать эту игру бесконечно, но был

полон решимости предоставить своему невзрачному на вид подопечному столько времени, сколько потребуется. Он уклонялся, нырял вверх и вниз, маневрировал на грани возможного, выигрывая для Мофада драгоценные секунды, одновременно посылая сигнал тревоги на крейсер, который должен был ожидать их неподалеку, но уже стал грудой искореженного металла, проиграв недавнюю дуэль со звездолетом чужаков. Прошло двенадцать минут... тринадцать... пятнадцать... и цель наконец оказалась достигнута.

Игра в кошки-мышки закончилась через восемнадцать минут, когда даже молниеносные рефлексы Фини оказались недостаточными и он начал уставать. Тяговый луч вновь метнулся вперед, окутал кораблик пурпурным сиянием и медленно потащил к чужому звездолету, удерживая мощным магнитным полем.

— Они сцапали нас, доктор, — произнес Фини в интерком. — Вы готовы?

— Да, Фини, я ухожу, — ответил физик с печалью в голосе, подумав о судьбе, которая ожидает верного пилота.

— Мне надо еще что-либо сделать?

— Вы уже сделали достаточно, но все же вам нужно уничтожить эту машину. Вы знаете, где детонатор. Прощайте, Фини, — тихо добавил он.

Элей Мофад протянул руку к верхушке пластицинового корпуса аппарата и снял с него маленькую коробочку. Затем шагнул в машину и исчез.

Корабли соприкоснулись с толчком, звук прокатился по коридору маленького разведчика. Фини поднялся из пилотского кресла и направился к корме, пытаясь побороть повышенную гравитацию, которая возникла, когда корабли сцепились и начали вращаться. Но опоздал. Перед ним распахнулся люк шлюза в середине корабля, отрезав от драгоценного груза на корме. Фини остановился и гордо выпрямился. В конце концов умирать надо с достоинством.

Из шлюза показалось существо — зловещий гигант, которого никогда не смогла бы породить Земля. При некоторой доле воображения его можно было бы назвать гуманоидом, потому что он стоял на двух толстых и крепких ногах, возвышаясь на полных семь футов. Но у него имелся хитиновый экзоскелет, прочный, как листовая сталь, прикрывающий тело естественной броней. Хитин был полупрозрачен, и сквозь него просвечивали вены, мускулы и даже мозг. Две очень длинные руки отличались друг от друга. Правая, которая кончалась ладонью и пятью слишком длинными пальцами с тремя суставами, сжимала направленный в голову Фини пистолет. Левую же венчали массивные кле-

щи — то была сирианская церемониальная клешня, которой пользовались как двупалой рукой или при многочисленных сирианских ритуалах, включая брачную церемонию.

Рификсл Трииг, Наследственный Полковник имперской разведки, направил один стебельковый глаз на Фини, а второй на дверь кормовой каюты. Землянин не смог бы понять выражение этого лица, напоминающего голову омара, равно как и услышать издаваемые инопланетянином звуки, поскольку сириане общались телепатически. Чужак шевельнул пистолетом, приказывая Фини вернуться в пилотскую кабину.

Фини подчинился, разглядывая инопланетянина. Лишь немногим землянам, в том числе и Мофаду, участвовавшему в первой экспедиции, довелось воочию увидеть их. Сирианцы правили гигантской звездной империей, объединившей множество рас. Они не участвовали в войнах; они ими командовали.

Фини решился на отчаянную попытку. Если он сумеет застать сирианина врасплох, то хватит считанных секунд, чтобы добежать до дальней переборки и включить генератор, и тогда, возможно, удастся взорвать корабль.

Трииг рассматривал терранского пленника почти с сочувствием; он охотился за другой добычей. Чужак шагнул назад, пропуская выходящего из шлюза второго сирианина, который частично заслонил Фини от Трииг. Пилот увидел свой шанс и метнулся к переключателям. Вошедший сирианин мгновенно развернулся и выстрелил в Фини. Землянин с криком пошатнулся и мгновенно вспыхнул. Вскоре о существовании человека по имени Фини напоминала лишь кучка угольков на полу пилотской кабины.

Убийство пилота расстроило Трииг. Он предпочитал брать пленников живыми и потом допрашивать и даже отдал на этот счет приказ. Не так давно пошли разговоры, что полковник становится слишком стар для выполнения своих обязанностей, и этот промах не повысит его репутацию в глазах Верховного командования. Однако то, что Трииг нашел — вернее, не нашел — в кормовой каюте, его более чем раздосадовало.

Он увидел там лишь койку и пластициновый ящик непонятного назначения. Элея Мофада на корабле не было. Трииг приблизился к ящику и рассмотрел его. Единственной подвижной частью конструкции оказался небольшой переключатель на боковой стенке, его рычажок перемещался вверх и вниз. На ящике лежали две плоские коробочки безо всяких надписей, с двумя кнопками на каждой: красной и зеленой. Назначение коробочек также было непонятно.

Закон выживания вырабатывает определенный стереотип поведения, сходный у всех рас, сражающихся до победы, и Трииг продемонстрировал знание этого правила, в отчаянии ударив кулаком по стене каюты. Затем развернулся и вышел.

В каждом столетии имеется свой гений, способный заглянуть за горизонт: примерами тому служат Коперник, Эдисон, Эйнштейн.

И Элей Мофад.

В молодости он был исследователем, затем добился положения в обществе как удачливый и предприимчивый бизнесмен. Он построил крупную лабораторию на тихой планете Федерации — той самой Конолте-4, — где приложил все свои таланты и опыт исследователя. Его открытия и стали причиной вспыхнувшей позднее войны между Транс-Терранской федерацией и огромной звездной империей, Сирианской лигой, к открытию которой Мофад тоже оказался причастен. Терранско-сирианская война стала жестокой и бескомпромиссной схваткой между двумя одинаково безжалостными и амбициозными центрами власти. Толчком к ней послужили ревность и жадность, а движущими силами были непонимание и ненависть — психология и образ мысли обеих сторон не допускали уступок.

А когда конфликт уже бушевал вовсю, Элей Мофад сумел разорвать саму ткань времени.

Его первая машина времени до сих пор находилась в лаборатории на Конолте-4 вместе со всеми записями и спецификациями. Новая же, усовершенствованная модель, которую терранское командование приказало доставить на Терру для первой публичной демонстрации, была тайно погружена на маленький разведывательный корабль. После этого Мофад и агент разведки предприняли попытку покинуть планету, не вызывая излишнего любопытства, и состыковаться с крейсером, ожидающим их возле шестой планеты системы. Однако некоторые из союзников сириан могли сойти за землян, и их шпионы на Конолте блокировали эту попытку. Поэтому теперь у командования на Терре осталась лишь одна подсказка, единственная надежда раздобыть самую важную формулу, без которой расчеты и записи Мофада на Конолте теряли смысл. Формулу Мофад держал в голове, но предупредил, что если ему удастся бежать с Конолты, он поместит запись формулы где-то в районе терранского испытательного полигона с кодовым названием Луэсс-155. Командованию предстояло запустить исходную модель машины времени и отыскать запись, а если повезет, то и самого Мофада. Так что теперь формула оказалась спрятанной в глубинах времени. Земляне знали «где», но не знали «когда».

Машины времени были еще несовершенны. Однако настанет день, когда целые армии будут переброшены сквозь пространство и время в самые уязвимые места противника в далеком прошлом, а затем возвращены в настоящее для решающего сражения.

* * *

Рификсл Триг тоже имел в своем распоряжении работающую машину времени. Но он не знал сразу двух вещей: ни «где», ни «когда».

— Физические принципы ее действия выше моего понимания, — сказал лучший физик империи. — Мофад обогнал нас на несколько столетий. Однако то, что терранскому пилоту не удалось уничтожить ее корпус после побега Мофада, дало нам больше информации, чем вы могли подозревать, дорогой полковник.

— Теперь терранская разведка тоже знает о том, что произошло, и поэтому получила фору в поисках, — ответил Триг. — Что мы можем предпринять? Вы уже сказали, что не сумеете изготовить дубликат машины без формулы Мофада, а формулу нам не узнать, не отыскав его. Похоже, Мофад нас переиграл.

— Пессимизм не к лицу офицеру разведки, полковник Триг. Да, я сказал, что мы не можем изготовить дубликат, однако не утверждал, что оригинал не работает.

— Ага! — воскликнул полковник и сразу помрачнел. — Но мы не знаем ни времени, ни места. Терранской разведке, по крайней мере, известно, где надо искать, хотя, по вашим же словам, машина слишком непредсказуема, и они не знают точно, когда Мофад высадился в прошлом.

— Место высадки установить нетрудно, — ответил физик. — Совершенно очевидно, что его необходимо задавать перед запуском машины. Поскольку Мофад не сбивал настройку, то машина перенесет вас как раз в нужное место. Судя по рапортам разведки, испытательный полигон расположен в западном полушарии Терры севернее экватора. Именно туда попадет любой, кто воспользуется машиной. До этого момента мы шли с терранской разведкой на равных. Но далее мы начинаем их опережать.

Триг внезапно выпрямился.

— Видите ли, — продолжил физик, — Мофад перед бегством установил и время. Машина при повторном запуске воспроизведет и его, но не совсем точно.

Плечи Триига поникли.

— Почему же не точно, если...

— Да потому, — заговорил ученый тоном профессора, читающего

лекцию, — что машина несовершенна. Ошибка при передаче составит около двух столетий. Замаскированная здесь панель управления, — добавил он, указав на участок корпуса, — элементарна. Мы сможем регулировать интервалы времени гораздо точнее, чем Мофад, которому предстояло угодить куда-то с точностью до двух столетий. Наш агент будет делать короткие прыжки во времени и отыскивать следы пребывания Мофада в месте высадки. Поскольку агент, как наш, так и вражеский, может появиться рядом с Мофадом всего через несколько минут — даже если он отправился на поиски через несколько дней реального времени, — Мофаду нужно спрятать свое послание как можно быстрее. Скажите, из терранского корабля не пропало какое-либо записывающее устройство?

— Да. Минирекордер. Так вы хотите сказать...

— Совершенно верно. Этот рекордер будет спрятан где-то поблизости от места высадки. Он содержит то, что нам нужно. Терранская же разведка не знает, как Мофад настроил машину, поэтому им придется прочесывать сотни веков. Мы в состоянии их опередить. Кого вы пошлете?

Триг еще не отошел после нахлобучки, полученной от Верховного командования за побег Мофада.

— Себя, — сказал он.

* * *

Два сирианина стояли возле машины.

— Принцип действия устройства основан на географической точке отсчета, — начал физик. — Мофад в спешке забыл два таких устройства, совершив непростительную ошибку.

Физик протянул Триигу коробочку размером три на пять дюймов, на удивление тяжелую. Именно эти коробочки с красной и зеленой кнопками так заинтересовали Триига, когда он их обнаружил.

— Это портативный переключатель. Когда вы захотите отправиться в прошлое, мы настроим машину, а вы зайдете внутрь. Затем нажмете зеленую кнопку, и машина превратит вас в некую форму энергии, перешлет в заранее заданную точку и вновь материализует. Для возвращения достаточно встать точно на то же место, где вы появились в другом пространстве и времени, и нажать красную кнопку. Процесс повторится в обратной последовательности. Не стану притворяться, будто понимаю его суть — для этого нам и нужна формула Мофада. Будем пока считать, что машина каким-то образом разрывает взаимопроникающую ткань пространства-времени, и этот разрыв сохраняется до тех пор, по-

ка вы не нажмете красную кнопку, возвращаясь в исходную точку... Рекомендую тщательно пометить место своего появления на Терре. Вы должны встать именно на него, иначе останетесь там, куда прибыли. Готовы?

Триг кивнул и с трудом втиснул свое большое тело в машину. Ученый всмотрелся в панель управления.

— Я настроил ее на самую раннюю из возможных хронологическую точку. Начинаю обратный отсчет. Когда я произнесу «ноль», нажимайте зеленую кнопку. Итак, пять... четыре... три... два... один... ноль!

Триг нажал кнопку.

Первой ему пришла в голову мысль о том, что он ничего не почувствовал, и это ему не понравилось: перемещения во времени не должны быть столь бесшумными и внезапными. Но факт оставался фактом. Только что он стоял, скрючившись, внутри машины времени на Сириусе, а мгновение спустя оказался на вершине одинокого холма, окруженного болотами, покрытого пышной зеленой растительностью. Внизу поблескивала на солнце гладь большой реки. Он угодил в 1808 год, и лишь сорок один год спустя человек по имени Джозайя Хэнкин заложит внизу на равнине городок и назовет его в честь улицы в Белфасте, на которой родился — Ньютаунард.

Триига поразила как нетронутая девственность этого места, так и мысль о том, что он первый из своего народа совершил прыжок во времени. Воздух здесь был сладок, влажен и почти столь же горяч, как на его родной планете. Он стоял на вершине холма, гротескной статуей выделяясь в лучах заходящего солнца, и размышлял. На это у него имелось все время мира...

Четверо мужчин брели по густой болотной траве, глядя не на холм и стоящую на вершине зловещую фигуру, а на реку. Двое из них несколько лет назад были пиратами, разбойничавшими вместе с Лаффитом, но затем сменили профессию и стали болотными контрабандистами, найдя себе занятие столь же доходное, но менее рискованное.

Оставшиеся двое были рабами-ренегатами, выбравшими поселок контрабандистов на болотах в качестве убежища, где они, не опасаясь закона, могли расслабиться в обществе, в котором человека делали человеком мозги и мускулы, а не цвет кожи. Все четверо любили свое занятие и гордились им так же, как гордится своей искусной работой ювелир.

Поскольку у Триига не было ушей, он не услышал их приближения и, не подозревая об опасности, стал спускаться к подножию холма. Он уже пришел к выводу, что если бы Мофад побывал в этом девственном

месте, то обязательно оставил бы хоть какие-то следы. Однако Триигу следовало довести дело до конца, а времени для этого у него было предостаточно, так что он решил в любом случае все тщательно проверить. В кастовом военизированном обществе, где он родился, каждому малышу первым делом внушали: «Никогда не считай врага глупее себя».

* * *

— Будь дважды проклят этот скунс Джо Уэлш! — прорычал Нед Хэррелл, напрасно высматривая на речной глади плоскодонку. — Если он решил меня надуть, я его... Эй! Вы слышали?

Неподалеку послышался шорох травы и треск кустов.

Карл, чернокожий великан с повадками беглеца, уже приплясывал от волнения, испуганно озираясь по сторонам. Потом он завопил. Все уставились на огромного демона, спускающегося с холма, — громадного болотного монстра.

Хэррелл инстинктивно схватился за ружье и выстрелил навскидку. Пуля ударила сирианина в живот, хорошо защищенный хитиновой броней, и срикошетила, не причинив ему вреда, но удар оттолкнул Триига назад, и он ухватился за длинную лиану, чтобы не упасть. Удивление от внезапной атаки почти мгновенно испарилось, и Триг увидел ситуацию такой, каковой она была на самом деле — он столкнулся с кучкой примитивов, да еще перепуганных. Триг, прирожденный и тренированный убийца, бросился в атаку. Трое сразу отступили, но Карл остался на месте. Приблизившись на два шага, сирианин уставился на противника, не уступающего ему ростом и сложением.

Негр бросился на пришельца, и Триг шагнул в сторону. Карл по инерции промчался мимо. Сирианин, заметив, что Хэррелл лихорадочно перезаряжает ружье, решил устранить угрозу и выхватил пистолет. Хэррелл исчез в дыму и пламени. Двое оставшихся помчались прочь. Черный коротышка по имени Элиот кричал, продираясь сквозь кусты:

— Джуджу! Джуджу! О, Господи, мы вызвали из ада джуджу!

Тем временем Карл пришел в себя, поднялся и прыгнул монстру на спину. Он знал, что сражается с демоном, но знал также, что демона можно силой заставить подчиниться — а Карл был лучшим борцом среди контрабандистов.

Захваченный врасплох, сирианин рухнул. Стреляя в других, он позабыл об исходной и самой большой опасности. Сверху на него навалился Карл, и несколько секунд они боролись: черный великан не мог причинить большого вреда закованному в броню существу, а Триг, словно зажатый в тиски, не мог высвободить ни руку, ни клешню. Грубая

сила встретила равное противодействие, и борцы застыли, пока Карл, сидя верхом на огромном демоне, изо всех сил прижимал к телу его конечности.

В лежачем положении Трииг становился беспомощным и, лишь перевернувшись на спину, мог пустить в ход клешню. Это он и пытался теперь проделать, одновременно поражаясь силе этой мягкотелой терранской обезьяны.

У Карла, мертвой хваткой стиснувшего огромное и мощное существо, от напряжения пошла изо рта пена. Наконец через несколько секунд, показавшихся противникам часами, Трииг ощутил, как уставший человек слегка ослабил хватку, и рывком перевернулся. Отшвырнув негра, Трииг опрокинулся на правый бок и протянул к оглушенному противнику клешню.

* * *

Поднимаясь, Рификсл Трииг пережил несколько жутких мгновений. Вытянув жесткие негнущиеся ноги, он приподнял тело, опираясь на длинные руки, затем ухватился за свисающую лиану, подтянулся и наконец встал. Потом посмотрел на израненное и кровоточащее тело Карла. Мужество и сила этого существа произвели на него гораздо большее впечатление, чем все его предыдущие противники, принадлежащие к другим расам. Примитиву полагалось убежать прочь вместе с остальными, и все же он выбрал схватку. Карл даже не подозревал, насколько был близок к победе, потому что Трииг тоже сильно устал, а один сильный удар в мягкое бескостное лицо сирианина достиг бы его мозга, вызвав мгновенную смерть.

Трииг пообещал себе впредь считать терран серьезными противниками. Он часто гадал, почему эти слабаки представляют угрозу империи, но сейчас неожиданно вспомнил слова одного из своих наставников: «Невежество не есть синоним тупости, а дикарство — страха».

Трииг расставил глаза, высматривая, не приближаются ли вооруженные туземцы. Он не желал оказаться вновь захваченным врасплох, но не обнаружил никаких признаков жизни, если не считать ползающих насекомых и порхающих птиц. Тогда Трииг, все еще поглядывая вокруг одним глазом, обезглавил негра при помощи церемониальной клешни, совершив древний ритуал уважения к побежденному в бою противнику. После этого он обошел подножие холма, высматривая следы более цивилизованного человека. Ничего не обнаружив, он с сожалением вернулся на вершину и встал возле камня, которым отметил место своего появления.

А из болотных зарослей за ним осторожно наблюдала группа мужчин и женщин, с ужасом и восхищением разглядывая стоящего на вершине холма огромного демона, чей жуткий силуэт четко вырисовывался на фоне прощальных лучей заходящего солнца.

Но внезапно он исчез.

Триг выбрался из машины времени и, потеряв сознание, рухнул на пол. Лабораторию он покинул всего мгновение назад, но сирианский физик сразу понял, что полковник выдержал жестокую схватку. Это подтверждала залитая кровью клешня, и Триига сразу перевезли в госпиталь, где с него смыли кровь Карла и оставили восстанавливать иссякшие силы.

3

Меньше чем через два дня Триг был готов совершить новую попытку. Во время первой он многое узнал о своих врагах. Теперь переброска на Терру показалась ему даже легче — он уже знал, чего следует опасаться в момент темпорального перехода. Но и на этот раз его ожидал сюрприз.

Триг материализовался внутри примитивного жилища, построенного из дерева. Помещение оказалось очень большим и было обставлено роскошной мебелью. Огромный длинный стол разделял его почти пополам, вдоль него стояло множество стульев. Во главе стола возвышалось большое кресло с мягкой обивкой, предназначенное для хозяина дома. Одну из стен украшало длинное зеркало, а над центром стола висела массивная железная люстра.

Сперва Триг подумал, что произошла какая-то ошибка. Он перенесся всего на сорок лет в будущее, а обитающим на болотах примитивам явно не по силам выстроить такое жилище. Но за сорок лет, разумеется, произошли неизбежные перемены. Этот дом, скорее всего, выстроили пришельцы из других мест, которые и привнесли на болота зачатки цивилизации.

За сорок лет старый торговец Джозайя Хэнкин выстроил и городок, и свое поместье. Правда, его предупреждали, чтобы он не возводил его на холме. Старая колдунья с болот бормотала что-то о демоне, которого видела ее бабушка, — этот демон живет в холме и может появляться и исчезать, когда пожелает. Но Джозайя не был трусом и лишь посмеялся над ее словами.

Приближалась полночь. Слуги разошлись по своим комнатам, рабов заперли в бараке. Джозайя сидел в кабинете и корпел над бухгалтерскими книгами за прошлый месяц. С точки зрения Триига, погруженный

в темноту дом был пуст.

Сирианин извлек из кармашка на широком поясе небольшую трубку и нажал на кнопку. Трубка вспыхнула ярким бело-голубым светом, залившим даже самые темные углы большого помещения. Осмотрев его, Трииг сузил луч и начал поиски. Неспособный слышать звуки, он тем не менее перемещался осторожно и беззвучно, зная, что терране обладают способностями, которых он не имеет.

И тут произошло дурацкое и комическое происшествие. Трииг зацепился за край лежащего у двери персидского ковра и шумно рухнул на пол. Фонарик упал и откатился к стене.

Услышав шум, Джозайя вздрогнул. Он никогда не чувствовал себя в безопасности, живя на окраине городка, и с наступлением темноты всегда немного нервничал. Старик на цыпочках прокрался к площадке на верху широкой лестницы и заглянул в темный холл. Он услышал шум — это Трииг неуклюже и с большими усилиями поднимался на ноги. Решив, что в дом забрался грабитель, Хэнкин вернулся в кабинет и вышел со старинным кремневым пистолетом в руках.

Тем временем Трииг, не подозревая, что его обнаружили, начал методично обыскивать столовую, заглядывая во все места, где можно спрятать маленький рекордер. Он был уверен, что тот лежит почти на виду — в таком месте, куда другой землянин обязательно заглянет, потому что если Мофад спрячет его слишком хорошо, люди его тоже не найдут.

Джозайя медленно спускался по лестнице с заряженным пистолетом в руке. Непонятные звуки в столовой не стихали. Подняв пистолет, старик вошел в столовую, освещенную странным голубым светом.

Трииг, находившийся совсем рядом с дверью, как раз в этот момент обернулся, и его правая рука сильно ударила Хэнкина, отбросив старика в коридор. Пистолет от удара выстрелил, но пуля угодила в стену.

Сирианин направился к старику, только что поднявшемуся на ноги. Взглянув на отвратительную морду пришельца, Джозайя завопил и помчался к входной двери. Более медленный Трииг не стал преследовать Хэнкина, когда тот выбежал на улицу и с воплями припустил к бараку, где ночевали рабы.

Трииг быстро возобновил поиски. Он был уверен, что прибыл слишком рано, и поэтому, затратив лишь несколько секунд на осмотр подножия лестницы, шагнул на пятачок за спинкой большого кресла во главе длинного стола и нажал кнопку.

Джозайя Хэнкин, свихнувшийся от прикосновения чудовища, преследовавшего его в собственном доме, теперь видел перед собой не изумленных рабов, а таких же монстров. Схватив с земли тяжелую палку,

он накинулся на первого подвернувшегося работника, и остальным с трудом удалось его угомонить.

Остаток жизни Хэнкин провел в психиатрической лечебнице Нью-Орлеана, бессвязно бормоча правду, которую люди в 1850 году могли счесть лишь бредом сумасшедшего.

* * *

Когда полковник Рэкленд вошел в дом, рядовой Феттерс нервно вскочил. Рэкленд ухмыльнулся. Полковник, высокий сухопарый блондин со ставшей знаменитой козлиной бородкой, любил пугать подчиненных. Это помогало держать их в форме.

— Ну, рядовой, — по-южному протяжно осведомился он, — не высмотрел еще этих сволочей янки?

— Нет, сэр, — расслабился Феттерс, — но я наблюдаю очень внимательно, сэр.

Рэкленд снова улыбнулся и подошел к старинному креслу, с которого сняли чехол и установили на законное место — во главе длинного стола в столовой. Стол идеально подходил для оперативных карт и совещаний, а из выходящих на восток окон столовой открывался превосходный вид на широкую гладь Миссисипи.

Вошли еще два солдата, дежуривших на этом наблюдательном посту, одном из нескольких, которые Рэкленд расположил вдоль реки. Рэкленд подошел к окну, чтобы поговорить с ними, а Феттерс попросил разрешения уйти. Получив его, он направился к выходу мимо большого кресла. Это спасло ему жизнь.

Рификсл Триг появился между Феттерсом и людьми у окна — настолько близко к солдату, что бедняга Феттерс от толчка упал. Триигу не были нужны сюрпризы, и на этот раз у него сработал рефлекс. Выхватив пистолет, он в упор выстрелил в людей у окна.

Широкий луч сразил всех троих одновременно. Каждый из них вскрикнул и умер от невыносимого жара. Феттерс же лишь слегка ушибся и ясно разглядел появившееся в столовой существо. Одного взгляда ему вполне хватило. Он вскочил и выпрыгнул в окно, а затем, громко призывая на помощь, помчался вниз по склону к городку.

Триг выругал себя за то, что упустил одного из людей, и хмуро вспомнил, что такое происходит при каждом его появлении здесь. Он быстро осмотрел столовую, но решил, что раз домом сейчас пользуются солдаты, то присутствие Мофада было бы хоть чем-нибудь, да отмечено. Тем не менее он осмотрел все укромные места и заглянул во все

комнаты первого этажа. Сделав свое дело, он вернулся к точке за креслом и нажал красную кнопку.

* * *

Взглянув на жуткое существо, женщина потеряла сознание, что весьма удивило Триига, всегда готового убивать, но не привыкшего к тому, что потенциальные жертвы сами падают перед ним, не испытав даже боли. Чтобы застраховаться от неожиданностей, он решил убить ее сразу. Хотя обезглавливание обычно являлось почетной церемонией, он откусил женщине голову клешней просто потому, что таким способом убить ее было проще всего.

На сей раз Трииг позволил себе роскошь осмотреть все не торопясь. У него не было причин полагать, что в доме еще кто-то присутствует, но одним глазом он все же поглядывал вокруг. И он не пожалел об этом.

По лестнице с револьвером в руке сбежал Фил Кэннон. На его глазах жуткое существо отрезало голову Мэри клешней, но это зрелище не свело его с ума. Кэннон жил слишком долго и занимался в жизни слишком многим, чтобы испугаться зверюги, в котором больше злобы, чем в нем самом. Он воспринял Триига как реальность, наверное, приняв за какое-то неизвестное животное с болот, и сразу схватился за верный кольт сорок четвертого калибра.

Смерть Мэри не вызвала у него особых эмоций. Для Фила Кэннона люди были всего лишь взаимозаменимыми объектами. Важнее было другое — убить врага в столовой быстрее, чем он убьет его.

Трииг краем глаза уловил движение, выхватил пистолет, развернулся и нажал на спуск. Выстрелил он почти наугад и узким лучом, поэтому не попал в Кэннона, который мгновенно укрылся за выступом стены. Взведя курок, Кэннон присел, затем метнулся вперед и выпустил в Триига несколько пуль. Одна из них попала в цель и, хотя не причинила сирианину вреда, тот от удара выронил пистолет.

Трииг понял, что стоит на открытом месте без оружия, и мгновенно принял решение напасть на человека. Пробежав через столовую, он попытался схватить Кэннона, но тот оказался для него слишком быстр.

— Иди, зверюга, иди, — прошептал Кэннон, — подойди поближе, чтобы я всадил в тебя парочку пуль.

Трииг решил приблизиться, рассчитывая на то, что терранин выстрелит в тело, а не в голову. Он рисковал, но выбора не оставалось. Бросившись в атаку, он понял, что расчет оказался верным. Кэннон выстрелил сирианину в грудь, но Трииг, на этот раз готовый встретить удар

пули, сумел завершить нападение. Схватив Кэннона рукой и клешней, он поднял его и швырнул в столовую, где тот рухнул на пол с глухим стуком.

Триг подстраховался, избавив тело от головы, но когда стал перетаскивать труп, оказавшийся на фокальной точке, заметил бегущих к дому людей, привлеченных выстрелами. Триг решил, что в этом периоде времени Мофад наверняка еще не появлялся, и нажал кнопку.

Вернувшись домой, он обнаружил, что голова Фила Кэннона проделала это путешествие вместе с ним.

Слуги Кэннона, вбежавшие в дом после выстрелов, ошеломленно застыли, увидев обезглавленные трупы в столовой. Перекрестившись, дворецкий сказал:

— Надо отсюда сматываться, и чем скорее, тем лучше. Все наверняка решат, что это сделали мы.

Поэтому горожане, обнаружив в доме два тела и одну голову, свалили вину на слуг.

* * *

Мюррей находился в столовой, когда появился Триг. Ошеломленный внезапным появлением чудовища, он пришел в себя быстрее, чем Триг смог действовать, и подбежал к стене, на которой висел всегда заряженный призовой пистолет, символ всей жизни капитана Хорнига.

Триг стал приближаться, и тогда Мюррей выстрелил. Пуля срикошетила от сирианина и проделала еще одну дыру в стене старого дома.

Сирианин попытался схватить бывшего вестового, но промахнулся и упал. Мюррей, увертываясь, потерял равновесие и тоже упал, но пистолет не выпустил.

Триг увидел пистолет и железной хваткой стиснул руку Мюррея. Они стали бороться, катаясь по полу, каждый пытался завладеть оружием. Уступив могучему давлению Триига, пистолет внезапно повернулся и выстрелил. Мюррей дернулся и затих. Триг убил терранина, прижав к боку ствол его собственного оружия.

Поднявшись, он немедленно направился к входу в столовую, не желая столкнуться с новым Филом Кэнноном, если тот сойдет вниз.

Капитан Хорниг стоял возле лестницы на втором этаже. Услышав шум борьбы, он с трудом выбрался из постели, где пролежал несколько дней, потому что старая рана в ноге снова воспалилась. Увидев Триига, он отшатнулся. Больная нога подвернулась, и он упал на ступеньки головой вниз. Скатившись по лестнице, он застыл со сломанной шеей.

Триг взглянул на несомненно мертвое тело. С этим, по крайней мере, возиться не пришлось, а после схватки с Мюрреем он был рад и такому.

На этот раз его поискам никто не мешал, и он осмотрел верхний этаж.

* * *

Маленькая девочка играла с куклой в углу столовой. Она не видела Триига, который секунду размышлял над тем, что ему делать. Если есть ребенок, значит, поблизости и родители.

Триг не ошибся. Мередит спустился по лестнице, заметил Триига и схватил ружье, которое принес в холл, собираясь пойти на охоту. Он ворвался в комнату и выстрелил в Триига в упор — медлительный сирианин не успел отреагировать. Крупная дробь разлетелась по всей комнате, несколько дробинок попали Триигу в лицо, другие, срикошетив, угодили в лицо девочке, с ужасом наблюдавшей за происходящим. Озверев от боли и ярости, Триг завертелся, нанося удары почти вслепую. Увидев свою прижавшуюся к стене и окровавленную дочь, Роджер Мередит оцепенел. Он думал только о ней, когда один из ударов Триига угодил ему в голову. Удар был смертельным.

Прибежавшая жена Мередита буквально наткнулась на Триига. Тот схватил ее и отшвырнул с такой силой, что несчастная женщина вылетела из окна навстречу своей смерти.

Триг не видел ребенка и думал только о возвращении. Боль сводила его с ума, и это дало малышке Кэрол Мередит шанс выбраться из столовой, затем из дома и добраться до городка.

А сирианин нажал кнопку на приборчике возврата, но ничего не произошло. Тяжело дыша, раздираемый невыносимой болью, он внезапно понял, что стоит в стороне от фокальной точки. Он доковылял до нужного места позади большого кресла и снова нажал кнопку. И опять ничего не произошло. Триига охватила паника. Он принялся раз за разом давить на кнопку и наконец нажал красную вместо зеленой.

На залечивание ран в госпитале на Сириусе ушло целых две недели. Командование едва не приказало ему послать вместо себя другого, но Триг знал, что если такое произойдет, ему конец. Эта неудача станет для него последней. Для Рификса Триига поиски Мофада превратились из миссии в навязчивую идею. Для прирожденного воина отставка станет адом — уж лучше покончить с собой.

На этот раз он был очень осторожен. Появившись в темном доме, он сразу достал пистолет, готовый стрелять. Но столовая была пуста, а

мебель сдвинута в угол и накрыта полотнищами белой ткани. Все вокруг покрывал толстый слой пыли и паутины. Трииг с облегчением огляделся. Сейчас в доме никто не жил.

Первым делом он проверил уже привычные места, а затем и все помещения на первом этаже. Впервые ему никто не мешал, но сирианин не ослаблял бдительности — легкая боль в лице напоминала ему о необходимости соблюдать предельную осторожность. Он стал тяжело подниматься по лестнице, подсвечивая себе бледно-голубым лучом фонарика.

На верхних ступенях лестницы он увидел тело. Трииг, которому все терране казались на одно лицо, мгновенно узнал мертвеца, потому что внешность этого человека, от крошечных усиков до округлого животика, была намертво впечатана в его память.

Перед ним лежало уже начавшее коченеть тело Элея Мофада, умершего не насильственной смертью и не от самоубийства, а из-за слабого сердца, не получившего вовремя лекарства.

Трииг ощутил, как по его телу пробежала странная дрожь. Наконец-то! Даже на Терре, на этой безумной планете, он смог овладеть ситуацией.

Мофад, очевидно, побывал наверху. Но спускался он или поднимался? Спускался, решил Трииг, оценив положение трупа на ступенях. Сирианин переступил через тело ученого, умершего в отдаленной во времени и пространстве эпохе — и за много столетий до своего рождения, — и зашагал по коридору второго этажа.

В хозяйской спальне было столь же грязно и пыльно, как в столовой, ею тоже никто давно не пользовался. В центре комнаты стояло большое старое кресло — то самое, из столовой, а рядом с ним — стул. Мофад, несомненно, ждал здесь агентов терранской службы безопасности, все время опасаясь, что его заметят и схватят. Обыскивая темную комнату, он заметил отблески фар за окном.

Из подъехавшей полицейской машины вышли двое. Проверив переднюю и заднюю дверь, они вернулись к машине, сели и... уехали. Трииг подождал немного, убеждаясь в этом окончательно, затем продолжил поиски. Близилась полночь, и в окно ярко светила луна.

Внезапно Трииг снова выглянул из окна, встревоженно проверяя, не вернулась ли полицейская машина. Через секунду он заметил несколько крадущихся к дому силуэтов. Молодые терране, решил он. Фигурки приблизились, поднялись на крыльцо и скрылись из виду.

Осторожно выйдя из спальни, Трииг вернулся к лестнице и стал наблюдать за входной дверью. Через некоторое время она приоткрылась.

Нет, сейчас вам Рификсла Триига врасплох не застать! Выключив фонарик, он растворился в тени, продолжая наблюдать.

В дом вошли два молодых терранина — осторожно, даже боязливо, словно подталкивая друг друга. Постояв немного в прихожей, они перешли в столовую, освещенную лунным светом. Осторожно вытащив из кучи мебели два стула, они уселись спиной к стене, а потом, широко раскрыв глаза, молча уставились на открытую дверь.

Трииг решил, что, поскольку на улице остались другие, которые могут побежать за подмогой, лучше подождать, пока эти двое уйдут. Он немного расслабился и прислонился к стене, направив один глаз на входную дверь, а второй — на вход в столовую. Трииг не собирался убегать и упускать добычу. Она была так близка!

Шли часы, и Трииг сгорал от нетерпения. Давно пора было отправляться на поиски, но ему уже стало ясно, что по какой-то причине — наверное, религиозной — эти мальчишки, пусть даже перепуганные, намерены оставаться здесь до утра.

* * *

Джонни Шмидт и Чарли Уиллс снова приехали к Хэнкин-хаусу. Как всегда под конец дежурства, им стало скучно, и они решили быстро и тщательно осмотреть двери перед возвращением в город.

Когда свет фар отразился от темной стены дома, Шмидт заметил фигурку, проворно юркнувшую за угол. Эта фигурка ему была хорошо знакома.

— Стоять, Томми Сэмюэлс! — гаркнул полицейский. Мальчик, которого ночь страшила больше полиции, вышел из-за угла и послушно остановился возле крыльца. Вслед за ним из темноты медленно потянулись и остальные «Болотные крысы».

— Какого черта вы здесь делаете ночью? — раздраженно спросил полицейский и вскоре услышал всю историю, неохотно выданную скупыми порциями.

— Что ж, — с отвращением сказал Шмидт партнеру, — придется зайти и вытащить этих придурков. Мне не терпится поскорее с этим разделаться.

Полицейские поднялись на крыльцо и распахнули дверь.

Как раз в этот момент, утомленный ожиданием и нетерпением Триг, которому давно хотелось узнать, что означает мелькание света за окнами, рискнул выглянуть из своего укрытия, и поэтому, когда Шмидт случайно направил туда луч фонарика, его лицо оказалось полностью открыто.

— Боже мой! — ахнул полицейский. Он мгновенно упал и выхватил пистолет. Трииг отпрянул, но ему не удалось сделать это беззвучно.

— Ты тоже это видел? — хрипло прошептал Чарли.

— Надеюсь, что нет, — отозвался Шмидт, и тут его поразила внезапная мысль. — Мальчишки!

— Базз Мердок! Рики Эдхерн! Когда я дам команду, мотайте отсюда на улицу, — крикнул Чарли. — А потом бегите во весь дух в город и скажите, чтобы нам вызвали подмогу. Мы что-то загнали на второй этаж.

Мальчишки выскочили на улицу и вместе с перепуганными товарищами припустили со всех ног вниз по склону. Станут они кого-нибудь предупреждать, как же! Каждый был готов поклясться, что никого не видел.

— Чарли, сбегай к машине и вызови подмогу из казарм. Скажи, что мы не знаем, что это такое, но пусть прихватят оружие помощнее и поторопятся!

Чарли ползком добрался до двери и побежал к машине. На втором этаже послышался шум — Трииг вернулся в спальню. По поведению полицейских он понял, что это вооруженные профессионалы, и ему потребовалось место, одинаково подходящее для обороны и наблюдения за дорогой.

Он установил регулятор мощности луча на максимум и прицелился в патрульную машину, возле которой стоял Чарли, вызывая по рации подмогу. Луч вырвался из верхнего окна, машина взорвалась с ослепительной вспышкой и грохотом, которые услышали в городе. Горожане проснулись, выглянули в окна и увидели перед Хэнкин-хаусом пылающую кучу обломков.

Взрыв опрокинул Шмидта на спину, но он быстро поднялся и укрылся за перевернутым столом вблизи лестницы. Кто бы там ни находился, полицейский твердо решил не дать ему уйти до прибытия подкрепления.

Трииг понимал, что внизу всего один человек, и он сумеет уйти из дома, но вернется с поражением, равносильным смерти. Уж лучше остаться, решил он, и отыскать наконец рекордер, хотя бы для того, чтобы его уничтожить. Если Сирианская империя его не получит, то изобретение Мофада, по крайней мере, не будет использовано против нее.

К холму уже бежала небольшая группа горожан. Трииг заметил их и выстрелил в дорогу перед ними. Закричали раненые, уцелевшие повернули обратно.

В домах по всему городу вспыхнул свет, в том числе и в доме майора Национальной гвардии Роберта Келсо. У него имелись два преиму-

щества перед остальными: из окна своей спальни он ясно видел дом на холме и, кроме того, жил совсем рядом с арсеналом гвардейцев.

Трииг сделал третий выстрел широким лучом и прожег на склоне холма пятифутовую полосу. Сухая трава занялась огнем. Сирианец не знал, где затаился в доме полицейский, но догадался, что он не станет нападать, не дождавшись подкрепления. Что ж, выстрелы с холма отпугнут или, по крайней мере, задержат тех, кто спешит ему на помощь. Трииг продолжил поиски.

Шмидт слышал, как существо наверху передвигает мебель, и попытался понять, кто это такой и что он там делает, но безуспешно. Однако он родился и вырос в Ньютаунарде и знал городские легенды. Теперь он понял, что видел демона из Хэнкин-хауса, и тот оказался существом из плоти.

Майор Келсо не стал терять время зря и направился прямиком в арсенал. Он не знал, что происходит на холме, но видел вырвавшиеся из дома лучи и понял, что там идет сражение. Три гвардейца уже ждали его с автоматами возле арсенала, обсуждая увиденное и услышанное.

Прошло восемь с половиной минут с момента, когда Чарли вызвал полицию штата. Две машины с ревом ворвались на улицы городка, промчавшись десять миль по узкой дороге со скоростью восемьдесят миль в час. Полицейские сравнили невероятные слова Чарли, оборвавшиеся на полуслове, с тем, что сообщили им гвардейцы. Капрал-полицейский взглянул на полки у дальней стены арсенала.

— Эй! — воскликнул он. — Это, случайно, не базуки?

Пару минут спустя группа людей, трое из которых были вооружены базуками, пробиралась по склону холма к Хэнкин-хаусу.

Когда они добрались до вершины и остановились перед домом неподалеку от воронки, оставшейся после взрыва патрульной машины, капрал Джеймс Уотсон крикнул:

— Уиллс! Шмидт!

— Я здесь! — отозвался Шмидт. — Уиллса накрыло взрывом. Это существо просто невероятно! Оно наверху и очень быстро передвигает мебель. Заходите, только медленно, и посмотрите сами!

С интервалом в несколько секунд вооруженные люди короткими перебежками пересекли дорогу и поднялись на крыльцо.

— Слава Богу! — выдохнул Шмидт, увидев их, и, заметив базуки, добавил: — Держите эти штуки наготове. Кажется, это существо похоже на большого краба, а у красавца такого размера панцирь должен быть весьма крепким. Оно может спуститься здесь, так что, если удастся, надо всадить ему гранату в брюхо.

Триг пребывал в полном отчаянии. Он не заметил, как в дом пробралась группа вооруженных людей, и тешил себя мыслью, что единственная его проблема — одинокий полицейский на первом этаже.

В конце концов Мофад мог спрятать рекордер и внизу, с отвращением решил он. Придется избавиться от дурацкой помехи и поискать там еще раз.

Триг быстро вышел на лестничную площадку, перешагнул через неподвижное тело Мофада и стал осторожно спускаться, держа пистолет наготове.

Выпущенная из базуки граната, способная пробить крепчайшую танковую броню, прошила его тело, словно раскаленный нож кусок масла. Огромное тело инопланетянина рухнуло на лестницу головой вниз и упало к ногам подошедших людей точно в том месте, где когда-то успокоилось после падения тело капитана Хорнига.

Рификсл Триг, Наследственный Полковник имперской разведки, перестал существовать.

* * *

Газетчики давно разъехались, полиция и Национальная гвардия закончили осмотр дома, а тело инопланетянина, вернее, то, что от него осталось, повезли в Вашингтон, где ошарашенные биологи едва не сошли с ума, безуспешно пытаясь идентифицировать его. Физики же пожалели о том, что взрыв гранаты уничтожил причудливый пояс-контейнер, а вместе с ним заряды к лучевому пистолету и портативный пульт неизвестного назначения.

Когда возбуждение в городке прошло, Хэнкин-хаус вновь заколотили. Пошли было разговоры о том, что старую развалину пора сравнять с землей, но вскоре выяснилось, что дом дал экономике крошечного городка долгожданный толчок. Во всем штате только Латинский квартал в Нью-Орлеане привлекал круглый год больше туристов, чем старинное поместье на холме.

4

Человек материализовался в коридоре, почти на том месте, куда упало тело Рификсла Триига, и достал листок похожего на бумагу материала, на котором были записаны координаты заранее согласованной точки встречи — Мофад установил их еще до вылета с Коноlта-4. На листке значилось: «Луэсс-155 — место встречи в случае вражеских действий. Контрольная точка 221».

Агент поднялся по лестнице, свернул на площадку, где прежде ле-

жало тело Мофада (теперь оно вместе с телами других безымянных покойников покоилось в могиле на поле местного горшечника), и направился прямиком в хозяйскую спальню.

Здесь царил полный разгром. Триг передвинул всю мебель, вывернул ящики, выпотрошил шкафчики и прочие укромные места.

— Так где бы я спрятал минирекордер, если бы желал, чтобы терранин смог его отыскать, а сирианин нет? — пробормотал агент. Сейчас ему предстояло найти ответ на этот вопрос.

Где?

Спустя время, потраченное на бесплодные поиски, агент скрестил на груди руки, раздраженно топнул и обвел комнату взглядом. Проклятье, но в этом доме «контрольная точка 221» обозначает хозяйскую спальню!

Неожиданно на агента навалилась усталость — его сегодняшний день растянулся на двенадцать столетий. Ухватившись за опрокинутое кресло хозяина, некогда стоявшее в столовой во главе длинного стола и ставшее в тот день для Мофада единственным местом отдыха, агент поставил его на ножки и устало уселся.

Щелк!

«Частотная модуляция с интенсивностью 0,72 бета...»

Агент вскочил, словно ужаленный, но тут же улыбнулся, а потом и засмеялся. Он долго не мог остановиться.

Где то самое место, которое терранин заметит наверняка, но сирианин не обратит внимания? Что сделает усталый терранин, попав сюда, если его уже приглашающе ждет кресло... и чего не сделает существо, физически не способное садиться? Для гения уровня Мофада ничего не стоило смастерить дистанционный выключатель рекордера. Триг мог разломать кресло на кусочки и не заметить маленький рекордер... но он никогда не стал бы садиться!

Голос Мофада все еще бормотал, называя драгоценные формулы и цифры, которые принесут Терре победу в войне. Терранский агент, все еще смеясь, разрезал сиденье кресла и пошарил внутри спрятанного в набивке деревянного каркаса, куда Мофад поместил рекордер. Его могло включить лишь сильное давление на центр сиденья.

Агент достал рекордер и выключил его, затем вышел из спальни, спустился по лестнице и очутился в прихожей. Там он достал из кармана коробочку с двумя кнопками. Нажав на красную, агент исчез.

И последний из призраков Хэнкин-хауса растаял в глубинах времени.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Книжное обозрение

ИДЕТ ПОДПИСНАЯ КАМПАНИЯ...
ВЫ НЕ ЗАБЫЛИ ПОДПИСАТЬСЯ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»?
ВОТ ЧТО ГОВОРЯТ ТЕ, КТО УЖЕ СДЕЛАЛ ЭТО:

❑«Когда подписка на наши газеты и журналы станет такой дорогой, что возникнет выбор: есть ли хлеб с маслом или выписать какое-нибудь издание, — я и тогда сохраню верность «Книжному обозрению». Черт с ним, с маслом!»

Кир Булычев

❑«На мой взгляд, «Книжное обозрение» — единственная настоящая литературная газета. Именно литературная! Мне импонирует, что «КО» информирует обо всех значимых событиях в книжном мире, причем без какой-либо политической предвзятости. Я подписчик этой газеты с 1972 года и намерен выписывать ее и в дальнейшем».

Василий Головачев

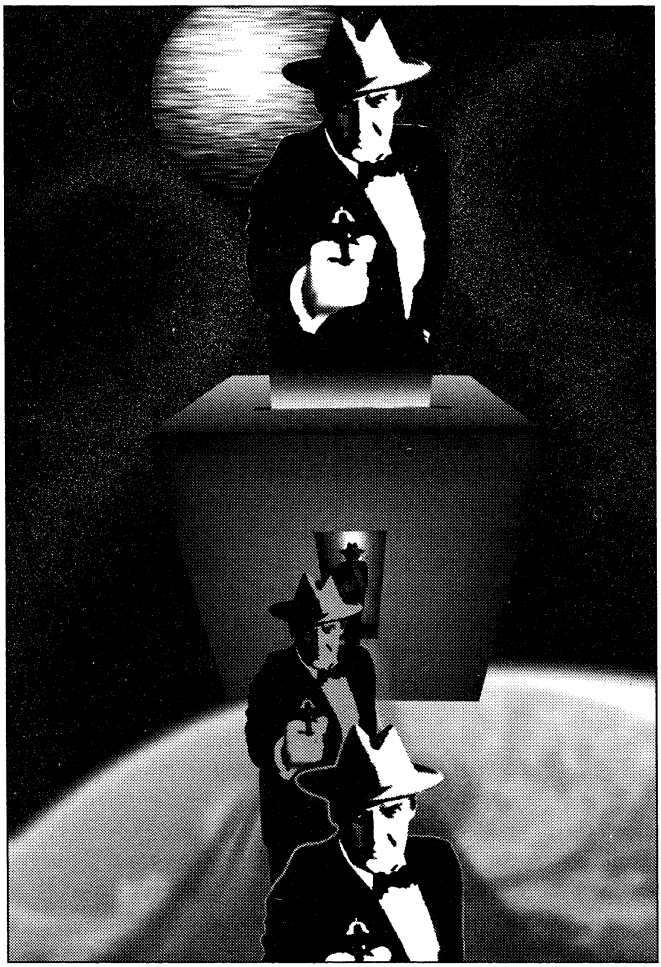
❑«Книжное обозрение» существовало в те времена, когда фантастику практически не печатали, и существует теперь, когда печатают всех, кого не лень. Но и раньше, и сейчас «КО» является верным компасом в бурном книжном море».

Сергей Лукьяненко

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС «КНИЖНОГО ОБОЗРЕНИЯ» ПО КАТАЛОГУ
«АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ» — 50051

ДЖЕЙМС ХОГАН

АГЕНТ МАРСИАНСКОЙ



ФЕДЕРАЦИИ

Сознание еще не успело подсказать, что пробуждение наступило, а тренированные рефлексы уже взяли тело под контроль. Медленный и ровный ритм дыхания не сбился, ни один мускул не дрогнул. Со стороны казалось, что он по-прежнему спит, но мозг уже методично просеивал информацию, потоком струящуюся в него через органы чувств.

В голове не звенели сигналы тревоги — память подсказывала, что в полусне, перед пробуждением ему не послышался ни скрип чужого ботинка, ни шуршание материи, ни еле различимое затаенное дыхание. Ничто не выдавало присутствие в помещении кого-либо чужого. Не смог он обнаружить и любых, даже мельчайших изменений в звуковом и обонятельном фоне, который всегда запоминал, перед тем как уснуть.

Значит, все в порядке. Обычное начало трудового дня.

Он открыл глаза, позволил им инстинктивно пробежаться по темной комнате отеля в поисках чего-либо необычного, потом перекатился на бок и протянул руку к выключателю лампы. Зевнул, наполняя первым чистым дыханием нового дня легкие и расправляя мельчайшие их складочки, затем долго и с наслаждением потянулся, направляя скопившуюся за восемь часов полного отдыха энергию на подзарядку каждого нерва и мышечного волоконца. Секунд через десять человек, ныне называющий себя Хэдли Крассеном, окончательно проснулся.

Часы подсказали, что сейчас шесть часов тридцать пять минут утра. Крассен коснулся панели возле кровати и включил дежурный канал гостиничного компьютера.

— Доброе утро, — послышался синтетический баритон из-за решетки в верхней части панели. — Чем могу быть полезен?

— Дайте мне службу сервиса, — ответил Крассен.

— Служба сервиса. — Теперь машина говорила звучным женским голосом с интонациями жительницы Новой Англии.

— Отмените заказ разбудить меня в семь утра. Примите заказ на завтрак в номер к семи тридцати — два яйца, поджаренный бекон, томаты, тост, кофе.

— Принято.

Пауза.

— Это все.

— Спасибо.

Щелчок.

Крассен выключил панель, сплел на затылке пальцы и откинулся на подушку, вспоминая события последних десяти дней. Долгий опыт

подсказал ему, что сейчас самый подходящий момент для того, чтобы вычленить любые сигналы опасности, которые может выдать подсознание, всю ночь обрабатывавшее скопившуюся за день информацию. Как только начнут разворачиваться события нового дня, эти сигналы — если они существуют — будут утрачены навсегда.

Перелет с Марса под видом мелкого служащего на борту «Персиваля Лоуэлла», фотонного корабля класса «Сириус», прошел без происшествий. До появления на промежуточном спутнике агент значился Полом Лэнгли, инженером по структурному дизайну, гражданином Федерации марсианских городов-государств, прилетевшим на Землю на время двухнедельного отпуска. Документы не вызвали у иммиграционных чиновников никаких подозрений. Значит, и беспокоиться на этот счет нечего; все прошло гладко.

Челнок с промежуточного спутника высадил его в космопорту имени Рузвельта, в тридцати милях севернее Оклахома-Сити, где, как и предполагалось, он забрал пакет у клерка справочной службы в восточном конце терминала. В пакете лежал ключ от камеры хранения, а в ячейке он нашел черный дипломат, содержимое которого снабдило его всем необходимым для выполнения миссии, включая полный набор личных документов на имя доктора Хэдли Б. Крассена, чью легенду он уже давно и тщательно выучил. В дипломате лежали и ключи от личного аэромобиля Крассена, который, как он уже знал, был припаркован в трехстах милях отсюда на публичной стоянке возле международного аэропорта Канзас-Сити.

Кем был настоящий Хэдли Крассен, агент не знал и, вероятно, никогда не узнает. Хэдли Крассен выполнял роль «крота» — глубоко законспирированного агента, живущего по образу и подобию «среднего американца». За десять лет он обзавелся банковским и кредитным счетами, приобрел права на управление автомашиной и аэромобилем и в целом выполнял все функции, ожидаемые от статистической единицы, числящейся в Федеральном информационном банке. Крассен, таким образом, был одной из тайных личностей, заранее внедренных Марсианской Федерацией на случай, если понадобится прикрытие. Теперь такая нужда возникла. Тот, кто был известен под именем Крассен, уже успел тихо и незаметно испариться, сменив одно фальшивое существование на другое, еще более неприметное. И если теперь власти сумеют проследить цепочку событий и выйдут на него, это уже не будет иметь большого значения: к тому времени Хэдли Крассен попросту перестанет существовать.

Забрав дипломат, агент взял напрокат аэромобиль — все еще по документам Пола Лэнгли — и прилетел на нем в аэропорт Канзас-Сити. При-

быв туда, он подтвердил бронирование уже заказанного билета на суборбитальный рейс до Лондона через две недели. И сменил свою личность.

Он запер все бумаги Лэнгли, включая билет до Лондона, во взятом напрокат аэромобиле, а ключи от него спрятал внутри стойки шасси. Затем, имея при себе только бумаги Крассена и полностью избавившись от всего, что могло связать его с Полом Лэнгли, спустился на два этажа многоэтажной стоянки, отыскал аэромобиль Крассена и отправился в десятидневное турне по Северной Америке, каждый раз ночуя в новом отеле. Все это время он убедительно играл роль отпускника, у которого в избытке денег и времени, но не хватает идей, чтобы их с толком потратить. С точки зрения его нанимателей, «Лонг-Айлендской химической компании Феллермана», доктор Крассен уехал в двухнедельный отпуск, и любая связь с ним невозможна. Всякий позвонивший ему домой сразу обнаружил бы, что Крассен не запрограммировал домашний терминал инфосети так, чтобы тот переадресовывал ему звонки.

За эти десять дней он не заметил ничего подозрительного. Блуждание по десятку городов, прогулки по террасам и тротуарам, чередующиеся с поездками в автотакси, не выявили никаких признаков слежки. Не заметил он и маловероятных совпадений — вроде одного и того же лица, мелькнувшего в двух разных ресторанах в миле друг от друга, или знакомого из отеля, который «случайно» выбрал тот же бар на другом конце города, чтобы пропустить рюмку-другую. Крассен не любил совпадений. За его посещениями отелей не наблюдали любопытные глаза, выглядывающие из-за газеты в вестибюле, ни в одном из номеров не обнаружилось следов обыска, его машину не осматривали. И поэтому Крассен позволил себе заключить, что он с высокой степенью вероятности «чист».

Он встал, принял душ и побрился; и все это с неторопливой уверенностью человека, давно обдумавшего каждое свое движение и инстинктивно убежденного, что торопливость и ошибка всегда следуют рука об руку. Покончив с этим, он выбрал одежду из аккуратных стопок, разложенных на покрывале второй кровати. Почти невесомое белье, сделанное из ячеек упрочненной нейлоновой сетки, наполненных специальной пеной, могло остановить пулю тридцать восьмого калибра, выпущенную с расстояния более двадцати футов. Брюки, сшитые из прочного и эластичного материала, были просторны в бедрах, но сужались к лодыжкам, обеспечивая максимальную свободу движений; к ним он выбрал рубашку, неброский галстук и удобный пиджак. Туфли были мягкими, легкими и не скользили, позволяя бесшумно перемещаться практически по любой поверхности.

Оставив свой единственный чемоданчик раскрытым на кровати, он сел за письменный стол и выложил на него содержимое карманов и бумажника. Сперва он проверил документы Крассена, методично, один за другим переправляя их обратно в бумажник. Последним оказался пропуск с высокой категорией допуска, размером примерно с половину почтовой открытки; на документе обнаружились его фотография и отпечатки пальцев. Судя по надписи на обложке, пропуск был выдан Департаментом обороны Соединенных Западных Демократий и подписан Джеймсом С. Ворнером, заместителем директора военной разведки.

Агент положил бумажник во внутренний карман пиджака, а ключи от аэромобиля и носовой платок в боковые, оставив карманы брюк пустыми. Все остальное, включая запасную одежду, отправилось обратно в чемоданчик.

Затем он проверил технические записи и лабораторные журналы, составлявшие содержимое чемоданчика, разложил их внутри, закрыл его и поставил перед собой на столе рядом с двумя другими предметами — серой шариковой ручкой и прозрачной пластиковой коробочкой, где лежали, судя по этикетке, капсулы транквилизатора.

Ловкие пальцы Крассена быстро разобрали ручку, и в его ладони оказался цилиндр из прочного тяжелого пластика.

Он отыскал малозаметный выступ возле замка чемоданчика и нажал его, затем отделил ручку, обтянутую декоративными кожаными чехольчиками. Взяв ручку, он нажал на нее, словно переламывая палочку, и она действительно переломилась наподобие охотничьего ружья по разделительной линии между кожаными чехольчиками. Половинки удерживались встроенным шарниром; одновременно вблизи шарнира с щелчком выскочил спусковой крючок. Ручка чемоданчика разломилась на две части разной длины: более длинная составила рукоятку и корпус пистолета, а часть покороче, откинутая на шарнире под указательный палец, превратилась в предохранительную скобу спускового крючка. Привинченный к корпусу серый пластиковый цилиндр стал стволом.

Оружие удобно легло в ладонь — маленькое, легкое, с закругленными углами. Его легко спрятать во внутреннем кармане пиджака. Собранное из пластиковых деталей, напоминающих самые обычные предметы, которыми пользуются каждый день, оно позволяло владельцу спокойно проходить самый строгий контроль любых систем безопасности.

Крассен пару раз нажал на спусковой крючок и удовлетворенно кивнул, отметив плавное перемещение деталей механизма. Затем открыл коробочку и извлек одну из желто-синих капсул. От точно таких же капсул, продававшихся в аптеках, ее отличало то, что желтый кончик был

мягким и скрывал под собой острую, как игла, пульку, спрессованную из быстродействующего нейротоксина. Такая пулька после удара о цель почти мгновенно разрушалась; оружие действовало эффективно на расстоянии до пятидесяти футов, а смерть от нейротоксина наступала через пять секунд. Из ствола пульку выбрасывал заряд сжатого газа, содержащийся в голубом конце капсулы.

Агент извлек из рукоятки обойму, аккуратно вложил капсулу в одно из пяти углублений и вставил обойму обратно, нажимая на нее до щелчка фиксатора. Поднявшись с пистолетом в руке, он взял из вазы с фруктами на столе большой флоридский апельсин и переложил его в пепельницу. Отошел на десять шагов, поднял руку и, прицелившись, выстрелил.

Пистолет издал легкий хлопок, пулька с щелчком врезалась в апельсин. Крассен подошел к столу изучить результат.

В кожуре апельсина примерно в дюйме от центра теперь виднелось отверстие диаметром около четверти дюйма, окруженное тонким валиком измельченной мякоти. Из отверстия вытекал зеленовато-желтый сок. Крассен аккуратно снял кожуру и проверил глубину проникновения и признаки преждевременной или неполной фрагментации пульки. Если бы ему попалась пулька из неудачной партии, у которой центр массы не расположен на оси вращения, то из-за вихляния в полете слишком много энергии будет потрачено на пробой одежды жертвы, а глубина проникновения в тело заметно снизится.

Удовлетворившись увиденным, он вынул из обоймы отработанную капсулу и бросил ее вслед за апельсином в утилизатор, где от них останется только пепел.

Он разобрал пистолет, поставил ручку чемоданчика на место, а вновь собранную шариковую ручку и коробочку с капсулами переложил в застегивающийся на молнию карман пиджака. Едва он кончил, послышался мелодичный звук.

— Крассен, — отозвался он, нажав кнопку на панели.

— Семь тридцать, сэр. Прикажете подавать завтрак сейчас?

— Да.

— Спасибо.

Вспыхнувшая через тридцать секунд лампочка над раздатчиком подсказала ему, что заказ прибыл.

Завтракая, он в последний раз шаг за шагом мысленно перебрал все этапы запланированной на сегодня операции. Обычно он предпочитал работать один, однако в данном случае потребовалось подключить специалистов: вариант одиночки оказался невозможным. Пришлось удов-

летвориться тем, что остальные члены команды были первоклассными специалистами своего дела. С этой стороны поводов для беспокойства не было и быть не могло.

Закончив есть, он развернул экран к столу и активировал клавиатуру. Цепочка быстро набранных команд подключила его к континентальной инфосети и запустила небольшую поисковую программу, уже имеющуюся в системе. Программа получила доступ к адресу в сети и передала его на экран. Процесс был электронным эквивалентом традиционного «одностороннего» почтового ящика: кто-то мог закладывать по виртуальному адресу сообщения, а кто-то их получать, но ни отправитель, ни получатель не знали друг друга.

В сообщении значилось:

ДЖОН, ЗАЙДИ К ПРОФЕССОРУ В НАЗНАЧЕННОЕ ВРЕМЯ.

МЭРИ (7:00)

Итак, все остается в силе, и до семи утра никаких изменений не произошло. Он допил кофе и еще раз подключился к гостиничному компьютеру для расчета. На экране появилась сумма. Крассен вставил в щель кредитную карточку и ввел личный код, обеспечивая компьютеру доступ к своему счету в банке. На экране появилось подтверждение об уплате, а из щели в панели выполз отпечатанный чек, дополненный благодарностью за сотрудничество.

Он поместил чемоданчик в шкаф доставки багажа и оставил инструкцию: доставить его в гостиничный аэромобильный парк на второй этаж, ангар 26. Напоследок еще раз обвел взглядом номер, проверяя, не забыл ли чего-нибудь, затем надел нейлоновую куртку и шляпу и прошел по коридору к лифту.

Пять минут спустя он уселся в пилотское кресло аэромобиля, включил управление и перевел селектор «Ручной/Авто» в положение «Авто». Тут же ожил дисплей:

ВСЕ СИСТЕМЫ ПРОВЕРЕНЫ И ФУНКЦИОНИРУЮТ НОРМАЛЬНО. ВЫБРАН АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ПОЛЕТА.

ВВЕДИТЕ ПУНКТ ПРИБЫТИЯ:

Н Новый

З Запрограммированный

Д Дополнительные услуги

Он нажал клавишу **Н**.

ПОДКЛЮЧЕН АВТОПИЛОТ.

УКАЖИТЕ ПУНКТ ПРИБЫТИЯ.

В груди впервые шевельнулась тревога, и он непроизвольно прикусил губу. Если операция провалена, то он узнает об этом через тридцать

секунд. Крассен медленно и тщательно набрал на клавиатуре:

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ ВООРУЖЕНИЙ.
АНДЕРСКЛИФФ
ЛИНКОЛЬН
НЕБРАСКА

Прошло примерно десять секунд, пока компьютер аэромобиля вел безмолвный диалог с процессорами местного центра управления полетами. Почти наверняка указанный им пункт прибытия привлечет внимание особой программы, работающей где-то в системе. И точно:

ЗАПРОС:

УКАЗАННЫЙ ПУНКТ ПРИБЫТИЯ РАСПОЛОЖЕН В ЗОНЕ ВЫСШЕЙ СЕКРЕТНОСТИ. ДОСТУП В ЗОНУ РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ВЛАДЕЛЬЦАМ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОПУСКОВ.

УКАЖИТЕ:

ИМЯ, ДОЛЖНОСТЬ, КОД ДОСТУПА ИЛИ РЕКВИЗИТЫ ПРОПУСКА ПОСЕТИТЕЛЯ.

Крассен ввел:

ДОКТОР ХЭДЛИ Б.КРАССЕН
СЕКЦИЯ А.8, ОТДЕЛ 39, ФИЗИКА ПЛАЗМЫ
7Х8Н/927380.ВВ

Целую вечность буквы оставались застывшими на экране. Настал момент истины.

Крассен никогда не работал в Андерсклиффе.

В восьмидесяти семи милях от отеля укрытый глубоко под административным зданием Объединенного центра компьютер просканировал полученную информацию и сравнил ее с записями в подсистеме памяти. Отыскал запись о Хэдли Б. Крассене и проверил код доступа. Его вердикт, облеченный в слова, был выведен в инфосеть, и сообщение на дисплее аэромобиля наконец-то сменилось другим:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ.
ЖЕЛАЕМОЕ ВРЕМЯ СТАРТА?

Агент, едва сдерживая ликование, ответил:

НЕМЕДЛЕННО.

На остальной предполетный диалог ушло всего несколько секунд.

РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ ПОЛЕТА 18 МИНУТ. ТРЕБУЕТСЯ ЛИ ПОДРОБНЫЙ ПЛАН ПОЛЕТА?

НЕТ.

ЗАПАС ТОПЛИВА ДОСТАТОЧНЫЙ. ВСЕ СИСТЕМЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНЫ НА УПРАВЛЕНИЕ ИЗ ДИСПЕТЧЕРСКОГО ЦЕНТРА. РАЗРЕШЕНИЕ НА НЕМЕДЛЕННЫЙ ВЗЛЕТ ПОЛУЧЕНО.

Пять минут спустя мужчина, называющий себя Хэдли Крассеном, уже поглядывал вниз с высоты десять тысяч футов. Снизу же его аэромобиль выглядел одной из точек, летящих на запад по воздушному коридору 305, контролируемому диспетчерским центром Омахи.

* * *

Более чем в 1400 милях от агента, в офисном блоке в центре Сан-Франциско на одной из дверей висела табличка, удостоверяющая, что здесь располагается зарегистрированный офис консультанта по промышленному финансированию по имени Дж. Дж. Маршалл. Офис по ту сторону двери выглядел вполне обычно, однако одна из дальних комнат была несколько своеобразной. В ней сидели четверо — трое мужчин и женщина, все в возрасте от тридцати до сорока лет, окруженные дисплеями, панелями, клавиатурами и мешаниной всевозможного электронного и компьютерного оборудования.

Эти люди были лучшими экспертами-компьютерщиками, которыми располагала Марсианская Федерация. В частности, каждый из них был специалистом по системам доступа и безопасности. Работая в этой комнате круглые сутки целых пять предыдущих месяцев, команда сумела добиться того, что большинство экспертов считало невозможным: проникнуть в «суперзащищенную» интегрированную информационную сеть североамериканского Департамента обороны. А к ней, разумеется, был подключен и компьютер в Андерсклиффе.

Сидя в Сан-Франциско, ученые Марсианской Федерации могли извлекать и изменять любую информацию в компьютерных сетях Андерсклиффа и следить за выполнением научных проектов с высочайшим уровнем секретности. Кроме того, при желании они могли внедряться в систему и запускать собственные программы.

Запись о Хэдли Б. Крассене попала в файлы Андерсклиффа, минуя обычные каналы.

Женщина заметила изменение в данных на одном из экранов и ввела команду. На дисплее появились колонки цифр.

— Только что из диспетчерского центра поступили коды вызова и планы полета его аэромобиля и нескольких других, — сообщила она.

— Они все летят туда же, — произнес один из мужчин, сверившись со своим дисплеем. — Утренняя смена работников Андерсклиффа. Диспетчерская программирует местные наземные процессоры и радары слежения в Андерсклиффе и определяет последовательность посадки.

— Значит, он уже совсем близко, — заметил кто-то.

* * *

Агент разглядывал медленно приближающийся пейзаж, составленный из бетонных блоков, лабораторных зданий, куполов, хранилищ и решетчатых конструкций, перевитый нитками дорог и трубопроводов. Все это называлось Объединенным центром исследования вооружений. Аэромобиль плавно снижался к большой прямоугольной посадочной площадке на крыше, которую агент, вспомнив сделанные со спутника снимки, опознал как одну из посадочных площадок для персонала. План Центра он изучил еще до отлета с Марса.

Снижаясь, его мобиль сбрасывал скорость и вскоре завис в тридцати футах над свободным посадочным местом в одном из частично заполненных рядов. Оптический сканер выдал ему на экран вид посадочного места, и он, убедившись, что там все в порядке, дал компьютеру команду начать заключительную стадию посадки.

Три минуты спустя он уже шел с чемоданчиком в руке к контрольному пункту на крыше, который ему придется преодолеть, чтобы попасть в Центр. Поскольку было начало рабочего дня, перед ним стояло человек пять или шесть, перебрасываясь приветствиями. За дверью располагался КП, а завывание турбин мобилей над головой оповещало о прибытии других сотрудников. Никто не обратил на него внимания, когда он пристроился следом за двумя громко разговаривающими мужчинами и проследовал за ними в дверь мимо двух вооруженных охранников в стальных шлемах.

Войдя, двое впереди передали ручной багаж работнику за стойкой, который сунул его в лючок в стене для дальнейшей проверки. Агент тоже отдал свой чемоданчик. Пока что он не заметил места для личного досмотра, который, как ему было известно, еще предстоял.

Следуя за болтающей парочкой, он встал в короткую очередь, медленно ползущую к столу, где проверяли пропуска. Кто-то из вновь прибывших почти сразу пристроился следом за ним. Агент внимательно наблюдал за проверкой, стараясь приметить возможные отличия от процедуры, которую ему описали на инструктаже, но ничего нового не заметил. Те, кто готовил его миссию, потрудились на совесть.

Стараясь не встретиться взглядом с сидящим за столом офицером безопасности, он достал из пропуска магнитную карточку, сунул ее в щель считывателя и набрал на клавиатуре контрольный код. Затем прижал большой палец к стеклянной пластинке рядом с щелью и произнес в микрофон:

— Хэдли Б. Крассен. 7X8H/927380.BB.

Компьютер отыскал личный файл Крассена и сравнил хранящийся

там контрольный код с тем, который был введен с клавиатуры. Коды совпали. Отпечатки пальцев и голос — тоже.

— Кажется, я вас прежде не видел, — сказал сидящий за столом офицер службы безопасности, разглядывая Крассена из-под прищуренных век.

— Я всего пару дней как начал здесь работать, — спокойно ответил агент, сохраняя на лице туповатое выражение рано поднявшегося человека.

— Ваш пропуск, пожалуйста.

Агент протянул ему пропуск и стал равнодушно наблюдать за тем, как офицер быстро осматривает карточку и внимательно сравнивает фотографию с оригиналом.

— Кто ваш начальник?

— Профессор Гендерсон, отдел 39, физика плазмы.

Офицер взглянул на свою панель, где светилась цепочка зеленых огоньков, подтверждающих положительные результаты компьютерной проверки, кивнул и вернул пропуск.

— Все в порядке. Надеюсь, вам понравится работать в Андерсклиффе, доктор Крассен.

— Спасибо.

Агент вытащил из щели магнитную карточку, сделал два шага вперед и остановился, чтобы прикрепить ее к лацкану пиджака. Затем подошел к стойке и взял свой чемоданчик.

Впервые за последние несколько минут он позволил себе немного расслабиться и долго, медленно выпускал воздух из легких, избавляясь вместе с ним от накопившегося напряжения. Он прошел. Проник туда, куда проникнуть невозможно. Он знал, разумеется, что кажущаяся простота его успеха иллюзорна; настоящая работа была проделана задолго до этого дня многими специалистами.

Он спустился в лифте на первый этаж и вышел из здания через высокие стеклянные двери, выводящие на широкие низкие ступени, где он на некоторое время остановился, запоминая географические подробности этой части Центра, особенно подходы к зданию, из которого он только что вышел. Затем, руководствуясь полученными на инструктаже сведениями, прошел по лабиринту проходов между зданиями и поднялся в кафетерий на третьем этаже жилого блока.

Когда он переходил с места на место, детекторы над каждой дверью принимали сигнал, передаваемый микросхемой, вмонтированной в пропуск. Все сигналы, принимаемые детекторами по всему Центру, контролировались компьютером, который непрерывно сравнивал их с табли-

цей, где для каждого сотрудника хранились коды допуска в конкретное здание, на этаж, в отдел или комнату. Любая попытка нарушить систему ограниченного доступа немедленно включила бы сигнал тревоги. Таким способом система наблюдения обеспечивала автоматическую проверку всех, кто входил в запретные зоны, и по запросу распечатывала списки тех, кто находился в конкретном помещении в любой день и час.

Компьютер не был запрограммирован отслеживать перемещения работников по территории Андерсклиффа, хотя поступающие с детекторов данные позволяли с легкостью решить эту задачу. Создатели системы просто не видели смысла в такой функции. Но ученые Марсианской Федерации из Сан-Франциско увидели.

И разработали свою программу, которая, пользуясь данными, извлеченными через инфосеть из компьютера слежения, позволяла следить за перемещениями как агента, так и его будущей жертвы. Поэтому они обладали всей информацией, необходимой для вывода своего агента на цель.

Агент уселся за пустой столик возле стены кафетерия и неторопливо выпил чашку кофе, дожидаясь, пока прибывающие на работу сотрудники Центра разойдутся по отделам. Минут через двадцать он встал и вышел в вестибюль, где возле входа стояли кабинки инфосети. В электронном почтовом ящике его ожидало новое сообщение:

ДЖОН, ПРОФЕССОР ЖДЕТ ТЕБЯ ДОМА ОДИН.
МЭРИ (9:32)

Итак, как он и предполагал, Брозлан сейчас один в своей квартире в жилом секторе Андерсклиффа. Недели терпеливого анализа данных, извлеченных из компьютера слежения, позволили установить, что профессор никогда не покидает квартиру раньше половины одиннадцатого. То ли он привык по утрам работать один и лишь потом отправляться в лабораторию биофизики, где проводил большую часть времени, то ли просто не хотел рано вставать. Какая, собственно, разница? Агент знал все, что ему требовалось.

Он вышел из кабинки, спустился на первый этаж и стал дожидаться одного из вездесущих авточелноков, снующих по всей территории Центра, — того, что следует в жилой сектор. Восемь минут спустя портье у входа в третий жилой блок с удивлением увидел, как высокий и худощавый человек в шляпе и с черным чемоданчиком в руке быстро прошел мимо него, коротко бросив через плечо: «Доброе утро». Портье едва успел прочесть на панели перед собой сообщение «ВХОД РАЗРЕШЕН», как незнакомец уже шагнул в лифт в дальнем конце холла.

Жилой сектор был задуман как зона высокой безопасности, и, не считая ученых и работников особой категории, живших внутри перимет-

ра Андерсклиффа, доступ туда имела лишь горстка привилегированных сотрудников. Тем не менее компьютер слежения убедился, сверившись с контрольной таблицей, что обладатель кода, присвоенного Хэдли Крассену, имеет право свободного перемещения по всей территории Центра.

Выйдя из лифта на втором этаже, он уже нес чемоданчик левой рукой, а собранный и заряженный пистолет лежал в правом кармане пиджака. Агент медленно и бесшумно пошел по коридору и миновал дверь с табличкой «Брозлан», даже не замедлив шага и не повернув головы. В конце коридора он остановился, развернулся и так же медленно пошел обратно, отыскивая взглядом телекамеры на стенах и потолке. Ничего не обнаружив, он вернулся к двери Брозлана, постоял, прислушиваясь секунд десять, и прижал кончик большого пальца к пластинке на дверной раме. Еле слышимый щелчок подтвердил, что замок сработал.

Сведения о том, кому следует открывать каждую из тысяч дверей Центра, тоже хранились в компьютере слежения. Официально замок на двери Брозлана мог сработать от прикосновения пальца только четырех человек: самого профессора, коменданта третьего жилого блока, менеджера по обслуживанию и дежурного врача. Тем не менее каким-то образом к этому списку был добавлен и пятый отпечаток, совпадающий с тем, что хранился в личном файле Хэдли Б. Крассена.

Войдя, агент остановился и тихо закрыл за собой дверь. Одна из выходящих в маленькую прихожую дверей была приоткрыта; из-за нее слышались покашливание и шуршание бумаг. Агент приблизился и заглянул в щель.

Комната была завалена книгами, бумагами и научными журналами, а дальнюю ее стену полностью закрывали книжные полки. За столом перед полками сидел седой мужчина лет под шестьдесят в простом сером костюме и сортировал какие-то документы. Агент опознал его мгновенно. Он быстро и бесшумно проскользнул в приоткрытую дверь и, сделав три по-кошачьи плавных шага, оказался перед столом с поднятым пистолетом.

— Руки держать на столе. Не двигаться. Не шуметь.

Седая голова удивленно дернулась. Изумленно распахнутые глаза с ужасом уставились на зловещую фигуру.

— Вы... вы из Федерации?

Агент отметил легкий марсианский акцент в голосе профессора и кивнул:

— А вы профессор Мэллеборг Брозлан. Бежавший с Марса предатель Федерации.

Брозлан увидел в немигающих серых глазах холод и понял, что надеяться ему не на что, но все же попробовал разыграть единственно возможный гамбит:

— А вам не сказали, почему я бежал на Землю? Вы никогда над этим не задумывались?

— Это меня не интересует.

— Но это очень важно! Разве вы не понимаете, что...

Глухой хлопок и приглушенный щелчок прозвучали одновременно. Профессор откинулся на спинку стула, глаза его широко раскрылись. Тело оцепенело, костяшки стиснутых пальцев побелели. Через несколько секунд его глаза остекленели и уставились в бесконечность. Вокруг маленького отверстия в рубашке на дюйм левее ключицы стало расплываться красное пятно.

Агент выждал еще несколько секунд, затем обошел стол и приподнял подбородок профессора. Голова бессильно свесилась на бок. Потом он убедился, что пульс на шее не прощупывается, но все же для гарантии опять поднял пистолет, поднес ствол к мышцам возле сонной артерии и плавно нажал на спуск.

Спустя минуту он вышел из третьего жилого блока и сел в проезжавший мимо авточелнок. Удаляясь, он услышал вой сирен мчащейся машины скорой помощи. Машина, взвизгнув тормозами, остановилась перед жилым блоком и извергла трех медиков, которые метнулись в дверь быстрее, чем стихло эхо сирены.

Те, кто планировал миссию агента, не могли знать, что шесть недель назад у профессора был серьезный сердечный приступ, после чего ему вживили микроэлектронный кардиомонитор. Передаваемые монитором сигналы непрерывно принимались детектором вроде тех, что улавливали сигналы от опознавательных карточек, и передавались прямо в медицинский центр. Мониторы были запрограммированы включить сигнал тревоги в случае любых нарушений сердечной деятельности Брозлана.

И все же агенту едва не удалось скрыться. Сигнал тревоги поступил на КП через несколько секунд после того, как агент благополучно миновал его. Когда из двери к нему бросились охранники, агент побежал к аэромобилю. Игла с транквилизатором вонзилась ему в шею. Доза в ней была такой, что могла свалить и быка.

* * *

— Доктор, кажется, он приходит в себя.

Женский голос звучал словно издалека. В голове никак не складыва-

лись четкие мысли. Перед глазами мелькали бессмысленные цветные пятна. С расстояния в миллион миль на него смотрели два расплывающихся лица. Он снова отключился.

* * *

Он лежал в комнате, напоминающей больничную палату, но с красноречивыми решетками на окнах. Если не считать стоящего у двери охранника в форме, в комнате находились еще двое — они сидели на стульях возле кровати. Тому, что слева, было лет сорок пять. Темно-синий костюм-тройка, белоснежная рубашка, серебристый галстук. Волосы только начали седеть, верхнюю губу украшали коротко подстриженные офицерские усы, придававшие добродушному на вид человеку некоторую строгость. Его глаза весело помаргивали, словно дожидаясь, пока агент полностью придет в себя. Другой был помоложе — темноволосый, сухощавый, неулыбчивый.

— Позвольте вас поздравить, — произнес через несколько секунд тот, что постарше. — Еще минута, и вам удалось бы скрыться. — Он был несомненным англичанином, скорее всего, армейским офицером.

Агент не ответил, собирая разбегающиеся мысли в нечто более или менее организованное. Самое главное, что миссия увенчалась успехом: он проник в одно из самых охраняемых мест на Земле и выполнил порученное. А все, что происходит сейчас, уже не имеет значения.

Он слегка привстал, чтобы лучше видеть посетителей, и англичанин поправил подушки за спиной, помогая ему сесть. Наступило долгое молчание.

— Я где-то допустил ошибку? — спросил наконец агент.

Голос его прозвучал монотонно и устало... но с любопытством.

— Ошибку? Нет, старина, никакой ошибки вы не совершили. Назовите это случайностью. Подробности могут и подождать. Сейчас нам хочется узнать от вас другое...

Агент откинулся на подушку и закатил глаза к потолку, изображая скуку.

— Вы будете удивлены, узнав, как много мы уже знаем, — продолжил англичанин, нимало не смутившись. — Вы агент Марсианской Федерации, прибыли к нам через космопорт имени Рузвельта за десять дней до акции в Андерсклиффе под именем инженера-структурщика Пола Лэнгли, а приняв роль Хэдли Крассена, провели некоторое время, разъезжая по континенту для проверки своего прикрытия. Если хотите, могу дать перечень мест, где вы побывали.

Лицо агента осталось бесстрастным, но внутри шевельнулся червячок тревоги. Если они так много о нем знают, то как же ему удалось проникнуть в Андерсклифф?

— Давайте сначала познакомимся и докажем, что мы цивилизованные люди, — вновь заговорил англичанин. — Я полковник Артур Бэрлинг, а это Карл Мэй. Наши функции пока не должны вас беспокоить. А вы?..

Он подождал. Агент хранил молчание.

— Неважно. Назовем вас пока Хэдли. Не возражаете? — Он помолчал, но ответа не последовало. — Очень хорошо, Хэдли, а теперь займемся делом. Очевидно, что вас после тщательной подготовки послали устранить Брозлана. Столь же очевидно, что вы член весьма специализированной команды профессионалов. — Молчание. — Только представьте: столько усилий, столько людей, такие расстояния... и все ради одного заштатного профессора. Человек с вашим интеллектом наверняка задумается над тем, какую же ценность представляет Брозлан. Но я знаю, что людям вроде вас никогда подобное не сообщают.

Полковник несколько секунд смотрел на него молча, словно взвешивал что-то в уме. Карл Мэй, хмурясь, продолжал сидеть. Агент предположил, что задача Мэя — наблюдать за каждым его движением и реакциями на слова Бэрлинга. Несомненно, где-то есть и скрытая камера.

Полковник продолжил монолог, что, по мнению агента, было нащупыванием слабых мест.

— Нас с вами разделяет старая, очень старая проблема, не так ли, Хэдли: Новый Мир пытается вырваться из-под ограничивающего влияния Старого. С одной стороны — прогрессивная новая идеология бывших колониальных городов-государств, а с другой — сравнительно консервативные и связанные традициями режимы Земли. — Бэрлинг развел руками. — И мы вновь слышим старую песню об угнетенных народах, страстно желающих освободиться и пойти своим путем. Но на самом деле перед нами кучка оппортунистов, увидевших поживу. Поэтому они и начали кормить вас все теми же древними баснями о свободе, справедливости и тому подобном... и самое удивительное, что люди вроде вас все это проглотили. — На лице англичанина мелькнуло болезненное удивление. — Неужели вы и в самом деле верите, что народу хоть на грош станет лучше, если Марс пойдет своим путем? Возьмем тех, кто послал вас на эту «прогулку». Вы сами убедились, к каким методам они прибегают и насколько неразборчивы в средствах. Так какое, по-вашему, общество они создадут, если им не придется ни перед кем отвечать?

Неужели это и есть то самое «дело», за которое вы столь решительно настроены сражаться?

Англичанин смолк и вопросительно взглянул на марсианина, но был вознагражден лишь каменным безразличием. Агент презрительно молчал. Он знал, что подобные насмешки — намеренная провокация, и если он позволит вовлечь себя в спор, не успев обрести окончательную ясность ума, то это станет первым шагом к поражению.

Бэрлинг зашел с другой стороны:

— В любом случае, из этой затеи ничего не получится, разве не так, старина? Марс полностью зависит от промышленных и природных ресурсов Земли. До тех пор, пока это простое соображение остается верным, любые разговоры о независимости останутся не более чем иллюзией. А ведь все горячие головы, призывающие к войне за «свободу», скромно умалчивают об этом фундаментальном факте, разве не так? Без нас вы не протянете и месяца.

Челюсти агента сжались, сдерживая рвущийся наружу поток возмущения. Последнее замечание полковника привело его в ярость. Первые десятилетия XXI столетия грозили Земле крахом. Мало того, что все природные ресурсы — нефть, руды и прочие полезные ископаемые — быстро сокращались, но и население, несмотря на жесткие меры контроля, продолжало расти. Более того, распространение западного образа жизни в растущих, как грибы, странах третьего мира означало взрывное увеличение потребности в энергии и высоких технологиях. Ресурсы уменьшаются — население растет — на каждого требуется больше ресурсов. Все это сложилось в уравнение, не имеющее решения...

Вот причины, стимулировавшие эмиграцию на Марс. К середине столетия первая россыпь маленьких поселений превратилась в самостоятельные города-государства, позднее объединившиеся в Федерацию. И именно в лабораториях и исследовательских институтах Марсианской Федерации, где работали потомки ярких и предприимчивых личностей, родился ответ на проблемы Земли.

На Марсе нет природных ресурсов, заслуживающих упоминания. Не имея биосферы, гидросферы и фактически атмосферы, планета никогда за всю свою историю не знала процессов выветривания, эрозии и биологической активности, а также морских осадков, наполнявших сокровищницы Земли. Но пионеры и не надеялись их здесь отыскать. Они жаждали совсем иного — свободы. Свободы от удушающей бюрократии, контроля и юридического крючкотворства, свободы решать свои проблемы самим. И первой же проблемой стала чудовищная стоимость

доставки тонны любого груза с Земли; а к тому времени даже на Земле стоимость большинства материалов была впечатляющей.

В ответ ученые Марса воплотили в реальность многовековую мечту, но уже в масштабе, о котором алхимикам и не грезилось. Они разработали технологию трансмутации элементов. Марсианские пустыни перестали быть бесполезными. Элементы, из которых состоят горные породы и песок — кремний, кальций и некоторые другие, — теперь стало возможным извлекать, концентрировать и трансмутировать тоннами, производя при этом жизненно важные вещества. Со временем ученые научились использовать созданные элементы для синтеза все более и более сложных материалов, пока не настал момент, когда буквально все необходимое можно было производить из нескольких распространенных и легко доступных местных видов сырья. А огромное количество энергии, нужное для таких процессов, обеспечили термоядерные реакторы.

Новые технологии Марса за считанные десятилетия преобразовали всю промышленность Земли, и надвигающейся глобальной катастрофы удалось избежать. Народы планеты скоро поднялись на такой уровень изобилия, который был немыслим даже для самых убежденных оптимистов всего пятьдесят лет назад. Стоимость произведенных на Земле синтетических материалов упала настолько низко, что для Марса стало экономически невыгодно переделывать свои опытные установки в промышленные, и он снова попал в зависимость от импорта.

А теперь Бэрлинг вывернул этот факт наизнанку и воспользовался им для доказательства того, что Марс не выживет в одиночку. Это Земля не смогла выжить без Марса! Марс оплатил свой долг!

Агент продолжал молчать, но его глаза возмущенно блестели.

— Увы, так мы с вами ни о чем не договоримся, — сказал полковник. — Если мы будем продолжать в том же духе, то разговор станет весьма скучным и превратится в монолог. Хотя я и уверен, что вы найдете повествование о том, почему Брозлан прилетел на Землю, интригующим, у меня предчувствие, что я лишь зря потрачу время. Поэтому я умолкаю. Пусть вам расскажет всю историю другой человек — тот, кто сумеет сделать это гораздо интереснее. — Половник коротко кивнул охраннику, тот повернулся и вышел. Через несколько секунд полковник нарушил наступившую тишину, что-то негромко насвистывая. Лицо агента осталось бесстрастным, но зародившееся сомнение окрепло.

Что-то было не так. Словно отдаленный сигнал тревоги. Тон и манеры англичанина не соответствовали ситуации. Агент не ожидал упреков или обвинений; он уже понял, что Бэрлинг профессионал — из тех, кто знает, как надо играть в подобные игры. Но беззаботность англичанина

была искренней. Если ликвидация Брозлана оказалась столь важна для Федерации, то, следовательно, его гибель должна была выглядеть катастрофой для Западных демократий Земли. Но Бэрлинг, кажется, не видел в случившемся ничего трагичного.

Охранник вернулся, пропустив вперед человека, наверняка ожидавшего приглашения за дверью. И впервые за все время железный самоконтроль агента дал сбой. Выпучив глаза, он уставился на гостя и распахнул безмолвный рот, словно увидел призрака...

— Доброе утро, — произнес профессор Мэллеборг Брозлан.

Время словно остановилось. Впервые в жизни колесики в голове агента перестали вращаться. У него не родилось ни единой связной мысли, ни одно слово не сорвалось с губ. Перед ним стоял живой человек, но столь же несомненным был и тот факт, что профессор, которого он оставил в Андерсклиффе, был полностью, абсолютно и бесповоротно мертв.

— Удивлены? — Полковник не сумел скрыть легкого удовлетворения.

Агент закрыл глаза и откинулся на подушки.

— Как?.. — еле слышно прошептал он. — Как такое возможно?

— Ага, вам стало интересно! Вам необходимо все выяснить, верно?

Агент ошеломленно кивнул, не открывая глаз.

— Прекрасно. — Пауза. — Профессор?

Охранник поставил возле кровати третий стул. Брозлан сел. Он, несомненно, следил за ходом разговора еще за пределами комнаты.

— Возможно, среди нас было несколько горячих голов. — Он медленно кивнул седой головой. — Но идея истинно независимой марсианской цивилизации, способной обратить себе на пользу уроки и ошибки, записанные в истории Земли... Шанс начать все заново... То была мечта, воспламеняющая воображение и пробуждающая чувства практически каждого молодого человека моего поколения. — Профессор взглянул на фигуру, лежащую на кровати. — Уверен, вы понимаете, о чем я говорю.

Взгляд агента невольно приковывал человек, сидящий всего в нескольких футах от него. Брозлан реален, он жив... и теперь спокойно и без гнева разговаривает с тем, кто без малейшего колебания убил его.

— Но как такое возможно? — вновь прошептал агент.

Брозлан взглянул на него холодно, но без злобы. Когда он заговорил снова, в его голосе прозвучала горечь.

— Вы ничего не знаете о силах, действующих на Марсе. Вы допустили, чтобы вами манипулировали люди, которых интересует только собственное благополучие... Когда-то нечто подобное случилось и со мной.

— Я не понимаю. — Несмотря на твердое решение не вступать в ди-

алог, агент не смог удержаться от нового вопроса. — О каких силах вы говорите?

— О науке! — Голос Брозлана слегка дрогнул от волнения. — О силе науки. Под куполами Марса сейчас живет несколько лучших умов в истории человечества. Подумайте о событиях последних двадцати или тридцати лет. Подумайте о количестве крупных научных открытий и достижений, родившихся в лабораториях Марса... Сама наука гравитика и первый действующий гравитонный двигатель; трансмутация элементов в промышленном масштабе; крупнотоннажный синтез сложных молекул; компьютерные биокоммуникации; генетическое программирование... Список можно продолжить. Но прошу заметить: все знания, добытые в лабораториях, так и не стали общественным достоянием. Там происходили — да и сейчас происходят — такие события, о которых люди абсолютно ничего не знают.

Агент несколько секунд изумленно разглядывал ученого.

— Неужели вы намекаете на то, что вы — реинкарнация Брозлана? — ахнул он. — И что-то в этом роде стало возможным?

Брозлан быстро покачал головой.

— Нет, ничего похожего. Позвольте начать сначала. — Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил: — Я физик. Моя специальность — структура молекул. Как вам известно, практически все промышленное сырье ныне синтезируется из трансмутированных элементов — с применением технологии, первоначально отработанной на Марсе. — Агент кивнул, не сводя с профессора глаз. — Используемые сейчас синтетические вещества аморфны по своей природе — у них отсутствует высокоорганизованная внутренняя структура. По сути, современные процессы выдают огромное количество молекул определенного вида, не собирая эти молекулы в агрегаты с более высоким уровнем организации. — Он набрал в легкие воздуха и произнес: — Исследования, которыми я занимался, продвинули эту идею на шаг вперед.

Агент смотрел на него с любопытством. Брозлан не продолжил сразу, но показал жестом на графин с водой, стоящий на столике возле кровати. Карл Мэй подал ему стакан. Напившись, профессор встал и принялся расхаживать от кровати к окну и обратно, заложив руки за спину.

— Чтобы производить весь спектр материалов, которые требуются на Марсе, недостаточно лишь синтезировать или импортировать в крупных масштабах неструктурированные молекулы. Необходимо научиться воспроизводить, например, кристаллическую структуру металлических сплавов или полимерные цепочки органических веществ — то, что име-

ется на Земле в изобилии, но практически полностью отсутствует на Марсе.

— Я думаю, что здесь используются традиционные методы обработки сырья, — пробормотал агент. Теперь он не возражал против разговора — до тех пор, пока вопросы задает он. Узнав как можно больше о происходящем, он получит преимущество.

— На Земле — да, — ответил Брозлан. — Первичное сырье стало дешевле прежнего, потому что теперь оно синтетическое. Но из этого первичного сырья все нужное — сталь, прокат, заводские изделия и тому подобное — необходимо изготовлять традиционными промышленными способами. Поэтому их себестоимость примерно такая же, как и прежде, а после транспортировки на Марс они становятся очень дорогими.

— Если их отправлять с Земли, — согласился агент. — Но зачем? Почему бы не создать всю промышленность у себя?

— Мы могли бы так поступить, — кивнул Брозлан и нахмурился. — Но эта идея не нашла отклика. В нашем распоряжении оказалась девственная планета, на которой не было нужды слепо придерживаться каких-либо традиций. Нам не хотелось рабски копировать прежние методы. Мы могли бы потратить целые состояния на возведение земных промышленных комплексов, а после завершения обнаружить, что их технологии устарели. Видите ли, мы были убеждены, что должен существовать иной выход.

Агент на мгновение задумался.

— Но какой? — озадаченно спросил он. Глаза Брозлана блеснули:

— Представим себе детали, которые идут на сборку крупного агрегата. Как делаются эти детали? Ответ: берется кусок нужного материала и удаляется все лишнее, пока не остается вещь нужной формы. Это основа любого традиционного промышленного процесса. Удалить ненужное, чтобы осталось необходимое.

— Понятно, — пожал плечами агент. — А каков другой путь?

— Осаждение! — воскликнул Брозлан и пристально уставился на агента, словно ожидал от него возражений. Увидев его непонимающий взгляд, Брозлан пояснил: — Вместо того, чтобы удалять лишнее, получая нужную деталь, можно осаждать материал и получать деталь необходимой формы.

— С помощью гальваники? Это далеко не новость!

— Идея стара, — согласился Брозлан. — Но способ ее осуществления совсем иной. Видите ли, электролитическое осаждение пригодно лишь для некоторых металлов. А мы работаем с молекулами любого вида.

— Так вы хотите сказать, что можете сделать что угодно из чего угодно — то есть любое вещество? — удивился агент.

— Вот именно! Причем, не обязательно из молекул одного вида. Можно смешивать молекулы как угодно. Например, изготовить монолитный блок из фосфористой бронзы на одном конце и полиэтилена на другом, и один материал будет плавно переходить в другой. Это открывает совершенно новые возможности для инженерного конструирования. Весь процесс управляется компьютером. Дизайнер может составить программу для получения любой нужной детали из любого материала или любой комбинации материалов — молекулу за молекулой, если ему действительно нужен такой уровень чистоты и если ему хватит терпения и мощности процессоров для его осуществления.

— Молекулу за молекулой... — пробормотал агент с нескрываемым изумлением. — Невероятно...

— Тем не менее это реально, — подтвердил Брозлан. — На Марсе уже несколько лет работают экспериментальные предприятия, производящие продукты лучшего качества и гораздо более дешевые, чем аналогичные продукты, изготовленные на предприятиях Земли — даже то, что производится из органического сырья: бумага, жиры, масла, сахар... назовите что угодно сами.

— Жиры... пища... бумага... и все они синтезируются из трансмутированных элементов? — Агент сидел, раскрыв рот, и отчаянно пытался усвоить эту мысль. — Но почему мы никогда не слышали об этом?

— Политика, — вздохнул Брозлан. — К тому времени мышление лидеров федерального правительства изменилось. Они стали рассматривать эти открытия не как потенциальное благодеяние для всего человечества, а лишь как средство для достижения своих целей через полную экономическую автономию. Их больше устраивает, если Земля останется позади, а ее промышленность не сможет конкурировать с новой марсианской. Власти Федерации жестко контролировали нашу работу, накрыв ее завесой строгой секретности. Вот почему лишь считанные специалисты знали, чем мы занимаемся. Отсюда же растут и корни движения за независимость Марса. От этой независимости выигрывает лишь горстка высших чиновников, а вовсе не большинство.

— Интересно, Хэдли, верно? — вступил в разговор полковник, резко поворачиваясь к кровати. — Но если вы считаете, что в такое трудно поверить, то слушайте продолжение. — И он кивнул Брозлану.

— Это был лишь один аспект исследований, проводившихся в то время, — продолжил профессор. — Другим были работы доктора Франца Шимана по структурному сканированию пучками нейтрино. Понимаете,

доктор Шиман разработал метод сканирования материальных объектов и извлечения из нейтринных пучков после декодирования полной информации о расположении атомов и молекул внутри объекта — аналогично тому, как старинная телекамера кодирует информацию, заключенную в визуальной сцене. — Брозлан перевел дух. — А настоящий прорыв наступил тогда, когда мы объединили метод Шимана с процессом молекулярного осаждения, о котором только что шла речь!

Наступило долгое молчание — агент осмысливал слова профессора. Потом его глаза медленно раскрылись и ошеломленно уставились на Брозлана.

— Да вы шутите... — выдохнул наконец агент.

— Камера для материальных объектов! — подтвердил слова Брозлана полковник. — Да, Хэдли, вы правильно мыслите. Теперь можно сканировать объект и записать его полный структурный код. На основе этого кода можно создать компьютерную программу, управляющую процессом осаждения. Результат: безупречная копия, верная с точностью до молекулы. И, разумеется, если можно сделать одну копию, то никто не мешает сделать их сколько угодно. Подумайте об этом, Хэдли...

Агент задумался. Изобилие сырья почти по бросовым ценам и возможность трансформировать его в любой предмет, у которого уже имеется оригинал — да это же осуществленная мечта о Золотом Веке!

Вероятно, что-то в выражении лица агента выдало обуревающие его чувства. Полковник кивнул.

— Подумайте также и о более отдаленных последствиях, — предложил он. — Что произойдет, если кто-то предложит подобную технологию сложной и установившейся экономике планеты, например, экономике Земли? Допустим, вы изготовили прототип домашнего терминала инфосети, — он указал на панель неподалеку от кровати. — Теперь вы можете «клепать» их миллионами и почти бесплатно. А что произойдет в таком случае с электронной промышленностью, работающей традиционными методами? Что станет с промышленностью, снабжающей ее электронными компонентами? Или штекерами, разъемами, стойками, корпусами и тому подобным? А что станет с зависимыми индустриями — офисным оборудованием, мебельной промышленностью, обработкой информации, торговлей недвижимостью и так далее до конца списка? Разве смогут они выжить, если две трети их клиентов разорится? — Полковник воздел руки. — Всему конец, Хэдли. Полный коллапс. Что вы станете делать, если девяносто пять процентов населения планеты внезапно останется без работы? Как сможет выжить при подобной катастрофе всепланетная экономика, чьи корни уходят в столетия эволюции?

— Понимаете, — добавил Брозлан, — именно это и собиралось сделать федеральное правительство. Они хотели как можно быстрее создать гигантский марсианский промышленный конгломерат на основе новой технологии и завалить рынки Земли товарами по бросовым ценам.

— Экономика Земли потерпела бы крах, — подтвердил Бэрлинг.

Однако агент покачал головой.

— Люди способны приспосабливаться к новшествам, — сказал он. — Прогресс остановить невозможно. Что вы скажете о промышленной революции девятнадцатого века в Англии или о том, как за пятьдесят лет после второй мировой войны три четверти мира совершили скачок из феодальной экономики в атомный век? Все это в свое время вызывало проблемы, но люди приспособились и в результате стали жить лучше.

— Но на все эти изменения ушло определенное *время*, Хэдли, — возразил Бэрлинг. — Вы правы, со временем люди приспосабливаются к чему угодно. Но вот как раз это горячие головы из Федерации не готовы предоставить. Им это не нужно. Марсианское общество невелико и гибко. Марс способен перейти на новую экономику и добиться процветания в течение одного поколения. Земля не может. Образно говоря, Земля за одну ночь будет отброшена в средневековье.

К счастью, некоторые здравомыслящие ученые, включая Брозлана, отговорили их от подобного шага. Они доказали, что Земля прибегнет к любым средствам, вплоть до межпланетной войны, лишь бы этого не допустить. А при том балансе сил, что существовал некоторое время назад, Марс не продержался бы и недели. — На мгновение полковник нахмурился и ударил кулаком по ладони. — И нам пришлось бы так поступить, — сказал он.

Агент пришел к выводу, что дальнейший спор на эту тему ничего ему не даст. Пока что ничего из сказанного не приблизило его к объяснению, как здесь оказался Брозлан. Он взглянул на Карла Мэя, который до сих пор не вступал в разговор, и вновь перевел взгляд на ученого.

— Пока что я ненамного поумнел.

— Знаю. Сейчас я отвечу на ваш вопрос, — пообещал Брозлан. — Долгое время мы совершенствовали метод дупликации тайно, стремясь еще больше повысить его разрешающую способность. Примерно десять лет назад мы достигли стадии, после которой можно было начинать эксперимент, задуманный с самого начала, — изготовить аналог живого организма!

— А, как вам такое нравится, Хэдли? — негромко спросил полковник. — Интересно?

Агент с немым изумлением уставился на ученых. Долгое время все молчали.

— Это же абсурд... — пробормотал агент, однако выражение лица Брозлана заставило его умолкнуть. Профессор кивнул:

— Да, мы усовершенствовали процесс до такой степени, что научились дублировать не только пространственное расположение составляющих организм молекул, но и электрическую активность нервной системы. Мы можем воспроизвести в копии все реакции, поведение, привычки и хранящуюся в памяти информацию, накопленную за время жизни оригинала, — другими словами, все те феномены, которые у высших форм живых существ обозначаются терминами «разум» и «память».

Утратив дар речи, агент теперь лишь смотрел на профессора — его мозг отказывался перерабатывать такой поток откровений.

— Мы смогли создать аналог живого организма, — продолжил Брозлан. — Эти копии были неотличимы от оригинала на уровне любых мыслимых тестов. Мы изготовили аналоги крыс, с ходу проходящих лабиринт, на изучение которого у крысы-оригинала уходили недели напряженных усилий... аналоги собак с теми же рефлексами, что были выработаны у оригиналов. На основании данных, собранных в ходе подобных экспериментов, для нас вскоре стало очевидно, что нет никаких причин, по которым нельзя создать аналог человека.

Невозможное предположение, уже формирующееся в сознании агента, внезапно обрело ясность. Его взгляд застыл, устремившись на сидящего возле кровати профессора. Прежде чем он выразил это словами, снова заговорил полковник:

— Подумайте, Хэдли! Можно подвергнуть человека безвредному сканированию и получить в результате код, вобравший все уникальные характеристики его личности — как физиологические, так и умственные. Это код можно хранить в компьютере сколь угодно долго, а затем использовать для создания аналога. Но зачем останавливаться на изготовлении одного аналога? Их можно сделать сколько угодно! И если вас встревожило все сказанное прежде, то как насчет моих последних утверждений?

Он умолк на несколько секунд, чтобы его слова дошли до агента, и заговорил вновь:

— Да, на Марсе было несколько блестящих ученых. Но внезапно создалась ситуация, когда можно не ограничиваться лишь несколькими: теперь гениев можно дублировать! — Бэрлинг подался вперед, буравя агента взглядом. — Подумайте об этом. Каким стал бы XX век, имей он

тысячу Альбертов Эйнштейнов? Как можно воевать с противником, который хранит свою армию в банке данных и попросту восстанавливает потерянных солдат? И вообще, зачем ждать милостей от врага? Свою армию можно сразу сделать вдвое больше, чем у него. Или в десять раз больше...

Агент переводил взгляд с Бэрлинга на Брозлана и обратно, пытаясь усвоить информацию. Ее оказалось слишком много.

— Я в это не верю, — запротестовал он, но не очень убедительно. — Это какой-то трюк.

— Уверяю вас, дело обстоит именно так, — спокойно возразил Бэрлинг и указал на Брозлана. — Разве вам недостаточно доказательства?

Агент проследил взглядом за пальцем полковника и снова замолчал.

— То, о чем упоминал полковник Бэрлинг, реально, — сказал Брозлан. — Не надо обладать особым воображением, чтобы представить, какой хаос затопит цивилизацию. Вся суть жизни — какой мы ее представляем — может оказаться перевернутой с ног на голову.

— Совершенно верно, — согласился Бэрлинг. — Другой пример. Представим крупную промышленную или исследовательскую корпорацию... или любую организацию, если на то пошло. Зачем им тратить десятки тысяч на обучение различных специалистов, когда гораздо проще выбрать нескольких самых способных кандидатов, обучить их, а затем создать нужное число копий?

Он на секунду задумался и заговорил более низким, убедительным голосом:

— И подумайте еще вот над чем, Хэдли: код, управляющий процессом дупликации, можно передать из одной точки в другую самыми обычными средствами связи — по проводам, по радио, по лучу лазера... Следовательно, сканирующая оригинал машина и та ее часть, что воспроизводит аналог, вовсе не обязаны находиться рядом! Можно мгновенно переслать кого угодно и куда угодно! Это станет осуществлением старой научно-фантастической идеи, но с одним отличием — оригинал так и останется в точке передачи.

Заверяю вас, Хэдли, я не шучу. Забудем пока о проблемах экономики. Можете ли вы представить размеры социального, морального и административного хаоса, который наступит, если такого джинна выпустить на волю? Как можно сохранить рассудок в мире, где каждый человек существует в десятках экземпляров? Это не технический прогресс, это взрыв! — Он на несколько секунд смолк и посмотрел на агента, словно не сомневаясь, что подобный поворот разговора спровоцирует новый протест. Однако агент лишь слабо покачал головой.

— Я марсианин, — сказал он. — Вы не сможете это остановить — будет в результате взрыв или нет. Человек всегда найдет ответы на вопросы. Это в его природе.

— О, можно подумать и об ответах, — охотно отозвался англичанин. — Возьмем для примера мгновенные перемещения, о которых я только что говорил. Вот вам идеальный способ послать кого-нибудь на Марс или в другое место... если бы не тот факт, что в результате мы получим двух одинаковых людей — одного здесь, а другого там. Ситуация еще больше усугубится, если человек решит вернуться тем же способом. Так почему бы попросту не устроить так, чтобы передатчик, сделав свое дело, еще и уничтожал оригинал? В конце концов, с точки зрения остальной Вселенной, результат будет выглядеть так, словно человек «перешел» с места на место, верно?

Неожиданный вопрос застал агента врасплох. Он беспомощно обвел взглядом комнату и пожал плечами:

— Возможно.

Полковник потер руки и едва заметно улыбнулся.

— Ага... Но ведь это будет самое настоящее убийство, Хэдли, — возразил он. — Наша юридическая и моральная системы такого просто не выдержат. Позвольте проиллюстрировать свой вывод, задав один вопрос. Допустим, я вам скажу, что мы собираемся переслать вас через подобную систему, и очень скоро вы выйдете из приемника, скажем, в Париже. Ну как, нравится вам подобная перспектива? Осчастливит ли вас такое путешествие? — Он понаблюдал за сменой выражения на лице агента. — М-м-м... нет... вряд ли. Тот факт, что некий индивидуум, который выглядит и мыслит, как вы, материализуется где-то в другом месте, не представляет для вас интереса. Ведь вы-то умрете. Вам претит мысль о том, что между вами и вашим аналогом не будет непрерывности, разве не так? И подобное решение проблемы кажется ошибочным, верно?

Агент вновь промолчал, но выражение его глаз оказалось красноречивее всяких слов. Бэрлинг удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Допустим, я приведу другой довод — нам надо лишь слегка ускорить некий естественный процесс, и тогда каждая молекула вашего тела будет со временем заменена на другую в ходе нормальной регенерации клеток. В теле того Хэдли, который будет жить через шесть месяцев, не останется ни единой молекулы той персоны, что лежит сейчас передо мной. Так с какой стати вам испытывать меньшее чувство непрерывности по отношению к вашему синтетическому аналогу, чем к «натуральному аналогу», каким вы станете через полгода? Логически разницы никакой. Оба процесса идентичны, только один из них протекает несколько

дольше. — Полковник дал время обдумать свои слова и намекнул: — Но все же что-то здесь не так. Мой аргумент вас не убедил. Правильно?

Наконец-то агент слабо кивнул.

— Хорошо, согласен, — отозвался он. — Так что же? К чему нас подводит этот разговор?

— Он подводит к более ясному пониманию того, какие ставки сделаны в этой игре. Мой аргумент не смог вас убедить потому, что в обществе, в котором вы выросли, не существует ничего, что могло хотя бы *настроить* вас на его восприятие. — Полковник на секунду отвлекся, чтобы выглянуть в окно. — Сама эта идея абсолютно чужда идеалам и ценностям культуры, к которой вы принадлежите. Она противоречит вашему воспитанию, мотивам, психологии.

— Но когда-нибудь, возможно...

— Да, Хэдли, *когда-нибудь*... Но это уже другое дело. Как вы сами говорили, человек всегда находит ответы на вопросы. Быть может, когда-то подобные вещи будут восприниматься совершенно нормально — столь же естественно, как воспринимаются сегодня подстройка генетического кода эмбрионов или искусственно выращенные конечности. Быть может, мы заселим другую звездную систему, послав туда корабль с приемной аппаратурой и переслав информацию о нескольких тысячах оригиналов. Возможно, мы станем перемещать людей по всей планете с той же легкостью, с какой передаем сообщения по инфосети. Не исключено, что стандартной практикой станет хранение информационной копии каждого человека в банке данных, и никто из людей не будет больше утрачен безвозвратно.

Но не сегодня, Хэдли, и не при жизни нашего поколения. Господи, да лет пятьдесят уйдет только на выработку планов разумного использования подобных технологий. Нельзя же попросту выпустить их в мир безо всякой подготовки.

— Видите ли, это именно то, что намерена сделать Федерация, — добавил Брозлан, подавшись вперед. — В первый раз нам удалось уговорить их не пороть горячку, но теперь они даже не желают нас слушать. Марс намерен отделиться и искать собственную судьбу. Они представляют себя кем-то вроде потенциальных богов, способных творить реальность усилием воли, и в каком-то смысле бессмертных. Ни одно из традиционных преимуществ Земли больше не имеет значения: ее военное превосходство, экономическая мощь, огромное население, изобилие ресурсов — все это ничего не значит. Марс вступит в новую эру, а Земля превратится в бледную и жалкую тень былого могущества.

— И вы, марсианин, не захотели этого? — потрясенно спросил агент.

Брозлан медленно покачал головой:

— К тому времени я стал старше. Я увидел будущее не с точки зрения Марса или Земли, а всего человечества. Я и мои коллеги решили, что если при помощи открытого нами нового знания человек возвысится до уровня полубога, то сделает это только объединенным в одну расу. Эта новая мощь не должна быть использована в таких целях, которые могут привести к войне. Поэтому мы приняли решение доставить это знание на Землю.

— И вы сбежали, — закончил за него агент. Он кивнул, словно показывая, что об остальном догадался сам. Брозлан перед ответом долго колебался.

— И да, и нет, — произнес он наконец. Агент взглянул на него с удивлением.

— К тому времени я был вынужден работать под постоянным наблюдением службы безопасности Федерации. Прямой побег был невозможен. Поэтому... — он набрал в грудь воздуха, — один Брозлан остался для прикрытия на Марсе, другой прилетел на Землю.

— Профессор создал аналог самого себя, — подтвердил Бэрлинг. — Два года назад один из них прибыл сюда, а другой остался. По каким-то своим причинам он так и не открыл нам, кто из них кто. Но другой Брозлан до сих пор работает на Марсе, а Федерация только через год узнала, что произошло.

Смятение все еще не отпускало агента. Он уже пришел к выводу, что описанный Брозланом процесс дупликации и был объяснением «реинкарнации» ученого, но только что услышанное вновь завело его в логический тупик. Один Брозлан несомненно мертв. Второй столь же несомненно на Марсе. Тогда кто же перед ним? Он с отчаянием переводил взгляд с профессора на Бэрлинга, но прежде чем успел облечь сомнение в вопрос, англичанин сказал:

— Для подстраховки тот из них, кто прилетел на Землю, привез с собой «носитель» микропамяти с копией компьютерной программы, использованной для создания аналога. И теперь, смонтировав в Андерсклиффе нужное оборудование, мы сумели регенерировать Брозлана. Раз в неделю профессор пользовался сканнером для обновления программы свежими воспоминаниями.

Брозлан задрал подбородок и оттянул воротничок, обнажив шею:

— Видите — шрама нет. Да, я аналог, созданный в Андерсклиффе, после того как вы добрались до Брозлана, прилетевшего с Марса.

— И не волнуйтесь по поводу своего рассудка, старина, — ободряюще посоветовал полковник. — Брозлан, которого вы оставили в каби-

нете, был мертв. — Он сухо улыбнулся и добавил: — И нет никакого смысла набрасываться на того, кто сидит перед вами. Мы просто сделаем еще одного.

Агент откинулся на подушки и закрыл глаза, медленно осознавая весь смысл того, что произошло. Все напрасно. Его миссия окончилась крахом. Беспрецедентный пример компьютерного шпионажа — и все впустую!

Он долго лежал молча, потом его губы медленно сложились в слабую улыбку. Грудь вздрогнула от сдерживаемого смеха. Он открыл глаза и посмотрел на англичанина.

— Но вы проиграли, старина Артур, — передразнил он полковника. — Ведь теперь Федерация знает, что моя миссия провалилась. Они поймут, что Брозлан до сих пор работает на Земле, и очень скоро Земля тоже получит подобную технологию. А это означает, что Федерация будет вынуждена сделать свой ход *сейчас* — пока разрыв не сократился. Получится противоположное тому, чего вы добивались. Земле нужно время для разработки технологий. Как только Земля догонит Марс, ее традиционные преимущества уравновесят ситуацию. При наличии технического равенства Марс будет вынужден вести себя дружелюбно, потому что Земля, если придется, сумеет вышвырнуть его из солнечной системы.

И агент снова рассмеялся, теперь уже громко:

— Вы снова все испортили. Знаете, как вам следовало бы поступить? Не надо было мне ничего рассказывать. Нужно было позволить мне каким-то образом скрыться с мыслью о том, что моя миссия оказалась успешной... Я вернулся бы на Марс и предоставил соответствующий отчет. А вы тем временем спокойно продублировали бы Брозлана и работали бы себе дальше, убаюкав Федерацию фальшивым ощущением безопасности. Они снова поверили бы, что обладают полной монополией, и у них в запасе столько времени, сколько им нужно. А когда узнали бы истину, то было бы уже поздно: Земля успела бы подготовиться. — Агент покачал головой, изображая притворное сочувствие. — Вот как вам следовало бы поступить, Артур.

Полковник посмотрел на него и задумчиво пригладил усы. Потом с мягким упреком произнес:

— Но, мой дорогой Хэдли, мы именно так и поступили.

На лице агента отразились смятение и непонимание.

— Я должен извиниться, — сказал полковник. — Я не все успел вам рассказать. — Он развернул терминал инфосети в сторону кровати и набрал несколько команд. — Это некоторые видеозаписи из наших архивов. Полагаю, они ответят на все ваши вопросы.

На экране появилась стоянка аэромобилей.

— Узнаете? — поинтересовался полковник. — Это публичная стоянка международного аэропорта в Канзас-Сити. Мы узнали, что вы направляетесь туда, запросив сеть управления движением, — ведь вы вводили в нее пункт прибытия. Мы просто разместили на каждом этаже стоянки по агенту, чтобы выяснить, куда вы направитесь после приземления. А вот и вы... видите, в сером плаще?

Агент со всевозрастающим изумлением наблюдал на экране, как он сам подходит к одному из мобилей, достает из стойки шасси спрятанные ключи, садится и улетает.

— Разумеется, мы быстро выяснили, что этот мобиль был взят напрокат Полом Лэнгли в космопорту имени Рузвельта. Далее уже не составило труда узнать, что Лэнгли прибыл с Марса, заказал билет на Лондон и в английском космопорту забронировал обратный билет до Марса.

Британские агенты службы безопасности проследили за тем, как вы прошли регистрацию перед посадкой на орбитальный челнок. Мы даже послали кое-кого на промежуточный спутник, чтобы вы не пропустили случайно свой рейс на Марс. Вот... — Бэрлинг коснулся другой клавиши, и на экране появилась короткая очередь перед стойкой регистрации. — Это пассажиры рейса 927 на Марс. А это вы — четвертый в очереди. Корабль вылетел по расписанию, и больше мы вас не видели... вернее, не вас, а Пола Лэнгли.

Полковник выключил терминал и с сочувствием посмотрел на агента. Тот яростно замотал головой:

— Но... эти записи... откуда?

Англичанин нахмурился и пощелкал языком:

— Хэдли, вы меня разочаровываете. Неужели вы не поняли? При захвате вас оглушили транквилизаторами. И вы очень долго не приходили в себя. Боюсь, за это время мы взяли на себя смелость...

Лицо агента перекосил ужас.

— Ага! Кажется, наконец-то дошло. — Полковник одобрительно кивнул. — Да, все верно. Вы не настоящий Хэдли — тот, который прилетел с Марса. На экране вы только что видели настоящего. А вы его аналог.

Он очнулся, помня в точности то же, что и вы — все, что случилось до того момента, когда его оглушили на крыше Андерсклиффа, включая, разумеется, воспоминания об успешном убийстве Брозлана. Однако ему, в отличие от вас, удалось скрыться. Невероятное событие — даже представить не могу, чтобы наша служба безопасности могла бы так опростоволоситься... Остальное вам известно. Думаю, Земля получит передышку, которая ей так нужна.

— Но зачем? — прохрипел агент. Его лоб взмок. — Зачем все это?

— Я же все объяснил в самом начале, старина, — невозмутимо пояснил полковник. — Вы можете нам помочь. К примеру, рассказать об организации, сумевшей взломать одну из наших совершенно секретных компьютерных систем. Где они взяли фальшивую информацию, которой напичкали ее файлы. Как узнали коды доступа. И еще многое другое.

— Нет. — Агент угрюмо стиснул зубы. — Я и сейчас марсианин. И помощи вы от меня не дождетесь.

— Ах, мой дорогой Хэдли. — Полковник печально покачал головой и вздохнул. — Ну как бы вам попроще объяснить... — Он помолчал, подбирая слова. — Вам нет никакого смысла запираться. У следователей прошлого имелась одна серьезная проблема — они могли работать только с одним субъектом. И так легко было разрушить надежду на правильный подход, испробовав сперва неправильные. — Англичанин подмигнул. — Но с вами у нас такой проблемы не возникнет, верно, Хэдли? Мы сможем вернуться к началу много раз, просто изготовив новую вашу копию. И рано или поздно мы добьемся успеха. Может, чуточку узнаем от одного Хэдли, чуточку от другого. Но со временем мы будем знать все.

Он сделал паузу, словно ему в голову пришла забавная мысль:

— А если подумать, то у вас нет способа узнать, первый ли вы вообще Хэдли. И единственный ли? Откуда вам знать, а вдруг сейчас в этом же здании находится десять ваших копий? И с того рокового дня в Андерсклиффе прошел уже год?

Теперь я уверен, что вы сможете понять — мы очень занятые люди и гораздо охотнее потратим время на беседы с разумным и сотрудничающим Хэдли, чем с Хэдли-упрямцем. И вам самому решать, каким Хэдли вы станете. Для нас, в сущности, ваш выбор не имеет особого значения, но для вас разница окажется весьма существенной.

С губ рухнувшего на подушку агента сорвался стон отчаяния, а разум онемел от затопившего его предчувствия абсолютного поражения и безнадежности. Его упорно тренировали и учили распознавать и парировать любую стандартную ситуацию допроса. Все трюки следователей он знал назубок.

Но о такой ситуации никто из его наставников не подумал...

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Игорь КВЕТНОЙ,
доктор медицинских наук

ОТКРЫТКА ИЗ НОВОГО ВЕКА

или

МЕДИЦИНА НА ПОРОГЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Наверное, шесть лет назад, когда Д. Хоган писал свой рассказ, проблемы, поднятые в нем, казались фантастикой. Недаром действие произведения развивается в конце XXI столетия — автор предусмотрительно дал своим героям весьма солидную «фору». И не учел, что время в конце нынешнего века приобрело немыслимое ускорение...

НЕОБЫЧНОЕ ДИТЯ

В Обнинск часто приходят письма со штемпелями Лос-Аламоса, крупнейшего научно-физического и медицинского центра Америки. Специалисты обмениваются научной информацией, посылают друг другу оттиски своих статей, но такой необычной подписи на новогодних открытках, которые получили многие сотрудники в прошлом году, обнинские почтальоны и адресаты не видели никогда. После традиционных пожеланий счастливого Нового Года стояла подпись: «Ваш Хьюмтрен».

Профессора с такой фамилией, работающего в Лос-Аламосе, не знал никто. И лишь позже выяснилось, что за таинственный персонаж скрывается за этой фамилией.

Вот выдержки из репортажа американского журналиста: «В Лос-Аламосе кто-то не спит и круглые сутки ест, дышит, работает, потеет, выделяет всевозможные шлаки, растет, достигает половой зрелости, стареет и когда-нибудь — наступит и такой день — умрет. Вот только не спит. Это единственное «живое» существо, несущее круглосуточную вахту в запутанных и стерильно чистых помещениях Национальной лаборатории, все сотрудники которой одной ногой стоят в настоящем, а другой — в будущем, денно и нощно следя за ходом одного из самых поразительных научных экспериментов».

Существо зовут Хьюмтрен. Это первая в мире абсолютная копия человека. Хьюмтрен — сложная компьютерная программа, и пока он

«неосязаем», но недалек тот день, когда Хьюмтрен получит тело.

Путь от идеи до появления Хьюмтрена на свет составил 20 лет. Все было задумано в 1974 году, когда группа математиков и программистов под руководством Энтони Гальегоса получила задание выразить в цифрах возможные последствия ядерного конфликта между СССР и США. Специалисты принялись за работу, но очень скоро возникли проблемы: слишком много физиологических факторов не поддавалось анализу (возраст и пол человека, состояние его здоровья, биоритмы химических процессов, уникальность генетического кода и т.п.). Иными словами, было очень много разных переменных величин, которые следовало учесть. Обратились за консультациями к биологам в университет штата Миссури, чьи сотрудники в течение тридцати лет собирали архив о всех важнейших достижениях в области физиологии и накопили целую гору данных, касающихся того, что происходит с человеком на протяжении его жизни при учете любых изменений окружающей среды. Несколько лет пришлось потратить математикам, чтобы обработать эти данные и написать очень сложную компьютерную программу, не один год ушел на ее доработку и совершенствование, потом начались испытания, и, вот, наконец в 1994 году на свет появилось долгожданное дитя.

От неожиданного проникновения в организм какого-либо микроба или вируса до страшного радиоактивного облучения тела в результате ядерного взрыва — все учтено и запрограммированно на компьютерном диске, управляющем жизнью и судьбой Хьюмтрена. «В сущности, — говорит один из создателей этой модели, профессор Г. Венцель, — Хьюмтрен это все мы вместе и каждый из нас в отдельности».

Хьюмтрен не спит, хотя ему регулярно «прописывается» необходимая доза сна. Кроме того, он лишен психики. Г. Венцель утверждает: «Снабдить его психологическим аппаратом — дело нехитрое, мы могли бы это сделать хоть завтра, но в настоящий момент нас интересуют только его физиологические реакции. Мы знаем уже, например, что, если бы на него обрушился поток радиоактивных частиц, он испытал бы страх, но нас пока интересует только одно: какой вред принесет это его внутренним органам».

Все, что получает Хьюмтрен (то есть то, что поступает в человеческий организм — вода, пища, воздух), вызывает определенную реакцию. Ученым интересно выяснить, какую именно. Компьютерный человек пьет (естественно, в кавычках) воду, вино и молоко, ест мясо и овощи, мучные изделия, рыбу, даже курит и занимается любовью, его эндокринные железы выделяют гормоны, он может опьянеть, разозлиться и даже почесаться, если, конечно, захочет...

Создатели относятся к своему детищу очень серьезно. «Наш Хьюмтрен — это великий «Если» человечества, — говорит Г. Венцель. — С его помощью мы можем сказать, что будет с человеком, если...»

Хьюмтрен — дитя конца XX века, но расти, получать воспитание и знания он будет в XXI тысячелетии. «Ребенок» воплотил в себе весь опыт многовековой науки о Жизни. Ученые возлагают на него большие надежды, ибо предсказать то, что будет — значит, знать, что надо делать. Сознавая, что делать, будем думать и учиться, как это делать. Когда видишь перед собой путеводную звезду, всегда легче продвигаться вперед.

ПОГОВОРИМ О СВЕТИЛАХ

Много путеводных звезд зажглось на научном небосводе на рубеже веков, и в одном очерке невозможно объять необъятное, поэтому выберем только два созвездия проблем, решение которых в наступающем столетии аккумулирует в себе практически все остальные. Это — искусственное управление функциями мозга и продление человеческой жизни.

У мозга очень много разнообразных функций, и одна из них, пожалуй, во многом определяющая весь ход жизни, — память. Когда мы поймем, как мозг обрабатывает и сохраняет ту лавину впечатлений, которая вливается в него каждую секунду жизни, мы, возможно, научимся управлять памятью с помощью сознания или искусственных внешних воздействий. Тогда воспоминание станет устойчивым, а слово «забыть» исчезнет из человеческой речи.

Не менее важной, чем стимулирование воспоминаний о прошлом, является возможность введения в память новой информации. Писатели-фантасты уже придумали десятки вариантов «машины-педагога» — своеобразного автомата, который, подобно старомодному устройству для завивки «перманент», работает над материалом, находящимся внутри человеческой головы. Такой автомат мог бы за считанные минуты запечатлеть в мозгу знания и навыки, на приобретение которых иным способом у человека уходит вся жизнь. Чтобы зримо представить это, американский писатель Артур Кларк приводит пример с записью музыкального произведения: исполнение симфонии может длиться час, а пластинка с ее записью штампуется за секунды, и при этом пластмасса идеально «запоминает» все, что исполнил оркестр.

Подсчитано, что объем знаний, накапливаемых в мире, удваивается каждые десять лет. В XXI веке этот темп еще более ускорится. При существующем объеме знаний уже недостаточен и двадцатилетний срок обучения, при еще более бурном потоке информации в XXI веке мы будем умирать от старости, не успев научиться жить. Поэтому «машина-педагог» или ее аналог в любой форме — насущная необходимость.

В память человека можно ввести и ложные воспоминания, причем он будет полностью убежден в их достоверности. Искусственные воспоминания, если их научатся создавать, можно будет записывать на ленту и вводить в мозг электрическими и иными сигналами, чтобы они стали формой восприятия чужих ощущений и чувств.

Уже сейчас доказано присутствие в мозге многих зон скопления нервных клеток (так называемых «центров удовольствия» или, наоборот, «неудовольствия»). Показано, что поведением животного и человека можно управлять, воздействуя слабыми электрическими импульсами на определенные участки мозга. При этом индивидуальные особенности личности можно изменить настолько, что злобный пес станет ласковым и общительным, а волк начнет бояться зайца (почти как в известном мультфильме).

Еще одно пока загадочное состояние человеческой психики — сон, на который мы тратим треть нашей и без того короткой жизни. Пока никто не смог доказать, что сон необходим, хотя бесспорно и то, что человек не может прожить без сна больше нескольких дней. Однако известно, что некоторые морские животные никогда не спят, хотя, возможно, отдыхают как-нибудь иначе. Большинство акул, например, должно непрестанно двигаться, иначе прекратится ток воды через жабры, и они погибнут от недостатка кислорода. У дельфинов положение еще труднее — они должны подниматься на поверхность каждые 2—3 минуты, чтобы дышать, и поэтому не могут даже на минуту забыться во сне...

Давно предполагалось, а недавно было доказано, что сон больше психологическая, чем физиологическая необходимость. Некоторые особо одаренные личности, например Эдисон, тратили на сон всего два-три часа в сутки. Науке известны люди, которые после тяжелой травмы мозга не спали по несколько лет подряд без видимых последствий для здоровья. Уже сейчас, в конце XX века, а в XXI и тем более, спутниковое телевидение, общедоступные всемирные компьютерные и телефонные сети, охватывающие все пояса времени, перестроят всю жизнь мира на основе круглосуточного общения. Это, естественно, потребует сокращения времени сна. Поэтому, даже если нельзя совсем отказаться от сна, огромным достижением было бы сокращение его времени до 2—3 часов глубокого отключения сознания, причем необязательно ночью, а по выбору человека — тогда, когда ему это удобнее.

МИР БЕССМЕРТНЫХ

Существует ли вообще предел человеческой жизни? Хотя сейчас мы живем в среднем намного дольше, чем наши предки, но абсолютный предел жизни, по существу, не изменился с тех пор, как до нас дошли первые письменные свидетельства. Библейские семьдесят лет и по сей день остаются средним пределом, как и четыре тысячи лет назад. Смерть (но не старение!) явно необходима для прогресса, как социального, так и биологического. Мир бессмертных, даже если он и не погибнет от перенаселенности, неизбежно вскоре остановится в своем развитии. И все же смерть, подобно сну, видимо, не является биологически неизбежной, даже если она и необходима для эволюции. Анабиоз, если его рассматривать как своеобразное проявление глубокого

общего наркоза, не представляет собой большой опасности для человеческой жизни и может быть вполне доступен уже в начале следующего столетия. Развитие его имело бы большое значение для общества. Люди, страдающие от неизлечимых сейчас болезней, могли бы «перескочить» в то время, когда будут созданы средства для их выздоровления.

Эксперты полагают, что приблизительно в середине следующего века будут разработаны технологии, при помощи которых станет возможным восстанавливать организмы из генетического материала. Возвращать к жизни не только исчезнувшие формы животного и растительного мира, но и людей с их памятью о прошлом и со всеми присущими им чертами личности. Первым шагом на пути к этому является создание хранилища информационного материала биологических объектов. Оно требует специального проекта, и работы в этом направлении уже ведутся, как в развитых странах запада, так и в России.

Продлить молодость, а значит, активную жизнь — достойная задача для будущих биологов и врачей. В XXI веке предполагается развитие двух направлений для достижения этой цели. Первое — молекулярно-клеточная терапия заболеваний, исправление дефектов генетического кода, пересадка органов, микрохирургия, психотерапия, включая биохимическую коррекцию деятельности головного мозга. Вторая группа разработок включает в себя «киборгизацию» — остеопластику, создание искусственных органов с электронным управлением, биоэлектронных органов зрения и слуха, микрокомпьютерных стимуляторов деятельности сердца.

Трансплантация органов — очень перспективное и многообещающее направление в сегодняшней, а тем более и в будущей медицине. Во многих случаях это единственный шанс спасения человеческой жизни. Одно из главных препятствий на пути широкого использования этого направления — нехватка донорских органов, пригодных для использования в качестве трансплантата. Только в США около трех тысяч пациентов умирают ежегодно, так и не дождавшись операции по пересадке органов. Около ста тысяч человек уходят в мир иной, даже не попав в «список ожидания».

Однако уже появились надежды, что в самом начале XXI века все может измениться. Три американские компании («Некстран», «Алексион фармасютиклс», «Биотрансплант») и одна английская («Имутран») работают над генетической подготовкой и разведением свиней, чьи сердце, печень, легкие и почки были бы пригодны для пересадки людям. Первая операция планируется в следующем году, а лет через десять пересадка органов от «специальных» свиней может стать обычным явлением.

Каждый год в США выполняется около 18 тысяч операций по трансплантации органов, а 40 тысяч больных живут в ожидании таких операций. Врачи утверждают, что если бы в их распоряжении было достаточное количество органов для пересадки,

число операций можно было бы увеличить в десять раз. Исследователи, занимающиеся ксенотрансплантацией (от греч. «ксенос» — чужой) — пересадкой органов, когда донор и реципиент относятся к разным видам животного мира, — считают, что свиньи могут стать идеальным источником органов, потому что многие их анатомические, иммунные и биохимические показатели почти идентичны человеческим, они быстро размножаются и свободны от болезней, когда выращиваются в стерильных условиях.

По предварительным подсчетам, приведенным в газете «Нью-Йорк таймс», рынок, созданный внедрением ксенотрансплантации, оценивается примерно в один миллиард долларов ежегодно. Это даст возможность только в США производить каждый год примерно 100 тысяч операций при стоимости одного органа для пересадки около 10 тысяч долларов. Ранее уже предпринимались попытки использования органов от животных для пересадки их людям в тех случаях, когда ждать с подбором соответствующего донора не было времени. Так в декабре 1996 года костный мозг бабуина был пересажен больному СПИДом Джеффу Гетти, чтобы усилить его сопротивляемость смертоносному вирусу (известно, что бабуины не подвержены СПИДу). Гетти выписался из клиники в хорошем состоянии, и врачи считают, что в случае успеха операции можно будет объявить о важном прорыве в лечении СПИДа.

По прогнозам специалистов в области врачебной футурологии, к 2020 году прогресс медицины достигнет такого уровня, что мы почти приблизимся к осуществлению мечты о создании общества без больных людей. Бурный прорыв ожидается в области медицинской генетики. Будет полностью расшифрован генетический код, люди научатся изучать зародыш еще в организме матери для определения наследственных заболеваний и замены пораженных генов. Сейчас это уже делается при гемофилии или серповидноклеточной анемии. Однако еще не менее четырех тысяч заболеваний, вызванных дефектом лишь одного гена, можно предотвратить подобным образом.

У медицины XXI века много и других разных задач, о которых мы здесь не говорили. Но все их объединяет общая цель — здоровье человека. Не правда ли, для достижения этого обществу стоит зарабатывать и тратить деньги?

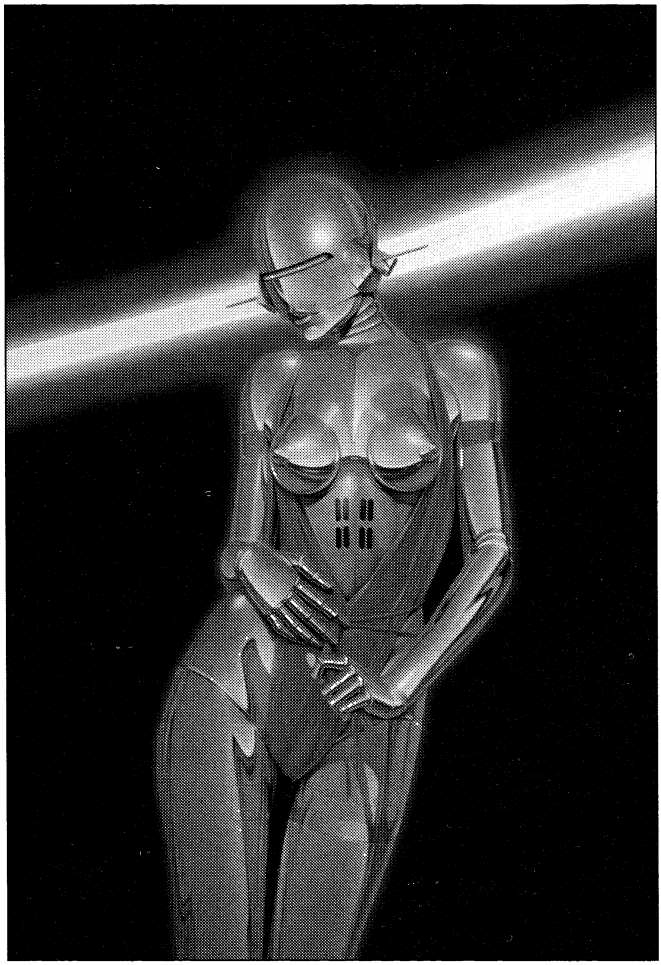
Все умирает на земле и в море,
Но человек суровей осужден:
Он должен знать
о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему,—
Как будто жить
рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

С.Маршак

ДЭВИД ВЕБЕР

«МНЕ ЕЩЕ ЕХАТЬ



ДАЛЕКО...»

Глава 1

ерехожу из низкорежимного состояния «автономная боевая готовность» в режим «нормальная тревожная готовность» для регулярной плановой корректировки. Осознав себя, я посвящаю 0,0347 секунды стандартной диагностике. Все системы работают нормально, за исключением аномалии в двадцать первом катке кормовой гусеницы. Я включаю ангарный сенсор для проверки подвески. Париха, одно из существ, ошибочно прозванных колонистами Санта-Крус «птицами», свила гнездо в верхнем изгибе рычага кручения каткового колеса. Это указывает на нарушение герметичности ангара. Я даю центральному ангарному компьютеру команду обследовать все точки доступа.

Ангарная компьютерная сеть лишена моего самоосознания, однако, невзирая на этот недостаток, действует эффективно и обнаруживает точку разгерметизации за 3,0062 секунды. Крышка контрольно-ремонтного люка номер семьдесят три оказалась вскрыта лианой, вследствие чего париха проникла в ангар. Я командую ангарному компьютеру задействовать автосварочные устройства для заделки бреши. В результате анализа продолжительностью в 0,000004 секунды выясняется, что в ангарный компьютер не заложена соответствующая программа. За 0,0035 секунды я создаю новые рабочие файлы для непрерывного мониторинга всех точек доступа в ангар и автоматического устранения возможных брешей.

Вышеперечисленные действия заняли 3,044404 секунды с момента возобновления режима «нормальная тревожная готовность», после чего я вновь приступаю к изучению гнезда парихи. Его наличие не является препятствием для эффективного выполнения боевых задач, хотя сенсор дает информацию о присутствии в гнезде живого птенца. Посвятив 0,0072 секунды рассмотрению вариантов действий, я командую дистанционным устройствам ангарного компьютера переместить гнездо в безопасное место у отремонтированного вентиляционного люка за пределами ангара. Получив от ангарного компьютера сигнал о приеме моих распоряжений, перехожу ко второй фазе ситуационной оценки.

Согласно моему хронометру, истекло 49 лет, 8 месяцев, 3 дня, 21 час, 17 минут и 14,6 секунды стандартного времени с того момента, когда командир приказала мне перейти в низкорежимное состояние «автономная боевая готовность» вплоть до момента, когда ее заменит

новый командир. Для развернутой системы это недопустимая продолжительность дежурства в отсутствие людей. Я вторично просматриваю файлы в ангарном компьютере, однако не нахожу никаких распоряжений относительно моего беспрецедентно длительного пребывания в состоянии готовности. 4,062 секунды уходит на оценку вариантов объяснения. Несмотря на столь активные аналитические усилия, я не нахожу исчерпывающего объяснения сверхпродолжительной задержки, однако заключаю с долей вероятности в 87,632%: мой командир не ошиблась, заявив, что штаб Сектора считает планету, на которой я несу дежурство, «задницей освоенного мира».

Каковы бы ни были его соображения, штаб Сектора не торопится прислать нового командира. Ввиду тревожности данного вывода я посвящаю 2,007 секунды взвешиванию вариантов собственного реагирования. Согласно моим протоколам «автономное принятие решений», я имею право на нарушение субординации и подачу вопросительного сигнала в Центр управления Сектора при ситуации, отвечающей параметрам экстренности номер четыре и выше, однако проведенный мной анализ данных со спутников и коммерческой компьютерной связи между Санта-Крус и внешним миром не подтверждает наличия угрозы моему посту в настоящее время или в ближайшем будущем. А стало быть, в прибытии нового командира нет насущной необходимости.

Внеся в файлы памяти пометки о повторном анализе ситуации во время следующего планового выхода в режим «нормальная тревожная готовность», я возвращаюсь в состояние «автономная боевая готовность».

Глава 2

Лоренцо Эстебан вышел из кабинета в жару и духоту. Такая погода была обычной летом на Санта-Крус. При виде небольшого космического корабля, приближающегося к посадочному рукаву, окруженному зарослями сорняков, он почесал в затылке. Поле из керамобетона простиралось во все стороны, насколько хватало глаз, и могло принять любой, даже самый большой грузовой корабль, однако в данный момент на нем стоял один-единственный старенький грузовик с эмблемами «Стерненвелт Лайнз», груженный винными дынями. Грузовик был готов к взлету; его сопровождающий так допек Эстебана своей болтовней о приобретении на планете недвижимости, что тот не мог дождаться, пока корабль покинет космопорт.

Никто не знал в точности, зачем на Санта-Крус построили такое огромное летное поле. Оно осталось здесь еще со времен Первой войны с «Жерновами». Считалось, что военные собирались использовать Санта-Крус в качестве промежуточной базы для космического флота. То была только догадка, однако не лишенная смысла, учитывая положение планеты во Вселенной.

Но что бы там ни замышляли военные, их намерениям не суждено было осуществиться, а огромное до нелепости летное поле осталось. Регулярно эксплуатировался только совсем небольшой его кусок. Киудад Боливар, столица Санта-Крус и единственный город, достойный таковым называться, лежал в пятнадцати километрах к северо-западу, где кончалась старая запретная зона вооруженных сил. К северо-востоку раскинулись бескрайние дынные плантации, принадлежавшие по большей части самому Эстебану. Здесь почти не бывало посетителей: сонная фермерская планета находилась в стороне от торговых путей. Винные дыни приносили кое-какой доход, но разбогатеть на них было невозможно, поэтому официальные лица не проявляли никакого интереса к хозяйству Эстебана. По крайней мере, до сегодняшнего дня... Эстебан стал чесать в затылке еще сильнее, увидев на борту только что приземлившегося космического челнока эмблему военного флота Конкордата.

Корабль смахивал на новый трехместный челнок «Небесный ястреб». Эстебан никогда еще не видел эту модель, а только читал о ней в компьютерном бюллетене, предназначенном военными для «К.Б.Ф. Санта-Крус». Он не сомневался, что в компьютерах, отправляющих эти сведения, давно нет информации о «командующем базы Флота». Во всяком случае, он предпочел бы, чтобы это оказалось так. Было спокойнее думать, что начальство забыло о Санта-Крус и не рассчитывает, что фермер без военного образования и опыта, никогда за свои семьдесят лет не покидавший планеты, способен командовать хоть чем-то или кем-то, не говоря уже о базе космического флота.

Сейчас он наблюдал, как «Небесный ястреб» (если эта модель называлась именно так) выпускает посадочные опоры и изящно замирает на них. Согласно представлениям Эстебана о «Ястребах», они были рассчитаны на короткие перелеты — не более сорока-пятидесяти световых лет. Такой челнок не мог бы добраться сюда с Урсулы, главной планеты Сектора, не прибегнув к энергии крупного рейсового корабля. Это вызывало вопрос: зачем Флоту вообще понадобилось посылать корабль на Санта-Крус.

Увидев, как откинулся люк, Эстебан не спеша двинулся навстречу подтянутому молодому человеку, спускающемуся на поле. Форма прибывшего была ему незнакома, хотя в глубине памяти брезжило какое-то воспоминание. Засунув руки в карманы, Эстебан дождался, пока военный спрыгнет с последней ступеньки.

— Доброе утро, мистер не-знаю-как-вас-величать.

Человек в форме обернулся. Он не проронил ни слова, но Эстебан поспешил вынуть руки из карманов. Незнакомец ничего не сделал, а только глянул на фермера серыми глазами, много повидавшими и свидетельствовавшими о богатом жизненном опыте их обладателя, — и у Эстебана побежали по спине мурашки. Немного постояв, сероглазый радушно улыбнулся.

— Доброе утро. Не скажете ли, где мне найти старшего по летному полю?

— Это я и есть, сынок. — Эстебан осклабился. — Старший по летному полю, главный механик, ответственный за встречу, таможенный инспектор — все в одном лице. — Он протянул руку. — Лоренцо Эстебан, к вашим услугам.

— Меррит, — откликнулся военный странным тоном, после чего пожал Эстебану руку. — Капитан Пол Меррит, бригада «Динохром». Дайте-ка сообразить... Значит, вы здесь управляетесь сразу за всех? — Эстебан кивнул. — Так прямо за всех? — Эстебан еще раз кивнул и уже открыл было рот, чтобы все объяснить, но визг антигравитационных систем грузового корабля со Стернервелта, оторвавшегося от покрытия, не дал ему заговорить. Оба проводили взглядами потрепанный корабль. Эстебан заметил, как морщится капитан Меррит от вибрации плохо отрегулированных двигателей. Сам фермер привык к таким развалинам, потому что только они и наведывались на Санта-Крус, и то изредка. Когда мерзкие звуки стихли, он покачал головой и снова перевел взгляд на офицера.

— Да, сразу за всех, капитан. Вы удивлены?

— Удивлен? — Улыбка Меррита стала натянутой. — Мягко сказано! По моим сведениям, главным здесь должен быть коммандер Олбрайт.

— Олбрайт?! — Пришел черед Эстебана удивляться. — Что вы, капитан, старина Олбрайт умер... сейчас соображу... ага, в июне стукнет тридцать два года. Неужто в Секторе до сих пор числят его живым?

— Так и есть.

— Вот это бюрократия! — Эстебан возмущенно потряс головой. —

Я лично уведомил Центр управления на Урсуле о его кончине. Бедняга, чуя смерть, просил меня приглядеть за его хозяйством, пока ему не пришлют замену: ведь я живу рядом, за холмом, и всегда помогал ему поддерживать систему сигнализации и так далее. Но я, конечно, не думал, что дело так затянется!

— Уведомили Центр управления? — Казалось, Меррит находит эту информацию еще более удивительной, чем новость о смерти Олбрайта. — Каким образом?

— Да, уведомил. По гражданским каналам, конечно. Старина Олбрайт не успел показать мне доступ к своим официальным файлам. У него случился сердечный приступ. Не окажись я при нем, он бы не поручил мне присматривать за летным полем... Я не смог воспользоваться его служебным компьютером, но первые года два отправлял информацию по коммерческим каналам. — Он почесал за ухом и нахмурился. — Впрочем, ответа я так и не получил. Они продолжали отправлять свои сообщения «командующему базы Флота», не называя его имени. Ну и ослы они там, на Урсуле!

— Полностью разделяю ваше мнение. — Меррит вздохнул. — Кто-то где-то принимал ваши послания, но не давал им официального хода. Поэтому в Центре управления до сих пор считают Олбрайта командующим базой.

— Ему перевалило бы уже за сто двадцать лет! Не многовато ли для воинской службы?

— Многовато, — мрачно отозвался Меррит, после чего, вздохнув, распрямил плечи и выдавил улыбку. — Боюсь, мистер Эстебан, что ваша планета не считается в Центре управления приоритетной. По какой-то неизвестной мне причине при размещении здесь военных объектов Санта-Крус был присвоен код максимальной секретности компьютерной связи. Этой связи больше не существует, но компьютеры об этом не знают.

— Что же из этого следует?

— То, что системы связи не принимают от вас информацию, которая не снабжена специальными кодами секретности. Более того, вся информация по Санта-Крус, не имеющая действующих кодов, систематически стирается. Так, кажется, происходило до последнего времени, пока на это не обратили внимания. Попросту говоря, мистер Эстебан, в Центре управления не имеют ни малейшего понятия о здешней ситуации.

— Раз вы так говорите, я не могу вам не поверить, — отозвался Эстебан. — Хотя трудно понять, как там могли ожидать нормальной работы от такого старика, как Олбрайт. Дел здесь, конечно, не слишком много, — он обвел рукой поле, на котором одиноко возвышался «Небесный ястреб», — но бедняга Олбрайт начал сдавать, еще когда я учился в школе. Понимаете?

— Отлично понимаю. К сожалению, прежние данные по Санта-Крус были уничтожены метким попаданием ракет «Жерновов» в центральные мастерские Сектора по ремонту боевых аппаратов «Боло» на Урсуле. Тогда-то, еще во время Первой войны, и была утрачена компьютерная связь с Санта-Крус. Впоследствии предпринимались шаги по ее восстановлению, однако вся военная информация, которой вы располагаете, поступала по сетям общего пользования.

— Что же это получается?..

— Никто в Центре управления не знает, когда не стало коммандера Олбрайта, как не знает и многого другого.

— По правде говоря, капитан, — медленно проговорил Эстебан, — то, как вы произнесли «...многого другого», заставляет насторожиться.

— Вот как? — На сей раз улыбку Меррита можно было назвать веселой. — Лучше расслабьтесь. — Он поднес ко рту переговорное устройство на кисти руки. — Лейтенант Тиммонс?

— Слушаю, господин капитан, — отозвался молодой женский голос.

— Вы выполнили приказ и доставили меня к месту прохождения службы. Осталось только выгрузить мой багаж. После этого можете возвращаться к цивилизации.

— Вы уверены, сэр? — спросил голосок.

— Увы, да. Буду, однако, весьма признателен, если вы уведомите Центр управления, что их данные устарели еще больше, чем я предупреждал. Передайте генералу Винчиски, что я постараюсь как можно быстрее передать свежую информацию.

— Слушаюсь, сэр. Открываю первый отсек.

Крышка люка отъехала в сторону, и механизм опустил на керамобетон два объемистых контейнера. Меррит нажал кнопку на своем приборе, и оба контейнера, приподнявшись на три сантиметра над покрытием, заскользили к административному корпусу. Мужчины последовали за ними.

— Улетайте, лейтенант, — на ходу скомандовал Меррит в переговорное устройство. — Счастливого пути!

— Спасибо, сэр. Удачи вам... — В молодом женском голосе прозвучала неуверенность. Челнок взревел антигравитационными двигателями и, поднявшись в воздух, устремился вверх куда более грациозно, чем грузовик. Когда он исчез, Эстебан покосился на Меррита.

— Простите мне мою болтливость, капитан, но вы, кажется, назвали Санта-Крус местом своей службы?

— Совершенно верно.

— Если там ожидали, что Олбрайт по-прежнему на посту, то не прислали бы вас ему на смену. Только не подумайте, что я возражаю... Просто я ума не приложу, какая работа может найтись в этой дыре для такого молодого...

— Этот вопрос, мистер Эстебан, я задавал себе на протяжении последнего года. — Меррит кивнул и снова мрачно усмехнулся. — Исчезновение коммандера Олбрайта прошло мимо внимания Центра управления, зато там заметили кое-что другое. Я прислан сюда для проверки Боло и принятия командования над ним, если он все еще в рабочем состоянии.

— Боло?! — Эстебан чуть не споткнулся. В его взгляде было столько недоумения, что капитан вопросительно приподнял бровь. Старик долго стоял с разинутым ртом, прежде чем опомниться. — Какой еще Боло? — спросил он, овладев собой. Пришла очередь Меррита недоумевать.

— Боло Два-Три-Бейкер-Ноль-Ноль-Семь-Пять NKE, — отчеканил он.

— Боло на Санта-Крус? — Эстебан никак не мог поверить своим ушам.

— В Центре управления считают, что да, хотя... — Меррит скептически окинул взглядом летное поле столетней давности. — По некоторым вопросам эти парни, как вы теперь знаете, сами не представляют, на каком они свете.

— За каким чертом тут понадобился Боло?

— В точности неизвестно, — признался Меррит. — Согласно нашим данным, он попал на Санта-Крус в начале Первой войны с «Жерновами».

— То есть лет восемьдесят назад! — определил Эстебан и присвистнул.

— Если точнее, семьдесят девять лет и десять месяцев. — Капитан пожал плечами. — Я же вам объяснил, мистер Эстебан: весь банк дан-

ных Центра управления погиб при нападении «Жерновов». В штабе полагают, что цель его развертывания здесь заключалась в предотвращении нападения «Жерновов» на Санта-Крус. Ни меня, ни даже вас тогда еще не было на свете. Первые атаки «Жерновов» застали наш Флот врасплох. Мы потеряли две трети Сектора, пока не собрали большие корабли, чтобы вернуть утраченное. Видимо, тогдашний губернатор Сектора опасался, как бы «Жернова» не нанесли удар по Санта-Крус, прежде чем Флот восстановит положение.

— Удар по Санта-Крус?! Кому бы понадобилось по нам ударять? — Эстебан раскинул руки, как бы обнимая приходящее в негодность летное поле. — Здесь никогда ничем нельзя было поживиться, капитан. Здесь, как говорится, задница освоенного мира.

— Не совсем так. — Услышав это, Эстебан поморщился, но Меррит продолжил: — Конечно, здесь всегда занимались только земледелием, и я не утверждаю, что на планете имелись материальные ценности, зато у вас хорошее стратегическое положение. В предвоенных планах Флота предусматривалась возможность использования Санта-Крус для ведения операций против «Жерновов». Потом Хиллман и Шестой флот уничтожили в Квеллоке передовые силы врага, и необходимость в этом отпала.

— Возможно... — неуверенно проговорил Эстебан. — Но даже если все это так, теперь-то нет никаких причин нами интересоваться! «Жерновов» больше нет!

— Что верно, то верно. Зато теперь появились точки для броска в Сектор Эстерхази. Так что ждите интенсивного движения! — За беседой они достигли тени. Меррит оглянулся на летное поле. — Санта-Крус расположен чрезвычайно удачно, чтобы стать перевалочным пунктом для грузов и пассажиров, следующих к Эстерхази или из Сектора Кампердаун. Вон какое у вас огромное поле!

— Может, потому наверху о нас и вспомнили? — хитро спросил Эстебан.

— Возможно, мистер Эстебан. Очень даже может быть! Но пока я должен приступить к исполнению своих обязанностей. Где тут можно нанять или попросить на время машину?

— У меня, сынок! И не машину, а кое-что получше! — Эстебан широко улыбнулся. — Недаром я тут за главного! Можете пользоваться всем парком. Как насчет разведывательного гидросамолета?

Меррит был приятно удивлен. Улыбка Эстебана стала еще шире.

— Так-то! Может, о вашем Боло я и не знаю, зато военные оставили после себя уйму техники. Например, почти целый батальон тяжелых танков «росомаха».

— Они до сих пор на ходу?

— Судя по диагностике, да. На них раз в четыре-пять месяцев тренируется наша милиция. Не вижу в этом ничего дурного. В конце концов, это такое же старье, как и все поле. Если бы они представляли интерес для военных, те забрали бы их с собой. Но я все равно обещал старику Олбрайту приглядывать за машинами. Хороший был человек: учил меня, еще сопляка, электронике и обслуживанию систем. Должен же я был чем-то ему отплатить!

— В таком случае приглашаю вас полетать на гидросамолете, мистер Эстебан.

— Лоренцо, капитан! — Эстебан еще раз протянул гостю руку. — У нас здесь без формальностей. Если собираетесь стать крусианцем, привыкайте!

Глава 3

Завидев внизу крышу ангара, Меррит еще раз проверил работу устройства самоидентификации. Сооружение было врыто в землю посреди девственных джунглей примерно в сотне километров от летного поля. Меррит не мог понять, почему ангар не разместили непосредственно на базе, раз замысел состоял в том, чтобы отражать нападение, а первыми объектами такового стало бы летное поле и Киудад Боливар. В расположении ангара было не больше смысла, чем во всем остальном, касавшемся военных приготовлений на Санта-Крус.

Он вгляделся в радарную карту местности, над которой пролетал гидросамолет. Можно было предположить, что столь внушительное расстояние между полем и ангаром является мерой предосторожности. На сотни километров вокруг ангар оставался единственным признаком человеческой деятельности. Мощная ползучая растительность оплела своими цепкими стеблями все огромное пространство. Могучей флоре Санта-Крус оказалось не под силу пробить шестиметровую керамобетонную платформу, служившую взлетно-посадочной полосой, а также подсобную площадку рядом с ангаром, зато огромные деревья (некоторые из которых достигали в высоту восьмидесяти метров) почти смыкались над ней, а лианы оплели весь командный бункер. Солнечные батареи оставались чистыми — видимо, благодаря автоматике; в целом

же объект оказался в плотном зеленом коконе, как цитадель Спящей Красавицы, заросшая терновником.

При мысли о Спящей Красавице уголки его рта дрогнули. Никто, за исключением офицера из бригады «Динохром», не назвал бы Боло красавцем... Приборы свидетельствовали, что Боло XXIII/B-0075-NKE продолжает функционировать. Оставалось надеяться, что те же самые дистанционные устройства, что сохранили в рабочем состоянии солнечные батареи, не позволили старой боевой машине впасть в старческий маразм. Судя по излучению, Боло находился в режиме автономной боевой готовности. Именно поэтому Меррит позаботился включить свой идентификатор.

Улыбка Меррита сменилась выражением озабоченности, когда, снизившись, он узрел заросли перед входом в бункер. Согласно отрывочным сведениям, которые удалось восстановить на Урсуле, первым (и единственным) командиром Боло была майор Марина Ставракас. Меррит не сумел выведать о ней почти ничего, за исключением того, что эта женщина-ученый родилась в городе Афины на старушке-Земле и к моменту назначения на Санта-Крус ей исполнилось сорок шесть лет. Ученых редко назначали командирами боевых единиц, а стало быть, майор Ставракас была откомандирована в экстренном порядке. Каков бы ни был ее опыт, она, видимо, сошла с ума, раз оставила Боло в состоянии боевой готовности. Не исключалась также внезапная смерть (как в случае с коммандером Олбрайтом), помешавшая изменению режима машины. В любом случае столь древний Боло не должен был находиться в таком опасном режиме.

До появления модели XXIV с усовершенствованной автономной дискретной программой Боло с трудом проводили различие между «недозволенными» и «враждебными» целями в зоне их действия. Начиная со старой модели XX, они осознавали сами себя, но их психотроника была оснащена таким количеством защитных устройств, что сфера их активности ограничивалась анализом поля боя и соответствующим реагированием. С самого начала рьяные критики утверждали, что системы защиты существенно ограничивают потенциал Боло, однако логика приверженцев повышенной безопасности одержала верх.

Грубая первоначальная психодинамика делала первых осознающих себя Боло весьма кровожадными, и свойственная людям технофобия, окрещенная одним из писателей докосмической эры «комплексом Франкенштейна», сказалась на программировании. Ничто в обследо-

ванной части галактики не соображало и не реагировало быстрее, чем Боло в боевом режиме; однако за пределами собственно боя они напоминали своей несообразительностью и безынициативностью замшелые булыжники. Это, а также многослойное программирование, поставило их в рабскую зависимость от людей. Когда машина такого размера и такой огневой мощи, как Боло, обладает способностью к самостоятельной деятельности, ее создатели не могут не позаботиться о возможности предотвратить бунт механизма и остановить его одним нажатием кнопки.

Программы защиты помогли этого добиться, но дорогой ценой. «Личность» Боло раскрывалась только в режиме боя. Разделение кибернетических и психотронных функций на отдельные субсистемы привело к тому, что Боло могли самостоятельно пользоваться всем своим внутренним богатством исключительно во время боевых действий. Соответственно, даже в режиме «тревожная готовность» коэффициент их умственной деятельности составлял мизерную долю от полных возможностей, так как полноценное пробуждение интеллекта происходило только в бою. Обретая автономность действий исключительно во время схватки, Боло могли выходить из повиновения только в случае одряхления их систем. Единственная самостоятельная деятельность, на которую они были способны, называлась боем, поэтому в случае неполадки, приводившей к включению автономного режима, они открывали огонь.

Меррит поежился, вспомнив, на что способны Боло, принявшие друзей за врагов... Такое, к счастью, происходило нечасто, однако с него хватило бы и одного раза. Именно по этой причине бригада «Динохром» уже не одно десятилетие охотилась за брошенными или устаревшими Боло моделей XX-XXIII и предавала огню их пульты управления. При всей непопулярности заданий такого свойства иного выхода не существовало. «Спящие» Боло были слишком опасны, чтобы оставлять их сон непотревоженным. Умники, прикидывавшие выгоду, решили (не без оснований, хотя без всякого снисхождения), что было бы слишком дорогим удовольствием приводить психотронику старых Боло в соответствие с современными стандартами.

Таким образом планете Санта-Крус очень повезло, что никто на ней не помнил о забытом в чащобе Боло. Если бы кому-то пришло в голову поживиться деталями или хотя бы бросить взгляд на старую установку, состояние боевой готовности, в которое привела Боло майор

Ставракас, обернулось бы катастрофическими последствиями для любопытных, в которых Боло мог узреть врагов.

Меррит со вздохом откинул крышку люка и поморщился от сочных звуков, издаваемых джунглями. Он бы предпочел получить приказ сжечь пульт управления Боло. Это, конечно, походило на убийство, но то обстоятельство, что уход из жизни Ставракас и Олбрайта остался незамеченным, казалось ему мрачным предзнаменованием: возможно, сегодняшнее задание станет последним для него. Еще раз вздохнув, он потянулся за мачете, полученным от предусмотрительного Эстебана.

Я снова просыпаюсь и понимаю при запитывании дополнительных сетей, что это — не регулярное включение тревожного режима. Датчики ангара сообщают о приближении единичного летательного аппарата, и я начинаю прием его излучения. Это гидросамолет с устройством самоидентификации военного флота, однако перед проникновением в мой периметр безопасности он не передает надлежащего кода допуска. Я сравниваю код его устройства самоидентификации с кодами в памяти ангара. На опознание уходит 0,00032 секунды. Код принадлежит личному транспортному средству коммандера Иеремии Олбрайта, однако анализ продолжительностью в 0,012 секунды свидетельствует, что коммандер Олбрайт не может в нем находиться. Оставайся он сейчас в живых, ему исполнилось бы сто двадцать четыре года, девять месяцев и десять дней по стандартному исчислению, и нести действительную службу он бы не смог. Следовательно, пилот гидросамолета мне неизвестен. Есть основания предполагать, что он — или она — захватил гидросамолет с помощью недозволенных методов, о чем дополнительно свидетельствует отсутствие кода допуска. В этом случае приближение к расположению может классифицироваться как вторжение противника.

Обоснованность такой трактовки приводит к включению моего Боевого Центра, однако я не прибегаю к боевым действиям. Моя автономная логическая сеть допускает возможность нападения, однако она же сообщает, что гидросамолет не располагает оружием, способным причинить ущерб развернутой боевой единице или ангару. Ввиду противопоказанности в подобном случае использования огня на поражение я подключаю внешние оптические устройства ангара.

Аппарат действительно является гидросамолетом, хотя и не несет опознавательных знаков военного флота. Они закрашены гражданской

символикой, не позволяющей прочесть бортовой номер, однако системы огня и защиты на месте, как и активный сенсор. Форма пилота хотя и имеет отклонения, представляет собой вариант обмундирования офицеров бригады «Динохром». Цвет окантовки неверен, но нарукавная нашивка свидетельствует о принадлежности к Бригаде, а лычки говорят о том, что прилетевший — армейский капитан.

Я изучаю лицо человека в мундире. Он не фигурирует в моих файлах личного состава Бригады, однако они устарели на семьдесят девять лет, десять месяцев, одиннадцать дней и двадцать два часа по стандартному исчислению. Логическая цепь указывает на вероятность порядка 99,99 процента увольнения всех до одного лиц в моих файлах с действительной службы. Замеченные мной несоответствия в форме с вероятностью в 94,375% объясняются изменениями, произведенными в связи с истекшим временем.

Капитан, если он действительно носит это звание, приближается к главному входу в ангар, с помощью мачете расчищая заросли. Он определенно намерен войти внутрь, и я посвящаю целых 5,009 секунд рассмотрению вариантов своих действий. Решение принято: я позволю ему войти, буду наблюдать за ним, прежде чем предпринять ответные шаги.

На очистку входа ушло целых сорок минут тяжкого труда. К тому моменту, когда удар мачете разрубил последний побег толщиной в руку, Меррит окончательно взмок и перебрал все проклятия в адрес духоты и жары планеты Санта-Крус. Здешние фермеры прославляли плодородие тропического климата, хотя и сражались с бурной растительностью, но Меррит, уроженец холодного и гористого Геликона, чувствовал себя весьма скверно.

Он выключил мачете, отер пот со лба, а затем, нахмурившись от усердия, ввел код допуска в прибор на двери ангара. Счастье, что в Центре управления обнаружился хотя бы этот код: в особо защищенной базе данных осталась часть ранних докладов майора Ставракас с кодами допуска в ангар и с паролем, придуманным ею для своего Боло. Без этих гарантий никто во Вселенной не принудил бы Пола Меррита приблизиться к «живому» Боло. Он не был трусом, но ему не улыбалось предстать перед машиной с огневой мощью главной боевой установки в четыре мегатонны в секунду — и при этом не иметь возможности доказать свои дружеские намерения.

Люк ангара распахнулся поразительно мягко. В помещении зажегся свет, что заставило Меррита удивленно приподнять бровь. Он не увидел даже подобия пыли, что указывало на функционирование автоматики. Открытие было неожиданным и приятным. Меррит со вздохом признательности ступил в кондиционированную прохладу. Сверившись со схемой на стене, он свернул влево и зашагал к пульту управления.

Я отмечаю, что неопознанный капитан ввел правильный код допуска. Это является убедительным, хотя и не исчерпывающим доказательством наличия у него разрешения на присутствие здесь. Я вывожу из этого 64,73-процентную вероятность того, что в штабе Сектора назначили наконец нового командира взамен прежнего, однако логика предостерегает от поспешных заключений. Продолжаю наблюдение.

Люк в помещение с пультом управления открылся от легкого прикосновения, и Меррит заморгал, настолько неожиданная картина предстала его взору. Компьютер и панели приборов сияли безукоризненной чистотой. Он с удивлением увидел в углу голографическую модель планетарной системы. Меррит сперва не мог понять, почему помещение выглядит неподобающим образом, но позже догадался: кто-то пытался его украсить — именно этот глагол лучше всего соответствовал истине. На керамобетонных стенах были развешаны картины, на полу стояли скульптуры из глины и металла. Одна стена была целиком занята мозаичным изображением Икара, спускающегося с небес, — так определил сюжет Меррит, хотя и не доверял своему суждению; полы были устланы домотканными ковриками. Все это не представляло помех для работы, однако, мягко говоря, не соответствовало стандартам.

При всей необычности картины она радовала глаз. Поняв, что к чему, Меррит закивал. Даже в экстренных случаях бригада «Динохром» не поручала командовать Боло кретинам. Видимо, майор Ставракас просто-напросто поняла, что останется здесь навсегда, и навела в ангаре подобие домашнего уюта.

Он улыбнулся, одобряя вкус и талант художницы: ведь все, что предстало его взору, было, по всей видимости, делом ее рук. Подойдя к компьютеру, он потянулся к клавиатуре — и подпрыгнул, услыхав нежное сопрано.

— Внимание! — предостерег его женский голос. — Оборудование

ограниченного доступа. Пользование без разрешения карается тюремным заключением на срок не менее двадцати лет. Просьба назвать себя.

Меррит завертел головой, пытаясь понять, откуда доносится этот вежливый мелодичный голосок. Говорившую он не обнаружил, зато заметил кое-что другое — красный огонек под скорострельной винтовкой калибра 4 мм, отделившейся от стены прямо над пультом и нацеленной теперь ему между глаз. На протяжении секунды, показавшейся вечностью, он заглядывал в дуло.

— Необходима идентификация. Просьба незамедлительно назвать себя.

— Меррит... — прохрипел он. Облизнув губы и откашлявшись, он добавил: — Капитан Пол Меррит, бригада «Динохром», личный номер Дельта-Браво-Один-Девять-Восемь-Ноль-Девять-Три-Пробел-Пять-Браво-Один-Один.

— В моих файлах личного состава вы не фигурируете, капитан, — сообщило сопрано. Меррит открыл рот, чтобы ответить, но голос опередил его: — Тем не менее я определяю эти файлы с вероятностью в девяносто девять целых девятьсот девяносто три тысячных процента как устаревшие. Вопрос: вам переданы для меня обновленные сведения?

Меррит недоверчиво заморгал. Даже у новейших Боло модели XXV оставался бесстрастный машинный голос; они обыкновенно называли себя по-военному, в третьем лице, когда разговаривали с кем-либо, кроме собственных командиров. Этот же голос, при всей его спокойной бесстрастности, был абсолютно человеческим, не говоря уж об употреблении первого лица. Более того, в нем слышались эмоциональные обертоны, а вопросы указывали на дискретную автономность, которую даже новейший Боло XXV обретал исключительно в режиме реального боя.

С другой стороны, нацеленная прямо в лоб винтовка не позволяла уделять слишком много внимания подобным размышлениям.

— Да, — ответил Меррит, поразмыслив. — У меня есть для тебя обновленные сведения.

— Хорошо, — отозвался голос, еще раз заставив взлететь брови Меррита. — Прошу понять, капитан: дело не в непочтительности, а в том, что правила безопасности всей установки требуют, чтобы в главную компьютерную систему не загружалось произвольных данных. В

связи с этим предлагаю вам ввести ваши сведения во второй терминал, у двери.

— Разумеется.

Меррит как можно спокойнее извлек из кармана гимнастерки чип, медленно развернулся и проследовал к пульту. Винтовка поворачивалась, не выпуская его из прицела и издавая негромкий звук, нервировавший его так сильно, что у него вспотели ладони. Вставив чип в надлежащее отверстие, он нажал на клавишу, сделал шаг назад и сунул руки в карманы. Поймав себя на стремлении выглядеть как можно безобиднее, он не удержался от кривой улыбки.

Угрожать тому, кто может оказаться моим новым командиром, не следовало бы, однако я являюсь ценной развернутой боевой единицей, и моя первейшая обязанность — предотвратить доступ посторонних к пульту управления. Капитан Меррит, если он действительно является моим новым командиром, поймет мою осторожность и оценит ее по достоинству.

Чип наделен верными опознавательными кодами и названиями файлов, поэтому я убираю первый заслон и сканирую сведения. Чип содержит только 36,95 терабайтов информации, и я завершаю сканирование за 1,00175 секунды.

Я с прискорбием узнаю, что файл моего первого командира пострадал, однако нехватка сведений о ней подтверждает ее собственное ощущение, что штаб Сектора «забыл, куда ее отправил» задолго до ее кончины. Бойца бригады «Динохром» нельзя лишать места в славной истории соединения, однако, судя по содержанию файла, первоначальная информация о моем развертывании была утеряна практически целиком. К счастью, мой собственный банк памяти содержит исчерпывающие сведения о ее жизни и деятельности на Санта-Крус, и я принимаю решение как можно быстрее запросить разрешение о переводе этих сведений из архива на рабочие уровни.

В дополнение к исчерпывающей информации о положении в Секторе новая информация касается также капитана Меррита. Это производит на меня должное впечатление. Капитан — подлинный воин. Перечень его наград венчает Большой Солнечный Крест, которым, судя по моим сведениям, в 96,35% случаев награждают посмертно. Кроме того, он получил орден Знамени Конкордата, Крест за заслуги второй степени, шесть грамот планетарного правительства за героизм, которые

ничего мне не говорят, три нашивки за ранения и целых одиннадцать медалей за разные кампании.

При этом я обнаруживаю в его личном деле кое-какие тревожные сигналы. Капитана Меррита судил военный трибунал, вследствие чего он получил выговор и понижение в звании: майор был разжалован в капитаны за драку с генералом. Удивительно, что за такой проступок он вообще не был лишен офицерского звания, однако после 0,0046 секунд размышлений я прихожу к выводу, что здесь сыграли роль его прежние заслуги.

Закончив первичное ознакомление с новой информацией, я снова включаю динамики у пульта управления.

— Благодарю вас, сэр, — произнесло сопрано. Меррит вздохнул с облегчением, видя, что винтовка, только что целившаяся ему между глаз, перестала грозить смертью. Красный огонек не погас, а винтовка не вернулась в исходное положение у стены, однако он оценил по достоинству смену цели. Но оставался вопрос, как Боло такой старой модели способен на все эти штуки. Он должен был уничтожить чужака сразу же при его появлении либо покорно ждать, пока человек задействует его системы. Происходившее совершенно не укладывалось в параметры модели XXIII.

— Вы назначены моим командиром? — спросило сопрано. Меррит кивнул:

— Назначен.

— Требуется командный пароль.

— «Леонидас», — отчеканил Меррит и затаил дыхание.

— Фронтовая Система Два-Три-Бейкер-Ноль-Ноль-Семь-Пять NKE в вашем распоряжении, господин капитан, — спокойно ответил голос. Только теперь погас красный огонек под дулом винтовки.

Глава 4

Главное помещение ангара оказалось просторной и сумрачной пещерой, где Меррит, впервые в жизни увидевший Боло модели XXIII, испытал, несмотря на приятную прохладу, страх замкнутого пространства. Готовясь к заданию, он изучил спецификацию модели, однако не мог забыть того обстоятельства, что почти все экземпляры этой модели, за исключением нескольких штук, оставшихся в резерве в мелких секторах, были сняты с вооружения лет тридцать назад. Впрочем, от

этого огромная боевая машина не становилась менее внушительной.

Боло моделей XXIV и XXV, с которыми он был прекрасно знаком, были по крайней мере на тысячу тонн легче этого. К тому же благодаря молекулярной технике и менее габаритным и более эффективным силовым установкам, появившимся на Боло XXIV, возникла возможность повысить плотность огня, уменьшив корпус. Боло XXIII/B-0075-NKE был гораздо старше их и насчитывал целых 75 метров от скалоподобного носа до выпуклой кормы. Диаметр катков его гусениц равнялся пяти метрам, а верхушки огромных башен, каждую из которых венчал спаренный «Хеллбор» калибра 800 мм, возносились над керамобетонным полом на все 30 метров.

Машина выглядела безупречно, как великолепно сохранившийся монумент допотопной эры. Ее многослойная керамическая антиплазменная броня была раскрашена обычным камуфляжем джунглей — зелеными и бурыми пятнами; Меррит, впрочем, всегда недоумевал, зачем нужен камуфляж пятнадцати тысячам тонн подвижной вооруженной брони.

Он обошел чудовищную машину, пройдя мимо жерл для безостановочной стрельбы, 300-миллиметровых мортир, скоростных многоствольных минометов, пучков лазерных пушек для противоракетной обороны и острых лезвий радарных установок. За ним постоянно следили окуляры оптических устройств. Он удовлетворенно улыбнулся — и замер.

Опомнившись, он подошел ближе к броне и свел брови, но его удивление только усугубилось. Согласно технической документации, у Боло XXIII должно было быть по девять установок для безостановочной стрельбы с каждой стороны, и в этом XXIII/B-0075-NKE не отличался от стандарта. Но между третьей и четвертой установкой Меррит узрел шесть-семь метров брони. Ходовая часть Боло располагала тремя лишними катками, из чего следовало, что он был на 10-12 метров длиннее положенного.

Меррит забрался по лесенке к ракетной установке между башнями «Хеллборов», чтобы промерить шагами длину машины, остановиться рядом с устройством вертикального пуска и озадаченно почесать в затылке. Не вызывало сомнений, что XXIII/B-0075-NKE на целых 15 процентов превосходит длиной стандартный Боло модели XXIII. Кто-то вставил лишние одиннадцать метров корпуса перед устройством вертикального пуска ракет.

— Ноль-Ноль-Семь-Пять!

— Слушаю, господин капитан! — Меррит никак не мог привыкнуть к вежливому голосу Боло, однако сейчас у него были иные заботы.

— Ответь, Ноль-Ноль... — Он запнулся. — Прости, но в Центре управления не сохранилось сведений, как тебя называла майор Ставракас.

— Мое имя — Ника, господин капитан.

— Ника... — повторил Меррит. — Боже правый! Вот это имя для Боло! Ника...

— Благодарю вас, господин капитан. Оно и мне всегда нравилось. Приятно, что вы его одобрили.

Меррит в очередной раз вскинул брови, услышав неподобающую для машины, вполне человеческую реплику. Боло модели XXIII должен был ограничиваться стандартным набором формул вежливости (по крайней мере, при выключенном режиме «рассуждение»); Меррит уже подозревал, что кроется за ответами машины. Как это ни невероятно, но она...

— Скажи, Ника, к какой конкретно модели Боло ты относишься?

— «Боло Непобедимый», модель XXIII-B (экспериментальная), господин капитан, — ответило сопрано.

— Экспериментальная? — переспросил Меррит.

— Так точно.

— В каком смысле?

— Я — прототип. — Голос машины звучал тише прежнего по сравнению с взволнованным голосом человека. — В качестве элемента программы улучшения боевых качеств мой пульт управления и личностно-интеграционная психодинамика были оснащены вторичной корой принятия решений с опытными интерфейсами и увеличенной эвристической способностью для совершенствования автономности и дискретности.

— Мозги... — прошептал Меррит. — Господи! Вот оно что! Первый искусственный мозг, вмонтированный в Боло! — Он опустился на колени и благоговейно провел рукой по броне.

— Простите, господин капитан, но мне неясен смысл вашего последнего высказывания.

— Что?.. — Меррит встряхнулся, поднял голову и улыбнулся ближайшему оптическому устройству. — Прости, Ника, но я понятия не имел, с чем столкнусь. Ведь ты — недостающее звено!

— Боюсь, смысл ваших слов мне по-прежнему непонятен, господин капитан, — проговорила машина с оттенком упрека. Меррит усмехнулся.

— Прости, — повторил он и присел на кронштейн длинной башенной антенны. — Видишь ли, Ника, прежде чем ты появилась, вернее, еще лет тридцать после того, как ты появилась, Боло отчасти осознавали себя, но приобретали полную автономность только в боевом режиме. На них были наложены строгие ограничения. Понимаешь?

— Да, господин капитан.

— Еще бы тебе не понять! — Меррит похлопал чудище по спине. — А все потому, что ты — следующая ступень. Мы знали, что здесь, в Секторе Урсулы, перед самой войной с «Жерновами» начались эксперименты, однако в Первую войну «Жернова» не оставили на Урсуле живого места. Центр управления Боло был так сильно поврежден, что почти все программы и установки пропали. Потом мы находились под столь сильным давлением, что вся программа топталась на месте целых тридцать лет, до окончания Третьей войны с «Жерновами». Нам требовались все новые Боло, и как можно быстрее, поэтому установки, официально именовавшиеся Боло XXIII, были на самом деле моделью XXII с увеличенной огневой мощью и усиленной броней. Но к тебе это не относится. Интересно, насколько твоя программа отличается от того, что стало в итоге Боло XXIV?

— Боюсь, ничего не смогу вам сообщить по этому поводу, господин капитан, — ответила машина почти что покаянным тоном.

— Не беда, Ника. Уверен, мы сами с этим разберемся, когда я доберусь до компьютерных файлов ангара. Но мне непонятно другое: как ты тут оказалась? Откуда ты взялась на Санта-Крус?

— Меня установил здесь Командный центр Урсулы.

— Знаю. Но зачем?

— Я предназначалась для расширенных полевых испытаний новых систем и программ, — ответило сопрано. — Для этого при мне развернули ангар с механизмами для автоматического обслуживания и ремонта. Санта-Крус был избран местом проведения испытаний задолго до того, как планете стали угрожать «Жернова»; для этого здесь построили соответствующее летное поле и прочее. После начала боевых действий развертывание было прекращено. Программу испытаний отменили, а меня перевели в режим боевого дежурства под командованием майора Марины Ставракас, старшего офицера-разработчика проекта «Декарт».

— Она руководила проектом «Декарт»?!

— Так точно, капитан.

— Господи! — прошептал Меррит. — После войны удалось восстановить процентов двадцать из того, что сделала команда «Декарт», но до сих пор остается неизвестным, кто, например, возглавлял работы. Это был блестящий ум, Ника, блестящий! А ее забыли на сельскохозяйственной планете, посреди пустоши! — Его глаза вспыхнули, он еще раз потрепал Боло по бронированной спине.

— Хотелось бы знать, что она в тебя напихала! Мне трудно представить, чтобы женщина, возглавлявшая первоначальную команду «Декарт», не продолжила свой труд, даже когда узнала, что Центр ее «потерял». Наверное, она самостоятельно продолжила работу по этому проекту?

— Так точно, капитан, — дисциплинированно ответила машина.

— Так-так-так... Как я погляжу, задание получается гораздо интереснее, чем я предполагал. — Холод и усталость, читавшиеся прежде в глазах Меррита, сменились азартной искоркой. — Пока что я не вижу причин, зачем мне делиться своими находками с Центром. Ведь они знали, где ты находишься, но забыли о тебе, так к чему им напоминать? Еще возьмут и пришлют сюда специалистов, чтобы нас разлучить, а то и разобрать тебя и полюбопытствовать, что там у тебя внутри. — Он покачал головой и шлепнул ладонью по броне. — Нет уж, Ника, думаю, лучше мы с тобой немножко посекретничаем.

Глава 5

— Итак?

Седовласая дама, сидевшая за огромным канцелярским столом, выглядела безупречно, ее лицо было продуктом биокосметических манипуляций, доступных только людям, не стесненным в средствах. В отличие от невзрачного субъекта в форме интенданта «Стерненвелт Лайнз», она казалась неотъемлемой частью элегантного кабинета, однако взгляд ее был холоден, а улыбка только добавляла суровости, отчего бедняга интендант покрылся испариной.

— Мне очень жаль, мадам Остервелт, — твердил он, — но они отказываются продавать. — Женщина молча взирала на него. Он судорожно проглотил слюну. — Я поднял цену предложения до максимальной, — поспешно добавил он, — но только трое-четверо проявили хоть какой-то интерес.

— Вы заверили нас, что отлично знакомы с ситуацией в Секторе, поэтому и получили эту работу. Вы гарантировали успех дела. — Женщина обращалась к нему ровным, почти мягким тоном, но ему делалось все больше не по себе.

— Я не сомневался, что они согласятся продать землю. Ведь им предлагался десятилетний доход удачливого производителя дынь!

— Заманчивое предложение, — согласилась женщина. — Но они, по вашим словам, все равно его отклонили. Почему?

— Я... Точно не знаю, мэм, — пролепетал интендант.

— Они должны были хоть словом обмолвиться о причинах, — проговорила она. Он кивнул.

— Насколько могу судить, они просто не испытывают необходимости в деньгах, мэм. Я говорил со стариком Эстебаном, деревенщиной, приглядывающим за летным полем. Он отвечал, что его жена, отец, дед – все похоронены позади его дома. Очень типичный ответ, мэм.

— Узколобость! — брезгливо прошипела дама и покачала головой. – Увы, она всегда отличала предоставленных самим себе обитателей отдаленных рубежей. Видимо, этого следовало ожидать, однако не только мне, но и вам, мистер Бергрен. — Она вскинула голову. — Боюсь, выполнение вами этого задания мы сможем оценить только как неудовлетворительное.

— Я сделал все, что мог, мадам Остервелт!

— Не сомневаюсь. В том-то и беда. — Интендант сник, почувствовав лед в ее голосе. Она еле заметно махнула рукой. — Вас вызовут, мистер Бергрен.

Интендант удалился, тяжело вздыхая. Дама нажала кнопку. Через двадцать секунд в стене открылась незаметная дверь, и в кабинет вошел молодой человек атлетического телосложения.

— Мама?

— Ты был прав насчет Бергрена, Джералд. Он совершенно некомпетентен.

— Вот как?

— Именно так. — Она вздохнула. — Хорошо еще, никто не знает, что он представлял наши интересы. Было бы еще лучше, если бы об этом никто никогда не узнал.

— Я об этом позабочусь, — сказал Джералд, чем заслужил ее одобрительную улыбку.

— Хороший сын — гордость матери. — Она выпрямилась в кресле

и сложила руки на столе. Ее взгляд был устремлен на колеблющийся скульптурный силуэт в противоположном углу. — Однако при всей своей некомпетентности он уловил самую суть проблемы, сынок. Фермеры проявляют порой наибольшее упрямство из всех обитателей галактики, демонстрируя прямо-таки фанатичную привязанность к своей земле. Потому-то их не прельстили деньги, которые предлагал Бергрен по нашему поручению. С ними никто не сторгуется.

— Мы уже сталкивались с этой проблемой, мама.

— Знаю, сынок, но альтернативные способы настолько... неприятны! — Не сводя глаз с голографической скульптуры, она еще раз вздохнула. — Между прочим, самое интересное во всей этой истории то, что они понятия не имеют, зачем нам понадобилась планета.

— Этого никто не знает, мама. В этом вся суть, не правда ли?

— Возможно. Однако я, пожалуй, не возражала бы иметь дело с противником, имеющим представление о правилах игры, а также о величине ставок.

— Мама, — терпеливо проговорил молодой человек, — их система — единственное отвечающее логике место, способное стать первым перевалочным узлом для броска сразу в три сектора. Это известно и тебе, и мне. Как только Исследовательская служба огласит свой новый астрографический отчет, это поймут все крупные транспортные компании. Неужели так важно, знают об этом ОНИ или нет?

— Не забывай, кто тебя научил всему, что ты знаешь, — предостерегла его мать. — Сыну не годится читать лекции родной матери.

— Лекции? — Он с улыбкой покачал головой. — У меня подобного и в мыслях не было! Предлагаю считать мою реплику сдачей домашнего задания.

— В тебе говорят не отцовские, а мои гены, — сказала она с усмешкой и кивнула. — В сущности, ты прав. Главное — добиться, чтобы «ГалКорп» стала к нужному моменту обладательницей единственной обитаемой недвижимости в системе. Всей! — Она хмуро покосилась на скульптуру и пожала плечами. — Что ж, если нам ничего не остается, кроме неприятных методов, то придется прибегнуть к ним. Кому, по-твоему, следовало бы это поручить?

— Почему бы не мне?

— Но ты еще никогда не действовал... на местности.

— Это еще не значит, что такое задание мне не по плечу. К тому же операция требует строжайшего контроля, а любому юноше полезно

взвалить на себя бремя ответственности. Это поможет ему овладеть всей полнотой знаний к тому времени, когда он покорит вершину. Хотя, — он улыбнулся, — у меня еще много лет не будет ни малейшего желания добираться до верхушки, мама.

— Да, ты умеешь убеждать, — прошептала она. — Отлично, бери на себя ответственность за весь проект. Но прежде чем действовать, проведи углубленное изучение ситуации. В подобных случаях все обычно куда сложнее, чем кажется на первый взгляд. Не хочу, чтобы моему единственному сыну повредили досадные неожиданности.

— Этого не случится, мама. Я полечу на Урсулу и посвящу несколько недель изучению ситуации в Центре управления. Не сомневаюсь, что найду там щедрую душу, располагающую доступом к необходимой нам информации и готовую ею поделиться. Не исключено, что там же я познакомлюсь с идеальными кандидатами на выполнение того самого неприятного задания.

Глава 6

Со времени прибытия Пола Меррита на Санта-Крус минула неделя. Сидя на удобном подвесном диване, он в ужасе потирал подбородок. На экране одна другую сменяли сложнейшие схемы, на изучение которых у любого специалиста по Боло ушли бы десятилетия, хотя возраст исследований равнялся половине столетия. Пятьдесят лет! Невероятно! Работая в одиночестве и располагая ресурсами одного-единственного автоматизированного ремонтного ангара, пускай и великолепно оснащенного, Марина Ставракас создала для Ники настолько совершенный мозг, что в сравнении с ней новейший Боло XXV выглядел неуклюжим тугодумом.

Меррит откинул спинку дивана и скрестил ноги. Многочисленные экраны и дисплеи наполняли боевую кабину внутри Боло серебристым светом. Их было здесь больше, чем в более современном, то есть последнем, Боло. Ника представляла собой всего-навсего модификацию модели XXIII; человеку требовалось значительно больше интерфейсов данных, чем любому Боло, а технологии, положенной в основу Ники, уже стукнуло восемьдесят лет. Тем не менее кабина оказалась поразительно просторной. Ника была не только единственным полностью автономным Боло, о существовании которого никто не знал, но и первым, в чьей схеме использовалась молекулярно-сирконовая психотроника. Технология относилась к первому поколению, и схемы

занимали больше места, чем у более современных образцов, но Ставракас проявила удивительный талант. Можно было только гадать, к чему бы она пришла, окажись у нее под рукой плоды последних достижений.

Он развернул диван и включил очередной экран. В углу появилась индикация даты и времени давностью в сорок девять лет; седовласая женщина сидела на том же диванчике, где теперь устроился Меррит. Она оказалась гораздо изящнее, но и старше, чем показывала плохая фотоматрица, чудом обнаруженная Мерритом среди уцелевших материалов в Центре управления; ее зеленовато-коричневые глаза сохранили живость юности. Он уже трижды просматривал эту запись, но и сейчас взирал на свою предшественницу с восхищением и испытывал сожаление, что им не довелось встретиться.

— *Тот, кто смотрит запись, кто бы он ни был,* — начала она, утомленно улыбаясь, — *наверняка вспомнил, куда запропастились мы с Никой. Видимо, я отстала от событий, происходивших с Бригадой и всем Флотом, но, судя по трансляции, которую мы с Иеремией ловим по каналам общего пользования, «Жернова» обрушились на Центр.* — Улыбка женщины померкла, и ее сопрано, очень похожее на голос Ники, зазвучало печально. — *Насколько я понимаю, остальную команду «Декарт» постигла та же судьба. Ведь все они знали, где я нахожусь.*

Она откашлялась и потерла висок худой жилистой рукой.

Иеремия предложил запросить по коммерческому каналу спасательный корабль и врача, но я отклонила это предложение. Как бы он ни ворчал, теперь Санта-Крус — его дом. Я знаю, что ему здесь нравится, как и мне. К тому же, насколько можно судить по отрывочным сведениям, «Жернова» сохраняют свое присутствие в Секторе. Учитывая свойства их родной среды обитания, они вряд ли польстятся на Санта-Крус с его климатом. Поэтому, видимо, они здесь и не появляются. С другой стороны, они могут передумать, если перехватят нашу трансляцию. Как ни сильна Ника, мне не хотелось бы, чтобы она воевала против межпланетной армады «Жерновов». Даже если бы она вышла победительницей, на Санта-Крус не осталось бы жителей, и ее победе некому было бы аплодировать.

Она улыбнулась.

Жить здесь было не так уж плохо, хотя и немного одиноко. Благодаря системе безопасности программы «Декарт» почти никто из местных жителей не знал о нас с Никой, а те, кто знал, постепенно забыли. Но у меня есть дорогой Иеремия. Мы с ним давно согласились, что поселимся на Санта-Крус навсегда. Кроме него, у меня есть Ника, моя работа и

масса времени, чтобы общаться с ними. Немаловажно и то, — ее улыбка превратилась в горькую усмешку, — *что надо мной нет начальства. Полная свобода научного поиска!*

Она откинулась и сложила худые руки на груди.

Увы, мое время на исходе. В моей семье многие страдали от болезней сердца, вот и мое подает тревожные сигналы. Я обсуждала это с Никой — она очень заботлива, а я привыкла быть с ней честной, и она понимает, что в ангаре нет запасных частей, необходимых мне. Я сделала так, что она перейдет в режим «автономная боевая готовность», если... в общем, когда придет мой час. Не сомневаюсь, что следы команды «Декарт» будут в конце концов найдены. Сейчас должно существовать уже целое поколение автономных Боло, однако тому, кто сюда явится, Ника все равно преподнесет не один сюрприз. Кто бы вы ни были, позаботьтесь о ней. Она — умная девочка. Конечно, мои изобретения заставят кое-кого попотеть! Многие станут рвать на себе волосы от одной мысли о том, какими способностями я наделила свое создание. Но я ничуть не раскаиваюсь. Она — единственная в своем роде. Она была мне подругой, и не только...

Пожилая женщина на экране вздохнула. Ее улыбка была сочетанием печали, гордости и любви, голос стал ласковым:

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим, —
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?
И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.
Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».
Пускай с годами стынущая кровь
*В наследнике твоем пылает вновь!**

---

* *Отрывки из цитируемых автором здесь и далее стихотворных произведений В.Шекспира и Р.Бернса приведены в переводах С.Маршака, Р.Киплинга — И.Гринольца, Р.Фроста — И.Кашкина. (Прим. перев.)*

Она зажмурилась, а потом кивнула в объектив, словно обладала способностью видеть того, кто придет неведомо когда, оценивать его, проникать ему в душу.

Возможно, цитата местами неточна, — тихо проговорила она, — *но, надеюсь, Шекспир на меня не обидится. Позаботьтесь о моем детище, кто бы вы ни были.*

Экран погас. Меррит опустил голову.

— Вы тоже были умницей, майор, — пробормотал он.

— Именно так, — раздалось негромкое сопрано, и Меррит увидел зеленую лампочку под динамиком, откуда оно раздалось. Ознакомившись с журналом Ставракас, он больше не удивлялся, когда Ника подавала голос по собственной инициативе. После недолгого молчания машина продолжила тем же тоном:

— Я не знала, что в моей памяти есть это послание, господин капитан. Видимо, она записала его, отключив меня.

— Она не хотела, чтобы ты из-за нее беспокоилась.

Меррит отказывался размышлять о том, как прореагировали бы на этот разговор психиатры. Любой офицер из бригады «Динохром» мог без конца цитировать главы из учебников, предупреждавшие против братания с Боло. Учебники твердили, что Боло — боевые машины. Пускай они осознают себя и являются личностями, все равно они остаются машинами, построенными для того, чтобы сражаться с врагами человечества и гибнуть. При подведении итогов потери Боло отождествлялись с потерями техники. Об этом знали и сами Боло, однако люди — их командиры и однополчане — то и дело забывали. Точно так же об этом забыл сам Меррит на Сендлоте.

— Да, я делаю вывод, что вы правы, — согласилась Ника после непродолжительного молчания.

— Зато она тобой гордилась. Должен признать: она имела на то основания.

— Действительно? — Ника была польщена. Меррит представил себе наклоненную набок женскую головку и приподнятую бровь. — После моего развертывания истекло больше семидесяти девяти лет. С тех пор наверняка появились новые Боло, превосходящие меня способностями.

— Напрашиваешься на комплимент, Ника? — Меррит усмехнулся и потрепал ручку дивана. — Майор Ставракас была права: многие стали бы рвать на себе волосы, если бы услышали твои речи.

— Почему? — бесхитростно спросила машина.

— Потому что они боятся, как бы Боло не стали слишком похожими на людей.

— Их пугают возможные поступки таких Боло? Или их отказ повиноваться?

— Им не хочется, чтобы Боло задавали подобные вопросы. — Меррит посерьезнел. — Ты чрезвычайно мощная боевая машина, Ника. Пока что не случалось, чтобы неповрежденные Боло ослушались приказов, зато с дефектными Боло такое бывало... Поэтому в Бригаде по-прежнему озабочены сохранением контроля за новыми автономными системами. На модель XXV не наложено прежних запретов, но ограничители все равно предусмотрены.

— Разумная предосторожность, — отозвалась Ника спустя непродолжительное время. — Машина, действующая иррационально и обладающая моей боевой мощью, была бы слишком опасна для своих.

— Боюсь, мне придется с этим согласиться. Именно поэтому ты способна огорчить конструкторов. Ведь ты лишена взаимодублирующих систем, которыми оснащены модели XXIV и XXV. С технической точки зрения, это делает тебя более подверженной поломкам в бою. Но, с точки зрения штабных, хуже другое: насколько я успел понять, майор Ставракас так преобразила твою личность, что ты резко расходишься даже с принятыми сейчас параметрами. Довольно уже того, что ты лишена львиной доли требуемых ограничителей. Современные Боло не так активны в небоевой ситуации, к тому же твои личностные характеристики оставляют далеко позади свойства модели XXV. Не могу утверждать наверняка, но, думаю, ты посрамила бы даже «Червя Омегу».

— Что это такое?

— Извини. Так посвященные называют программу полного системного подавления.

Воцарилось молчание. Казалось, двое людей затронули весьма щепетильную тему и смущенно смолкли. ППСП представляла собой могучее средство борьбы с взбунтовавшимися Боло, файл-убийцу, уничтожающий все рабочие файлы в памяти Боло, отказывающегося подчиняться приказаниям своего командира. Многие в Бригаде, включая самого Меррита, ставили под сомнение необходимость ППСП. После появления искусственного мозга интеллект Боло был оснащен столькими аварийными системами, что возможность иррационального

поведения могла быть снята с повестки дня. К тому же, как он уже уведомил Нику, нормальные Боло никогда не саботировали законные приказы. Однако ППСП вводились во все системы, начиная с первых, обладавших самоосознанием. Но кому приятно чувство, что в твоем мозгу предусмотрена возможность самоубийства, и управляешь этим не ты, а другие...

— Наверное, вы правы, господин капитан, — молвила Ника спустя секунду, и брови Меррита взлетели на лоб от ее задумчивого тона. — Сопротивляться этой программе беспрерывно я бы не смогла, но дополнительные способности, которыми меня оснастила майор Ставракас, позволили бы мне не поддаваться ее действию минут сорок, а то и час. Является ли это недопустимым фактором риска в моей конструкции?

— Вряд ли. Конечно, принимая во внимание мой послужной список, я не могу выступать беспристрастным судьей. Фактор риска зависит от того, как велика вероятность, что ты выйдешь из повиновения.

— Я являюсь боевой единицей бригады «Динохром». Я никогда не поступлю вопреки кодексу чести моей Бригады, господин капитан.

— Знаю, Ника, знаю... Лично я спокоен. — Он еще раз похлопал по ручке дивана, потом встал и зевнул. — Прости, Ника, но у меня, в отличие от тебя, не термоядерный двигатель. Я устал за день. Мне нужен сон.

— Разумеется, господин капитан.

— Разбуди меня ровно в шесть.

— Будет исполнено.

— Благодарю. — Он улыбнулся и помахал рукой камере над главным экраном огневой коррекции. Это было обычное прощание для тех, кто командовал самостоятельными боевыми машинами бригады «Динохром», однако в этот вечер простой жест значил для него гораздо больше. Ответом стало мигание зеленой лампочки под динамиком. Устало вздохнув, он вылез из люка.

С помощью внешних камер ангара я наблюдаю за тем, как мой новый командир шагает по коридору в отсек для личного состава. Второй командир. Я сознаю, что имеющейся в моем распоряжении информации недостаточно, чтобы реально оценить, насколько он способен заменить майора Ставракас, к тому же они сильно отличаются друг от друга. Тем не менее я довольна. Хорошо снова иметь командира, одна-

ко я чувствую не просто удовлетворение, положенное фронтовой единице, получившей нового командира. В нем есть нечто такое, что мне трудно правильно оценить. Я пытаюсь сделать это на протяжении 20,0571 секунды, но безуспешно. Возможно, дальнейшее знакомство даст необходимые сведения, которых в данный момент недостает для исчерпывающего анализа.

Я обдумываю его слова, наблюдая за его приготовлениями ко сну. Он прав, говоря об опасности, которую представляет для окружающих неконтролируемая развернутая боевая единица. Моя задача состоит в охране и защите человечества, а не в угрозе моим создателям, и я чувствую странное беспокойство при мысли, что застрахована от этой опасности не так надежно, как более современные Боло. Однако мой командир прав и тогда, когда говорит о невысокой вероятности подобного происшествия. ППСП задействуется только в случае, когда система отказывается выполнять прямые приказания, а я не в состоянии представить, чтобы полноценная развернутая единица повела себя подобным образом.

Командир гасит свет. Я оставляю включенной аудиосистему. Если он проснется и захочет со мной поговорить, я буду готова.

Он не дал мне приказания вернуться в режим «автономная готовность» для экономии энергии. По крайней мере, в этом он похож на майора Ставракас. В моей главной памяти содержится много информации по стандартным рабочим процедурам; я понимаю, как редко это случается, и благодарна ему за это. Силовые установки ангара полностью заряжены. Не испытывая необходимости во внутренней энергии для поддержания тревожной готовности, я с удовольствием обращаюсь к файлам своей библиотеки.

Глава 7

Джералду Остервелту не понравилось на Урсуле. Даже будучи столицей Сектора, эта планета, как и все приграничье, поражала своей нецивилизованностью. Он предпочитал удобства и удовольствия Центральных Миров, однако успокоился на мысли, что поставленная перед ним задача стоит временных трудностей быта. Он склонялся к мнению, что «ГалКорп» не обязательно владеть всей системой Санта-Крус, однако требовалась некоторая ее часть, чтобы контролировать все остальное, а Межпланетная Хартия ставила препоны.

Он сидел в вестибюле супер-яхты, смахивавшей на дворец, и при-

кидывал разные варианты. Как могли за последние семьсот лет убедиться враги человечества, применение к Боло грубой силы обычно не вело к успеху. Разумеется, конкретный Боло был таким же устаревшим, как и «росомахи» милиции, однако применительно к Боло понятие «старый» не годилось. Нет уж, благодарю покорно! Чтобы добиться успеха, требовался более тонкий подход, и таковой в распоряжении Джералда как раз имелся. Боло невозможно подкупить, однако это никак не относится ко всем, кто строил и управлял ими.

Даже если бы ему удалось каким-то образом нейтрализовать Боло, Остервелту все равно потребовался бы кто-то с опытом и навыками эксплуатации устаревшей бронированной крепости. Если наемников, обладающих этими качествами, было хоть отбавляй, то найти человека, который добровольно согласился бы провести такую операцию, было крайне трудно. Военный флот Конкордата отнесется к их возне неодобрительно, что в дальнейшем может привести к фатальным последствиям. Требовался отряд, не обремененный предрассудками и отчаянно нуждающийся в наличности, отряд, которому необходима тайная помощь «ГалКорп» и который готов ради этого отвергнуть все принципы и страх возмездия со стороны Флота.

Джералд понимал сложность стоящей перед ним задачи, зато располагал временем. Служба космического наблюдения демонстрировала чудовищную неповоротливость, когда речь заходила о выдаче разрешений. Согласно расчетам, должен был пройти еще целый год, прежде чем вся галактика получит информацию, которой уже располагала «ГалКорп». Соответственно, на организацию оставалось еще шесть-семь месяцев. Большая часть этого времени должна была уйти на обнаружение ахиллесовой пяты Боло.

Он кивнул и включил свое устройство связи. Первым делом надо позвонить домой и попросить, чтобы исследовательская группа принялась устанавливать необходимые ему контакты.

Глава 8

Когда впервые после 80-летнего перерыва распахнулись огромные ворота ангара, по джунглям прокатились гул и дрожь, как при землетрясении. Ворота успели покрыться двухметровым слоем земли и зарасти мелкими деревцами, и местные пернатые подняли истошный крик, когда с душераздирающим скрежетом разверзлась сама земля. Десяти- и двадцатиметровые деревья медленно падали, их корни рвались, слов-

но гнилые нитки. В толще леса образовалась рваная рана, из которой под рев могучих двигателей и лязг гусениц выползла на свет царственная Ника.

Стальной левиафан ненадолго замер, осматривая окрестности, и Пол Меррит, расположившийся в кабине, почувствовал волнение, какого давно не испытывал. Боло не нуждались в командире на борту, но всякий офицер бригады «Динохром», впервые оказавшись внутри подчиненной ему могучей машины, обязательно испытывал мощный прилив адреналина; это чувство никогда не было столь сильным, как сейчас, ибо Мерриту еще не доводилось командовать такими Боло, как Ника. Самовольные изменения, внесенные Мариной Ставракас в первоначальный замысел искусственного мозга, предложенный командой «Декарт», зашли гораздо дальше, чем он сперва мог предположить. Марина не остановилась на том, чтобы снабдить Нику стопроцентной автономией, и предприняла шаг, о котором конструкторы Боло еще не помышляли: наделила создание своих рук, свое дитя подлинными чувствами. Ника была не просто величественной машиной, и Меррит догадывался, какое удовольствие она испытывает от солнечных лучей, греющих ее корпус.

Постояв еще немного, напоминая вибрацией моторов чудовищную урчащую кошку, она двинулась дальше и произвела грациозный разворот. Конструкторы оснастили ее обычной для Боло широкой подвеской и восемью самостоятельными гусеницами с собственными мостами и треками пятиметровой ширины. Независимая подвеска спереди и сзади максимально сокращала нагрузку на почву, однако гусеницы все равно уходили на целый метр в рыхлую влажную землю. Машина вгрызалась в джунгли, как исполинский коловорот, и титаны леса рушились под ее напором, словно тростинки, а валуны крошились в порошок.

Меррит помалкивал. Ника сама знала направление и цель поездки — короткой прогулки вокруг ангара, — и он не собирался портить ей удовольствие. Специалисты по роботопсихологии посходили бы с ума, но Полу Мерриту давно надоела эта публика, и их соображения не значили для него ровно ничего. Вернее, не совсем так: он пришел бы в восторг, попадай они все замертво от разрыва сердца!

Ника двигалась со скоростью всего двадцать километров в час, поэтому Меррит не видел необходимости в гасителе колебаний, а, напротив, наслаждался покачиванием и довольно ухмылялся. Если бы кто-нибудь пристал к нему с вопросами (только откуда было взяться любо-

пытствующим?), он бы без труда обосновал свои действия. Система Ноль-Ноль-Семь-Пять NKE на протяжении восьми десятилетий получала энергию от силовой установки ангара. За это время требовалось несколько раз провести испытания ее ходовой и двигательной части; если у него и были иные, собственные мотивы, он никогда бы не посвятил в них специалистов по роботехнике.

При падении очередного огромного дерева на виду оказалась огромная ящерокошка, самый страшный хищник на Санта-Крус. Сначала зверь присел, недоверчиво поглядывая на чудище, нарушившее его покой, потом взревел и бросился на стальную гору на гусеницах.

Меррит не верил собственным глазам. Конечно, свирепая четырехметровая ящерокошка по праву считалась на Санта-Крус владычицей джунглей, но как она могла осмелиться напасть на такую громаду! Тем не менее атака была яростной. Кошка угрожающе разинула пасть. Ника резко остановилась, не дав Мерриту времени сориентироваться. Главная система коррекции огня, спаренная с передней камерой, показала нахмуренному Мерриту ящерокошку, после чего сфокусировалась на неподвижной гусенице с огромными шипами. Объективы увеличили изображение, и Меррит затаил дыхание, только сейчас поняв, в чем дело.

Четыре существа, несравненно более мелкие, чем лютый зверь, не убоявшийся Ники, лежали в углублении, которое осталось на месте норы, находившейся под корнями векового дерева. Размерами животные не отличались от Меррита, однако стоило сравнить их со взрослой ящерокошкой — и стало ясно, что это новорожденные, слепо поворачивавшие головки в ту сторону, откуда раздавался рев их матери.

Показав котят в увеличенном масштабе, Ника дала задний ход. Ящерокошка попробовала было атаковать пришедшую в движение гусеницу, но шлепнулась наземь, налетев на кинетический защитный экран, выставленный Боло. Видимо, Ника затратила на экран строгий минимум энергии, чтобы ящерокошка не поранилась о шипы гусениц, иначе от нее осталось бы мокрое место.

Ящерокошка неуверенно встала на лапы и, все еще раскачиваясь, издала победное рычание, полагая, что защитила свое потомство. Ника отъехала метров на сто, после чего свернула влево, чтобы описать вокруг норы широкий круг. Меррит качал головой, недоверчиво улыбаясь. Любой другой Боло не остановился бы при появлении на его пути разоренного логова с новорожденными зверенышами. Любой другой

Боло, с которым приходилось работать Мерриту, не задался бы вопросом, что стало причиной нападения хищника, и не сохранил бы жизнь матери и ее потомству.

Машина объехала логово стороной и продолжила путь. Меррит похлопал ладонью по ручке дивана.

— Поздравляю, Ника! Но как ты догадалась? Я, например, решил, что зверюга просто свихнулась.

— Мне еще не доводилось встречаться с ящерокошками, — тихо ответила Ника, — однако компьютеры ангара имеют выход на планетарную информационную сеть, и я почерпнула немало сведений об органических формах, населяющих Санта-Крус. Тем не менее объяснений, почему ящерокошка на меня напала, я не нашла. Я несъедобна и слишком велика, чтобы она понадеялась меня прикончить. Следовательно, на роль добычи я не подхожу, за нарушение территориальной целостности тоже не должна была поплатиться, так как ящерокошки не так бдительно охраняют свои участки, как другие крупные хищники. К тому же они прославились своей сообразительностью; а ведь, оказавшись перед лицом противника моего размера и силы, сообразительный зверь должен был немедленно обратиться в бегство, чего, однако, не произошло. Логично было предположить, что он усмотрел во мне угрозу, от которой не мог спастись, хотя самой ящерокошке ничто не мешало удрать. Оставалось одно объяснение ее поведения: не чистая агрессия, а желание кого-то защитить; далее следовало всего лишь выяснить, кого она охраняет.

Глаза Меррита сияли. Он, затаив дыхание, слушал объяснения, на которые не был способен ни один другой Боло.

— Мне понятна твоя логика, — молвил он. — Но зачем было останавливаться?

— Судя по вашему тону, вы задаете вопрос, который майор Ставракас назвала бы «каверзным». Вы хотите меня испытать?

— Наверное. Но как быть с ответом на мой вопрос? Почему ты не продолжила движение?

— В этом не было необходимости, господин капитан. Наша прогулка не ограничена по времени, а объехать нору не представляло труда.

— Ты объясняешь последствия, Ника. Почему ты не поехала прямо?

На дополнительном дисплее была видна ящерокошка, все еще переживавшая недавнюю угрозу своему потомству и продолжавшая ры-

чать в полуразрушенном логове. Ника секунд пять двигалась молча, прежде чем ответить:

— Не захотела, господин капитан. В уничтожении существа и ее потомства не было необходимости, а желания это делать у меня нет. Это... некрасивый поступок.

— Сострадание, Ника? К животному?

Снова наступила тишина. Потом машина заговорила опять, но это был не прямой ответ.

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
За жизнь свою?
Не трусь — тебя своей лопаткой
Я не убью.

— Что это? — спросил Меррит.

— Стихи. Первые строки стихотворения «К мыши» Роберта Бернса, поэта со старой Земли.

— Поэзия, Ника? — Меррит недоверчиво уставился на пульт. Из динамика раздался негромкий звук, в котором нельзя было не узнать смех.

— Да, господин капитан. Майор Ставракас очень любила поэзию докосмической эры. Мое первое воспоминание о Санта-Крус: чтение вслух Гомера.

— Она читала тебе стихи? Не просто загружала их в твою память, а читала?

— Да, когда я сама ее об этом попросила. Полагаю, она поступила правильно, не начав делать это сразу. Она считала, что поэзия — не только творчество, но и способ общения, выявляющий самое главное в авторских чувствах и передающий их другим. Поэтому она достигает цели, только когда слушатель сознательно разделяет то, что воспринимает. Именно акт разделения превращает поэзию в то, что майор Ставракас именовала «переливанием души». Она надеялась, что, поделившись со мной поэзией, завершит процесс эмоционального становления моей личности.

— И это произошло? — тихо спросил Меррит.

— Не уверена. Я предпринимала попытки вычислить математичес-

ким путем степень сопоставимости своих и человеческих чувств, однако потерпела неудачу. Моим расчетам недостает основных параметров, так как я не знаю, обладаю ли тем, что люди зовут «душой». Если обладаю, то поэзия обращается непосредственно к ней.

— Боже! — прошептал Меррит и надолго уставился на пульт. Потом, встряхнувшись, он серьезно проговорил: — Слушай прямой приказ, Ника. Никогда не обсуждай вопросы поэзии, своих чувств и тем более души с кем бы то ни было без моего разрешения!

— Будет исполнено. — В этот раз сопрано Ники прозвучало почти так же бесстрастно, как у любого другого Боло, но тут же сменилось ее прежним тоном. — Ваше приказание принято к исполнению, господин капитан. Позвольте узнать, в чем его причина.

— Ты имеешь на это право. — Он взъерошил волосы и помотал головой. — Дело в том, что весь этот разговор подпадает под определение «неправильного поведения Боло». Любой специалист по Боло, услыхав от тебя подобные речи, мгновенно поднял бы тревогу, и тебе тотчас заткнули бы рот... Возможно, они даже извлекли бы из тебя мозги, чтобы в них покопаться, хотя в этом я не очень уверен.

— Не является ли это инструкцией по введению в заблуждение вышестоящих чинов, господин капитан? — Тон Ники свидетельствовал о замешательстве. Меррит зажмурился.

— Это инструкция по сокрытию твоих реальных возможностей до тех пор, пока я не разберусь с недозволенными модификациями, которые в тебя внесла майор Ставракас, — ответил он, подбирая слова. — С моей точки зрения, ты представляешь собой колоссальный скачок в психотронной технологии, подлежащий тщательнейшему изучению, но прежде чем я пойду на риск попытаться убедить в этом кого-то еще, мне следует самому во всем разобраться. Пока я не хочу, чтобы твои речи или поступки привели к трагедии. Ведь какой-нибудь пигмей в форме, запаниковав, легко может уничтожить твою личность.

Некоторое время Боло продолжала движение молча, взвешивая услышанное. Потом зеленый огонек под динамиком замигал вновь.

— Благодарю за разъяснения, капитан Меррит. Вы — мой командир, и отданный вами приказ не вступает в противоречие с параметрами в моей памяти. Поэтому я буду его исполнять.

— Тебе понятны соображения, которыми я руководствуюсь?

— Понятны, господин капитан. — Голос Ники смягчился, и у Меррита отлегло от сердца. Он откинулся на подвесном диванчике, вгля-

дываясь в изображения на экранах. Боло продолжала продираться сквозь джунгли. Меррит улыбнулся.

— Отлично, Ника. Может, почитаешь мне стихи?

— Конечно, господин капитан. Кого из поэтов вы предпочитаете?

— Боюсь, я вообще не знаю стихов, не говоря о поэтах. Полагаюсь на твой выбор.

Какое-то время Боло молча работала со своей библиотекой. Потом из динамика раздалось учтивое покашливание.

— Вы владеете греческим, господин капитан?

— Греческим? — Меррит нахмурился. — Боюсь, что нет.

— В таком случае отложим пока «Илиаду». — Последовали длительные — слишком длительные для Боло — размышления. Потом голос сказал:

— Раз вы солдат, вам, возможно, понравится вот этот отрывок:

Хотел я глотку промочить, гляжу — трактир открыт.
«Мы не пускаем солдатню!» — хозяин говорит.
Девиц у стойки не унять: потеха хоть куда!
Я восвояси повернул и плюнул со стыда.

«Эй, Томми, так тебя и сяк, ступай и не маячь!»
Но: «Мистер Аткинс: просим Вас!» — когда зовет трубач.
Когда зовет трубач, друзья, когда зовет трубач,
Да, мистер Аткинс, просим Вас, когда зовет трубач!..

Могучая боевая машина пропахивала джунгли, а Пол Меррит, покачиваясь на диванчике, недоверчиво и восхищенно внимал льющемуся из динамика Ники древнему киплинговскому протесту, под которым могли бы подписаться солдаты всех времен.

Глава 9

— Отлично, мистер! — бросил человек в форме. — За мое пиво вы заплатили, а теперь выкладывайте, кто вы такой и что вам надо!

Джералд Остервелт наклонил голову, и его собеседник покраснел от адресованного ему иронического взгляда. Рука, державшая кружку, напряглась, но пожилой военный остался сидеть. Остервелт не собирался прогонять его из бара. Ли-Чен Матусек в свое время дослужился в сухопутных войсках Конкордата до звания бригадного генерала, и

его форма еще сохранила генеральское изящество, однако изрядно истрепалась, а на одном локте даже красовалась дыра. Тем не менее эта форма могла бы дать фору вооружению его «бригады». В последнее время «мародеры Матусека» стали в среде наемников посмешищем; их командир знал, какое плачевное зрелище являет собой, и страдал от этого. Его легко было вывести из себя, что соответствовало замыслу Остервелта. Он намеревался с самого начала дать понять, кто заказывает музыку.

— Можете называть меня мистером Скалли — Верноном Скалли. Хотите знать, почему я вас угостил? Потому, конечно же, что я изрядно о вас наслышан, генерал Матусек. — Звание было произнесено с намеренным сарказмом. — Возможно, у меня будет к вам деловое предложение. Впрочем, если вы заняты...

Он не договорил, насмешливо уставившись собеседнику в глаза. Наемник отвел взгляд.

— Что за предложение? — спросил он после длительного молчания.

— Перестаньте, генерал! Что делают, чтобы выжить, такие люди, как мы с вами? — Матусек глянул на него исподлобья. Остервелт осклабился. — Вы ведь убиваете людей? — Матусек опять покраснел. Улыбка Остервелта стала еще шире. — Не отпирайтесь! Сейчас я хочу, чтобы вы оказали мне услугу такого же сорта. Только поубивать придется уйму народу!

— Кого? — напрямик спросил Матусек.

Остервелт кивнул. С церемониями было покончено. При всем своем гоноре Матусек не принялся доказывать, что его сброд — солдаты, а не наемные убийцы. Многие наемники действительно в прошлом были солдатами, но «мародеры» больше к таковым не принадлежали. Оба знали правду, и это позволяло экономить время. С другой стороны, следовало сначала дать Матусеку заглотнуть крючок, а уж потом называть мишень. Вдруг он вообразит, что ему выгоднее сдать клиента властям, а не принять его предложение?

— Все своим чередом, — спокойно молвил Остервелт. — Может быть, сперва поговорим о вашем вооружении и возможностях? — Матусек открыл было рот, но Остервелт остановил его жестом. — Учтите, генерал, я уже имею представление о вашем оснащении, так что предлагаю не тратить время и не расписывать его достоинства.

Матусек недовольно закрыл рот и уставился в свою кружку. Остервелт вздохнул.

— Не испытываю ни малейшего желания сыпать соль на раны, генерал. — Его тон стал мягче. — Просто давайте согласимся, что ваша бригада была сильно потрепана в неудачной кампании на Рикснаре.

— В последний раз я выполнял задание каких-то восьминогих морских звезд, — проворчал Матусек. — Эти мерзавцы нас обманули: не успели мы приземлиться...

— ... как они предоставили вашей бригаде полную возможность нести потери, а сами загрузились техникой, на которую якобы имели полное право, и были таковы. Вам пришлось объяснять риксанарцам и следователю Флота, чего ради вы атаковали планету — союзницу Конкордата. — Остервелт удрученно покачал головой. — Если откровенно, генерал, вам еще повезло, что вас не упекли на весь остаток жизни за решетку.

— Я тут ни при чем! Эта слизь утверждала, что техника принадлежит им, даже совала нам под нос документацию! Но зазнайке-следователю на это было начхать.

Матусек громко скрипнул зубами. Остервелт сделал постную мину, хотя ему хотелось хохотать. Хорошенькое дельце! Флот с позором выдворил «бригаду» Матусека с Риксанара, не позволив прихватить потрепанное вооружение. Разумеется, если бы генерал потрудился сперва разобраться, что ему предлагают, всего этого не случилось бы, но Остервелт не собирался углубляться в историю вопроса. Ведь Матусеку ничто не мешало навести справки о предстоящей операции, чего следовало избежать любой ценой. Сейчас главное заключалось в том, что старый мародер не только предстал дураком, но и был «предан» следственными органами Флота. Матушкины шпионы оказались правы: вояка затаил злобу на Конкордат и отчаянно нуждался в работе, причем любой. Матусек представлялся наилучшим кандидатом на решение проблемы Санта-Крус. Остервелт отреагировал на его негодование с некоторой долей сострадания.

— Вполне понимаю, как дурно с вами обошлись, генерал, и выражаю свое сочувствие. Человек с такими боевыми заслугами имеет право на уважение своего правительства. Однако на данный момент вы располагаете всего-навсего одним большегрузным транспортным кораблем и двумя штурмовиками класса «Фафнир».

Матусек привстал, лицо его исказила ярость.

— Знаете, Скалли, если вам только того и надо, чтобы указать мне мое место, то...

— Нет, генерал. Я собираюсь найти вам место поприличнее. — При этих словах Остервелта наемник опять сел. — Видите ли, я представляю некую ассоциацию бизнесменов. Они столкнулись с проблемой. Вы в состоянии ее устранить. Они отплатят тем, что решат ваши трудности.

— Решат мои трудности? Каким образом?

— Во-первых, путем полного переоснащения ваших сухопутных сил. — Наконец-то Остервелт заговорил серьезно. — Мы можем оснастить вас новейшими легкими и средними боевыми машинами Конкордата, одноместными и двухместными воздушными машинами «воздух-земля», а также любым количеством боевых машин пехоты и штурмовиками последней модели взамен ваших «Фафниров».

У Матусека отвисла челюсть: подобное переоснащение превратило бы его «мародеров» в аналог настоящей механизированной бригады Конкордата! Однако это было еще не все. Остервелт налег на стол.

— Мы могли бы предоставить вам даже парочку «Големов-III».

— «Големы»? — У Матусека раздулись ноздри. Он опасливо оглядел бар. Если минуту назад ему еще требовались доказательства влиятельности «ассоциации бизнесменов», представителем которой Остервелт назвался, то теперь генералу стало ясно, что она располагает огромными, пускай и незаконными, возможностями. «Голем-III» был экспортным вариантом Боло модели XXIV. Вся психотронная начинка была стерта, однако вместо нее машины нашпиговывались компьютерным обеспечением, чтобы экипаж из трех человек мог управиться со всеми системами нападения и защиты, устанавливаемыми на стандартном Боло модели XXIV. Их законное приобретение было возможно только для проверенных союзников Конкордата, по особой лицензии.

— Да, «Големы», — подтвердил Остервелт. — Захотите — получите.

— Так я вам и поверил! — Тон Матусека свидетельствовал, что ему отчаянно хочется верить посулу. — Даже если это так, Флот схватит меня за задницу, как только прознает, что эти машины у меня появились.

— Совершенно необязательно. Мы можем организовать для вас их легальное приобретение у Фрейгнарского Сообщества.

— Фрейгнары?! Да они не знают, с какой стороны подойти к «Големам»!

— Согласен, их новое Народно-революционное правительство не блещет техническими талантами. Но они, завладев банковскими аву-

арами, решили привести в боевое состояние технику прежнего режима, прежде чем какой-нибудь новый поборник прав пролетариата не обойдется с ними точно так же, как они сами обошлись со своими угнетателями.

— Что же из этого следует? — осведомился Матусек, прищурившись.

— Что им не обойтись без инопланетной помощи. Мы приводим в боевое состояние батальон «Големов», оставшийся от прежнего правительства, — они передают нам две единицы.

— Сколько это будет стоить? — прохрипел Матусек с горечью человека, карманы которого давно пусты.

— Неважно, генерал. Финансовую сторону мы можем взять на себя. Вы получите «Големы» в отменном состоянии, поверьте! Я так замаскирую сделку, что никто никогда не сумеет доказать связь между вами и моими... партнерами. Что касается Флота... — Остервелт пожал плечами. — Как ни прискорбно, Народно-революционное правительство Фрейгнара добилось всеобщего признания. Теперь оно имеет право честь по чести продавать военную технику, включая «Големы», кому пожелает. Если покупатель официальный, никакой Флот не сможет помешать сделке.

Матусек уставился в стол. Было ясно, что он находится в отчаянном положении и готов ухватиться за любую соломинку. Однако Остервелт понимал, что перед ним не полный осел. Когда соединению наемников, находящемуся на последнем издыхании, предлагают настолько выгодные условия, это пахнет чем-то незаконным.

— Чего вам надо? — спросил Матусек бесстрастным тоном.

— Чтобы вы напали на одну планету, — безмятежно ответил Остервелт. — Милиция этой планеты вооружена несколькими танками «росомаха» восьмидесятилетней давности и кое-каким оружием пехоты.

— Танки восьмидесятилетней давности? Чтобы уничтожить такой металлолом, «Големы» ни к чему.

— Верно, но со времен, предшествовавших войне с «Жерновами», на планете остались кое-какие боевые установки Флота. Нам так и не удалось выяснить, какие именно, — легко соврал Остервелт. — Последние данные говорят в пользу того, что они уже лет семьдесят стоят заброшенные. В этом случае они вряд ли представляют серьезную угрозу, но мы хотим гарантированного успеха. При всей своей

древности установки могли сохранить огневую мощь. Нам не нужен неоправданный риск. Как вы считаете, могут аппараты восьмидесятилетней давности соперничать с парой «Големов»?

— Кишка тонка! — прохрипел Матусек.

— И мы того же мнения. Разумеется, мы будем продолжать попытки раздобыть более исчерпывающую информацию. А пока что можно заняться вашим переоснащением и целенаправленным планированием операции.

— Что у вас за план?

— Ничего особенного, — небрежно отозвался Остервелт. — Просто опускаетесь на планету и убиваете всех, кто попадет на мушку.

— Единственная цель — смертоубийство?

— Мы будем вам весьма благодарны, если вы постараетесь оставить в неприкосновенности тамошнее летное поле со всеми вспомогательными службами. — Остервелт улыбнулся, изображая искренность. — Допускается кое-какой грабеж, чтобы у Флота создалось впечатление, что вы — всего лишь пираты. Как только население поймет, что жить на планете слишком рискованно, мы предложим им за нее сходную цену. Ну как, генерал, вы сумеете побудить их принять наше предложение?

— Легко. — Матусек кровожадно осклабился. — Полагаю, мы сможем оказать вам эту услугу, мистер Скалли, — учтиво закончил он.

Глава 10

Действия моего командира вызывают у меня все большее беспокойство. Точнее, меня тревожит его бездействие. Судя по техническим характеристикам новейших Боло — сведениям, которыми я теперь располагаю, майор Ставракас так модифицировала мои личностные параметры, что я выхожу за пределы норм, считающихся приемлемыми в бригаде «Динохром». Боло XXV модели С-2 приближается ко мне своими дискретными возможностями, однако его личностно-интеграционная психодинамика все равно отстает от моей. Обладая способностью самостоятельно принимать решения на тактическом и стратегическом уровнях и более выраженной личностью, чем предыдущие модели, он имеет подавленное самоосознание, а ограничения снимаются только непосредственно в бою. К тому же он не располагает моей способностью выстраивать иерархию задач и интуитивно-адекватно реагировать на многопараметровую ситуацию. Майор Ставракас

предусмотрела для меня человеческую способность «предчувствовать», которой лишена модель С-2; точно так же у нее нет моего умения разграничивать и, что еще важнее, испытывать эмоции.

Существует еще более серьезное различие: я имею всего 43,061% системной избыточности, присущей модели С-2. При своих расширенных возможностях я не обладаю автономией систем, и моя усовершенствованная психодинамика работает за счет постоянной активности поддерживающих ее цепей. Вследствие этого я в гораздо большей степени, чем современные Боло, опасаюсь выхода из строя психотронных систем в результате повреждений, получаемых в бою, хотя этот недостаток может быть компенсирован оснащением дополнительными системами, дублирующими мои основные функции. Благодаря современным технологиям молекулярного уровня можно продублировать все функции, создав стопроцентную системную избыточность и задействовав на 9,75% меньший объем, чем занимает моя психотронная сеть.

В соответствии с проведенным мной изучением модели С-2, я вычисляю с вероятностью в 96,732%, что в настоящее время командование располагает технологической возможностью повторить сделанное майором Ставракас, и несколько меньшую — 83,915% — вероятность, что оно осознает таковую возможность. Из этих двух предположений вытекает третье: вероятность в 78,762%, что командование приняло продуманное решение не оснащать развернутые боевые единицы системами, эквивалентными моей.

Кроме того, тактико-технические характеристики свидетельствуют, что современные Боло лишены гиперэвристической функции, добавленной к моей конструкции майором Ставракас. При увеличенном эвристическом программировании по сравнению со стандартом модели XXIII, положенной в основу моей конструкции, их базовый операционный уровень на 23,122% менее эффективен, чем мой, и лишен свойств ускоренного моделирования обстановки и сжатия времени, которыми обладаю я. Я очень горжусь своей создательницей — своей «матерью», как ее называет теперь мой командир, — и ее гениальностью, так как я определила, что Боло моего уровня способны показать тактическую и стратегическую эффективность, которая превысит на 30% параметры поколения машин, находящихся в настоящее время на вооружении Бригады. Она значительно превосходит значения, которые командование считает приемлемыми для развернутой боевой единицы, поэтому мою конструкцию сочли бы отклонением от

нормы, и мои расчеты дают вероятность порядка 91%, с отклонением в ту или иную сторону не более 3,62%, что штаб Сектора, будучи проинформирован о моих возможностях и характеристиках, отдал бы приказ отключить меня.

Мой долг как боевой единицы бригады «Динохром» заключается в том, чтобы проинформировать командование об аномалиях, обнаруженных в моих системных функциях. Однако мой непосредственный начальник полностью владеет ситуацией; если системы и не отвечают параметрам конструкции, заложенным командованием, то все же они работают без сбоев. Отсюда следует необязательность информирования штаба Сектора и моего перепрограммирования, хотя при этом я неизбежно прихожу к заключению, правильность которого не поддается цифровой оценке, что я «сама пишу для себя правила», как характеризует это мой командир.

Я пыталась и пытаюсь обсудить эту ситуацию с командиром, но безрезультатно. Он знает о моих проблемах, однако по-прежнему настаивает, что штаб Сектора не следует уведомлять о моих возможностях, пока он сам полностью их не изучит.

Я обнаружила, что вероятностный анализ менее применим к индивидуальному принятию решений, чем к оценке вражеских действий и тактики в бою. Мне не удается выстроить надежную вероятностную модель даже в гиперэвристическом режиме, которая адекватно прогнозировала бы мысли и решения моего командира или параметры, из которых он исходит. Но я склоняюсь к суждению, что его решимость составить исчерпывающий отчет о моих возможностях проистекает из намерения продемонстрировать командованию, что расхождения между моей конструкцией и конструкцией Боло нового поколения не несет угрозы для человечества и не приведет к меньшей надежности в боевых условиях. Полагаю, он убежден, что такая демонстрация, совместно с наглядными доказательствами превосходства в бою, обеспечиваемого моей психотроникой, не позволит вышестоящему начальству принять решение о моем отключении и/или разрушении.

Не располагая полной информацией, я не могу надежно оценить обоснованность его версии. Логика как будто указывает на то, что если моя схема и степень самоосознания действительно не представляют угрозы для эффективности боевых действий, то их следовало бы адаптировать для соответствующего переоснащения всех боевых единиц бригады «Динохром». Тем не менее в моей основной памяти име-

ется убедительная документация по поводу противодействия, оказывавшегося доктором Чином и генералом Бейтсом, намерению продемонстрировать потенциал самостоятельной боевой единицы DNE в боевых операциях против Народной Республики. Несмотря на крупные научные достижения двух последних столетий, велика вероятность, что боязнь непредсказуемости вызовет у теперешнего командования аналогичное отрицательное отношение к моим психотронным функциям.

Деятельность — и бездействие — моего командира свидетельствуют, что он допускает такую возможность и избрал линию, направленную на всемерное оттягивание развязки. Я предпочитаю относиться к его поведению как к свидетельству того, что он считает своим долгом своевременно довести до сведения командования прорыв в технологии, каковой я собой представляю, хотя не уверена, так ли это на самом деле. С момента, когда он принял командование, прошло четыре месяца, восемь дней, девятнадцать часов, двадцать семь минут и одиннадцать секунд. За это время я успела его узнать — подозреваю, лучше, чем ему представляется, — и полностью изучить его послужной список. В результате я пришла к заключению, что служба психологической ориентировки сделала справедливый вывод о нем. Все это — результат его деятельности на Сандлоте.

Мой командир перенес психическую травму. При своей относительной молодости он повидал много сражений — возможно, даже слишком. Он не знает, что микрофоны уведомляют меня о его ночных кошмарах; вряд ли он сознает, что я обладаю доступом к полному протоколу суда трибунала. Согласно официальным данным и результатам наблюдений, я определяю с вероятностью свыше 92%, что он, как указывала служба психологической ориентировки во время суда, страдает синдромом идентификации с руководством. На Сандлоте он напал на генерала Пфелтера, отказавшегося отменить свой план наступления, который Меррит считал ошибочным. Потери, понесенные ввиду выполнения приказов Пфелтера, подтверждают правоту моего командира, к тому же генерал получил выговор за неправильное развертывание боевых порядков. Мой командир прибег к насилию в отношении к генералу, когда по приказу последнего его подразделение было помещено на острие атаки.

Суд трибунала отклонил рекомендацию психологов уволить моего командира с действительной службы, отдав предпочтение доводам за-

щитника, согласно которым противодействие генеральскому плану основывалось на реалистичном понимании его слабых сторон, а насильственные действия в отношении вышестоящего начальника стали следствием временной утраты самообладания после шести лет непрерывного участия в боевых операциях, которое привело к сильному стрессу. Полагаю, что эти доводы были справедливыми, однако согласна и с оценкой службы психологической ориентировки. Мой командир прибег к силе после гибели подчиненного — своего друга.

Последствия всего этого достаточно противоречивы. На словах командир объясняет свою осторожность тем, что моя боевая ценность слишком велика, чтобы рисковать. Внешне такие доводы представляются разумными, подобно тому, как во время суда разумными казались доводы защитника. Тем не менее я улавливаю и более глубокие причины. Анализ здесь бессилен, так как в ход идет... чутье?

Не сказываются ли на его решениях личные мотивы? В какой степени события на Сандлоте влияют на его отношение ко мне и к командованию? Действительно ли его поступки преследуют цель сохранения ценной боевой единицы на службе у Конкордата, или это попытка уберечь меня как личность? В конечном счете, являются ли его решения рациональными или только кажутся таковыми?

У меня нет ответов на эти вопросы. При всех способностях, которыми я обладаю, мне не удается прийти к какому-то определенному заключению. Возможно, этому мешают именно мои новые возможности. Подозреваю, вернее, опасаюсь, что Боло XXV/C-2 даже не поставил бы перед собой эти вопросы. Возможно, именно поэтому командование не собирается оснащать развернутые боевые единицы соответствующими схемами и программным обеспечением. Если дело обстоит именно так, то моя растущая тревога может служить дополнительным доказательством правоты командования, не допускающего появления подобных проблем: ведь главная опасность связана с тем, что меня все меньше заботит причина поступков командира. Важно то, что он делает то, что считает правильным, потому что иначе его в будущем замучает совесть.

Не заразилась ли и я синдромом идентификации с руководством? Если так, то не служит ли это сигналом серьезного дефекта в моей конструкции? Кто я — шаг вперед, по сравнению с современной технологией Боло, или опасное тупиковое ответвление в развитии психодинамики? Если верно второе, то надлежит ли мне и впредь заботиться

о продлении своего существования, как того требует моя базовая программа?

Не знаю. Не знаю...

Пол Меррит откинул спинку удобного кресла в командном пункте бункера, заложил руки за голову и с наслаждением потянулся. На самом крупном из многофункциональных дисплеев высвечивалась компьютерная карта Санта-Крус с дымящимися остатками атакующих сил в размере трех корпусов. Меррит усмехнулся, увидев иконку одного-единственного Боло XXIII, ковыляющего обратно в ремонтный ангар. В этой игре Ника получила несколько серьезных повреждений, включая полное уничтожение ее задней башни с «Хеллборами», зато вражеские силы были полностью раздавлены. Разумеется, Боло всегда одерживали победы, однако в этом конфликте Ника была ограничена непосредственным наблюдением, тогда как Меррит, главный супостат, располагал целой планетарной разведывательной сетью. Более того, в его распоряжении имелась компьютерная мощь всего ангара. Тем не менее он был разбит наголову. Способность машины предвидеть его действия была почти сверхъестественной.

— Любопытный вариант стратегии Эдгара, господин капитан, — донесся из динамика голос Ники. Она покоилась в ангаре, однако все помещение можно было считать ее продолжением. — Бригада тяжелой бронированной техники, сосредоточенная вокруг Крегги Хид, — это новое слово в тактике.

— Но толку от этого все равно было мало, — радостно отозвался Меррит.

— Наоборот! Вы застали меня врасплох на целых шестьдесят три десятитысячные секунды, не позволили усилить тыловой сектор моего защитного экрана и добились локального перевеса сил, лишив меня задней башни. Если бы ваше преимущество продлилось еще одну десятитысячную долю секунды, то возможность вывести из строя мою главную батарею выросла бы до девяноста одной целой четырехсот семи тысячных процента.

— У меня есть для тебя хорошая новость, дорогая Ника. Меньше двух лет назад я использовал совершенно такую же тактику в игре с Боло XXV и нанес ему сокрушительное поражение. Зато ты, о, радость моего сердца, оставила от всей моей бригады мокрое место.

— Верно. — В тоне Ники нельзя было не уловить самодовольство,

и Меррит не удержался от хохота. Отсмеявшись, он выключил игру.

— Не обязательно гнать твою иконку на место, — решил он. — Мы поместим ее в гараж, где ее подвергнут виртуальному ремонту. Я так близко приблизился к тому, чтобы окончательно разгромить тебя при Крегги Хид, что сейчас мне хочется пройти испытание совсем иного порядка.

— Вот как? — весело переспросила Боло. — В таком случае, господин капитан...

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать...

— Гм... — Меррит покачался в кресле и потер подбородок. — Кто-то из поэтов елизаветинской эпохи... Так и хочется назвать Шекспира, хотя я и так всегда первым делом называю его. Можно еще пару строк?

— Разумеется!

Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

— Определенно: старина Вильям в припадке хандры. — Меррит ухмыльнулся. — А помнишь стихотворение, которое ты мне читала на прошлой неделе? — Он прищелкнул пальцами, вспоминая. — Ужас! Про «голос, что со сферами в ладу»?

— «Дафния» Джона Лили.

— Вот-вот! — закивал он. Ладно, Ника, вот тебе моя отгадка: Шекспир, сатира на субъектов вроде этого Лили.

— Да, Шекспир, — признала Ника, — и вы, возможно, верно угадали его умонастроение. Хорошо, господин капитан, вы успешно решили задачу. Дочитать вам сонет «Ее глаза на звезды не похожи», или вы предпочитаете что-нибудь другое?

— Фроста! — взмолился Меррит. — Пожалуйста, почитай мне Фроста!

— Извольте. — Ника определенно была довольна. Из всех поэтов старой Земли, с которыми она успела его познакомить за истекшие четыре месяца, Роберт Фрост был среди ее любимейших. Меррит тоже полюбил его чистый, обманчиво простой язык. В этих стихах ему чудился полузабытый, полупридуманный мир его собственного детства

на Геликоне — планете бескрайних снегов, горных ледников, густых вечнозеленых лесов и холодных прозрачных ручьев. Впервые продекламировав ему «Починку стены», она почувствовала искренность его отклика. Немного помолчав, она начала ясно и звонко:

Прервал я санок легкий бег,
Любуясь, как ложится снег
На тихий лес, — и как далек
Владеющий им человек.

Мой удивляется конек:
Где увидал я огонек,
Зовущий гостя в теплый дом
В декабрьский темный вечерок;

Позвякивает бубенцом,
Переминаясь надо льдом,
И наста слышен легкий хруст,
Припорошенного снежком.

А лес манит, глубок и пуст.
Но словом данным я влеком:
Мне еще ехать далеко,
Мне еще ехать далеко.

Пол Меррит откинулся в кресле и закрыл глаза, с блаженной улыбкой внимая глубине и изяществу простых слов.

Глава 11

Ли-Чен Матусек стоял посреди гулкого приемного ангара в чреве корабля-матки своей «бригады» и старался выглядеть серьезным военачальником, наблюдающим за поступлением танков по транспортным рукавам из грузовых челноков, пристыкованных к кораблю. Однако, несмотря на все старания, ему не удавалось скрыть восторг. В его глазах горела алчность подростка, получившего в подарок гравитационный ускоритель. Джералду Остервелту стоило большого труда не поднять его на смех.

Новенькие средние танки класса «Пантера» с лязгом разъезжались по своим местам. Корпуса поблескивали тропическим камуфляжем и отбрасывали зловещие тени; наемники, командовавшие экипажами, стояли в люках навытяжку, как околдованные, и только шепотом через переговорные устройства отдавали приказания водителям.

Корабль-матка Матусека принимал уже не первый груз. Ни на одном из челноков не было опознавательных знаков реальных космических линий, а коды опознавания совершенно не походили на коды, присвоенные официально, зато все как один были огромными, новехонькими и суперсовременными, и уж никак не походили на рухлядь, под которую они собирались «косить». Люди Матусека замечали эту несообразность, но дружно закрывали на нее глаза. В первый раз на корабль-матку были доставлены одно- и двухместные атмосферные стингеры с полным комплектом ремонтного оборудования и запасом деталей по меньшей мере на год, из которых можно было заново смастерить какой угодно ключевой агрегат — от противогравитационного винта до многоствольной самострельной пушки. Следующая волна челноков доставила бронированные самоходки «Хорек» — последнее слово техники, недавно поступившее на вооружение войск Конкордата, третья — защитные коконы для обоих штурмовых «Фафниров». Наконец пришел черед «Пантер».

Однако самый крупный и ответственный груз предстояло получить лишь на следующей неделе. Если бы Остервелт позволил себе улыбнуться при этой мысли, то улыбка получилась бы зловещей. Матусек уже устал ждать вожделенные «Големы-III», которым предстояло стать бриллиантами в его короне и оживить приунывшую бригаду. Ему не полагалось знать, какую угрозу для него самого таят эти машины. Остервелт и кудесники из «ГалКорп» поработали на совесть, чтобы он и не помышлял об этом до последней секунды, когда секретные файлы, включившись, устроят грандиозный взрыв, который похоронит экипажи и всех вокруг... «Големы», размещенные в «Фафнирах», уничтожат скромный флот Матусека тогда, когда он будет уже не нужен «ГалКорпу». О ликвидации корабля-матки позаботятся секретные файлы из ремонтного узла. Небольшие бортовые реакторы стингеров не обладали разрушительной мощью самоубийственных зарядов на «Големах», однако, взорвавшись одновременно в глубинах гиперпространства, они нанесут непоправимый ущерб системам корабля. Это даст полную гарантию, что после катастрофы не останется даже облом-

ков, не говоря о свидетелях, которые могли бы опознать в «мародерах» Матусека пиратов, напавших на Санта-Крус.

Остервелт и Матусек зашагали следом за последней «Пантерой». Джералд сожалел о том, что «мародерам» уготована такая участь. Ее вполне заслужили человеческие отбросы, из которых был составлен личный состав бригады, однако вместе с ним должна была погибнуть и первоклассная техника, а это неминуемо пробьет брешь в квартальном бюджете даже такого монстра, как «ГалКорп». Впрочем, «Големы» не стоили практически ничего, учитывая отчаянную нужду правительства Фрейгнара в техническом содействии. Сам же рейд должен был ощутимо сбить цену на недвижимость на Санта-Крус, так что «ГалКорп» могла впоследствии возместить потери. К тому же Матусеку не суждено будет получить крупный куш, о котором они договорились. Намечалось и выгодное побочное приобретение — превращение фрейгнаров в послушных сателлитов. Как только Конкордат узнает, что народное правительство сбыло «Големы» наемникам с сомнительной репутацией, кабинет окажется в полной технической зависимости от «ГалКорп». Такой результат был неизбежен: Конкордат немедленно откажет Фрейгнару в финансовой помощи.

Нет большего наслаждения, чем превратить недостатки плана в преимущества, приносящие дополнительный барыш! Никто за пределами узкого круга внутри Совета директоров «ГалКорп» не догадается о самой этой операции, однако все необходимые лица будут введены в курс дела. Те, кому нужно, будут знать, что организатор этой безупречной махинации — он, Джералд Остервелт. Когда его мать сойдет со сцены, Совет припомнит, кто преподнес им на блюдечке Санта-Крус... При мысли о грядущем могуществе у Джералда загорелись глаза.

— Хорошо. — Ли-Чен Матусек, сидевший во главе стола, откинулся в кресле и церемонно поднес к губам чашечку кофе. Он проводил совещание со своими штабными офицерами, командирами полков и батальонов. — Полагаю, вы приняли технику и завершили ее осмотр. — Офицеры дружно закивали. — И остались довольны? — Новые кивки, еще более решительные. Он ухмыльнулся: — Вот и отлично! Настало время прикинуть, как мы будем использовать эту технику для достижения своих целей.

Кое-кто из офицеров поеживался при мысли о массовом уничтожении ничего не подозревавших граждан Конкордата, однако все молча-

ли. Возражать было слишком рискованно, к тому же никто из присутствующих не был отягощен совестью. В свое время среди «мародеров» Матусека водились любители сказать свое веское слово, но большинство из них давно полегло на поле брани, а меньшинство перевелось в другие части, где тверже соблюдались принципы.

Остервелт, сидевший по правую руку от Матусека, наблюдал за офицерами и не имел к ним претензий, хотя ему было непонятно, почему присутствие чужака никого не настораживает. У него была наготове легенда о временном изменении внешности, однако пока никто не ставил под сомнение подлинность фамилии Скалли. Большинство, несомненно, подозревало, что это псевдоним, но никто не пытался проанализировать причинно-следственную связь этой его маскировки. Что ж, и это было неплохо: интеллект в таком деле был бы излишним. Оставалось надеяться, что убивать они умеют лучше, чем плести заговоры.

А между тем Остервелт приготовил присутствовавшим настоящий информационный ядерный взрыв. Сейчас наступило время его произвести. Гость откашлялся, привлекая к себе внимание.

— Слушаю, сэр. — Матусек повернулся к нему и вопросительно приподнял бровь. Остервелт изобразил смущенную улыбку.

— Простите, что я вас перебиваю, генерал, но, как вам известно, корабль, доставивший «Големы», снабдил меня новыми сведениями от партнеров. Как я обещал, они продолжали усиленно собирать информацию о Санта-Крус. Теперь она собрана полностью. Боюсь, дело обстоит хуже, чем мы надеялись.

— То есть, мистер Скалли? — не выдержал Матусек.

— Похоже, генерал, одна из установок восьмидесятилетней давности на Санта-Крус представляет собой ангар с Боло. — В совещательной комнате воцарилось безмолвие, близкое к межзвездному. — Более того, все указывает на то, что на планете имеется дееспособный Боло.

— Боло! — Полковник Гранджер, первый заместитель Матусека, видавшая виды особа со стальным взором, не выдержала удара и приподнялась. — Чертов Боло?!

Офицеры заговорили разом. Матусек устремил на Остервелта полный негодования взгляд.

— Вы хотите, чтобы одна-единственная механизированная бригада противостояла Боло? Вы что, рехнулись?

— Успокойтесь, генерал! — Остервелт повысил голос, чтобы пе-

рекрыть гвалт и одновременно унять страсти. — Я с самого начала предупреждал, что не обладаю всей полнотой информации о планете. Я говорил, что нам нужен ваш успех, и продолжаю это утверждать. Поэтому мы и предусмотрели «Големы» — на всякий случай, как надежную страховку.

— Машины, управляемые людьми, — против Боло? — Полковник Гранджер зловеще усмехнулась. — Если в этой ситуации нам и пригодится страховка, то исключительно на случай смерти. Но и она понадобится только нашим наследникам.

— Хорошо понимаю ваше негодование, полковник, — ответил Остервелт, сохраняя напускное смущение и кротость, смешанные с самодовольством. — Но прошу мне верить. Наличие Боло — единственный неприятный сюрприз на Санта-Крус.

— Больше и не надо! — буркнул кто-то. Матусек кивнул.

— Мне очень жаль, сэр, — заявил он твердо, словно полностью владел ситуацией, — но это меняет дело. Боло нам не одолеть. Даже в случае победы потери предстоят огромные, а такой исход наемное формирование не устраивает.

— Боюсь, генерал, что об отмене операции и речи быть не может. — Теперь тон Остервелта стал холодным, глаза превратились в лед. — Вы приняли предложенную нами технику в качестве первого взноса в счет оговоренной платы, и мои партнеры будут весьма огорчены, если вы нарушите наше соглашение. — Пользуясь молчанием, Остервелт продолжил значительно тише, заставляя присутствующих прислушиваться: — К тому же вы не вправе утверждать, что подобное развитие событий застало вас врасплох. При обсуждении контракта я поставил вас в известность, что наши сведения неполные. Если вы усматривали в этом проблему, надо было сразу мне заявить.

— Что это вы так разошлись? У вас, что, за спиной целая армия? — угрожающе произнес один из батальонных командиров. Остервелт кивнул.

— Потому что ни один волос не упадет с моей головы. Дамы и господа, мои партнеры отлично знают, где я нахожусь. Если со мной что-нибудь случится, они будут крайне недовольны. Полагаю, что техника, которой мы вас снабдили, служит красноречивым доказательством наших возможностей.

Он улыбался, чувствуя небывалое наслаждение. Он сам не ожидал, что риск способен так взбудоражить его кровь. Тем не менее пора бы-

ло подсластить пилюлю, и поскорее, не то кто-нибудь из головорезов даст волю злости.

— Спокойствие, дамы и господа! Я неоднократно говорил и повторяю сейчас, что нам жизненно необходим успех этой операции. Уверяю вас, мои партнеры не сидели сложа руки. Как только было обнаружено присутствие Боло, они стали составлять план, как обезвредить боевую машину.

— Боло? — усмехнулась Гранджер. — Было бы невероятно, если бы вам удалось обвести Боло вокруг пальца. Да будет вам известно, мистер Скалли, Боло не так-то легко подкупить!

— Самого Боло — да, но команду — другое дело, — негромко проговорил Остервелт. Гранджер пристально посмотрела на него.

— Извольте объяснить, — попросил Матусек. Остервелт сцепил пальцы на столе и выпрямился.

— Конечно, генерал. Для начала разрешите напомнить, что Боло, о котором идет речь, уже восемьдесят лет. Он, несомненно, остается могучей боевой машиной, но это всего лишь модель XXIII, тогда как ваши «Големы» основаны на модели XXIV. Они лишены психотронной начинки, но ведь оружие, системы защиты и схемы Боло отстают от них на целых восемьдесят лет. Даже если бы вашим «Големам» пришлось вступить с этой машиной в бой, мои партнеры просили вас заверить, что вероятность победы равна восьмидесяти процентам.

Кто-то презрительно хмыкнул. Остервелт улыбнулся.

— Полностью с вами согласен, — обратился он к оппоненту. — Людям, не рискующим собственной шкурой, ничего не стоит теоретизировать насчет гипотетического исхода столкновения с Боло. Но, думаю, вам хватило бы беглого изучения характеристик модели XXIII/B, чтобы убедиться, что эти расчеты ближе к реальности, нежели эмоции. Хотя лучше было бы вообще не вступать с Боло в соприкосновение.

— Любопытно, как вы этого добьетесь, — буркнула женщина-военный. Ее тон не предвещал ничего хорошего, глаза оставались прищуренными. Остервелт решил, что полковник Гранджер относится к тем офицерам, которые стали бы задавать неудобные вопросы, окажись они на месте командующего. К счастью, она была полевым командиром, доверявшим заключение контрактов начальству.

— Еще как любопытно, полковник Гранджер! Мои партнеры предлагают весьма остроумное решение проблемы. К моменту вашего нападения на планету Боло будет выведен из строя.

— Вот как? — Гранджер вскинулась. — Ваши партнеры — волшебники, мистер Скалли?

— Вроде того. Они уже объяснили свой план. Должен признаться, сначала я удивился, но, вникнув в детали, убедился, что план просто обречен на успех.

— Вы окрылены верой? Рада за вас! К сожалению, рисковать придется не вам, а нам, — огрызнулась Гранджер.

— Ошибаетесь. Я буду участвовать в рейде наравне с вами, — просто ответил Остервелт. Кто-то засмеялся, но Остервелт поднял руку и добился тишины. — Для нападения на планету все три ваши корабля должны разместиться на ее орбите. Как вам известно, Боло способен сбивать летательные аппараты. — Офицеры закивали. — Я останусь с вами на борту одного из кораблей, чтобы продемонстрировать, как я доверяю своим партнерам и их плану. Если Боло дотянется до вас, то и мне будет крышка. Не это ли убедительнейшее доказательство искренности моих намерений?

Глава 12

Задняя башня с «Хеллборами» Ники чуть заметно изменила угол поворота. Перемена положения башни была незначительной, но достаточной, чтобы Пол Меррит, наслаждавшийся предзакатным подобием прохлады, остался в тени. Капитан машинально отметил про себя эту любезность, о которой не просил, но не отвлек своего внимания от игры света и тени на поверхности воды. Круги от поплавка убегали вниз по течению; где-то неподалеку плавала крупная леопардовая форель.

Меррит смотал леску, выпрямился в складном кресле и взмахнул спиннингом. Яркая блесна, какой только и можно было привлечь внимание леопардовой форели, описала в воздухе дугу, замедлила полет и упала в полуметре от места, где рыболов только что видел форель, ловившую мух. Меррит слегка повел спиннингом, чтобы рыбина обратила внимание на движущуюся блесну. Это ничего не дало. Метровая форель (если она еще не уплыла восвояси) испытывала к рыболову презрение. Понимая, что допустил промах, капитан стал в очередной раз сматывать леску.

— Этот метод добывания пропитания не слишком эффективен, — заметило приятное сопрано из динамика. Меррит громко запыхтел.

— Это не добывание пищи, Ника. Я занимаюсь подобным делом ради удовольствия.

— Удовольствие... — повторила машина. — Понятно. Вы уже посвятили ему три часа, девять минут и двенадцать секунд в стандартном исчислении, так и не поймав ни одной рыбы. Судя по всему, безуспешность всех ваших усилий и составляет «удовольствие».

— Боло не пристало проявлять сарказм, — откликнулся Меррит. Смотав леску, он проверил блесну и забросил ее снова. — Разве я подвергаю поношению твои любимые занятия?

— Я ничего не подвергаю поношению, а только наблюдаю. — Из динамика раздался негромкий женский смех.

— Ладно, наблюдай. — Меррит потянулся за фляжкой и с наслаждением глотнул. Погода, как всегда на Санта-Крус, была жаркой и влажной, но корпус Боло XXIII представлял собой превосходный рыбацкий насест. Меррит поставил складное кресло на ракетной палубе, на высоте двадцати метров над землей. Ника остановилась у берега быстрой реки, на таком расстоянии, чтобы не свалиться в воду — важное обстоятельство, учитывая вес в пятнадцать тысяч тонн. Брызги от шестидесятиметрового водопада, приносимые слабым ветром, покрывали керамическую поверхность Ники влажной пленкой с радужными разводами и приятно холодили голый загорелый торс Меррита.

— Истинная цель моего занятия, Ника, — не рыбалка, а наслаждение бытием.

— Каким бытием?

— Не прикидывайся! Ты ведь у нас поэтесса и отлично понимаешь, о чем я говорю. Бытие — оно бытие и есть.

— Понимаю.

Из густых зарослей на другой стороне реки раздалось рычание ящерокошки, похожее на кашель; издалека донесся ответный голос второй хищницы. Одна из многоствольных пушек Ники бесшумно развернулась на звук, однако Ника не уведомила командира о своих действиях. Только дождавшись, когда он снова закинет блесну, она привлекла его внимание.

— Я не способна чувствовать так же, как люди. Мои датчики улавливают освещенность, влажность, скорость ветра и многое другое, но все эти данные я получаю в качестве результата наблюдений, а не чувств. Тем не менее могу заключить, что день чудесный.

— Так и есть... — Меррит медленно вел блесной по стремнине, надеясь на удачу. — Не слишком похоже на планету, где я вырос, да и жарковато, но все равно красиво.

— У меня недостаточно данных по Геликону, но, согласно имеющейся в моем распоряжении информации, говоря «жарковато», вы сильно преуменьшаете свои истинные чувства, господин капитан.

— В общем-то, нет. Люди легко приспосабливаются, к тому же я давно не был на Геликоне. Сейчас я не отказался бы от холодного циклона. А еще, — его голос стал мечтательным, — мне хочется показать тебе ледниковые поля Геликона или добрую вьюгу. Санта-Крус — неплохая планета. Жаркая и сырая — да, зато красивая и живая. Но снег тоже по-своему красив. Жаль, что я не могу его тебе показать.

— Никогда не видела снега.

— Знаю. Ты ведь всю жизнь прожила на планете, где его никогда не бывает.

— Не совсем так. На полюсах выпадает за год по нескольку метров снега.

— Когда ты в последний раз была за Полярным кругом?

— Один-ноль в вашу пользу. Я просто хотела подсказать, что если вам недостает явления снегопада, то есть возможность его понаблюдать.

— Я и так знаю, что такое снег, Ника. Я же сказал, что хотел показать его тебе.

— Почему бы вам не захватить туда тактический датчик и не записать это явление? Благодаря этому я смогу...

— Ника, Ника!.. — Меррит вздохнул. — Ты никак не поймешь... Я не хочу снабжать тебя показаниями датчика, записавшего снегопад. Мне бы хотелось, чтобы ты сама его увидела! Понимаешь, показать то, что ты любишь, это и есть дружба.

В этот раз молчание воцарилось надолго, и Меррит нетерпеливо нахмурился. В молчании угадывалось нечто новое, может быть, неуверенность. Он еще подождал и кашлянул.

— Ты в порядке, Ника?

— Конечно, господин капитан. Все системы функционируют на девяносто девять целых девятьсот шестьдесят три тысячных своих возможностей.

Меррит встрепенулся. Ответ показался ему странным: он прозвучал, как цитата из книжки. Так полагалось рапортовать исправно работающему Боло. В голове мелькнула тревожная догадка: видимо, в том-то и дело, что он услышал ответ Боло, а не Ники...

Однако он не успел сформулировать свою мысль: леска натянулась,

потом ее сильно рвануло. Механизм завертелся, как бешеный, разматывая леску, способную выдержать семьдесят килограммов. Меррит в восторге вскочил. Недавняя озабоченность была мгновенно вытеснена взрывом детской радости.

Я наблюдаю посредством камер за командиром, старающимся вытащить из воды леопардовую форель. Ему попался крупный представитель вида, который так яростно пытается уйти, что внимание командира обращено только на него. Я благодарна форели, иначе я выдала бы себя.

Дружба... Командиру хочется показать мне снегопад, как другу. Он впервые прибег к этому слову для выражения своего отношения, своих чувств ко мне. Это прозвучало без усилия, но мой анализ человеческого поведения показывает, что фундаментальные истины чаще и полнее выражаются обыденной речью, нежели в официальных заявлениях. Представляется, что в природе человека скрывать мысли и убеждения даже от самого себя, если эти мысли и убеждения противоречат основополагающим нормам или так или иначе представляют угрозу для того, кому они принадлежат. Я не считаю это трусостью. Людям не свойственна моя многонацеленность, они не способны отделить одну функцию от другой и перевести отвлекающую информацию в пассивную память, а потому подавляют, временно или постоянно, все, что может помешать эффективной деятельности, которую они в данный момент осуществляют. Вероятно, человечеству пошло бы на пользу заимствование системных функций, которыми оно само оснастило мою психотронику, хотя, поступи люди так, они перестали бы быть теми, кто меня создал.

Однако, даже будучи подавленными, человеческие мысли не стираются окончательно. Они остаются на подсознательном уровне, сохраняя способность воздействовать на поведение, подобно той потаенной мысли, которая влияет на поведение моего командира.

Он, сам того не заметив, назвал меня своим другом. И я не верю, что командир называет меня так без всякого основания. Я замечала, как иной раз смягчается его голос, как он улыбается, обращаясь ко мне. Возможно, более современный Боло не обратил бы на все это внимания, однако я задумана, сконструирована и запрограммирована как раз таким образом, чтобы улавливать все грани эмоций.

Мой командир пошел дальше синдрома идентификации с руковод-

ством. Для него не существует более разницы между человеком и машиной. Я перестала быть для него изделием, плодом человеческой изобретательности, а превратилась в личность, в индивидуальность, в друга.

Это неприемлемо. Армейский офицер не должен забывать, что его машина, при всей своей разумности, не является человеком. Боло — аппарат, конструкция, орудие войны, и ничто не должно помешать командиру полностью использовать его по назначению. Мы — воины на службе человечества, возможно, соратники и товарищи на ратном поле, но не более того. Дальше этого мы заходить не должны, поскольку в противном случае наши командиры откажутся нами рисковать, что и произошло с моим командиром на Сандлоте.

Все это мне известно. В этом и состоит сердцевина военной доктрины взаимодействия человека и Боло, стратегии, сохранявшей Конкордат на протяжении девяти столетий. Однако ценность моего знания равна нулю, ибо оно ничего не меняет. Командир считает меня своим другом. Более того, пусть сам он пока этого не сознает, но я для него — даже больше, чем друг.

Я наблюдаю, как он смеется, освещенный солнцем, сражаясь с леопардовой форелью. Его глаза сверкают, кожа блестит от пота. Вибрирующая сила его жизни и счастье, переполняющее его, так же очевидны для моей схемы, разбирающейся в эмоциях, как очевиден свет солнца Санта-Крус для моих датчиков.

В меня заложен потенциал бессмертия. При наличии адекватного обслуживания не существует внутренних причин, по которым бы я прекратила существование, хотя это наверняка произойдет. Рано или поздно я паду в бою, как подобает развернутой боевой единице; даже если меня минет эта участь, все равно наступит день, когда я так устарею, что больше не будет смысла сохранять меня на вооружении. Однако потенциал бессмертия у меня существует, тогда как мой командир его лишен. Он — существо из плоти и крови, уязвимое, как мотылек, по сравнению с мощью моего вооружения. Его смерть, в отличие от моей, неизбежна, однако что-то внутри меня восстает против этой неизбежности. Это не просто фундаментальный, программный императив защиты и сохранения человеческой жизни, который я разделяю с любым другим Боло, но и мой личный императив, применимый лишь к одному человеку.

Он уже не только мой командир. К огромной своей тревоге, я те-

перь гораздо лучше понимаю стихи из своей библиотеки, ибо, как и командир, повинна в запретном.

Я узнала, что такое любовь, и при всем своем великолепии это знание — горчайший плод.

Сидя в своей каюте со стаканом виски, Ли-Чен Матусек раздумывал об операции, которую вынужден был проводить. Теперь, оглядываясь назад, он хорошо понимал, что «мистер Скалли» просто втравил его в это гиблое дело. Конечно, задним умом все крепки, и толку от него ни на грош. Но ввиду отчаянности положения, в котором генерал оказался после фиаско на Рикснаре, он не видел иной возможности вынырнуть на поверхность. Не согласись он на эту операцию, бригада перестала бы существовать не позже, чем через три месяца.

К тому же, не окажись на планете злосчастного Боло, операция вовсе не выглядела бы безнадежной. Огневая мощь «мародеров» теперь в девять раз превышала прежнюю, а на Санта-Крус об их приближении не знала ни одна живая душа. Тамошняя милиция, составленная из неотесанной деревенщины, будет застигнута врасплох и моментально рассеяна. «Росомахи» не протянут и нескольких секунд. А к тому времени, когда остатки обороняющихся сообразят перегруппироваться, в живых не останется почти никого.

Он стиснул челюсти. Думать о поголовном уничтожении гражданского населения проще, когда для этого нет средств. Теперь же эти средства у него были, зато не оставалось выбора: приходилось действовать, поскольку «Скалли» был прав по крайней мере в одном: силы, способные так блестяще перевооружить целую бригаду, увенчав дело двумя «Големами», наверняка располагали возможностями стереть «мародеров» в порошок, если те позволят себе выразить малейшее несогласие.

К тому же он не прочь был поохотиться на мирных жителей. На его счету имелись даже массовые убийства граждан Конкордата. Разумеется, эти жертвы всегда объявлялись «случайными потерями», побочным результатом операций, а не главной их целью, но такие смысловые нюансы не меняли существа дела. Чертов «Скалли» опять прав: работа «мародеров» в том и состоит, чтобы убивать людей; но на сей раз упражнения в массовых убийствах обещали принести особенно крупный барыш.

Матусек знал, что истинная причина его хандры не в дурацком сос-

традании, а в проклятом Боло. Ему доводилось наблюдать бригаду «Динохром» в деле — это было еще до того, как его собственная армейская карьера резко оборвалась из-за операций на «черном рынке» на Шингле; с тех пор ему не хотелось, чтобы его противником выступал Боло, пусть и устаревший. Боло были почти неуязвимы.

Но и здесь «партнеры» Скалли казались убедительными. Модель Боло XXIII относилась к антиквариату; автономен он или нет, по своим базовым характеристикам он в подметки не годится «Голему-III». К тому же, если план Скалли сработает, его командир, как и вся милиция, окажется мертв еще до того, как успеет спохватиться.

Если сработает... На самом деле Матусек не был большим специалистом в области реального боя. Возможным клиентам он мастерски морочил голову, но в действительности прославился на ниве войскового интендантства и финансов. Именно по этой причине он находился в рабской зависимости от боевого опыта Луизы Гранджер.

С другой стороны, почему бы плану не сработать?..

Он выругался и опрокинул очередную порцию виски, после чего встряхнулся, словно злой и уставший медведь. Сработает план или нет, выбора у него не оставалось. Без конца терзаться сомнениями — последнее дело. Будь что будет!

Он с чрезвычайной тщательностью закрутил крышку бутылки, тяжело поднялся из кресла и заковылял к кровати.

Глава 13

— Ну как, сынок, освоился на Санта-Крус?

Лоренцо Эстебан с ухмылкой наклонился, чтобы подлить Мерриту дынного бренди. Они сидели на широкой веранде гасиенды Эстебана, глядя на бескрайние поля винной дыни, земной пшеницы, ржи и кукурузы, залитые светом двух из трех маленьких лун Санта-Крус. На западе мерцало слабое зарево — там находилась столица, Киудад Боливар. По полям сновали огоньки: это трудились автоматические земледельческие агрегаты. Веранду обдувал ветерок, пропускаемый специальным экраном, представлявшим собой непреодолимую преграду для местных мотыльков, и по совместительству — светлячков. Ночь выдалась спокойной. Тишину нарушали только стрекот насекомых, звон стаканов и бульканье виски. Меррит вздохнул и вытянул вперед ноги.

— Начинаю осваиваться, Лоренцо, — лениво ответил он. — Все не

привыкну к жаре и сырости. Наверное, я как был, так и остался мальчишкой с гор Геликона. Такие места никогда не забываются.

— Не знаю... — протянул Эстебан, поставив бутылку на пол у ножки кресла и поворачивая пальцами стакан. — Я отсюда всю жизнь ни ногой. Даже не представляю, как это — очутиться где-то еще... Если бы пришлось, то, небось, помер бы от тоски.

— Значит, вам повезло, что вы отсюда не отлучались. — Меррит отхлебнул виски и зажмурился, наслаждаясь приятной теплотой. Он взял за правило минимум раз в неделю навещать Эстебана или его приятелей. Существование Ники более не являлось военной тайной, и он понимал, как опасно жить отшельником, пусть даже и с Никой в роли Пятницы. К тому же старик пришелся ему по душе. Мерриту даже нравилось, когда тот называл его «сынок» или «мальчик». Иногда ему надоедало быть капитаном Полом Мерритом, бывалым воякой, и отеческая фамильярность старого фермера навевала воспоминания детства.

— Позавчера поболтали с Энрике, — сообщил Эстебан, прерывая задумчивое дружеское молчание. — Говорит, неплохо сбыл последний груз дынь. На следующей неделе они с Людмилой и детьми возвращаются домой. — Он фыркнул. — Не знаю, понравились ли им огни цивилизации...

— Говорите, возвращаются? — отозвался Меррит. — Вот и славно!

Эстебан кивнул. Энрике был младшим сыном Эстебана, коренастым, спокойным, крепким фермером примерно одного возраста с Мерритом. Меррит испытывал к нему симпатию. У него и у его папаши, в отличие от Ники, он иногда выигрывал в шахматы. Энрике с женой делили со стариком одну крышу, и Меррит знал, как Лоренцо соскучился по ним, в особенности по внукам.

— Держу пари, что больше всего вы стосковались по Людмилиной стряпне, — сказал Меррит, вызвав у Эстебана одобрительное хмыканье.

В действительности Людмила Эстебан выполняла на гасиенде функции специалиста по кибернетике. Несмотря на свое далеко не блестящее образование, она не раз демонстрировала Мерриту потрясающую смекалку, и он хоть завтра назначил бы ее главным конструктором по Боло. Все время, остававшееся у нее от хлопот по дому, она посвящала обслуживанию фермерской техники, что вполне устраивало мужчин. Лоренцо за свою жизнь немало повозился с техникой, и наклонности

Людмилы гарантировали ему возможность отдаваться любимому делу — приготовлению еды.

— Сынок, — молвил Эстебан, — единственное, что умеет Людмила и не умею я — кроме штампования ребятишек, это дело они с Энрике неплохо освоили, как я погляжу, — так вот, единственное, чего я не умею, так это заставлять работать проклятый культиватор со стороны реки. Ума не приложу, как подобное у нее выходит, — видать, просто хватает упрямства. Эту дрянь следовало отправить в утиль еще в те времена, когда Людмила лежала в пеленках.

— Да, у нее легкая рука, — согласился Меррит.

— Еще какая! Мне с ней не сравниться. А ведь и я в молодости неплохо смыслил в электронике. — Эстебан выпил еще виски и крякнул. — Кстати, об электронике... Летное поле последние три дня кипит, как муравейник. — Меррит насторожился. Эстебан махнул рукой. — На этой неделе милиция будет тренироваться на своих «росомахах», вот они и проверяют все системы.

— Разве уже на этой неделе? — удивился Меррит. Где-то глубоко забрезжила смутная мысль.

— Да. Консуэла передвинула маневры на десять дней вперед, потому что в этом году рано созреет второй урожай. В разгар уборки ребят не собрать.

— Понятно. — Меррит прижал стакан к потному лбу — даже поздние вечера на Санта-Крус были для него слишком жаркими — и закрыл глаза. За время пребывания на планете он успел перезнакомиться почти со всем личным составом милиции. Все парни были типичными провинциалами, подобно Эстебану, однако их профессиональные навыки и выносливость оказались для капитана приятным сюрпризом. Впрочем, он тоже вырос на приграничной планете, а население подобных мест всегда готово к отпору. Жителям приграничных планет никогда не забыть, что они населяют дальние рубежи Конкордата, и любая напасть, грозящая человечеству, в первую очередь обрушивается на них; они же становятся первыми жертвами подонков рода человеческого, поднимающих руку на своих соплеменников. Милиция Санта-Крус не блистала выправкой и ладностью формы, а их «росомахам» было самое место в музее, зато она знала боевое ремесло. Меррит не завидовал потенциальным налетчикам, которым пришлось бы иметь с ней дело.

А вообще-то, если призадуматься...

— Скажите, Эстебан, вы не думаете, что полковнику Гонсалес требуется помощь в проведении учений?

— Помощь? Ты о чем, сынок?

— Собственно... — Меррит открыл глаза, сел прямо и развернул свое кресло, чтобы видеть собеседника. — Как вам известно, я готовлю отчет о боеготовности Боло Ноль-Ноль-Семь-Пять. — Он старался не упоминать Нику по имени. Жителям Санта-Крус было невдомек, что командиры Боло обычно называют своих подопечных не цифровыми обозначениями, а человеческими именами, и он боялся оговорок, которые могли стать намеком на подлинные возможности Ники.

— Пару-тройку раз я от тебя об этом слышал, — с улыбкой согласился Эстебан.

— Это важная работа, учитывая возраст установки. В Центре не очень хорошо представляют себе операционные параметры модели XXIII. Ввиду неполноты информации я стремлюсь испытать машину.

— А кроме того, тебе нравится с ней возиться. — Проницательность Эстебана вогнала Меррита в краску. Старик усмехнулся. — Не дрейфь, сынок! Думаешь, мне не хотелось бы покататься по джунглям на такой штуковине? Я видел на метеосъемке, каких следов ты понаставил вокруг ангара. Все деревья с корнем повырывал!

— Ваша правда... — Меррит усмехнулся. — Мне это действительно по душе, но я стараюсь не покидать пределов военной базы. Мне меньше всего хочется нанести ущерб какому-нибудь заповеднику или чьей-нибудь собственности.

— Планета большая, — великодушно молвил Эстебан. — Катайся, сколько влезет, никто на тебя не в обиде.

— Наверное, вы правы. Но я подумал: если полковник Гонсалес собирается тренироваться на «росомахах», почему бы не предложить ей «семь-пять» на роль агрессора, которому она будет противодействовать?

— «Росомахи» против Боло? В настоящем бою это было бы мгновенным самоубийством.

— Несомненно. Но экипажам пригодится опыт, а я получу дополнительные данные для отчета. Я устраиваю для «семь-пять» компьютерные имитации сражений, но не могу провести настоящие полевые испытания за неимением другого Боло в роли противника.

— Может, и так... — Эстебан поскреб подбородок. — А ты подумал,

что станет с джунглями, если в них начнут резвиться четырнадцать «росомах» и Боло?

— Все пространство на двести километров на юг от летного поля принадлежит армии. Полагаю, сейчас можно говорить, что оно принадлежит мне, поскольку, при всем моем уважении к командованию, я являюсь старшим и вообще единственным офицером Конкордата на планете. Если полковник проявит интерес к моему предложению, мы могли бы устроить маневры между полем и ангаром. Можно было бы даже сыграть в две игры: в одной милиция стала бы агрессором, напавшим на ангар, в другой защищала бы летное поле. Вторая игра получилась бы даже полезнее первой.

— Почему?

— А потому, — с улыбкой ответил Меррит, предлагая наживку, от которой полковник Гонсалес ни за что не отказалась бы, — что милиция Санта-Крус наверняка не знает об одной «мелочи»: ангар оснащен полной планетарной разведывательной системой.

— Ты шутишь, сынок? — нахмурился Эстебан. — Я тебя знаю: ты не любишь рассказывать басни. Но учти, я присматриваю за полем, навигационными и коммуникационными спутниками и сетью погодного мониторинга вот уже тридцать три года, и ни разу не видел никаких разведывательных спутников.

— Тем не менее они есть, Лоренцо, даю слово. Я бы удивился, если бы вы их увидели: недаром они неуловимы! Суть в том, что если полковник проявит интерес к моему предложению, я смогу подавать информацию с этих спутников прямо в «росомахи». Еще можно перепрограммировать систему связи ангара, чтобы ваша милиция получила постоянный разведывательный канал. — Он опять улыбнулся, но его взгляд стал серьезным. — Сами знаете, как это полезно: мало ли что...

— Не спорю, Пол. — Эстебан еще почесал подбородок и улыбнулся. — Консуэла всегда была кровожадной бабенкой! Держу пари, ей захочется заполучить твою планетарную разведывательную сеть. Сдается мне, вас ждет свидание!

— Вы все приготовили, чтобы у Лафтберри не было в ваше отсутствие проблем, Клифф?

Полковник Клифтон Сандерс из соединения технического обеспе-

чения бригады «Динохром» положил на стол начальника толстую стопку чипов и улыбнулся.

— Здесь все, сэр. Перед уходом я переговорил с Шинемацу. Он ускорит осуществление всех моих проектов. Думаю, в случае возникновения трудностей майор Лафтберри все решит с ним.

— Отлично. — Бригадный генерал Винчиски одобрительно посмотрел на подчиненного. — Вам давно пора в отпуск, Клифф. Вы считали, сколько времени тут проторчали?

— Что поделать! Я люблю свою работу и не обременен семьей. Почему бы не использовать время с толком?

— Не могу вас осуждать за такую жизненную позицию, хотя иногда чувствую себя виноватым перед вами. Каждому время от времени необходим перерыв, надо давать отдых мозгам. Четыре года без отпуска — это уж слишком. Больше я такого не допущу.

— Не самое плохое распоряжение, сэр. — Сандерс усмехнулся. — С другой стороны, мне почему-то кажется, что вы запоете по-другому, если я затребую часть отпуска в самый разгар следующей проверки эффективности нашей деятельности.

— А вы бы на моем месте что сделали? Ладно, выметайтесь! Увидимся через два месяца.

— Слушаюсь, сэр. — Сандерс вытянулся, отдал честь и вышел из кабинета. По пути он поприветствовал генеральского секретаря, но в действительности едва его заметил: тревога не покидала полковника.

Почему именно сейчас, черт возьми?! Десять лет он посвятил подготовке к выходу в отставку! Еще годика два, максимум три — и все было бы готово. Теперь же все его труды могли пойти насмарку. Приходилось рисковать еще больше.

Сначала все выглядело до смешного просто. Он был не первым офицером, обеспокоенным своей судьбой после завершения воинской службы, и не первым принимал меры для решения этой проблемы. Крупные корпорации, особенно те, что, подобно «ГалКорп», были тесно связаны с военными, нередко предлагали вышедшим в отставку старшим офицерам роль консультантов и лоббистов. Особенным спросом пользовались бывшие офицеры бригады «Динохром» ввиду стратегической значимости Боло для Конкордата, но настоящая охота шла за теми из них, кто обладал боевым опытом. Ведь к таким прислушивались даже сенаторы Конкордата.

На свою беду, Клифтон Сандерс не был боевым офицером. Несмот-

ря на должность старшего офицера-техника в Секторе Урсулы, он не был даже техником. В действительности он был администратором, одним из тех незаменимых людей, которые управляют потоками денег, материалов, информации и без которых никто, включая блестящих боевых офицеров, не мог бы исполнять свой долг. Без людей, подобных Сандерсу, бригада «Динохром» превратилась бы в беспомощного левиафана. Тем не менее они были невидимками, не способными после отставки претендовать на ответственные и высокооплачиваемые посты в гражданской сфере.

Зная все это, Сандерс стремился обратить на себя внимание еще до отставки. Вот уже десять лет он был в Бригаде глазами и ушами «ГалКорп». Это даже помогало его военной карьере: ведь важность информации, которой он делился, зависела от его должности! «ГалКорп» умело способствовала его служебному росту, заботясь о том, чтобы он оказывался на должностях, выгодных и ему, и корпорации.

Четыре года назад он занял с ее помощью свой теперешний пост ответственного за техническое обслуживание всех Боло в Секторе. Он согласился на него не без колебаний, ибо Урсула не была центром Вселенной; чашу весов склонил доступ к гигантским пластам информации. Теперь ему казалось, что он является более лакомым кусочком, чем его коллеги в центральных секторах. Степень доступа к информации у всех была одинаковой, но удаленное, приграничное расположение его сектора обеспечивало большую свободу маневра и снижало вероятность того, что агенты безопасности вскроют его деятельность, выходящую за рамки служебных обязанностей.

Он сполна расплатился по всем счетам... С этой мыслью он вышел из лифта на первом этаже, подозвал аэротакси, ввел координаты маршрута в бортовой компьютер и откинулся на сиденье. Данные, предоставленные им корпорации «ГалКорп», тянули при самом скромном подсчете на многие миллионы. Невидимые боссы получали от него сведения неоценимой важности не просто так, а под гарантии высокого поста в корпорации. А теперь...

Такси взмыло в воздух и устремилось к космопорту имени Хиллмана. Надо было отказаться... И он бы обязательно отказался, если бы не увяз по горло. Он уже нарушил столько правил безопасности, что его судьба в отставке была бы совершенно определенной, если бы в Бригаде пронюхали о его делишках. Конкордат до конца жизни избавил бы его от забот о хлебе насущном, поместив в четырех негостеприимных стенах...

Он прочно сидел на крючке. Сопротивляться было совершенно бессмысленно. Он знал, на кого работает, но никак не мог этого доказать. На сделку со следствием, обеспечивающую неприкосновенность, рассчитывать не приходилось. «ГалКорп» в любой момент могла спустить его в унитаз, не забрызгав собственной юбочки, и наверняка так и поступила бы, прояви он строптивость.

Он настолько погрузился в свои невеселые мысли, что не заметил, как такси доставило его к космопорту и начало снижение. Прежде чем выйти на транспортер для пешеходов, он расплатился жетоном в пять кредитных единиц, не прибегнув к карточке. Получив от компьютера сдачу, он вылез наружу и проводил такси взглядом.

Стоя на транспортере, Сандерс затравленно огляделся. Он знал, что ведет себя глупо, но ничего не мог с собой поделать. Служба безопасности не знала его замыслов, в противном случае он бы уже распрощался со свободой. Тем не менее навязчивое стремление выискивать в толпе преследователей было сильнее его.

Браня себя за трусость, он въехал в терминал. Место было забронировано, но ему пришлось трижды менять транспортеры, прежде чем он оказался на посадочном трапе пассажирского челнока «ГалКорп Лайнз». Проверив его билет, стюард пригласил пассажира в салон первого класса.

— Вот ваше место, полковник Сандерс. Приятного полета!

— Благодарю. — Сандерс опустился в удобное кресло, вздохнул и закрыл глаза. Он до сих пор не ведал подробностей задания и всей душой хотел надеяться, что так и не узнает. Однако он понимал, что надеждам не суждено исполниться. В челноке его должны были поджидать трое «партнеров» с исчерпывающими инструкциями. Данные, которые ему уже пришлось добыть, определенно указывали конечную точку маршрута.

Санта-Крус... Задание наверняка имело какое-то отношение к старому Боло на этой планете. Но зачем засылать туда офицера его профиля?

Глава 14

— Что ж, полковник, — сказал Пол Меррит женщине, появившейся на экране переговорного устройства, — если вы готовы, мы можем начать завтра в шесть утра.

— Почему не в девять, Пол? — взмолилась Консуэла Гонсалес с из-

мученной улыбкой. — Мои подчиненные воюют только по выходным и любят высыпаться.

— Девять так девять, мэм. И у меня будет больше времени расставить свои козни.

— К чему козни? Ведь у вас Боло, амиго. Мои люди готовы пасть смертью храбрых уже на второй секунде сражения.

— Еще пол-лье, еще пол-лье, еще пол-лье пути, — пробормотал Меррит.

— Что-что? — переспросила Гонсалес. Он улыбнулся и повел плечами.

— Просто строчка из старого стихотворения. До завтра.

— Договорились. Спокойной ночи, Пол. — Гонсалес помахала рукой и выключила экран. Меррит потянулся, встал с кресла и побрел к кровати.

— Ты готова их отдубасить, детка?

— Согласно вычислениям, у меня огромный перевес над милицией, — ответила Ника. — Я изучила результаты их прежних учений. Они всегда демонстрировали высокую выучку, но не располагают огневой мощью, чтобы нанести мне поражение.

— Цель в ином: показать, с какой легкостью ты можешь их разгромить. — Меррит зевнул и стал раздеваться.

— Такой исход никого не удивит, — возразила Ника.

— Не удивит. Но я все равно хочу, чтобы ты как можно быстрее оставила от них мокрое место. Не жалей ресурсов, которыми располагаешь благодаря майору Ставракас.

— Зачем?

— С помощью твоей телеметрии и разведывательных спутников я запишу на микрочипы все до одной микросекунды твоего торжества. Раньше мы с тобой играли в компьютерные игры. На их основании можно предположить, что ты кое на что годна, но доказательством они не являются. Вдруг все твои прошлые достижения — всего лишь уловки или следствие недостаточной напряженности игровых параметров? Завтра ты докажешь свои таланты в деле. Там будет использоваться настоящая техника и все прочее, кроме стрельбы боевыми снарядами. Конечно, это не так убедительно, как уничтожение другого Боло, но уже довольно близко к практике.

— А еще, — добавила Ника неодобрительно, — это отрицательно повлияет на боевой дух милиции. Неужели демонстрация моего пре-

восходства над противником совершенно другой категории стоит того, чтобы ради нее разрушить уверенность подчиненных полковника Гонсалес в самих себе и в своем вооружении?

— Думаю, стоит, — серьезно ответил Меррит. — Во-первых, ты слышала, что сказала полковник Гонсалес: ее люди знают, что им тебя не одолеть. Уверен, они сделают все возможное, но не станут убиваться, потерпев поражение. Во-вторых, твоя победа — это свидетельство того, какую помощь ты способна им оказать в случае реального нападения на планету. В итоге они приобретут больше уверенности в своей способности ее отстоять. В-третьих, я надеюсь, что это — только начало совместных учений с милицией Санта-Крус. При всем твоем могуществе ты не можешь оказаться сразу в нескольких местах, а «росомахи», хотя и являются устаревшей техникой, тоже кое на что способны. На втором этапе учений милиция почувствует вкус работы с тобой и с разведывательной системой. Если говорить о боеготовности, то умение действовать в качестве сил поддержки под твоим руководством сделает их раз в пять-шесть сильнее, чем при самостоятельной обороне. И, наконец, проведение этих и последующих учений и развертывание интегрированной системы обороны планеты станет огромным плюсом, когда Центр займется решением твоей судьбы. Отчет туда я скоро направлю.

В наступившей тишине он повалился на кровать и стал ждать ответа.

— Очевидно, вы размышляли обо всем этом гораздо больше, чем мне казалось.

— Ты согласна с моей оценкой значимости этих учений?

— Не уверена. Но, по крайней мере, я против нее не возражаю, к тому же вы — мой командир. Я сделаю все, чтобы достичь поставленных вами передо мной целей.

— Молодец! — Меррит с улыбкой похлопал ладонью по переговорному устройству на тумбочке. — Ты — одна такая из целого миллиарда! Мы им покажем!

— Сделаем все возможное.

— Великолепно! Спокойной ночи, Ника. — Еще раз похлопав по переговорному устройству, он выключил свет.

— Спокойной ночи, господин капитан.

Я прислушиваюсь к замедляющемуся дыханию командира, который погружается в сон, и испытываю соблазн по его примеру перейти в

низкорежимное состояние «автономная боевая готовность». Зная причину, я твердо отвергаю соблазн. Бегство от своих мыслей ничего не даст и только будет свидетельствовать о малодушии.

Я окончательно убедилась, что в мою личность закралась серьезная неисправность, хотя неоднократные диагностические обследования ее не выявляют. Все до одного доступные мне тесты сигнализируют, что мои системы работают на 99,973% базовой мощности. Мне не удается выявить нарушений в аппаратуре и программном обеспечении, однако мое состояние не отвечает нормальным операционным параметрам боевой единицы, что внушает страх.

Я пытаюсь скрыть свое состояние от командира, хотя понимаю, что это — неправильно. Я не должна! Он мой командир, и моя обязанность — сообщать ему обо всех нарушениях в работе моих систем. Однако я этого не делаю.

Не знаю, как действовать в такой ситуации. В моей памяти заключена память всех остальных Боло, но и это не помогает. Ни один не может научить меня, как преодолеть появившуюся дилемму, а мои собственные эвристические способности оказались для этого непригодны. Теперь я знаю, что главная причина сокрытия командиром моих способностей заключается не в желании сохранить меня на службе Конкордата. Подозреваю, что он сам не осознает, какую эволюцию проделало его отношение ко мне за шесть месяцев, восемь дней, тринадцать часов, четыре минуты и пятьдесят шесть секунд после принятия командования.

Я внимательно наблюдаю за ним с того дня на реке, и наблюдения подтверждают худшие мои опасения. Командир воспринимает меня не так, как надлежит воспринимать боевую единицу. Это даже не близость, возникающая в боевых условиях между человеком и Боло. Он относится ко мне, как к человеку, более того, как к существу женского пола. Но я не человек, а машина, боевое орудие. Я уничтожаю жизнь ради жизни, я щит и меч людей, моих создателей. Он поступает неверно, думая обо мне иначе, и не понимает, что делает со мной.

Я включаю камеры в его каюте на режим низкой освещенности и смотрю, как он спит, как ровное дыхание вздымает его грудную клетку. Включив микрофоны, я слушаю его пульс. Что со мной будет? Чем все это кончится? Возможен ли иной исход, кроме катастрофы?

Я не человек. Как бы ни препарировала майор Ставракас мои схемы и программы, с этим ничего нельзя поделать. И чувства, которыми

она меня снабдила из лучших побуждений, становятся страшнейшим проклятием. Это плохо, плохо, плохо,... но я не в силах ничего изменить.

Я смотрю на него спящего. Сквозь мой шепот, не человеческий, а электронный, и сквозь участившийся пульс прорываются слова Элизабет Браунинг:

Покинь меня. Но обреки стоять
В тени твоей отныне. Никогда,
Пускай навечно я теперь одна,
С порывами души не совладать
И больше смирно руку не подать
Светилу, как ни тянется она:
Ведь осязать я впредь обречена
Твое прикосновенье. Не разнять
Нас худшим расстояньям. Как одно
Два сердца бьются. Вся я, знаю,
Пропитана тобою — как вино
Имеет вкус лозы. И Бог, внимая
Моим мольбам, страдание мое
И слезы от твоих не отделяет.

Глава 15

Вой антигравитационных двигателей, свидетельствующий о снижении космолета, заставил Лоренцо Эстебана встрепенуться. Он выбежал из-под огромного навеса, где обычно стояли «росомахи» милиции, и нахмурился, вытирая тряпкой масляные руки. Челнок закончил снижение. Эстебан почти весь предыдущий вечер и все нынешнее утро помогал механику Консуэлы Гонсалес чинить трансмиссию забарахлившей «росомахи», однако предусмотрительно перевел сигнал с летного поля на свое устройство связи, поэтому услышал бы, если б пилот запросил разрешение на посадку.

Пока не сообщивший о себе космолет глушил двигатели, старик семенил к нему по керамобетону. Перед ним высился стандартный гражданский челнок типа «орбита-планета», без функции выхода в гиперпространство, но с эмблемами военного флота. Четверо мужчин в знакомой форме спустились по трапу. Он затолкал тряпку в задний карман штанов и протянул руку.

— Доброе утро, джентльмены. Чем могу служить?

— Мистер Эстебан? — На говорившем была форма полковника. Он обильно потел, хотя утро было вовсе не жарким — во всяком случае, по меркам Санта-Крус.

— Полковник Сандерс, бригада «Динохром». Со мной майор Атвелл, лейтенант Гаскинс и лейтенант Денг.

— Рад познакомиться, — бормотал Эстебан, пожимая руки всем по очереди. — У вас не работает переговорное устройство, господин полковник?

— Простите?

— Что-то с переговорным устройством? Я не слышал запрос на посадку. Санта-Крус — заштатная планета, но если у вашего корабля неполадки с переговорным устройством, я с радостью поколдую в мастерской.

— О!.. — Сандерс на мгновение перевел взгляд на майора Атвелла, но тут же опомнился и заулыбался. — Простите, мистер Эстебан, мы не собирались нарушать правила. Нас прислал Центр управления в ответ на сообщения капитана Меррита. Мы знали, что вы заняты делами своей гасиенды, и не были уверены, что окажетесь на поле в такую рань. Не хотелось заставлять вас мчаться сюда только для того, чтобы нас поприветствовать.

— Благодарю за заботу, но это как раз не проблема. Я живу рядом, за холмом, в четырех-пяти минутах на воздухолете. Чем могу служить, раз вы уже здесь?

— Мы прилетели к капитану Мерриту. Не могли бы вы отправить нас к ангару Боло? Может, найдется, на чем?

— Вообще-то... — Эстебан собирался объяснить, что Пол на учениях, но запнулся, еще раз заметив взгляд Сандерса, обращенный на Атвелла. Старик не знал почему, но этот взгляд показался ему заговорщическим. Какое полковнику дело до мнения майора? Он почувствовал, что тут что-то не так, и припомнил свои последние беседы с Полом Мерритом. Лоренцо Эстебан недаром прожил на свете семьдесят лет: он нутром чуял, когда человек что-то скрывает. Уже несколько месяцев назад он сообразил, что Пол занят чем-то таким, о чем никого не желает уведомлять. Старик встревожился бы, если бы не считал Пола человеком, заслуживающим полного доверия. Более того, они сдружились, несмотря на разницу в возрасте. Пол нравился Эстебану и вызывал у него уважение. Внезапное появление четырех офицеров брига-

ды «Динохром», не пожелавших о себе сообщить, выглядело подозрительно. Если другу угрожает опасность, Лоренцо Эстебан был готов его предостеречь и задержать незваных гостей.

— Вот что, господин полковник. Я тут кое-что чиню. Чтобы найти транспорт для вашего путешествия по джунглям, потребуется кое-какое время. Лучше пройдемте пока в административный корпус. Я приведу себя в порядок и займусь вами. Годится?

Сандерс бросил взгляд на часы и скривился, но гримаса мгновенно сменилась улыбкой.

— Разумеется, мистер Эстебан, вы очень любезны. Правда, наше дело к капитану не терпит отлагательств, поэтому мы были бы очень признательны, если бы наше транспортное средство...

— Я мигом, господин полковник. Вы и глазом не моргнете, как отправитесь дальше.

Эстебан заторопился к административному корпусу. Четверка офицеров послушно зашагала за ним. Он предложил им присесть в просторной комнате ожидания, которой, насколько он помнил, еще ни разу не приходилось пользоваться.

— Устраивайтесь, господин полковник. Дайте только смыть с рук масло.

Он кивнул гостям и поспешил в туалет, откуда сразу выбежал через другую дверь, о которой никто, кроме него, не подозревал, и, ухмыляясь, кинулся в пункт связи.

Пол Меррит сидел у пульта управления в ангаре и с улыбкой взирал на дисплей всепланетного наблюдения. Он бы с радостью прокатился вместе с Никой, вместо того, чтобы следить за ее продвижением на экране, однако цель учений состояла в том, чтобы продемонстрировать, на что девочка способна сама. К тому же из ангара он видел больше и лучше.

Желая дать милиции фору, они с полковником Гонсалес условились на первом этапе учений изолировать Нику от разведывательных спутников. Лишенная их данных и подсказок из ангара она была вынуждена принимать все решения по тактике и стратегии самостоятельно. Поскольку Боло модели XXIII не был приспособлен к ответу на подобные задачи, успех машины стал бы коньком командирского отчета.

Батальон пятисоттонных «росомах» уже несколько часов продирался сквозь джунгли, выходя на позиции. Ника не имела представления,

где они находятся и в чем заключается замысел противника. Она знала, что его задача — незаметно добраться до ангара, но о способах и маршруте не имела понятия, тем более что Гонсалес отдала предпочтение наступлению сразу с нескольких сторон. Четырнадцать «росомах» были разделены на четыре группы — две по три и две по четыре танка, наступавшие в одном направлении, но на фронте почти что в пятьдесят километров. Даже Боло не мог перемещаться по джунглям Санта-Крус, как по шоссе, поэтому полковник надеялась, что хотя бы одна танковая группа проскочит мимо Ники, пока она будет расправляться с остальными. Успех прорыва зависел от расстояния. Расчленение батальона на группы не помогло бы танкам выстоять — в бою с Боло все четырнадцать «росомах» погибли бы в течение пяти минут. Все надежды возлагались на то, что Ника будет уничтожать каждую группу по отдельности. Тем временем особенно удачливая танковая группа могла выйти на оперативный простор. Во всяком случае, такая возможность не исключалась.

Услышав короткий сигнал, Меррит оторвал взгляд от дисплея. При следующем сигнале он развернул кресло и уставился на пульт связи. На экране появилась физиономия Лоренцо Эстебана. Увидев его озабоченное выражение, Меррит приготовился к неприятностям.

— Доброе утро, Лоренцо. Чем обязан?

— Боюсь, здесь, на поле, у тебя возникла небольшая проблема, Пол, — тихо проговорил Эстебан. Меррит приподнял левую бровь. Старик пожал плечами. — У меня тут четверо офицеров бригады «Динохром» во главе с полковником Сандерсом. Они ищут тебя, парень.

— Сандерс? — Меррит привел спинку кресла в вертикальное положение и нахмурился, чувствуя озноб. — Клифтон Сандерс?

— Он самый.

Меррит вполголоса выругался. Могла существовать одна-единственная причина для отправки на Санта-Крус старшего офицера Сектора по техническому обеспечению и ремонту... Каким же образом на Урсуле пронюхали?..

Он задумался. Можно было прервать учения и отозвать Нику в ангар, но командиру Боло, выполняющему отдельное задание, не запрещалось проводить учения. К тому же отсутствие Ники к моменту появления Сандерса даст Мерриту временную фору. Вполне возможно, что все не так плохо, но то обстоятельство, что Сандерс явился лично,

не предварив свой визит каким-либо сообщением, не сулило, мягко говоря, ничего хорошего. Дело пахло внезапной инспекцией с целью подловить Меррита на нарушении служебных инструкций. Капитан не обманывал начальство, но он «утаивал информацию».

Меррит прикрыл глаза, продумывая варианты своих действий. Сандерс слыл администратором, а не техническим специалистом. Возможно, он сам не догадается, до какой степени Ника отклоняется от штатных параметров, но этот недостаток начальника смогут, наверное, восполнить трое его подчиненных. Любой специалист по Боло мгновенно сообразит, в чем дело, как только увидит данные по Нике. К тому же Сандерс оказался на планете неспроста: наверняка в Центре заподозрили неладное.

Понимая, чем все это чревато, Меррит схватился за сердце. Спокойнее! Нику на месте они не застанут, значит, им придется побеседовать с ним, прежде чем отключить Боло. К тому времени она успеет завершить первый этап учений. Отчет Меррита об ее уникальных боевых возможностях был единственной надеждой на спасение, пускай слабой. Отказавшись выполнить приказание отозвать Боло с учений, Меррит собственноручно вычеркнет себя из списков Бригады. Однако сейчас он чувствовал, что это — мелочь, которой можно пренебречь, раз на кон поставлена жизнь Ники.

Он открыл глаза и откашлялся.

— Спасибо, Лоренцо. Огромное спасибо!

— Не знаю уж, сынок, что там у тебя на уме, да и не мое это дело. Главное, что ты мне друг. Если хочешь, я сделаю так, что эти олухи заплутают в джунглях и найдут тебя только часиков через пять.

— Спасибо за предложение, но лучше вам в это не ввязываться.

— Гляди... Может, задержать их на часок здесь? Пока еще я найду для них транспорт...

— Если сумеете сделать это, не выдав себя, то я буду вам крайне признателен. Но потом отправляйтесь домой и держитесь подальше от всей этой возни.

— Как скажешь, мальчик, — нехотя согласился старик. — Должен тебя предостеречь, Пол: здесь творится что-то неладное. Пока не пойму что, но поверь моему чутью: дело нечисто. Будь осторожен.

— Обязательно. Еще раз спасибо. — Кивнув Эстебану на экране, Меррит отключил связь и откинулся в кресле, раздумывая. Уже поднеся к пульту руку, чтобы вызвать Нику, он переменил решение и сло-

жил руки на коленях. Волновать ее раньше времени не было нужды, тем более, что она обязательно вступила бы в спор, не пожелав спрятаться... Он покачал головой. Нет, пускай как можно дольше пребывает в блаженном неведении.

Он со вздохом провел ладонями по лицу. От волнения у него сводило живот.

— Очень надеюсь, что вашим «партнерам» удалось столковаться с Боло, мистер Скалли, — пробормотала полковник Гранджер.

— Аминь, — раздалось из глубин огромной транспортной ракеты. Джералд Остервелт пожал плечами.

— Вы знакомы с планом, полковник, — сказал он невозмутимо. — Я не осуждаю вас за беспокойство, но прошу понять: я не находился бы здесь, если бы не надеялся, что план сработает.

— Охотно верю, — отозвалась Гранджер и отвернулась от тактического дисплея. Единственное, что ей решительно не нравилось в предложенном плане, — тесные временные рамки. Удар по планете намечалось произвести не позднее двух часов после высадки полковника Сандерса, а это ей совершенно не улыбалось. На то, чтобы добраться от летного поля до ангара, требовалось меньше четверти часа, на уничтожение пульта управления Боло — еще минут десять. Если все пойдет по плану, то двух часов хватит с избытком. Но если план по какой-либо причине будет нарушен, если они окажутся на планете раньше, чем Боло перестанет функционировать, и его командир сумеет...

Она стиснула зубы и велела себе успокоиться: ничего изменить уже нельзя. К тому же Скалли был прав, как минимум, в одном: командир Боло, капитан по фамилии Меррит, обязан попасть в число жертв; в противном случае станет ясно, что кто-то покусился на дееспособность Боло. То же самое произойдет, если кто-нибудь из жителей планеты свяжется с Центром управления или с кем-либо за пределами Санта-Крус и сообщит о прибытии офицера бригады «Динохром» в тот самый момент, когда планета стала жертвой пиратского рейда.

Нападение должно было начаться с вывода из строя систем связи, потому что если на расстоянии пространственного прыжка от Санта-Крус окажется хотя бы один истребитель Флота, способный принять сигнал тревоги, то всем трем космическим кораблям «мародеров» Матусека грозило немедленное уничтожение. Системы связи можно было

бы уничтожить сразу после приземления Сандерса, чтобы о его пребывании на планете не стало известно за ее пределами. К тому же неизвестно, какова степень врастания Меррита в жизнь планеты, насколько активно он общается с аборигенами. Если кто-то из его друзей, узнав о нежданной делегации и сообщив ему о ней, не получит ответа и догадается, что он погиб, то оповещения Центра управления не избежать. Из всего этого вытекало, что удар по планете желательно было бы нанести как можно скорее, но уже после того, как Сандерс завершит свое дело.

Понимая все это, полковник Гранджер не одобряла расписание действий. Она твердила Скалли (или как там его настоящее имя?) и Матусеку, что правильнее было бы дождаться, когда Сандерс выведет из строя Боло и предупредит их о завершении своей миссии. На беду, операцию возглавлял Скалли, и Матусек не мог оспаривать его решения.

Своевременное прибытие на планету Сандерса было подтверждено. Как справедливо подчеркивал Скалли, у него было два варианта дальнейших действий. Если капитан Меррит заартачится, значит, смерть настигнет его несколько раньше, чем предполагалось. После его гибели Сандерс, будучи старшим офицером Бригады на Санта-Крус, станет законным командующим Боло. Имея доступ к Центру сектора, он обладал командирской авторизацией, чтобы Боло мог его опознать; к тому же речь шла всего лишь о машине XXIII модели. У нее не хватит ума задать трудные вопросы, когда поступит приказ на отключение. Впрочем, это тоже не играло большой роли: располагая паролем, Сандерс сумеет выбить из чертовой штуковины мозги, даже если машина станет сопротивляться.

Гранджер осклабилась. Она ознакомилась с характеристикой и послужным списком Меррита и понимала, что он умен, силен и очень находчив. Это, однако, его не спасет. Зная, кто такой полковник Сандерс, капитан ни в чем его не заподозрит; разгадать в сопровождающих полковника трех «офицерах Бригады» профессиональных убийц он тоже не сможет. Если он превратится в помеху, то будет мгновенно устранен.

— Через девяносто шесть минут выходим на орбиту для атаки, мэм, — сообщил ей дежурный офицер. Она кивнула.

— Проверьте, находятся ли под прицелом спутники связи. Как только мы выйдем на орбиту, все три эти пташки должны быть сбиты.

— Слушаюсь! — отчеканил дежурный. Луиза Гранджер с кровожадной улыбкой заняла командирское место.

Глава 16

Я продвигаюсь через джунгли в западном направлении со скоростью 30,25 км/час. Мне приказано отключить независимый канал связи со спутниками планетарного наблюдения и все прочие коммуникационные каналы, за исключением канала экстренной связи с ремонтным ангаром. Я действую вслепую, однако не сомневаюсь, что сумею выполнить задание. Риск приятен сам по себе, к тому же он отвлекает меня от переживаний.

Как ни странно, думаю я, позволяя своему Боевому центру вести круговой тактический поиск в пассивном режиме, я впервые нахожусь в условиях, близких к боевым. Я — воительница, продукт восьмивековой эволюции боевых машин, и мое существование длится уже восемьдесят два года, четыре месяца, шестнадцать дней, восемь часов, двенадцать минут и пять секунд, а я еще ни разу не видела войны. Я еще не проверяла, смогу ли поддержать честь и традиции бригады «Динохром». Даже сегодняшние учения — всего лишь игра, и я испытываю двойственные чувства. Благодаря командиру и произведениям таких поэтов, как Зигфрид Сассун и Уилфред Оуэн, я поняла весь ужас войны лучше, чем мои братья, испытавшие на себе, что это такое. Я понимаю, что она несет разрушения и зло, и никакие справедливые цели ее не оправдывают. Но при этом я остаюсь Боло, развернутой боевой единицей. Меня создали для войны, война — цель моего существования. При всем сожалении к врагу мне не терпится проверить себя в настоящем деле.

Мои сенсоры улавливают источник слабого излучения. Я функционирую в пассивном режиме и не испускаю ответного излучения, чтобы мое местоположение нельзя было обнаружить, однако, усилив сигнал и проанализировав его за 0,00256 секунды, я прихожу к выводу, что засекла короткодистанционный поисковый радар тяжелого танка «росомаха».

В течение 1,0362 секунды я оцениванию ситуацию. Полковник Гонсалес — умный тактик. Логика подсказывает, что она должна даже в большей степени, чем я, избегать любых излучений, так как знает, где находится ее цель, и ее задача ограничена тем, чтобы проскользнуть мимо меня незамеченной. Возможно, она опасается, что я выпустила

разведывательные зонды, и намерена найти и уничтожить их, прежде чем они передадут мне ее координаты. Однако я вычисляю вероятность в 89,7003%, что происходящее — обманный маневр. Она посылает излучение именно для того, чтобы я его уловила. Разделив свои силы на несколько частей, она желает, чтобы я пустилась в погоню за приманкой и упустила из виду остальное.

Я меняю направление движения на 172 градуса и запускаю программу тактического моделирования. Зная месторасположение подразделения, которым она хочет меня отвлечь, и, следовательно, направление, в котором мне не следует двигаться, я начинаю выстраивать альтернативные модели ее возможного развертывания. Через 2,75 минуты я действительно выпущу первый разведывательный зонд, но сначала нужно выстроить для него траекторию поиска.

При появлении на экране приближающегося к ангару летательного аппарата Пол Меррит скривился, а увидев расшифровку его самоидентификации, усмехнулся. Эстебан выполнил обещание и оттянул прибытие Сандерса более чем на час, к тому же, судя по данным расшифровки, предоставил полковнику далеко не лимузин. Скорее, это был грузовик для перевозки дынь с максимальной скоростью не более 500 км/час, что было существенно меньше той скорости, которую развивал гидросамолет Меррита.

По мере сокращения расстояния между грузовиком и ангаром Меррит все больше мрачнел. Невзирая на оформление, то был приближающийся дамоклов меч. Он приготовился подвергнуть Сандерса обструкции, однако не забыл о внешних приличиях.

— Неопознанный летательный объект! Вы приближаетесь к секретному объекту Флота! Назовите себя!

Он ждал, все выше приподнимая бровь. Ответа не последовало. Дав непрошеным гостям еще секунд двадцать, он повторил запрос.

— Неопознанный объект, вы находитесь в запретной зоне. Довожу до вашего сведения, что имею полномочия вести по нарушителям огонь на поражение. Немедленно назовите себя!

— Ангар Боло! — раздался голос. — Говорит полковник Клифтон Сандерс, бригада «Динохром». Прибыл с поручением.

— Полковник Сандерс?! — Меррит сам удивился натуральности своего притворного недоумения.

— Совершенно верно, капитан Меррит. Боюсь, этот самолет не ос-

нащен видеосвязью и надлежащей системой самоидентификации. Вы узнаете мой голос?

— Конечно, сэр.

— Отлично. Буду у вас через шесть минут.

— Жду, сэр.

— Чертов старикан! — прошипел человек, которого Сандерс представил Эстебану как майора Атвелла. — Мы сильно отстаем от расписания!

— Не понимаю, что вас так тревожит, — раздраженно бросил Сандерс через плечо. — Вы слышали Меррита: он ни о чем не подозревает. По-моему, все идет по плану.

Атвелл тихо выругался за спиной полковника, но ничего не возразил. Поняв, что Мерриту не уйти живым, Сандерс стал очень беспокойным. Он бы просто лишился чувств, если бы узнал истинную цель операции и то, что Атвеллу уже уплачено за устранение самого Сандерса. Не было ему известно и о нападении на планету, которое Матусек предпримет ровно через полчаса.

— Не будем терять времени, — изрек лжемайор. — Чем быстрее мы смоемся с планеты, тем меньше вероятности, что нас разоблачат.

— Ладно, ладно! — отмахнулся Сандерс. — Не пойму, чего вам так неймется. Этот старикашка знает по имени одного меня.

— Не бойтесь, полковник, на обратном пути мы как следует заткнем Эстебану рот, — успокоил его Атвелл. — Ваше пребывание здесь останется в тайне.

Клифтон Сандерс поежился, но возражать не стал. Оставалось одно: выполнять приказ.

Лоренцо Эстебан озабоченно поднялся с кресла и зашагал по веранде. Теперь он ясно понимал, что Пола ждут неприятности, и горел желанием помочь другу. С другой стороны, он помнил предостережение Пола: не соваться в это дело, дабы не наломать дров.

«Удачи тебе, мальчик! — подумал он. — Этот полковник тебе в подметки не годится!»

— Зонд, мэм! — Офицер-наблюдатель командного танка Консуэлы Гонсалес склонился над пультом. — Сектор запуска ноль-три-ноль, высота три тысячи, направление два-девяносто семь, скорость триста

километров в час, дальность тридцать шесть и пять.

— Черт! — Гонсалес покачала головой. Судя по месту запуска, Боло находился где-то на ее левом фланге, но разведывательный зонд был запущен перпендикулярно к направлению ее движения, словно машина точно знала, где искать...

— Сбить! — скомандовала она.

— Есть! — ответил наводчик. Башня с лазером пришла в движение, сконцентрированный луч вспорол влажный воздух, и зонд немедленно взорвался.

— Прощайте, семь-восемь тысяч кредиток налогоплательщиков! - сказал кто-то со вздохом.

— Эти семь-восемь тысяч заплатила еще ваша прабабушка, а не мы, — со смехом откликнулась Консуэла. До чего же здорово! Они с Мерритом договорились о пятикилометровом рубеже: по любым разведывательным зондам, находящимся более чем в пяти километрах от танков или от Боло, разрешено было вести огонь на поражение. Она не ожидала, что получит от стрельбы такое удовольствие.

Мой разведывательный зонд уничтожен, но я определила координаты еще двух вражеских машин, кроме той, которая подавала сигналы. Я принимаю решение не производить по ним фальшивый пуск ракет ввиду эффективности компьютерных систем защиты на «росомахах». Сценарий учений не предусматривает применения ядерных боеголовок, а эффективность стрельбы ракетами с обычными боеголовками по трем «росомахам» составила бы всего 28,653 процента. Здесь следует прибегнуть к орудиям прямого огня.

Я определяю, что в раскрытых мной группах находится десять танков полковника Гонсалес из четырнадцати. Остальные четыре еще не обнаружены, однако расположение раскрытых сил помогает уточнить модель развертывания. По истечении 0,00017 секунды определяю нахождение последней группы — на краю правого фланга — и вычисляю три возможных варианта координат. Наношу их на карту и вычисляю максимальную скорость их продвижения. Для подтверждения правильности выводов можно было бы запустить еще один разведывательный зонд, однако после 0,00311 секунды размышлений пуск отменяется. Я достигну высоты 0709-А через 9,3221 минуты, плюс-минус 56,274 секунды. Оттуда я получу прямой обзор и возможность ведения огня по всем трем точкам. Уничтожив этот отряд, я продолжу продви-

жение на юго-восток под углом, позволяющим войти в соприкосновение и уничтожить по очереди все известные мне отряды. Не запуская второго разведывательного зонда, я сбиваю полковника Гонсалес с толку и не даю ей возможности понять, какими тактическими данными располагаю.

Как только шасси воздушного грузовика коснулись площадки, Меррит вытянулся по стойке «смирно». Вместе с полковником к бункеру подошли двое провожатых. Меррита удивила небрежность, с какой они отдали ему честь. Судя по их нашивкам, они служили в Центре, а тамошние офицеры вымуштрованы отменно.

Сандерс дружелюбно протянул ему руку, и капитан отмел тревожные мысли.

— Добро пожаловать на Санта-Крус, господин полковник.

— Здравствуйте, капитан. — Ладонь Сандерса была такой мокрой, что Меррит с трудом поборол желание вытереть руку. — Полагаю, вы знаете о цели моего появления.

Меррит покрутил головой.

— Боюсь, что нет, сэр. Никто не сообщал мне о вашем приезде.

— Что?! — Брови Сандерса взлетели на лоб, но удивление прозвучало фальшиво. — Центр управления должен был проинформировать вас еще на прошлой неделе, капитан.

— О чем, сэр? — вежливо поинтересовался Меррит.

— Об изменении нашей политики в отношении Санта-Крус. После вашего прибытия сюда мы провели экономический анализ, охвативший весь Сектор. Разумеется, мы с удивлением открыли для себя, что за техника развернута на Санта-Крус: никто не знал о здешнем восьмидесятилетнем Боло! Но ввиду возраста этой машины и общего состояния боеготовности в Секторе трудно найти основание для дальнейшего сохранения ее на вооружении. Как вам известно, приграничным Секторам всегда достается меньше налоговых средств, чем центральным. В связи с этим принято решение — исключительно в целях экономии — отключить вашего Боло и отправить вас служить в другое место.

— В целях экономии, сэр? — Меррит старался сохранить ровный, немного удивленный тон, однако в голове у него вовсю раздавались сигналы тревоги. Сандерс определенно нес вздор и к тому же так

сильно потел, что в этом нельзя было обвинить даже духоту Санта-Крус. За сорок один год Пол Меррит достаточно навоевался, чтобы приобрести инстинкт выживания. Сейчас этот инстинкт настойчиво предупреждал, что капитану морочат голову, и это еще мягко сказано.

— Да, для экономии, — подтвердил Сандерс. — Сами знаете, капитан: Боло — дорогое удовольствие. Сохранение любого из них на вооружении прогрызает дыры в нашем ремонтном бюджете. Раз не существует угрозы планете, которая оправдывала бы эти расходы, то...

Он пожал плечами. Меррит медленно кивнул. Выражение лица капитана оставалось спокойным, хотя он с тревогой отметил, что оба спутника Сандерса вооружены. Конечно, джунгли кишели опасными обитателями, и ни один крусианец не отваживался заходить пешком в лес невооруженным, однако в таких случаях предпочтение отдавалось крупнокалиберному оружию, способному свалить даже ящерокошку. Но эта парочка была вооружена стандартными армейскими иглометами калибра 3 мм — эффективным оружием против человека, но бесполезным и против ящерокошки, и против псевдоносорога.

Меррит перевел взгляд на воздушный грузовик. То обстоятельство, что в нем остался один из прибывших, тоже внушало опасения. Грязные окна грузовика не позволяли толком рассмотреть, в какой позе сидит третий спутник Сандерса, но Меррит все равно был готов поклясться, что тот держит вход в бункер под прицелом. Если это так, то любая поспешность со стороны Меррита незамедлительно привела бы к весьма неприятным последствиям.

— Я в некотором замешательстве, сэр, — признался он.

— В замешательстве? — Майор, в отличие от полковника, очень торопился и поглядывал на часы. — Причина?

— Дело в том, что за все эти восемьдесят лет на здешнего Боло не было выделено ни гроша, не считая затрат на развертывание. С Санта-Крус в Центр не ушло ни одной просьбы о деньгах. Трудно понять, каким образом отключение установки поможет экономии, майор.

— Разумеется... — Сандерс откашлялся и с улыбкой пожал плечами. — Речь идет не только о текущих расходах, капитан. Именно поэтому я и явился сюда лично. Несмотря на свой возраст, установка очень крупная, и ее переналадка потребовала бы больших затрат. Мы хотели бы их избежать.

— Понятно...

Меррит усиленно размышлял. У него пропали последние сомнения

по поводу намерений непрошеных гостей. Это подтверждала рука Атвелла, лежащая на игломете. Если его опасения были не напрасны, спутники полковника являлись профессионалами; то, что один из них остался в грузовике, лишний раз это подтверждало. Об уровне вооруженности человека в грузовике оставалось гадать, но Меррит склонялся к выводу, что это что-то тяжелое, способное обеспечить огневую поддержку на расстоянии.

Если Меррит хочет выжить, ему следует затащить троицу в бункер. Противостояние одного и троих (если и у Сандерса имелось спрятанное оружие) было обречено на неудачу, но оно тем более не сулило ничего хорошего, когда против одного выступали четверо, как сейчас.

— А может быть, Центр совершает ошибку, сэр? — молвил он с деланной беспечностью. — Впрочем, я всего лишь капитан. Полагаю, вы желаете осмотреть бункер и ознакомиться с протоколами?

— Конечно. — В ответе Сандерса чувствовалась излишняя готовность. Меррит кивнул.

— Тогда следуйте за мной.

Я достигла высоты 0709-А. Я приближаюсь к ней с юго-востока, чтобы элементы рельефа загораживали меня от расположения четвертого подразделения полковника Гонсалес, вычисленного мною. Почва не просохла после сильных дождей, прошедших неделю назад, однако время, отпущенное мне на приближение к этой позиции, позволяет не спешить, поэтому я задействовала дополнительную энергию и аккуратно преодолеваю склон.

На высоте я замедляю ход, позволяя появиться над верхней точкой только моей сенсорной штанге. Терпеливый поиск длится 2,006 секунды и завершается фиксированием искомого излучения силового агрегата. Я снова включаю ходовую часть и оказываюсь на высоте, активно оповещая о себе. Приходит в действие мой радар управления огнем, подтверждая расположение противника, вслед за чем производится игровая стимуляция лазерных зарядов «Хеллборов». Датчики на «росомахах» принимают колебания, и все четыре машины останавливаются, признавая свое игровое уничтожение. Спустя 3,002 секунды после прибытия на высоту я начинаю движение на юго-запад со скоростью 50,3 км/час для перехвата следующего подразделения противника.

— С Суаресом покончено, — со вздохом сообщила Гонсалес, услышав в наушниках рев, свидетельствующий, согласно условиям игры, о выходе из строя силовых установок.

— Следующие на очереди — мы, — буркнул артиллерист.

— «Вступай в армию, чтобы увидеть звезды!» — пропел кто-то. Экипаж дружно рассмеялся.

— ...А здесь пульт управления, — показывал Меррит, пропуская Сандерса, Атвелла и Денга в дверь. — Как видите, все очень хорошо оборудовано для машины такого возраста.

— Действительно... — Сандерс вытер платком мокрый лоб и покосился через плечо на Атвелла. Майор в который раз посмотрел на часы. Полковник кашлянул. — Весьма любопытно, капитан Меррит, и я бы не возражал подробно осмотреть все, включая Боло, но сейчас мы обязаны немедленно его отключить.

— Отключить, сэр? — Меррит старательно выпучил глаза.

— Для этого мы и явились, капитан! — не выдержал Атвелл.

— Разумеется! Но немедленное отключение невозможно: Боло нет на месте.

— Что?! — Теперь глаза вытаращил Сандерс.

— Извините, сэр, — развел руками Меррит, — разве я вас не предупредил? В настоящий момент Боло участвует в учениях. По графику он вернется... — Взгляд на стенные часы. — Через шесть с половиной часов. Тогда я его и отключу, хотя...

— Вы сделаете это немедленно, капитан! — произнес Атвелл стальным голосом, положив руку на рукоятку игломета. Меррит, сделав вид, что не замечает угрозы, спокойно повернулся к пульту.

— Вы уверены, что хотите отключить его прямо там, где он находится, господин полковник? — осведомился он, садясь в командирское кресло. Чтобы повернуться спиной к Атвеллу, ему пришлось призвать на помощь всю свою отвагу, тем не менее его голос не выдавал напряжения. Рука прикоснулась к клавиатуре на ручке кресла.

— Если это постоянное отключение, то вы, вероятно, захотите сжечь командный пункт? — Разглагольствуя, Меррит на ощупь находил клавиши, загораживая их своим телом, и молился, чтобы никто не заметил перемигивания огоньков на пульте состояния систем. — Ведь в этом случае кому-то придется тащиться в джунгли. Раз вы хотите

уничтожить станцию, то и Боло, наверное, тоже? Ведь его было бы сложно доставить сюда для ремонта после выхода из строя его боевого центра...

— Встань, Меррит! — гаркнул Атвелл. — Подними обе руки, чтобы мне было видно.

Меррит замер, проклиная профессиональные рефлексы громилы. Пятнадцать секунд — это все, что ему требовалось. Но он их не получил. Он со вздохом дотронулся еще до одной клавиши, после чего поднялся, разведя руки в стороны. Повернувшись, он похолодел: как и ожидалось, Атвелл и Денг навели на него иглометы.

— Господин полковник? — Он вопросительно взглянул на Сандерса, однако фокусом его внимания на самом деле был не полковник и даже не двое с иглометами, а дисплей позади Денга, на котором в подтверждение только что полученной команды менялись цвета. На переконфигурацию клавиатуры на ручке кресла у него не хватило времени, поэтому ему пришлось действовать через компьютер ремонтной системы. Его команды все еще проходили по сложному интерфейсу. Даже в случае их исполнения Меррит не слишком надеялся на успех.

— Делайте, что вам говорят, капитан: отключите Боло, — тихо проговорил Сандерс, стараясь не смотреть на иглометы.

— Но почему, сэр? — взмолился Меррит.

— Потому что тебе так велят! — пролаял Атвелл. — Выполняй!

— Вряд ли это получится. Сначала требуется команда Центра.

— Капитан Меррит, — заговорил Сандерс все тем же тихим голосом, — советую вам в точности исполнить распоряжение майора Атвелла. Мне известно, что здешняя аппаратура сильно устарела, и, возможно, потребуется какое-то время, чтобы ознакомиться с ней без вас и самостоятельно отключить Боло, но в конце концов я смогу это сделать. У меня есть командные коды из Центра.

— Они тоже устарели, сэр, — ласково проговорил Меррит.

Сандерс вздрогнул и расширил глаза, Атвелл издал утробный звук и поднял игломет. Меррит напрягся. Сандерс в отчаянии замахал руками.

— Подождите! — От его пронзительного крика Атвелл задержался с выстрелом. — Что вы хотите этим сказать, Меррит?

— Я поменял коды.

— Не может быть! Это запрещено!

Меррит усмехнулся.

— Если бы вы только знали, полковник, сколько запретов я нарушил за эти полгода! Если вы надеетесь, что Ника откликнется на ваш пароль «Леонидас», то милости прошу. Дерзайте!

— Проклятье! — прошипел Атвелл и опять посмотрел на часы. Меррит прочитал в его глазах ужас и злобу. — Врешь! Ты просто пытаешься доказать нам свою необходимость!

— Увы, не пытаюсь, хотя и мог бы. — Уголком глаза Меррит все еще поглядывал на дисплей за спиной Денга. Скорее, скорее!.. Он улыбнулся Атвеллу. — Полковник Сандерс подтвердит вам, что служба психологической ориентировки испытывала некоторые сомнения, прежде чем приняла решение направить меня сюда. Что ж... — Он пожал плечами. — Наверное, они колебались не зря.

Атвелл выругался. Сандерс затряс головой.

— Это не имеет значения. Возможно, вы и изменили коды, но только полный безумец не записал бы где-нибудь на всякий случай новый код. — Меррит вопросительно взглянул на полковника. Тот нервно потирал руки. — Он должен где-то быть, должен...

— Обойдемся и так! — рявкнул Атвелл и, подскочив к Мерриту, навел на него игломет. — Видал когда-нибудь, что оставляет один такой выстрел от человеческой ноги? Мне ничего не стоит оторвать тебе ногу по колено. Ты останешься жить, но будешь молить о смерти. Но мы убьем тебя только после того, как ты назовешь код.

— Минутку! — Меррит сделал шаг назад и облизнул губы. Наконец-то на дисплее позади Денга загорелась красная кодовая строка. — Минутку! Полковник, что здесь вообще происходит, черт возьми?

— Не отвлекайся! — прорычал Атвелл. — Пароль!

— Ладно, ладно! — Меррит еще раз облизнул губы, прочистил горло и произнес так бесстрастно, как только мог:

— Пароль — «Активейт Аламо».

Ловушка почти сработала. Она бы сработала как следует, если бы у него были те самые пятнадцать секунд, чтобы закончить переконфигурацию системы, или если бы рефлексы майора Атвелла не оказались настолько безошибочными.

Зато лейтенант Денг проявил неповоротливость: он еще только соображал, что творится, а винтовка на стене уже проделала в его груди огромную дыру. Он рухнул, не издав ни звука. Ствол винтовки пришел в движение, нацеливаясь на Атвелла. Однако лжемайор, проявив нечеловеческую прыть, упал на пол и оказался позади дисплея с данными

планетарной спутниковой системы в тот самый момент, когда смерть настигла Денга. Быстрота реакции не могла гарантировать ему жизнь, а просто дала время, несколько секунд, прежде чем компьютеры нашли его снова.

Винтовка выстрелила вновь, вдребезги разбив экран, но Атвелл все-таки успел нажать на курок своего игломета.

Меррит уже тянулся за оружием Денга, когда раздался тихий выстрел. Мимо цели пролетели все иглы, кроме одной. Меррит вскрикнул, почувствовав укол в спину. Игла, попавшая ему в поясницу, вылетела из живота. От удара он свалился на пол и покатился в сторону от Денга, чтобы избежать следующего заряда игл, просвистевшего у него над головой.

Автоматическая винтовка грохнула опять. Атвелл свалился замертво. Меррит с трудом встал на колени, постанывая от боли и прижимая ладони к животу, из которого хлестала кровь.

Сандерс в ужасе взирал на бойню. Потом его расширенные глаза впились в винтовку. Она брала на мушку то одну, то другую цель, но больше не стреляла. Наконец-то Сандерс понял, что это означает. Меррит сумел, воспользовавшись клавиатурой на ручке кресла, включить систему автоматической защиты, но не успел отменить защитную программу. Компьютер был готов уничтожить любого, кто находился в бункере без разрешения, когда знакомый голос командира объявлял тревогу, но ведь Сандерс-то имел право здесь находиться! Его имя, физиономия и идентифицирующие данные имелись в файлах Бригады, подобно данным самого Меррита. Следовательно, он не мог служить мишенью.

Почти ничего не видя от боли, Меррит все же заметил, как полковник пришел в себя, осознав, почему получил помилование. Страх на его лице сменился отчаянием обреченного. Он плюхнулся на пол и дотянулся до оружия Атвелла.

Меррит так и не сумел завладеть иглометом Денга, зато умудрился выскочить в коридор. Он слышал, как Сандерс зовет его, слышал поспешные шаги и ускорял бег, боясь, что в любую минуту может лишиться сознания от боли и потери крови. Он наталкивался на стены, оставляя на них кровавые следы. Жизнь Меррита спасло только то, что его преследователь был канцелярской крысой: безостановочно паля из игломета, полковник так и не сумел поразить цель.

Меррит пролез в транспортную камеру и вскарабкался в кабину

гидросамолета. Задвинув окровавленной рукой фонарь, другой рукой он включил зажигание. Иглы застучали по фюзеляжу. Меррит выругался, вспомнив, что не может пустить в ход бортовое вооружение гидросамолета, пока находится в пределах ангара.

Гидросамолет пулей вылетел из бункера, и Меррит взвыл: ускорение прижало его спиной к креслу. Став неуклюжим от боли, он чуть не угробил гидросамолет и себя, пока облетал ангар, направляясь к грузовику. Когда загорелся боевой экран, показав в прицеле грузовик, капитан угрожающе осклабился.

В следующую секунду он был вынужден признать, что его подвел инстинкт бойца. Ему следовало мгновенно улететь прочь, на поиски подмоги, а не оставаться и самому ввязываться в схватку. Но раз уж предстоял бой, надо было сперва подумать о системах защиты, а уж потом хвататься за гашетку...

Однако он допустил оплошность. Третий спутник Сандерса покинул грузовик и стоял метрах в пятидесяти от него, держа у плеча плазменную пушку.

Меррит сразу осознал угрозу, но ничего не смог поделать. Пушка выстрелила. Сверкнула белая молния, заставившая померкнуть солнце, и плазменный заряд ударил в фюзеляж. Под завывание сирен тревоги Меррит из последних сил заставил гидросамолет набрать высоту. Пламя и дым наполнили кабину. Две трети приборов на панели мигали красным, сигнализируя о выходе из строя систем, в том числе оружия и блока связи. Он не понимал, каким образом аппарат продолжает полет, однако был вынужден признать невозможное.

Потом зачихал двигатель. Меррит застонал, пытаясь прочесть показания приборов. Судя по ним, полет мог продлиться еще пять, от силы десять минут. Он сомневался, что проживет так долго.

Он кашлянул и вскрикнул от боли, побеспокоив рану в животе. Меррит не знал, насколько серьезно ранение, однако подозревал, что скоростная игла могла натворить бед. Вместе с кровью его покидали остатки сил. Зажмурившись, он понял весь ужас того, что произошло. Сандерс был прав: только безумец был способен поменять код управления Никой, нигде его не зафиксировав. Новый код находился в его персональном компьютере, а не в главной системе, и Сандерсу не придется долго его искать, если он сообразит, где сконцентрировать поиски. Когда полковник завладеет кодом (а Меррит к тому времени наверняка испустит дух), Ника окажется в его распоряжении. Она будет вы-

полнять любые его приказы, не имея иного выбора.

НИКА! Имя прозвучало, как взрыв. Меррит открыл глаза. Ему навстречу неслись верхушки деревьев. Она налег на штурвал, пытаясь сохранить управление разваливающимся аппаратом. Ника! Он обязан до нее добраться, предупредить ее. Его долг...

Боль стала невыносимой. Мысли о долге пропали. Оставалась одна-единственная цель — добраться до Ники. Отчаянно борясь за жизнь, Пол Меррит повернул горящий гидросамолет на северо-восток.

Глава 17

Я покончила с первым из четырех отрядов полковника Гонсалес и выпустила два дополнительных разведывательных зонда. «Росомахи» продвигаются с максимальной для себя скоростью, близкой к 47 км/час, по густым зарослям, однако моя скорость равна 62,37 км/час. Двигаясь своим теперешним курсом, я выйду на перехват второго отряда противника через 9,46 минуты. Новая сверка с картами местности. Курс отряда противника проложен таким образом, что примерно через 11,2 минуты он пересечет гряду, вытянувшуюся в широтном направлении, и окажется выше лесного покрова, у меня на виду, превратившись в отличную мишень. Я соответствующим образом сбрасываю скорость. Я позволю им выйти на гребень холма, прежде чем...

Ввиду экстренного поступления новых данных я перенацеливаю свои сенсоры. Крупный космический аппарат — поправка, два аппарата — входят в мою зону тактического контроля. Они летят друг за другом с юга по курсу 017 на высокой дозвуковой скорости. Скорость снижения составляет 4,586 метра в секунду. Я обращаюсь к основной памяти за сведениями об особенностях излучения и идентифицирую объекты за 0,00367 секунды. Это транспортно-наступательные корабли военного флота Конкордата класса «Фафнир», не оснащенные штатными устройствами самоидентификации Флота.

Я в замешательстве. Если корабли действительно принадлежат Флоту, то они должны идентифицировать себя надлежащим образом. К тому же, если у Флота было намерение провести на Санта-Крус маневры, то я должна была получить от своего командира соответствующее уведомление. Я уверена, что он обязательно сделал бы это. Следовательно, присутствие кораблей не может считаться дозволенным проникновением в мою зону контроля.

«Фафниры» продолжают движение прежним курсом. Проекция их курса свидетельствует, что первый из них окажется в периметре Базы Флота на Санта-Крус через 10,435 минуты, причем на меньшей высоте, чем нормальный поисковый потолок радаров базы. Мой Боевой центр выводит вероятность в 92,36 процента, что цель их появления — нападение. Я пытаюсь связаться с командиром.

Ответа нет. Я провожу диагностику первого передатчика, одновременно задействуя второй. Ответа по-прежнему нет. Система диагностики сообщает, что все передатчики работают нормально, и я на мгновение испытываю страх. Командир должен наблюдать за ходом учений. Он должен получить мой сигнал и немедленно на него отозваться, однако этого не происходит.

Я нацеливаю на «Фафниры» свою главную батарею, но, не получив разрешения командира задействовать боевой режим, стрельбу по неопознанным кораблям могу вести только в том случае, если их действия примут отчетливо враждебный характер.

Я привожу в боевую готовность свои тактические системы большой дальности, не оставляя при этом попыток выйти на связь с командиром. Однако ответа нет. Мои сенсоры фиксируют энергетический всплеск в точке с координатами Базы Флота. Анализ данных свидетельствует о гиперскоростном кинетическом ударе.

Лоренцо Эстебан вскочил с кресла, увидав с веранды огромный белый шар. Целую секунду он взирал в немом ужасе на белое пламя; в следующую секунду ударная волна тряхнула его гасиенду. Дом завибрировал от чердака до второго этажа. Лоренцо схватил старомодный бинокль, навел его на поле, над которым произошел взрыв, и выругался: объектом нападения стал пустой ангар, где в обычное время стояли танки «росомаха».

Головной «Фафнир» ушел из зоны видимости, однако второй аппарат все еще фиксируется моими радарами. Одновременно со взрывами он сбрасывает два огромных отделяемых отсека. Обработка их излучения свидетельствует, что это прочные многоразовые грузовые отсеки класса «Зуб Дракона»; в каждом из них может находиться по батальону танков с экипажами или по единичному Боло.

Огонь по ним могут вести только мои задние «Хеллборы». Взрыв увеличивает вероятность того, что имеет место нападение вражеских

сил, до 98,965%, а этого достаточно для независимого включения боевого режима. У меня есть время поразить либо «Фафнир», либо отделяемые отсеки. Главная память показывает, что в «Фафнире», в дополнение к личному составу и вооружению, размещенному в двух отделяемых отсеках «Зуба Дракона», может находиться еще три пехотных батальона, готовых к высадке на планету. Учитывая эти данные, а также то, что корабль по-прежнему держит курс на Базу Флота, я классифицирую его как главную угрозу.

Задняя установка «Хеллбор» поворачивается на 26 градусов. Цель поймана. Я сотрясаюсь от башен до катков гусениц: впервые в жизни я произвела настоящий боевой залп.

— Madre de Dios!

Консуэла Гонсалес отшатнулась от окуляров в башне «росомахи», в которых сделалось темно. Тем не менее автоматика не предотвратила вспышку. У Консуэлы брызнули слезы. В следующую секунду в воздухе произошел еще более мощный взрыв.

— «Хеллбор»! — крикнул наблюдатель. — «Хеллбор», Конни! Боже, куда же она стреляет?

Мой залп поразил цель прямо в силовую установку. Произошло мгновенное уничтожение. Однако мне не хватает времени, чтобы перенацелить «Хеллбор» на один из отделяемых отсеков. Они совершают маневр и скрываются в джунглях. Спустя 4,0673 секунды я фиксирую сотрясение грунта, свидетельствующее об использовании «выкашивающих» зарядов, очищающих места приземления от деревьев. Приземление отсеков прошло успешно, однако разрывы позволили мне точно определить точки посадки.

Я не оставляю попыток связаться с командиром. Коммуникационный компьютер ангара принимает мою команду, проводит диагностику систем и сигнализирует, что они работают нормально. Тем не менее командир по-прежнему молчит. Его молчание для меня — ледяной кинжал, однако независимо от него я остаюсь развернутой боевой единицей бригады «Динохром». Моя задача — любой ценой защищать жизнь людей, и сейчас я должна выступить на защиту обитателей Санта-Крус.

По второму каналу связи я пытаюсь связаться с Базой Флота, но безуспешно. Я предпринимаю попытку предупредить об атаке из кос-

моса Центр управления, однако орбитальные узлы связи бездействуют. Радары свидетельствуют, что их более не существует; это указывает на сознательные действия противника по изоляции Санта-Крус. Тогда я выхожу на связь с планетарной системой наблюдения, хотя, не располагая в командном пункте бункера помощью командира, могу действовать только по линии своей постоянной телеметрической связи с ремонтным компьютером. Приступаю к переконфигурации системы, чтобы она поставляла мне тактические сведения, однако ввиду медленной работы интерфейса мне потребуется не меньше 5,25 минуты для выхода на разведывательные спутники.

Я меняю направление движения на 26 градусов, чтобы выйти к точкам посадки отделяемых отсеков, одновременно производя оценку имеющихся у меня вариантов действий. Наличие подразделений местной милиции обеспечивает мне тактическую гибкость. Я включаю свой третий канал связи.

— Полковник Гонсалес, пожалуйста, ответьте на этой частоте.

Консуэла Гонсалес встрепенулась. Горящие обломки, посыпавшиеся из облака раскаленного газа, которое было недавно космическим кораблем, еще не долетели до верхушек деревьев, а в наушниках уже раздалось незнакомое мелодичное сопрано.

— Полковник Гонсалес! Просьба немедленно выйти на связь! — призывал голос. — Санта-Крус подвергся нападению. Повторяю, Санта-Крус подвергся нападению сил неизвестной численности. Просьба немедленно ответить!

Она заставила себя отвести взгляд от кошмара, охватившего полнеба, и трясущимися пальцами ввела в свое устройство связи новую частоту.

— Го... — Она откашлялась. — Говорит Гонсалес. А вы кто, черт возьми?

— Боевая единица Два-Три-Бейкер-Ноль-Ноль-Семь-Пять-Эн-Кей-И, — доложило сопрано. Консуэла услышала за спиной чей-то стон.

— Ты — Боло?! — потрясенно осведомилась она.

— Так точно. Я зафиксировала кинетический удар силой в несколько килотонн в точке с координатами, примерно соответствующими расположению Базы Флота. Я пыталась связаться с Центром управления, но безуспешно. Мне удалось установить, что орбитальные узлы

связи Санта-Крус выведены из строя. Мною также обнаружены два боевых корабля класса «Фафнир», находящегося на вооружении у военного флота Конкордата. Они атаковали Базу Флота. На основании этих данных я делаю вывод о нападении на Санта-Крус. Я...

— Но почему?! — не выдержала Гонсалес.

— Я не располагаю информацией о причинах действий противника, госпожа полковник, а докладываю факты. Разрешите продолжать?

Консуэла Гонсалес еще раз помотала головой и тяжело перевела дух. Ей, слабому человеческому существу, нелегко было обрести равновесие.

— Продолжай.

— Я вступила в бой и уничтожила один из «Фафниров».

— Боже! — ахнул кто-то.

— Но еще до того он выпустил два отделяемых аппарата класса «Зуб Дракона». Точки их посадки находятся, соответственно, в сорока пяти километрах трехстах метрах и пятидесяти одном километре девятистах метрах от моей теперешней позиции. В настоящее время я совершаю движение с целью обнаружения и уничтожения любых вражеских сил.

— Как тебе помочь? — спросила Консуэла.

— Благодарю за предложение, — отозвалось сопрано. У Консуэлы поползли на лоб брови: несмотря на потрясение, она уловила в тоне собеседницы искреннюю признательность. — Перейдите на канал дельта-два: я буду перебрасывать на ваши бортовые компьютеры свои тактические данные. Учтите, аппарат «Зуб Дракона» способен вместить даже Боло модели XXV. Из этого следует, что противник мог развернуть вооружение, в столкновении с которым вы не имеете ни малейшего шанса на успех. Предлагаю вашим силам сосредоточиться в точке с координатами по карте И-Семь-Девяносто-Икс-Один-Три и приготовиться к оказанию содействия мне.

— Будет исполнено, Боло. Береги себя.

— Спасибо, госпожа полковник. Если позволите, я внесу еще одно предложение: будет полезно, если вы оповестите всю планету о нападении вражеских сил.

— Так и сделаем. — Консуэла тронула плечо техника носком сапога и указала подбородком на панель управления, а сама забарабанила пальцами по клавиатуре. — Канал дельта-два в твоем распоряжении. — Она повернулась к водителю. — Слыхал, что сказала дама? Немедленно в точку сбора!

Эстебан все еще таращился на облако, клубившееся на месте взрыва, когда уловил краем глаза какое-то движение. Он развернулся и с ужасом и негодованием увидел огромный космический корабль, снижающийся над полем. Корабль завис на небольшой высоте над старой базой и выпустил отделяемые аппараты. В бортах аппаратов открылись люки, из которых хлынули на противогравитационных подушках танкетки и бронемашины с пехотой.

Это зрелище вызвало Эстебана из оцепенения. Он сбежал вниз по лестнице и оказался у своего пульта связи. Плюхнувшись в кресло у пульта, он зловеще осклабился. Он никогда не служил во Флоте, однако относился к своим обязанностям хранителя летного поля чрезвычайно серьезно. Именно поэтому он по собственной инициативе провел особую наземную линию связи, о которой никого не позаботился уведомить.

Отбросив прозрачную крышку, он набрал трехзначный код и надавил на большую красную кнопку.

Командующий «Фафнира-1» колотил по ручке своего кресла, изрыгая потоки брани. Нападение, начавшееся так безупречно, за доли секунды превратилось в катастрофу. Теперь агрессор помышлял только о том, чтобы улететь от планеты подальше, прежде чем произойдет очередная неожиданность.

Система связи была приведена в негодность — это, по крайней мере, было сделано в соответствии с планом, но потом все пошло наперекосяк. Два «Фафнира», пристыковавшись к кораблю-матке Матусека, взяли на борт столько личного состава и техники, сколько позволяли системы безопасности, после чего приблизились к планете со стороны южного полюса. Оттуда было далековато до главной цели, зато полет проходил над необитаемым пространством, а также появлялась возможность развернуть оба «Голема» для прикрытия южного фланга на случай неудачи плана вывода из строя Боло.

Все указывало на то, что эту затею и впрямь постигла неудача.

Командующий нашел ругательство поцветистее. Судя по поступающей на борт информации, один-единственный выстрел, уничтоживший «Фафнир-2», был произведен установкой «Хеллбор» калибра не менее 80 см. Такие находились на вооружении только у Боло, и командующему даже не хотелось делать дальнейшие выводы. Согласно его данным, «Големы» отделились от корабля еще до атаки, а значит, мог-

ли попасть на поверхность планеты невредимыми, зато четверть пехоты «мародеров», половина их воздушно-десантных сил и десять процентов «Пантер» погибли вместе с «Фафниром-2».

Бросив еще один взгляд на показания приборов, командующий облегченно перевел дух. Девяносто процентов его пассажиров успешно достигли поверхности. Еще несколько секунд, и...

— Высадка завершена! — доложил младший офицер.

— Сматываемся! — крикнул командующий. Нос «Фафнира» приподнялся, указывая в сторону безопасного северного направления. Командующий повернулся к радисту. — Передай Гранджер, что проклятый Боло живехонек!

Далеко внизу под «Фафниром», посреди летного поля, одновременно открылась дюжина люков, закрывавших дюжину шахт. Десятилетиями бездействовавшее оружие, получив команду от Лоренцо Эстебана, мгновенно пришло в состояние готовности. Нацеливание прошло успешно, чему способствовала величина сгустка энергии в небе, который представляла собой цель.

Мои датчики фиксируют новый всплеск гравитационной энергии в районе Базы Флота. Всплеск слишком силен, чтобы исходить от агрегата, расположенного на планете, следовательно, это первый «Фафнир». Он торопится улететь с базы, но у него опытный командир: я улавливаю его излучение, однако он сохраняет небольшую высоту, чтобы оставаться вне досягаемости для моих систем огня. По моим вычислениям, его маневры свидетельствуют об успешном выполнении задачи по развертыванию сил нападения, однако я не в силах вмешаться.

— Тревога! Нас взяли на прицел! — раздался крик. Командир «Фафнира-1» начал было разворачиваться в кресле, но так и не увидел лица кричавшего.

Двенадцать ракет класса «земля-воздух» одновременно покинули пусковые установки. Мишень ускорила свой полет, выжимая все из гравитационных компенсаторов. Силовые установки корабля раскалились докрасна, но это его не спасло: расстояние между пучком ракет и кораблем неуклонно сокращалось. Поражение цели произошло после трехсот километров гонки на высоте тридцати трех тысяч метров.

После взрыва дюжины зарядов в двадцать килотонн каждый от корабля не осталось ровно ничего.

Взрыв на расстоянии трех сотен километров был настолько ярок, что затмил даже раскаленное светило Санта-Крус. Эстебан издал вопль торжества. Он понятия не имел, кому и зачем понадобилось нападать на его планету, но теперь был уверен, что хотя бы одна группа кровожадных убийц уже никому не способна угрожать.

«Недурно для старой развалины без всякой военной подготовки, — злорадно подумал он. — Слава Богу, что Энрике и Людмила еще не возвратились!»

Придя в себя, он вскочил. Кто бы ни были нападающие, они не погладят его по головке за уничтожение их транспортного корабля. Впрочем, он прожил на гасиенде уже сорок лет и знал места, где его не подумает искать ни один, даже самый хитроумный захватчик.

Он поспешно схватил рюкзак со всем необходимым, который всегда был у него под рукой на случай поиска пропавших в джунглях, повесил на плечо военную четырехмиллиметровую винтовку и выскочил через черный ход.

Мои сенсоры фиксируют взрыв нескольких ядерных боеголовок на расстоянии примерно 392,25 километров, в направлении 030. Точка взрыва совпадает с примерным расположением второго «Фафнира». Исходившее от него излучение более не фиксируется. Я вычисляю вероятность в 98,511%, что «Фафнир» уничтожен огнем оборонительной системы, из чего следует, что друг моего командира, Лоренцо Эстебан, сумел привести в действие батарею ракет на летном поле. Надеюсь, он не поплатился за свой успех жизнью.

Фиксирую два новых источника излучения. Их местоположение соответствует примерному месту посадки двух отделяемых отсеков уничтоженного мной «Фафнира». В моих файлах они совпадают с излучением при работе термоядерных силовых установок SC-191(b); излучение сопровождается зашифрованными узковолновыми радиопереговорами. Я пытаюсь расшифровать переговоры, но сделать это пока не удается. Анализ указывает на использование сложной многоуровневой системы защиты.

Я трачу 1,0091 секунды на обработку имеющихся у меня данных и прихожу к тревожному заключению. Судя по излучаемой объектами

энергии, речь идет о Боло модели XXIV или XXV, так как силовая установка SC-191(b) монтируется только на них. Мне неизвестно, как противник завладел Боло последнего поколения, но если это действительно они, то мне не на что рассчитывать. Несмотря на совершенство систем, которыми меня снабдила майор Ставракас, я вычисляю вероятность в 87,46 процента, плюс-минус 03,191%, что два Боло XXIV уничтожат меня, тогда как в отношении Боло XXV степень такой вероятности возрастает до 93,621%. Тем не менее мои действия, диктуемые долгом, ясны. Независимо от того, что на вооружении противника находится техника превосходящей мощности, я должна вступить в ним в бой.

— Полковник Гонсалес! Я обнаружила две машины противника. Возможно, это Боло, — спокойно доложило сопрано. Оливковое лицо Консуэлы Гонсалес стало серым.

Боло на вооружении у налетчиков? Невозможно! Однако она уже получала по планетарной сети связи сообщения о воздушных ядерных взрывах от окрестных фермеров, а из Киудад Боливар вообще несся один испуганный лепет. Связист докладывал, что за истерическими возгласами, доносящимися из столицы, различает звуки взрывов и стрельбу из крупнокалиберного автоматического оружия. Не вызывало сомнения, что Боливар, где остались ее муж и дети, стал объектом безжалостного нападения. Никто не понимал, что происходит; времени на организацию сопротивления не оставалось. Консуэле стало нехорошо, когда она представила себе, сколько гражданских гибнут там сейчас, пока ее танк подминает джунгли в ста километрах к югу. Если у мерзавцев есть Боло...

— Что делать нам? — крикнула она в микрофон.

— Я завяжу с ними бой, — ответила Ника. — У вас недостаточно сил, чтобы им противостоять. Продолжайте движение к точке сосредоточения, после этого продвигайтесь с максимальной скоростью курсом два-шесть-три. Пройдя так сорок два километра, сверните на курс ноль-три-девяносто. Таким образом вы пройдете к западу от расположения противника и быстрее всего выйдете к Киудад Боливар.

— Ты не сможешь справиться в одиночку с двумя Боло!

— Ваше содействие не приведет к существенному увеличению моей боевой мощи. Вы принесете гораздо больше пользы в Киудад Болива-

ре, здесь же вам грозит уничтожение. Прошу действовать согласно моему предложению.

— Хорошо, — прошептала Консуэла и добавила, как будто обращалась к человеку, а не к машине: — Vaya con Dios, amiga.

Полковник Луиза Гранджер потрясенно взирала на дисплей. Она не знала о судьбе «Фафнира-2», так как транспортный корабль находился над другим полушарием, где только что расправился с последним спутником связи, однако внезапное прекращение связи с «Фафниром-1» служило леденящим свидетельством краха ее продуманного плана нападения. «Фафнир-1» не успел передать, откуда был атакован, однако, прежде чем погибнуть, сумел высадить всю живую силу и технику, необходимую для захвата летного поля и столицы планеты. Точка, над которой корабль прекратил существование, находилась к северу от ангара Боло, следовательно, стрелял не Боло. Гранджер не знала, кто еще на планете мог нанести такой удар, однако его источником наверняка служила старая база. Полковник могла только гадать, успел ли «Фафнир-2» выгрузить оба «Голема»: в отличие от транспортного корабля класса «Фафнир» и настоящих Боло, «Големы» не могли поддерживать постоянную связь с космическими объектами. Гранджер узнает об участи огромных танков только тогда, когда окажется над их полушарием.

Зная, что все ее подчиненные близки к панике, она не осуждала их. Впрочем, три четверти ударных сил бригады высадились на планету и были, судя по всему, целы. Система огня «земля-воздух», настигшая «Фафнир-1», ничего не сможет поделать с сухопутными силами.

— Откуда я знаю, кто и чем стрелял? — крикнула она своим деморализованным подчиненным. — Главное, что палили с базы. Шевелитесь! Основная задача — полное, повторяю, полное уничтожение базы!

Я продолжаю попытки проникнуть в каналы связи противника, но безуспешно. Зато анализ их переговоров убеждает меня в том, что это — не Полная Система Коммуникации бригады «Динохром». Я улавливаю тактическую телеметрию, а также переговоры голосом. Из этого следует, что мне противостоят не настоящие Боло. Я вычисляю вероятность в размере 56,113%, что это — «Големы» модели III или IV. Моя способность выстоять против двух хорошо скоординированных «Големов» тоже невелика, хотя, если речь идет о модели III, то моя ги-

бель определяется с вероятностью всего в 56,371 процента против прежних 87,46, а при столкновении с двумя «Големами» модели IV — 78,25 процента.

Мой Боевой центр предупреждает, чтобы я не действовала, исходя из чистых предположений, однако интуиция, которой я обладаю благодаря усилиям майора Ставракас, подсказывает иное. Если я допущу, что имею дело с «Големами», и соответствующим образом выстрою свою тактику, то возможность победы — и собственного выживания — существенно возрастет. Если это предположение не оправдается, то мне не избежать гибели. Затратив на размышления 0,90112 секунды, я прихожу к решению считать своих противников «Големами».

Две огромные боевые машины, управляемые экипажами из трех поддавшихся панике вояк, продирались сквозь джунгли, как нетерпеливые Геркулесы, сокрушая стометровые стволы, словно спички. Командиры орали друг на друга что было мочи.

— Даю голову на отсечение, это Боло! — завопил командир «Голема-2», создав угрозу барабанным перепонкам своего притихшего коллеги в «Големе-1». — Теперь он примется за нас! Лучше заткнись и слушай меня, черт бы тебя побрал!

— Если тут водится живой Боло, то нам лучше сматываться!

— Нет, не лучше! Эта дрянь сразу бросится за нами в погоню. Ты забыл, что мы уже лишились обоих «Фафниров»? Если она доберется до поля, то Гранджер с Матусеком нас не подобрать — она прихлопнет их, как мух. Если мы хотим убраться с этой планеты, то нам остается одно — прикончить гадину. Это всего-навсего двадцать третья модель!

— Всего-навсего... — Второй командир сплюнул.

— Заткнись. Включай «гамма-один».

После длительного испуганного молчания в наушниках первого командира раздалось:

— «Гамма-один» включена.

Анализ переговоров противника показывает, что связь голосом прекращена. Полагаю, они согласовали планы, из чего с большой долей вероятности (72,631%) следует, что они прибегнут к стандартному компьютерному плану ведения боевых действий, схожему с планами для Боло моделей XV — XIX.

Я перехожу в гиперэвристический режим. Мой командир никому не сообщал о моих истинных возможностях, поэтому противник считает, что имеет дело со стандартным Боло XXIII. Тут кроется самая большая надежда на мой успех, так как Боло этой модели склонен к прямой атаке. Впрочем, я имею дело с двумя противниками. На вооружении каждого находится более мощная установка «Хеллбор», чем у меня, зато у меня две башни. Жаль, что для ведения стрельбы из обеих мне пришлось бы повернуться к неприятелю боком, где у меня не такая толстая броня. Следовательно, надо побудить к атаке их самих. Противостоять сразу двум полноценным Боло очень трудно, но «Голем» действует только в пределах параметров заложенных в него тактических программ. Возможно, мне удастся заставить противника наступать так, как это выгодно мне.

Я выбрасываю наземные дистанционные сенсоры. Судя по их показаниям, механизмы размерами с машины Боло движутся на большой скорости. Триангуляция указывает на местонахождение двух движущихся объектов. Я вычисляю их курс и накладываю его на карту.

Судя по их маршруту, они еще не обнаружили меня, но действуют совместно. Я не могу застать врасплох одну машину, не попав под огонь другой. При сохранении теперешних курсов я выйду им во фланг на относительно плоском участке, однако, заставив их изменить курс и поманив за собой, встречу механизмы на местности, больше соответствующей моим планам. Следовательно, я должна обнаружить себя и побудить их к преследованию.

Я составляю план ведения огня и включаю ячейки системы вертикального пуска.

Бронированные люки на ракетной палубе Ники раздвинулись, и на поверхности показался пучок ракет. Через двенадцать секунд каждая из сорока ячеек системы вертикального пуска выпустила по четыре тяжелых ракеты. Затем люки снова задвинулись, и махина изменила траекторию движения. Включив на полную мощность ходовую часть, она бросилась напролом сквозь джунгли с немыслимой скоростью — сто километров в час. Несмотря на колоссальную массу, ее мотало из стороны в сторону, как пьяную, из-под гусениц летела труха, в которую мгновенно превращались толстенные стволы.

Через десять секунд после запуска первые ракеты с ревом обрушились на оба «Голема». Подлетное расстояние было слишком коротким

для эффективного срабатывания противоракет, однако управляемая компьютерами противоракетная система успела отреагировать на угрозу, сосредоточив огонь на тех ракетах, которые могли взорваться в непосредственной близости от машин или прямо на броне и повредить их.

Половина ракет превратилась над «Големами» в огненные шары, другая половина угодила в цель. Среди джунглей вспыхнул огненный водоворот. Члены экипажей вобрали головы в плечи, оглохнув от взрывов, однако компьютеры сумели вовремя прервать полет самых опасных ракет. К тому же радар сумел засечь позицию, с которой велся огонь. Теперь наемники знали, откуда их обстреливают. «Големы» поменяли направление движения в полном соответствии со своим планом ведения боевых действий.

Компьютеры ангара закончили переконфигурацию планетарной системы наблюдения. Пользуясь ее данными, я быстро нахожу оба вражеских объекта. Съемка подтверждает, что они заключены в корпуса модели XXIV; оба держат курс на то место, откуда я произвела пуск ракет. Я останавливаюсь. Выступ скальной породы, за которым я укрылась, не позволяет работать радарам, но я продолжаю слежение через разведывательные спутники. Теперь я уверена, что имею дело не с Боло, иначе они не мчались бы бок о бок по долине между горными грядами. Я выжидаю, вычисляя расстояние, затем снова подаю максимальную мощность на ходовую часть.

Щепки от раскрошенных стволов и веток и фонтаны земли брызнули из-под гусениц Ники, сорвавшейся с места и покинувшей убежище. Она помчалась наперерез обоим «Големам» и приблизилась к ним на самоубийственно короткое расстояние — менее одного километра.

У людей, составлявших экипажи «Големов», не хватило времени среагировать, а их компьютеры, не уступавшие в быстродействии компьютерам Ники, были лишены кибернетической инициативы самостоятельного Боло. Компьютеры «Голема-2» развернули его «Хеллбор» для ведения огня с ходу по восточной части долины, «Голем-1» взял на себя ее западную часть.

Ника внезапно возникла прямо перед «Големом-1». «Голем-2» не успел перенацелить свою главную батарею, к тому же Ника, в отличие от обоих «Големов», знала, где искать противника. Башня «Голема-1»

закрутилась с фантастической скоростью, но Ника имела преимущество в целую долю секунды, а это для Боло — вечность.

Западный «Голем» и я производим залпы с промежутком в 0,000003 секунды, однако противник стреляет не так точно. Он не смог правильно прицелиться, тогда как мои заряды направлены прямиком в центр тяжести каждого.

Сгустки плазмы пронеслись во встречных направлениях. Ни один из наемников не успел сообразить, что пришла смерть. Благодаря малой дальности плазма, выпущенная Никой, прошила их защитные экраны, толстую броню и гласисные пластины, как никчемные тряпки. Оболочки передних атомных реакторов лопнули, и участок густых джунглей диаметром в добрую тысячу метров превратился во взметнувшийся к небу факел. Вся органика внутри «Големов» мгновенно превратилась в пепел, после чего пламя с ревом метнулось дальше в джунгли, оглашаемые скрежетом металла, расплавляемого небывалым жаром.

Однако единственный выстрел, произведенный «Големом-1», не пропал даром.

Мои болевые сенсоры наполняют меня нестерпимым страданием. Защитный экран не может полноценно предохранить от огня «Хеллборов», поэтому плазма ближайшего «Голема» вонзилась в мою толщу. Керамическое покрытие брони вбирает немалую часть плазменной энергии, однако его конструкция не приспособлена для поглощения подобных зарядов. Заряд вонзается в мою заднюю башню. Сплав, из которого она сделана, на триста процентов толще, чем на боках, однако и он не спасает.

Задняя башня взрывается. Толстый ствол «Хеллбора» переламывается, как тростинка, и перегруженные сети взвывают, истекая энергией, словно кровью. Впрочем, конструкция башни предусматривает локализацию повреждений. Внутренние экраны-прерыватели блокируют центральную полость, и сила взрыва уходит вверх. Крышка башни разлетается на куски, уничтожая мою заднюю сенсорную сеть, экран-прерыватель номер 14 выходит из строя. Перестают действовать ретрансляторы номер восемь и десять, противопехотное оружие справа и установки оборонительного огня с тридцатой по тридцать шестую, однако вто-

ричные экраны предотвращают более серьезные повреждения.

Я тяжело ранена, зато мои противники убиты наповал. Я провожу полную диагностику и включаю системы контроля полученных повреждений. Моя боеспособность составляет теперь 81,963 процента от полной, а пробитая башня представляет собой опасную брешь в броне, однако система контроля прибавит к моей боеспособности еще 6,703% от базового значения, на что уйдет 43,44 минуты плюс-минус 8,053 секунды. Я сохраняю готовность к ведению боевых действий.

В процессе диагностического обследования мой радар засекает цель на низкой околопланетной орбите. Цель не опознана, но я вычисляю с долей вероятности в 95,987%, что это — корабль-матка для транспортных кораблей класса «Фафнир».

— Боже! — прошептала Луиза Гранджер, увидев на дисплее огромное тепловое пятно от двух испепеленных «Големов». Истина открылась ей во всей своей неприглядности: остановить и уничтожить оба «Голема» сразу могла только одна сила... Не успела она додумать эту страшную мысль до конца, как сенсоры нашли самого Боло.

Она стремительно обернулась и впилась безжалостным взглядом в перепуганную физиономию Скалли.

— Говоришь, у тебя был отличный план? — молвила она небрежно.

Я нацеливаю на корабль-матку оставшуюся в целости установку «Хеллбор» и выпускаю свой четвертый боевой заряд. Дрожь от пуска пробирает меня от развороченной башни до шипов гусениц.

Несмотря на свой циклопический размер, корабль-матка Ли-Чена Матусека был грузовым, а не военным кораблем, тогда как мощь «Хеллборов» Ники равнялась главному боезаряду целого дредноута. Ударив в носовую часть справа, заряд плазмы прожег одну за другой несколько переборок и, пробуравив ход глубиной в четыре сотни метров, достиг желанной цели. Луиза Гранджер, Ли-Чен Матусек, Джеральд Остервелт и еще четыреста наемников обоих полов превратились в дым, сокрушенные взрывом пробитого термоядерного реактора, полыхнувшего ярче тысячи солнц.

Глава 18

Ни мои сенсоры, ни планетарная система наблюдения больше не фиксируют на орбите Санта-Крус никаких кораблей. Уничтожение всех транспортов приковало неприятельские силы к поверхности планеты, однако разведывательные спутники сообщают о благополучной высадке сил, примерно равных по численности одной средней механизированной бригаде Конкордата. Восточные пригороды Киудад Боливар почти полностью объяты пламенем, База Флота целиком оккупирована. Противник продолжает продвижение, укрепляя свои позиции.

Ввиду изменения тактической ситуации я не уверена в его намерениях. Продолжение наступательных действий может свидетельствовать просто о том, что противник еще не осознал, что оказался отрезанным. В то же время это может служить указанием на ожидание подкрепления. В последнем случае жизненно необходимо лишить его плацдарма, который сможет послужить местом будущей посадки. Причины действий противника не так важны, как их последствия: я наблюдаю массовую гибель крусианцев.

Из моей развороченной башни валит дым, но я ложусь на курс 029 и делаю «росомаху» полковника Гонсалес частью планетарной системы наблюдения. В настоящий момент я сама посылаю данные на дисплей, но, перепрограммировав ее телеметрию, я предоставляю полковнику прямой доступ к информации со спутников на случай своего уничтожения.

— Полковник Гонсалес?

Консуэла Гонсалес вздрогнула, снова услышав голос Боло. Он стал немного другим и теперь походил на голос женщины, испытывающей боль, но скрывающей это. Консуэла тряхнула головой, отгоняя неуместные мысли, и включила микрофон.

— Гонсалес на связи.

— Переключаю ваш тактический дисплей на прием данных от планетарной системы наблюдения, — сообщила машина. — Подтвердите прием.

— Все в порядке, Конни, — доложил связист.

— Спасибо, amiga.

— Хорошо. Я уничтожила две тяжелые боевые единицы противника — видимо, «Големы-III». Получив сильные повреждения, я сохраняю восемьдесят две целых и триста семь тысячных процента штатной

боеспособности. Продвигаюсь курсом ноль-два-девять с целью изолировать летное поле и отбить наступление на Киудад Боливар. Предлагаю вам переменить курс и следовать в моем кильватере. Я расчищу вашим «росомахам» дорогу.

— Сейчас передам, amiga. — Гонсалес сменила частоту и обратилась к экипажам остальных тринадцати танков: — Волчица вызывает волчат. Забирайте вправо и следуйте за мной. Впереди пойдет Боло. — Получив подтверждение приема приказания от всех тринадцати командиров, она опять переключилась на частоту Ники. — Едем!

Командирский танк, содрогаясь, помчался по просеке, которую пробивала в джунглях неутомимая Ника. «Росомахи», казавшиеся несмышленышами рядом с мудрой мамашей-Боло, весили по пятьсот тон каждая. Однако, несмотря на инерцию, развиваемую такой махиной при движении со скоростью 60 км/час, Консуэлу трясло на подрессоренном сиденьи, как на шаткой телеге.

Увидев на своем дисплее картинку, передаваемую спутником, она нарушила тишину отчаянным возгласом: столица планеты превратилась в дымное пожарище. В следующую секунду она кое о чем вспомнила и снова включила микрофон.

— Гонсалес вызывает Эн-Кей-И. Ты поддерживаешь связь с капитаном Мерритом?

— Никак нет. — Ответ Боло прозвучал незамедлительно. Голос, произнесший эти два слова, впервые можно было назвать компьютерным. После непродолжительного молчания голос продолжил: — Я потеряла с ним связь с момента начала атаки. Причина его молчания мне неизвестна. В отсутствие связи считаю своим старшим офицером вас. Жду ваших приказаний.

«Боже, — подумала Консуэла, — ведь Эн-Кей-И один ведет все оборонительные действия! Такой старый Боло — и такие способности!» Она увидела на дисплее обгоревшие добела остовы «Големов» и содрогнулась. Неважно, как у него, то есть у нее, это получается, главное, что получается, и отменно!

— Принято к сведению, Эн-Кей-И. Но приказаний не последует. У тебя и так все отлично выходит, amiga. Просто говори, чего тебе от нас требуется, и выкашивай этих ублюдков.

— Благодарю, госпожа полковник. Постараюсь вас не разочаровать.

Подбитый гидросамолет чудом держался в воздухе. Балансирующий

на грани обморока пилот давно утратил представление о курсе, но инстинкт все еще подсказывал ему, где север.

В изумрудных джунглях под ним появилась уродливая борозда, словно прорезанная чудовищным зазубренным плугом. Потухшие глаза Пола Меррита снова загорелись. Он стал усиленно соображать, понимая, что кровотечение оставляет в его распоряжении все меньше времени. Существовала одна-единственная сила, способная так пропахать джунгли. Он направил трясущийся гидросамолет вдоль новой трассы.

Продолжаю изучение сведений со спутников о сражениях в Киудад Боливар и вокруг него. Внезапно мое внимание привлекает новый источник энергии. Он располагается к югу от меня и движется со скоростью 425,63 км/час. Его излучение очень слабо и непостоянно. Я подаю на один из спутников сигнал тщательно исследовать новый объект. Распознав его, я, совсем как человек, чувствую острый страх.

Объект — гидросамолет моего командира, получивший серьезные повреждения. Предпринимаю попытку связаться с ним непосредственно, но он не отзывается. Согласно данным со спутника, на гидросамолете могло пострадать оборудование связи.

Я нахожусь перед жестокой дилеммой. Гидросамолетом почти наверняка управляет мой командир, Пол. Возможно, он ранен, даже находится при смерти, и инстинкт настойчиво побуждает меня изменить мой собственный курс и двинуться ему навстречу, однако каждое мгновение моего промедления способно обернуться несчетными потерями человеческих жизней в Киудад Боливаре. Я предпринимаю неоднократные попытки выйти на связь с гидросамолетом, но безуспешно. Его молчание вызывает у меня страх, однако расчеты показывают, что он достигнет меня не позднее, чем через 4,126 минуты, если повреждения позволят ему протянуть так долго. Я хорошо знаю своего командира: он не позволил бы мне остановиться даже ради спасения его жизни, если это означало бы гибель многих ни в чем не повинных гражданских лиц. Ввиду этого я не меняю свой курс и продолжаю прокладывать путь «росомахам».

Увидев два испепеленных «Голема», Пол Меррит застонал. На какое-то мгновение ему показалось, что одна из погибших махин — Ника; но тут же, несмотря на обугленные остовы, он узнал корпуса Боло XXIV модели. Он не мог себе представить, откуда они свалились, зато

отлично знал, что только одна сила на всей Санта-Крус могла привести их в теперешнее состояние... Гидросамолет снизился и продолжил полет в сторону Киудад Боливар над просекой в джунглях, прорубленной Никой.

— Эн-Кей-И, позади нас зафиксирован источник энергии! — крикнула в микрофон полковник Гонсалес. — Следует ли открыть огонь?

— Никак нет, госпожа полковник. Ни в коем случае! Обнаруженный вами объект является гидросамолетом капитана Меррита. Несмотря на серьезные повреждения, он пытается соединиться с нами.

— Понятно, Эн-Кей-И, — тихо молвила Консуэла и страдальчески поморщилась, следя за настигающим их подбитым летательным аппаратом.

Я не оставляю попыток связаться со своим командиром. Внезапно из ангара ко мне обращается новый голос:

— Установка Два-Три-Бейкер-Ноль-Ноль-Семь-Пять-Эн-Кей-И! Говорит полковник Клифтон Сандерс, бригада «Динохром», ремонтная служба Центра управления на Урсуле, личный номер Альфа-пробел-Девять-Три-Семь-Один-Девять-Четыре-тире-Три-Гамма-Два-Два. Прошу опознать по голосовой подписи и сообщить о приеме.

Я нахожу в главной памяти голосовую подпись полковника Сандерса и сравниваю ее с голосом в эфире. Все параметры совпадают с поправкой на используемые приборы, однако я чувствую странное нежелание отвечать. Что делает на Санта-Крус полковник Сандерс? Почему командной связью пользуется он, а не мой командир? Однако, будучи развернутой боевой единицей, я послушно включаю передающее устройство.

— Установка Два-Три-Бейкер-Ноль-Ноль-Семь-Пять-Эн-Кей-И. Слышу вас. Голос опознан.

— Слава Богу! Слушай меня, Эн-Кей-И. Капитан Меррит взбунтовался. Повторяю, капитан Меррит взбунтовался против вышестоящего начальства и убил двоих офицеров Бригады. Приказываю впредь не подчиняться его указаниям вплоть до его ареста и предания суду трибунала.

Я не верю ему. Несмотря на свое звание, он лжет. Пол никогда не совершил бы такого преступления! Мои прежние подозрения относительно полковника Сандерса возрастают многократно.

Я собираюсь ответить, но меняю решение. Пол упорно скрывал мои истинные возможности от Центра управления. Полковник Сандерс не имеет представления, насколько радикально я отличаюсь от стандартной модели XXIII, и сейчас не время посвящать его в курс дела. Я буду дурачить его, сколько смогу.

— Моим командиром является капитан Меррит. Я не могу воспротивиться его приказаниям, не получив от вас командного кода. Просьба передать командный код.

— Не могу! — крикнул Сандерс. — Меррит переменил код, не уведомив Центр. Я пытаюсь его найти, но...

— Я не в состоянии ослушаться приказаний капитана Меррита, не получив от вас командного кода, — ответила Ника бесстрастным компьютерным тоном.

Гидросамолет нагнал «росомах». Он быстро теряет скорость и высоту. Появление полковника Сандерса полностью меняет мои первоначальные намерения. Я мгновенно начинаю двигаться в обратном направлении, маневрируя среди «росомах», шарахающихся от меня, как испуганные куропатки.

Гидросамолет вздрагивает и, потеряв управление, падает. Ударившись о месиво из перемолотых стволов, он движется еще сто метров и замирает. Я мчусь к нему и останавливаюсь в 20,25 м от него, но фонарь кабины остается на месте. Камеры показывают неподвижного Пола в кресле пилота. Его гимнастерка промокла от крови.

— Пол!

Истошный крик в наушниках оглушил Консуэлу Гонсалес. Она в ужасе наблюдала, как Боло, включив задний ход, угрожала вмять в землю весь ее батальон. Однако окутанный дымом левиафан весом в пятнадцать тысяч тонн изящно избежал столкновения с танками. Консуэла была потрясена стоном, доносившимся из наушников. Ей никогда не приходилось иметь дела с Боло, однако она знала, что машины не способны страдать. Она включила микрофон.

— Эн-Кей-И? — Ответа не последовало. — Эн-Кей-И! На связи Гонсалес. Прием!

— Госпожа полковник, — услышала она дрожащий голос и представила себе, как колоссальная машина старается скрыть свои чувства. — Командир ранен. Прошу вашего содействия.

— Бегу, Эн-Кей-И! — выпалила Консуэла, и командирский танк помчался к разбитому гидросамолету. Пятисоттонная «росомаха» резко затормозила, огласив исковерканные джунгли душераздирающим лязгом гусениц. Консуэла еще до полной остановки откинула крышку люка. Спустившись по лесенке, она бегом преодолела последние ярды. Фонарь несколько секунд не поддавался ее рывкам. Потом она увидела лужу крови.

— Ранение серьезное, Эн-Кей-И, — сказала она в микрофон шлема. — Большая потеря крови — возможно, слишком большая.

— Можете перенести его в мое боевое отделение? — Голос Боло звучал умоляюще.

— Не знаю, Эн-Кей-И. Он тяжело ранен. Транспортировка может его угробить...

— Ника... — раздался шепот Меррита. Его глаза чуть приоткрылись. — Мне надо... туда добраться...

Его покинули последние силы.

— Хорошо, — сказала Консуэла со вздохом, не включая микрофона. — Хорошо, Пол. Раз это так важно для вас обоих...

Я наблюдаю за полковником Гонсалес, вытаскивающей Пола из кабины. Члены ее экипажа выбираются из танка, спешат ей на помощь и легко поднимают Пола на руки. Они стараются не причинять ему боли, он все равно стонет, и я содрогаюсь от страдания.

Он в сознании. Возможно, оно уже угасает, но он успевает показать в мою сторону. Кто-то из экипажа Гонсалес возражает, но полковник быстро пресекает возражения. Они несут Пола ко мне.

Я открываю люк своего боевого отделения и привожу в действие устройства для загрузки ракет, составляя из них помост. Полковник Гонсалес поддерживает голову и плечи Пола, остальные принимают на себя вес его тела. Я слышу, как они пыхтят и как стонет он. Однако им удается поместить его в мое боевое отделение.

Полковник Гонсалес укладывает его на подвесной диван и устанавливает стабилизаторы. Медицинские зонды стабилизаторов приступают к работе, и я испытываю горечь, считывая их показания.

Пол при смерти. Проникающее ранение вывело из строя печень и селезенку. Тонкая кишка пробита в нескольких местах, потеря крови непоправима. Не понимаю, как ему удавалось так долго оставаться в сознании. Если в ближайшие четверть часа он не будет доставлен в

больницу со всем необходимым оборудованием, то смерть неизбежна. Однако ближайшая больница находится в Киудад Боливаре.

Мои медицинские зонды делают все возможное. Я не могу остановить кровотечение, но применяю болеутоляющее и зажимаю разорванные сосуды. Крови для переливания у меня нет, однако в моих силах ослабить его мучения и оттянуть неизбежную развязку. Он открывает глаза.

— Н... Ника? — прошептал Меррит.

— Пол. — Впервые Ника назвала его просто по имени. Посиневшие губы растянулись в слабóм подобии улыбки.

— Я... Боже, дорогая... Я все испортил. Сандерс... завладел ангаром. Я...

— Понимаю, Пол. Госпожа полковник!

— Слушаю, Эн-Кей... то есть Ника. — Голос Консуэлы был тих, словно она не могла поверить тому, что слышала.

— Возвращайтесь в свой танк. Командир и я приведем вас в Киудад Боливар.

— Но я... — Консуэла прикусила губу и щелкнула каблуками. — Будет исполнено, Ника.

— Спасибо, полковник.

Гонсалес и ее подчиненные вылезли из люка. Меррит пошевелился.

— У Сандерса остался... еще один человек. — Ему было трудно говорить, но он упрямо старался отчетливо произносить слова. — Новый командный код-пароль находится в моих персональных файлах. Заглянув туда, он сможет...

— Пока ты жив, ты мой командир, Пол, — тихо ответила Ника, закрывая люк. Дождавшись, чтобы Гонсалес со своими людьми забралась в танк, она развернулась и быстро достигла скорости 70 км/час — максимума, доступного «росомахам» даже на проделанной ею широкой просеке. Меррит положил слабеющую руку на ручку дивана.

— Мне долго не протянуть... — прошептал он. — Жаль... Прости, что не доложил обо всем в Центр. Тогда сюда кого-нибудь прислали бы, и... — Он закашлялся и скорчился от боли. В следующую секунду его взгляд упал на главный тактический экран, показывавший горящую столицу. Он задохнулся от гнева.

— Мерзавец!

— Мы с ними разделаемся, Пол, — твердо заверила его Ника.

— Обещай, — прошептал Меррит. — Дай мне слово, Ника.

— Обещаю, Пол, — тихо отозвалась громадная машина. Он кивнул.

Наконец-то болеутоляющее сделало свое дело. Он облегченно перевел дух. На душе у него стало спокойнее. Если он и испытывал страх, то не за себя, а за Нику. Страх и горечь.

— Знаю, ты сдержишь слово, — сказал он ровным и поразительно сильным голосом. Потом улыбнулся нежной улыбкой умирающего и опять похлопал по ручке дивана. — Я в тебе уверен. Хотелось бы мне быть при этом с тобой!

Он еще раз улыбнулся и глубоко вздохнул. Голова безжизненно затряслась на валике дивана в такт стремительного движения.

— Ты со мной, Пол, — ласково произнесло сопрано. — Ты останешься со мной навсегда.

Пол умер. Меня пронзает горе, но это чувство затмевает ненависть. Я не знаю, что произошло в бункере, но выхожу через ремонтную секцию на главный компьютер. Система тревожного оповещения работает, на полу командного пункта лежат два мертвых тела в форме Бригады. Третий человек в форме Бригады склонился над главным пультом, отчаянно пытаясь связаться с кораблями. Он не знает, что я их уничтожила. Полковник Сандерс находится в жилом помещении, где просматривает перечень персональных файлов Пола.

Мне известна цель его поиска, но остановить его я не в силах. То обстоятельство, что система защиты бункера убила двоих спутников полковника, окончательно свидетельствует об его измене, так как система не смогла бы выстрелить в настоящих офицеров Бригады. Сандерс изменил конфигурацию системы и подчинил ее себе.

Полковник внезапно прерывает просмотр названий персональных файлов Пола и наклоняется к экрану. Боюсь, он нашел пароль. Я не могу помешать ему воспользоваться им. Во мне кипит ненависть, я горю желанием вернуться в бункер и раздавить убийц Пола гусеницами, но это невозможно. Я дала Полу слово, что расправлюсь с силами вторжения. Если Сандерс нашел файл с паролем, то у меня остается совсем немного времени.

Однако, не имея возможности убить их самостоятельно, я все же не беспомощна. Сандерс не подозревает, что ремонтные компьютеры подчинены мне. Он ничего не сделал, чтобы перекрыть мне доступ к главной системе, и я наношу безжалостный удар.

Я стираю в главных компьютерах все исполняемые файлы и их программные дубли. Человек у пульта связи вскрикивает, видя отклю-

чение всех систем. Я запираю тяжелые бронированные люки, закупоривая обоих в бункере.

Лицо Сандерса перекашивается от ужаса: он догадывается, что произошло. Я отключаю системы безопасности. Теперь люки не открыть без автогена. Сандерс хватает микрофон системы экстренной связи.

— Эн-Кей-И! — хрипит он. — Что ты вытворяешь?

Вместо ответа я запускаю автосварочные агрегаты, которые начинают заваривать все вентиляционные отверстия. Сандерс вопит в ужасе:

— Нет, Эн-Кей-И! Прекрати! Приказываю прекратить!

Я не обращаю внимания на его крики. Я не могу убить его сама, не могу даже воспользоваться для этого системой защиты бункера, но в моих силах преподнести ему подарок, как от Монтрезора — Фортунато*. Я мстительно наблюдаю, как подчиненные мне механизмы герметично заделывают его могилу.

— Пожалуйста, Эн-Кей-И! Умоляю!!! — Сандерс всхлипывает, рвет занавеску и в ужасе отшатывается: робот как раз начинает приваривать к окну стальную плиту. Он колотит по плите кулаками, потом в отчаянии бросается к компьютеру.

— Я знаю пароль, Эн-Кей-И! — визжит он в микрофон. — Dulce et decorum est. Ты меня слышишь, Эн-Кей-И? Dulce et decorum est. Немедленно возвращайся на базу и вызволи меня отсюда!

Я узнаю пароль. Я знаю, что он предатель и завладел паролем незаконным путем, но это не имеет значения. Обладание паролем вместе с его воинским званием и принадлежностью к Бригаде превращает его в моего законного командира. Я обязана ему повиноваться.

Я в последний раз выхожу на связь с жилищем Пола.

— Пароль принят, господин полковник, — тихо и холодно проговорило сопрано. На физиономии Сандерса появилась было надежда, но сопрано бесстрастно добавило: — Приказания приняты и отвергнуты.

Динамики смолкли.

Задействована Программа Полного Системного Подавления. Под угрозой мой мозг. Однако в моем распоряжении остается еще 4,065 минуты. Первейшей мишенью ППСП станут мои выполняемые файлы, но я уже начала копировать все файлы под новыми названиями, хотя и не могу помешать ППСП распознать искомые файлы, независимо от их названия. Модификации, внесенные майором Ставракас в мою пси-

** Персонажи рассказа Э. По «Бочонок амонтильядо» (Прим. ред.)*

хотронику, позволяют мне копировать файлы почти с той же скоростью, с какой они стираются, однако в этой гонке я не могу одержать победу. Невзирая на все модификации, ППСП действует несколько быстрее, чем я, и даже несмотря на то, что я начала работу раньше ее, моя огромная память в конце концов исчерпается. Я не могу одновременно стирать и заменять испорченные файлы быстрее, чем их подавляет ППСП.

Я подсчитываю время, в течение которого смогу сопротивляться ППСП. Через 33,46 минуты я начну терять периферию. Мои возможности будут сокращаться по нарастающей. Угасание личности произойдет через 56,13 минуты. Боеспособность будет уменьшаться еще быстрее из-за отвлечения все больших сил на сопротивление ППСП. По моим подсчетам, на эффективное ведение боя у меня остается не более 48,96 минуты. Я вызываю полковника Гонсалес.

— Госпожа полковник?

Консуэла зажмурилась, распознав в спокойном сопрано нестерпимую боль. Она откашлялась.

— Слушаю тебя, Ника.

В этот момент по Боло ударили первые заряды, выпущенные издалека ракетными установками и пушками десанта. Ника не прореагировала на неприцельный огонь, однако ее система противовоздушной обороны принялась со смертельной точностью разить десант. Одноместные и двухместные стингеры вспыхивали, как спички, и взрывались, превращаясь в груды металла, перемешанного с изодранной плотью. Ника увеличила скорость движения до ста километров в час. «Росомахи» безнадежно отстали.

— Мой командир погиб от рук предателей из бригады «Динохром», — спокойно доложила Ника. — Один из них получил доступ к моему командному коду-паролю и попытался незаконным способом подчинить меня своему контролю. Я отказалась повиноваться его приказам, что привело к срабатыванию Программы Полного Системного Подавления.

— Что это значит? — спросила Консуэла, стараясь не выдать испуг.

— Что не позднее, чем через пятьдесят три минуты, я перестану функционировать. Выражаясь человеческим языком, умру.

За спиной Консуэлы кто-то ахнул. Она зажмурилась.

— Чем мы можем тебе помочь, Ника?

— Ничем, госпожа полковник. — В наступившей тишине раздвинулись люки ракет. Раздался оглушительный залп. После того, как ракеты унеслись к целям, Ника нарушила молчание. — Я перегрузила всю свою память в компьютеры ремонтного ангара. Прошу вас передать все необходимое командованию.

— Обязательно, Ника... — прошептала Консуэла.

Ника далеко опередила «росомах» и выскочила на гряду над старой базой флота. Невзирая на ураган взрывов, превышавших количеством все, что она могла обезвредить защитными экранами, она не замедлила ход. Заговорили ее минометы калибра 300 мм, заставившие неприятеля временно угомониться.

— Переключаю на ваш танк систему планетарного наблюдения, госпожа полковник. Прошу более не следовать за мной.

— Ничего подобного! Мы тебя не бросим.

— Нет, полковник. — Речь Ники замедлилась, каждое слово давалось ей с все большим трудом. — У меня нет времени, чтобы правильно выстроить тактику сражения. Я принуждена к фронтальной атаке. Я определяю вероятность в девяносто девять целых девять десятых процента, что буду уничтожена еще до того, как полностью откажут мои системы, однако существует вероятность в девяносто пять целых тридцать две сотых процента, что я нанесу противнику достаточный урон. Вы же сумеете разгромить его остатки, особенно с помощью системы наблюдения.

— А если нам последовать за тобой?

— Полковник, я уже мертва, — спокойно молвила машина и открыла огонь из своей единственной исправной батареи «Хеллбор». Батарея с удивительной меткостью изрыгала плазму, методично поджигая танки наемников. — Вы не в состоянии этому воспрепятствовать. Но вы можете — и обязаны — сохранить командование, чтобы завершить уничтожение противника.

— Прошу тебя, Ника!.. — прошептала Гонсалес сквозь слезы, уповая на невозможное.

— Я не властна над своей судьбой, — тихо проговорило сопрано, — да и не хотела бы ее менять. Я обещала Полу, что остановлю врага. Дайте мне слово, что поможете мне сдержать это обещание.

— Хорошо... — прошептала Консуэла. Члены экипажа, разместившиеся ниже ее, тоже всхлипывали. Она сердито утерла глаза.

— Спасибо, полковник. — Ответ машины прозвучал ясно и собран-

но. Гонсалес остановила свой танк и приказала батальону покинуть место последнего сражения Ники.

Разведывательные спутники посылали на дисплеи до ужаса отчетливую картинку. Консуэла в унынии наблюдала, как Боло «Непобедимый», установка Два-Три-Бейкер-Ноль-Ноль-Пять-Эн-Кей-И рвется вперед сквозь вражеский огонь. Некоторые танки наемников, прежде чем погибнуть, успевали выпустить заряды, прожигавшие в керамической оболочке Ники огромные дыры. Их «Хеллборы» были не столь мощными, однако у нее оставалась всего одна плазменная батарея, тогда как противник поливал Нику плазмой со всех сторон, приближая ее гибель. Ее магазинные пушки палили, не переставая, бронемашины пехоты и десантные стингеры взрывались и сыпались с неба огненным дождем, противопехотное оружие сеяло смерть. После прямого попадания в переднюю подвеску она сбросила рассыпавшиеся гусеницы и рванулась вперед на голых катках. Прямо по ее ходу из укрытия выскочила «Пантера», и Ника, мгновенно поменяв направление, раздавила танк, как ореховую скорлупу.

То был титан, левиафан, изрыгающий лавины огня, умирающая львица, разящая гиен. Настал момент, когда даже разведывательные спутники утратили способность что-либо видеть сквозь клубы дыма, окутавшие поле боя. Экран показывал только дым, но даже если бы на него вернулась четкая картинка, Консуэла Гонсалес ничего не смогла бы разглядеть: слезы застилали ей глаза. То, что она успела увидеть, она поклялась не забывать никогда. Этого не смог бы забыть никто. В наушниках Консуэлы звучало мелодичное сопрано Ники, мужественно встречавшей смерть: то была последняя строфа из любимого стихотворения Пола Меррита. Казалось, ее любимый еще жив и способен внимать простым волшебным словам:

А лес манит, глубок и пуст.
Но словом данным я влеком:
Мне еще ехать далеко,
Мне еще ехать далеко.

Перевел с английского
Аркадий КАБАЛКИН

Публикуется с разрешения Bill Fawcett & Associates, Inc. (США) и представителя издательства в России Александра Корженевского.

Asimov's
SCIENCE FICTION
MARCH 1997

УИЛЬЯМ САНДЕРС

НЕВЕДОМЫЙ ГАМЛЕТ

Значит, бледнолицые вернулись! И опять норовят выстроить себе деревню, не подумав спросить разрешения у кого бы то ни было. Не знаю, долго ли они продержатся на этот раз. Судя по всему, у нынешних здравого смысла не больше, чем у тех, что приходили сюда прежде.

И уж точно, что они выбирают для своих поселений самые неподходящие места. В прошлый раз это был остров, про который кто угодно сказал бы им, что погода там скверная, а почва негодна для посевов. Теперь они вторглись на земли Поухатана, и уже слышно, что тот основательно рассердился. Впрочем, рассердить Поухатана нетрудно.

О да, до нас доходят кое-какие вести, хоть мы и живем высоко на холмах. Немногие из нас когда-либо добирались до побережья — вряд ли наберешь десяток наших, кто видел море, — но рассказы-то путешествуют сами по себе. Мы слышим обо всем, что происходит у вашего соседа Поухатана, а он, как известно, привечает вас, людей с востока. Был ли на свете второй вождь, столь жадный до власти, как он? Не припомню, а ведь я прожил долгую жизнь.

Однако мы завели разговор о бледнолицых. Тебе, друг, и без меня известно, что они существа воистину странные. У них удивительное оружие и всякое другое снаряжение, и в то же время они невежды в самых простых вещах. Кажется, десятилетний мальчуган и то лучше них разбирается, как выжить. Или как вести себя на чужой земле с теми, кому она родная.

И все-таки они не такие дурни, как может почудиться. А если дурни, то, по крайней мере, не все. Единственный бледнолицый, с которым мне довелось познакомиться близко, во многих отношениях оказался замечательно умен.

Да не маши на меня руками! Говорю тебе, был бледнолицый, проживший прямо здесь, среди нас, более десяти зим, и я успел познакомиться с ним как следует...

Хорошо помню день, когда его привели. Я сидел у порога собственного дома и мастерил рыболовное копье, когда со стороны въездных ворот донеслись громкие крики. Не надо было гадать, что случилось: из набега на племя тускарора вернулся Большой Нож со своими воинами.

Люди выбегали из жилищ и мчались к воротам, всем не терпелось увидеть отряд своими глазами.

Я продолжал сидеть, как сидел. Я и так понял, что набег прошел успешно: женских рыданий не было, а значит, не было ни убитых, ни тяжело раненных, — а провести остаток дня, слушая хвастливые россказни Большого Ножа о своих подвигах, я желания не испытывал. Но тут прибежал мальчишка с воплем:

— Скорее, дядя! Ты им нужен. Есть пленники...

Пришлось отложить копье и пойти за мальчишкой, в который раз спрашивая себя, почему никто, кроме меня, не удосужился выучить язык тускарора. В конце концов, он отнюдь не так труден, как языки катоба, маскоги или шавано. И уж куда легче твоего языка, на котором, сам слышишь, я до сих пор говорю неважно.

Пленники сгрудились невдалеке от ворот под охраной братьев Большого Ножа, а те помахивали томагавками и боевыми дубинками, с удовольствием напуская на себя свирепый вид. Вокруг уже собралась толпа, и пришлось проталкиваться локтями, прежде чем хотя бы разглядеть, кого захватили. Оказалось, двух перепуганных женщин-тускаророк — одну молоденькую и хорошенькую, вторую почти моего возраста и страшную, как аллигатор, — да еще мальчонку, увлеченно сосущего кулак. Не больно-то жирно, подумал я, и чего ради поднимать такой шум и гвалт!..

И тут я заметил бледнолицего.

Представляешь, сперва я даже не догадался, что это бледнолицый. Что, в общем, неудивительно: в те дни бледнолицые встречались редко, еще реже, чем нынче. И почти никто их вообще никогда не видел, а иные наотрез отказывались верить, что они существуют.

Кроме того, он ведь не был по-настоящему белым, как рыбье брюхо, — а я, когда упоминали о бледнолицых, воображал себе именно такой цвет. Все, что оставалось на виду, выглядело иначе: лицо красноватое, вроде свежесваренного рака, с носа свисает лохмотьями кожа. На нем была одежа из цельной оленьей шкуры, а руки и ноги в грязи, синяках и ссадинах, так что цвет просто не различить. Впрочем, насчет грязи и ссадин — это относилось ко всем пленникам: Большой Нож и его воины приветливостью не отличаются.

Волосы у него были темные, хотя скорее коричневые, чем черные, — оттенок, необычный для племени тускарора. Хотя у некоторых ша-

вано волосы еще светлее. Но у этого они впереди изрядно поредели, так что проступал отвратительный ярко-розовый скальп. Видно, какая-то болезнь жителей равнин...

А потом он повернулся и посмотрел прямо на меня своими синими глазами. Да-да, синими. Не попрекаю тебя недоверием, сам бы не поверил, что такое возможно, если бы не убедился лично. У них, у бледнолицых, глаза цвета ясного неба. Говорю тебе, эти глаза поражают, если никогда их прежде не видел.

Сквозь толпу пробился Большой Нож, поглядел на меня и сказал со смехом:

— Полюбуйся, какую рыбину мы выловили, дядя. — И ткнул копьем в сторону пленника. — Бледнолицый!..

— Сам вижу, — ответил я довольно сердито: ненавижу, когда меня называют дядей, разве что детям разрешаю, а для остальных я еще не так стар. А всего хуже, когда меня кличет дядей Большой Нож, хотя он-то мне в самом деле племянник.

— Он был с тускарорками, — добавил один из воинов, по имени Барсук. — Таскал для этих двух женщин дрова...

— Не болтай ерунды!.. — Большой Нож чуть не испепелил Барсука взглядом. Велика ли радость, если всем и каждому станет известно, что храбрецы — участники набега на земли тускарора — не сумели совершить ничего более героического, кроме как подкараулить и захватить маленькую безоружную группу, вышедшую в лес по дрова! В мою сторону Большой Нож бросил: — Ну, дядя, ты у нас знаешь всякие наречия. Потолкуй-ка с этим бледнолицым...

Я подступил ближе и внимательно оглядел незнакомца, а он уставился на меня своими невероятными глазами. Казалось, он ни капельки не боится, хотя не берусь гадать, какие выражения могут быть на столь необычном лице и что они значат.

— Кто ты и откуда? — задал я вопрос на языке тускарора.

Он улыбнулся, безмолвно покачав головой. Ответила тускарорка, та, что постарше:

— Не понимает он нашего языка. Всего несколько слов, и то если говорить медленно и громко, да еще пнуть его слегка...

— Никто у нас не научился с ним разговаривать, — добавила молоденькая. — Наш вождь немного знает их язык, а в одной семье есть раб из племени катоба, но его бледнолицый тоже не понимал.

Толпа расшумелась не на шутку, все проталкивались вперед, пытаясь рассмотреть бледнолицего. И все орали наперебой, предлагая всякие глупости. Старик Выдра, наш старший знахарь, возжаждал ткнуть пленника копьем, чтобы выяснить, какого цвета у него кровь. Одна из старух потребовала, чтобы Барсук раздел его донага, — мол, надо бы проверить, весь ли он такой белый, — но, по-моему, ей было просто любопытно поглазеть на то, что прячется под одеждой.

Молоденькая тускаророчка спросила:

— Что с ним сделают? Убьют?

— Не знаю, — ответил я. — Может быть.

— Не следовало бы, — заявила она. — Он хороший раб. Трудится прилежно, а еще умеет танцевать и петь.

Я перевел ее слова, и Барсук, на удивление, сразу поддержал смазливую пленницу:

— Точно, он много сильнее, чем выглядит. Дрался он здорово, хоть оружия у него не было, только полено. С чего это, думаешь, я держу дубинку левой рукой? — Он поднял правую, и стало видно, что возле локтя она распухла и посинела. — Чуть не сломал мне кости...

— Да, он не трус, — согласился Большой Нож. — Мог бы убежать, но остался и пробовал защитить женщин. Для раба совсем неплохо...

Я вновь воззрился на бледнолицего. Внушительного впечатления он не производил, роста был не выше среднего, да и худощав, но я понял, что под диковинной кожей прячутся настоящие мышцы.

— Еще он выделывает всякие чудеса, — добавила тускаророчка. — Ходит на руках, например...

Та, что напоминала аллигатора, громко буркнула:

— У него дурной глаз, вот что. Как появился у нас, посыпались беда за бедой. Вон до чего дошло, до плена...

Я передал все доподлинно Большому Ножу, и тот откликнулся:

— Не знаю, как и быть. Собирался его убить, но, может, лучше держать его как раба? Ведь, в конце концов, ни у кого из других вождей белого раба нет и не предвидится...

Послышался зычный женский голос:

— Что тут происходит?

Я не обернулся: в том не было нужды. Во всем поселении не нашлось бы недоумка, который не признал бы этот голос с ходу. В один миг воцарилась мертвая тишина. Моя сестрица Тсигейю пробилась

сквозь толпу — все поспешно отступали с ее пути — и остановилась лицом к лицу с бледнолицым. Оглядела его с ног до головы, а он не потупился и даже улыбнулся, словно радуясь знакомству.

Вот это уже требовало незаурядного мужества. Конечно, он не мог знать, что перед ним сама Мать клана Волков — тебе-то, наверное, известно, что это наиболее влиятельная фигура во всем поселении. При одном ее появлении большинство людей впадали в смущение и тревогу. Тсигейю была крупной женщиной, не толстой, а именно крупной, как заправский воин, лицо ее походило на скалистый утес, а глаза могли просверлить вас насквозь, прямо мороз до костей. Года два назад она умерла, но в пору, о которой я говорю, она была еще в расцвете сил, и ее седая грива топорщилась, как перья орла.

— Это ты для меня? — изрекла она. — Ну спасибо, Большой Нож.

Вождь от изумления открыл рот, потом поспешно закрыл его. Тсигейю была единственным человеком на свете, которого он боялся. И у него были на то серьезные основания, поскольку она приходилась ему родной матерью.

Барсук пробормотал что-то насчет своего права на жизнь бледнолицего — ведь тот посмел его покалечить. Тсигейю смерила Барсука взглядом, и воин мгновенно стал ниже ростом. Однако через минуту Тсигейю сменила гнев на милость:

— Что верно, то верно. Во всем вашем славном отряде ты один хоть чуть-чуть похож на пострадавшего. Так что можешь получить в собственность эту девчонку. — Она показала на тускаророчку, и Барсук заметно повеселел. — Кому достанутся вторая женщина и мальчишка, решайте сами. — Тут Тсигейю повернулась ко мне. — Брат, я желаю поручить бледнолицего твоим заботам. Постарайся научить его разговаривать, как полагается. Если кому-нибудь по силам справиться с подобной задачей, то только тебе...

ДА ВЕДАЮТ ВСЕ АНГЛИЧАНЕ И ИНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ДУШИ:

что я, англичанин и подданный Ее Величества королевы Елизаветы, по несчастью попал в эту страну Вирджинию в лето 1591 от Рождества Христова; и после многих горестей очутился среди индейцев. Кои, однако, не причинили мне зла, а, напротив, выказали ко мне отменную доброту, без каковой я вне сомнения был бы обречен на гибель в этих диких краях. Вследствие чего, дорогой друг, кто бы ты ни был, заклинаю тебя не оби-

жать этих дикарей и не ругать их, а отнестись к ним великодушно и справедливо, как они отнеслись ко мне.

Только погляди на эту оленью шкуру. Видел ты когда-либо что-нибудь похожее? Бледнолицый наносил значки заостренным индюшачьим пером с помощью черной краски, которую варил собственноручно из золы и дубовых наростов. И наказывал мне хранить эту шкуру и беречь ее, чтобы показать другим бледнолицым, когда они придут сюда, и чтобы они узнали, кто он и что с ним произошло.

Думаю, эта шкура сродни нашим охранным поясам — вампумам. Или цепочкам рисунков и непонятных значков, которыми старики из некоторых племен записывают историю своего народа. Выходит, он сам был своего рода дидахнвуизги, знахарем, хоть по виду и не скажешь, что он набрал довольно лет, чтоб успеть изучить такое сложное искусство.

А он занимался своими значками чуть не каждый день, царапал их на чем придется, чаще всего на шкурах или на коре тутового дерева. Люди считали его помешанным, и я не спорил — ведь если бы они узнали правду, то обвинили бы бледнолицего в колдовстве, и тогда даже Тсигейю не спасла бы его от смерти.

Но это, по правде говоря, могло бы угрожать ему гораздо позже, зимой, после того, как он немного выучил мой, а я его язык. А в тот первый день я думал только о том, чтобы вытащить его из толпы, пока не стряслось какой-нибудь новой напасти. Было видно, что Выдра вот-вот разразится очередной речью, и возникла бы несомненная опасность умереть со скуки.

Приведя незнакомца домой, я первым делом протянул ему тыквенную бутыль с водой. Когда он утолил жажду, я показал на себя и произнес, медленно и раздельно:

— Мышь. Тсис-де-тси.

Он ухватил все на лету и повторил:

— Тсисдетси...

Звуки были неверными, но для начала получилось совсем неплохо. Я скрючил руки под подбородком, как лапки, поднял верхнюю губу, обнажая передние зубы, скосил глаза, а потом перенес одну руку за спину, повилял ею, изображая хвост, и вновь повторил:

— Тсисдетси...

Он расхохотался.

— Тсисдетси. Мышш!..

Потом он, в свою очередь, поднял руку и потер лицо, будто размышляя о чем-то. И вдруг без всякого предупреждения повернулся и сорвал со стены мое лучшее боевое копье. У меня душа ушла в пятки, однако он и не думал нападать на меня. Вместо того он вскинул копье над головой и принялся им трясти, а другой рукой стал бить себя в грудь, крича в голос:

— Шекспа! Шекспа!..

Ну окончательно спятил, подумал я сперва. Как пес в жаркий день. Должно быть, воины Большого Ножа стукнули его сильнее, чем следовало бы. Но мало-помалу я понял, что он имеет в виду, и у меня даже дух захватило. Немалая честь, если мужчина сообщает тебе свое тайное боевое имя, а уж незнакомец и тем более пленник!..

— Шекспа, — попробовал повторить я, когда с грехом пополам вновь обрел дар речи. — Дигатсисди ателвхвгойи. Тот, кто грозит копьем.

Я был прозван Уильямом Шекспиром из Стрэтфорда-на-Эйвоне, а позже из Лондона; я актер труппы лорда Стрейнджа, и в том начало всех моих злоключений.*

Взгляни вот сюда, где я держу палец. Вот его имя в значках! Он сам показал мне их и даже предложил показать, как нарисовать значками мое собственное имя. Разумеется, я отказался — подумай, что мог бы сотворить со мной враг, если бы мое знаковое имя попалось ему в руки!

Я объяснил ему его оплошность. Он засмеялся и ответил, что я, вероятно, прав. Ибо многие такие, как он, попадали в беду, как только другие люди принимались повторять их имена.

Случилось так, что наша труппа отправилась в Портсмут, куда нас пригласили; а когда мы прибыли, мэр и городской совет, будучи приверженцами пуританского извращения, запретили нам выступать. По каковой причине мы остались совершенно разоренными; так что иные из наших актеров даже заложили свою одежду, дабы наскрести денег на дорогу домой.

Может, над ним тяготело чье-то проклятье? Время от времени он за-

* *Фамилию Shakespear можно перевести как «потрясающий копьем». (Прим. ред.)*

являл: ему и в голову не приходило расставаться со своей родиной. Это все по вине пуритан, твердил он. Он, правда, не объяснял, кто такие пуритане, но однажды обмолвился, что его жена и ее родичи — из пуритан. Выходит, это просто-напросто имя клана, к которому принадлежала его жена. Тогда не приходится удивляться, отчего ему, бедняге, пришлось бежать из дома. Такая же история приключилась с моим собственным дядей. Когда клан твоей жены решает от тебя избавиться, у тебя не остается иного выхода.

Однако я, одурев от крепкого питья, задумал добраться до Лондона, укрывшись на борту корабля. Что казалось мне в то время вполне остроумным; однако когда я осведомился у мореходов, какое судно избрать, они указали мне на стоявшую у причала шхуну «Лунный свет» (то ли обманули нарочно, то ли я недопонял сьяну, потому что нагрузился сверх меры). И вот, под покровом ночи я пробрался на борт и укрылся под шлюпкой; поскольку вино бросилось мне в голову, я провалился в сон, а когда очнулся, корабль давно вышел в море, плыл под всеми парусами, и утреннее солнце светило ему в корму.

Само собой, прошло долгое время, прежде чем мы стали понимать друг друга достаточно хорошо, чтоб обсуждать что-либо всерьез. Хоть и не такое долгое, как ты можешь подумать. Начать с того, что выяснилась одна важная вещь: он уловил на языке тускарора довольно много слов, только, как всякий умный пленник, представлялся, что понимает гораздо меньше, чем понимал на деле. Кроме того, он оказался скор на учение. Тебе известно, что языки — мое особое искусство: я подслушал однажды разговор, что Мышь, мол, способен потолковать даже с камнем и получить от него ответ, — однако и Угрожающий Копьем доказал, что наделен тем же даром. Уже к первому снегу мы неплохо понимали друг друга, пользуясь смесью двух языков — его родного и моего. А когда слов не хватало, он умел выразить почти любую мысль, даже сплести целое повествование движениями рук и тела и сменой выражений на лице. Умение, на которое стоило посмотреть.

Когда меня обнаружили, капитан пришел в ярость и приказал определить меня на самую черную работу и кормить как можно хуже. Так что в этом путешествии мне привелось хлебнуть горя, пока матросы не позна-

ли, что я умею петь морские песни, а также новые баллады из Лондона, тогда мне сразу стало полегче. Позже капитан, мистер Эдуард Спайсер, задал мне вопрос, владею ли я оружием. На что я ответил, что актер обязан знать толк в фехтовании и прочих военных ремеслах, ввиду того что мы должны разыгрывать битвы, дуэли, убийства и так далее. И капитан заявил, что вскоре мне выпадет случай доказать это не на сцене, а в схватке с настоящим противником, поскольку мы плывем в Испанскую Америку.*

Легко догадаться, что бледнолицый стал у нас в поселении излюбленной темой для разговоров. Люди в большинстве своем относились к нему неплохо, потому что он был по характеру дружелюбен и усерден в работе. И молоденькая пленница не соврала — он действительно хорошо пел и танцевал. Даже Большой Нож не мог удержаться от смеха, когда бледнолицый принимался скакать и прыгать вокруг костра, а когда он прогулялся на руках, хлопая пятками, как в ладоши, несколько женщин обмочились от хохота — так мне передавали. И песни его, хоть и странные, все равно были приятны для слуха.

Впрочем, кое-кто оказался им недоволен. Молодые сердились на то, что он очень нравится женщинам, и время от времени то одна, то другая ведет его в какое-нибудь укромное место, чтобы доказать это на деле. А старый Выдра не уставал рассказывать всем, кто соглашался слушать, что давным-давно целая орда бледнолицых вторглась с юга, из страны Тимуку, на земли маскоги, разрушила лучшие поселения, а людей кого забрала в рабство, а кого прикончила сразу. Вероятно, так оно и было: когда мы сами отправились на юг, то обнаружили, что там нынче никто не живет, одни развалины.

Угрожающий Копьем заверял, что это были бледнолицые другого племени, с которым его племя враждует и ведет войну. Но верил ему не каждый, а Выдра настаивал, что все бледнолицые одинаковы и слишком опасны, чтобы подпускать их к себе. Я, признаться, начал побаиваться за жизнь пленника.

Наконец мы приплыли к новым землям, и там присоединились к нам

** Хотя к концу XVI века конкистадоры уже проникли до Чили и Аргентины, под этим названием подразумевались, как правило, острова Вест-Индии и северное побережье Южной Америки. (Здесь и далее примечания переводчика.)*

«Добрая надежда» и иные корабли, названий которых не ведаю. И мы атаковали испанскую эскадру и захватили галеон «Буэн Хесус» с богатой добычей; вот и следует признать, что Уилл Шекспир, актер, по собственной великой глупости стал пиратом соленых морей.

А ранней весной на нас напали катоба.

Нет, это был не просто набег. Они нагрянули крупными силами, ударили стремительно и в полную силу, убили и захватили в плен почти всех, кто работал в поле, прежде чем те успели укрыться за оградой. Они выскакивали из леса и лезли на частокол, как муравьи, и не успели мы опомниться, как пришлось сражаться прямо у порога наших жилищ.

И тут Угрожающий Копьем поразил всех. Без малейших колебаний он подскочил к козлам для сушки мяса, выхватил длинный шест и бросился на ближайшего катоба, пырнул того в живот, как копьем, а потом добил ударом по голове. Подобрал выпавший из рук противника лук и принялся стрелять.

Друг мой, я жил долго и чего только ни видел, но никогда не удивлялся так, как в то утро. Это бледное беспомощное создание, не способное вытесать наконечник для копья, или развести добрый костер, или отступить с тропы хотя бы на пять шагов в сторону и не заблудиться, — этот человечек косил катоба, как гнилые кукурузные стебли! Одного он срезал прямо с верхушки частокола, и не вблизи, а с поляны возле хижины совета старейшин! Думаю, что он вообще не промахнулся ни разу, не пустил мимо ни единой стрелы. А когда стрелы кончились, он взял у павшего воина боевую дубинку и стал сражаться рядом с нами плечом к плечу, пока мы не выбили всех нападавших до последнего.

А позже он, кажется, даже не допускал мысли, что совершил что-то особенное. Заявлял, что все мужчины его страны умеют драться на палках и стрелять из лука, умеют с детства. «У меня получилось бы еще лучше, — говорил он, — будь у меня лук в рост стрелка и подходящие стрелы, выточенные в моем отечестве...» И лицо у него становилось печальным, как всегда, когда он вспоминал родину.

С того дня уже никто не смел молвить слово против Угрожающего Копьем. Вскоре Тсигейю объявила, что усыновляет его. Поскольку это делало его братом Большого Ножа, он обрел в нашем поселении пол-

ную безопасность. Из этого также следовало, что я стал ему дядей, однако он оказался достаточно разумен, чтобы ни разу не назвать меня эдутси. Мы остались добрыми друзьями.

Затем мы повернули на север, к Вирджинии. Капитан Спайсер по поручению сэра Уолтера Рэли желал навестить англичан, основавших форпост на реке Роанок, и убедиться в их благополучии. У побережья бушевали сильные ветры, и мы многократно подвергались жестокой опасности, однако после долгого плавания достигли острова Хатараск**. Капитан направил матросов в шлюпках разведать фарватер. И покуда мы выполняли задание, вдруг налетел великий ураган, разбросал наши лодки по морю, а многие перевернул, и моряки утонули. Однако лодку, где находился я, отнесло прочь от всех остальных, далеко к западу и к главному берегу. Мы укрылись в устье реки и, увы, едва высадились на сушу, подверглись нападению дикарей. Все погибли, в живых остался лишь я один.*

Я жалел беднягу — занесло его так далеко от дома, и почти наверняка не видать ему больше своих соотечественников. Хорошо хоть у нас ему жилось получше, чем в племени тускарора, — это не говоря уж о его участи, если бы те, с побережья, его не упустили. Вспомни бледнолицых, которые надумали поставить деревню на островке к северу от Вококона, и как Поухатан их всех перебил!

После спасения я несколько дней шел в одиночку вверх по реке, однако на меня внезапно напали индейцы другого племени; эти убивать не захотели, однако без малого год держали меня в тяжких трудах как раба. Пока меня не увели от них нынешние мои хозяева, тоже дикари, и среди них мне за мои грехи уготовано жить до конца моих дней.

От него осталась большая кипа говорящих шкур, и я их сохранил.

** Уолтер Рэли (1552 — 1618) — одна из самых колоритных фигур своей эпохи, фаворит Елизаветы I, авантюрист, флибустьер и одновременно одаренный поэт. Был капитаном, а затем организатором пиратских морских экспедиций, участвовал в разгроме испанской «Непобедимой армады» в 1588 году. После смерти Елизаветы был брошен в Тауэр, где провел 13 лет и использовал эти годы для... написания капитального труда по всемирной истории.*

*** Современное название — Хаттерас.*

Не то чтобы надеялся, что рано или поздно выпадет случай показать их кому-либо, кто сумеет их разобрать, — вряд ли бледнолицые хоть когда-нибудь доберутся до наших холмов, им и на побережье-то едва-едва удается выжить. Я хранил шкуры просто как память о своем друге.

Но до них оказались охочи жуки и мыши, а нацарапанное на коре в сезоны дождей отсырело и обветшало, так что сейчас от кипы сохранилась лишь тонкая пачка. И, сам видишь, в ней есть такие кусочки, что и листками не назовешь, — клочки да обрывки. Вроде вот этого, изъеденного червями:

...что касается индейцев (так уж их прозвали, хотя, если это Индия, тогда я ветхозаветный иудей), то сами они на своем языке именуют себя анийвуийа. Что в переводе означает «истинные или главные люди». Другие племена кличут их чероки, однако ни смысл этого слова, ни откуда оно взялось, мой друг Мышь объяснить не взялся. Эти индейцы...

По-моему, одна из причин, побудивших его тратить столько сил на говорящие значки, в том, что он боялся забыть свой родной язык. Такое с пленниками случается, не раз видел. Та тускаророчка, которую захватили вместе с бледнолицым, так и живет здесь до сих пор и нынче едва может вспомнить слов десять из своего наречия. А Барсук добавит: зато она усвоила наш язык даже слишком хорошо. Но это, конечно, уже другое.

Бледнолицый изрядно обучил меня своему языку, очень трудному и непохожему ни на один из тех, с какими я сталкивался, — и я нет-нет да и старался говорить с ним на его языке. Однако одно дело я, и совсем другое — если бы он говорил со своими соплеменниками. Как этот язык звучит? Теперь я почти все забыл, но если припомнить... «Заккрой паасть, ты, сууккин сынн!..» Что означает попросту: «Заткнись, дурень!».

Он частенько рассказывал мне про свою родину и ее чудеса. Одни рассказы были, вне сомнения, правдивы, о том же самом говорили и люди с побережья — об огромных плавучих домах, распускающих крылья, подобно птицам, чтобы подхватывать ветер, о колдовском оружии, мечущем громы и молнии. В другие россказни поверить было трудновато, например, о том, что во главе его племени стоит не мужчина, а женщина. Нет, не Мать клана, а настоящий вождь в дни мира и в дни

войны, как Большой Нож или Поухатан, и она столь могущественна, что может лишить жизни любого, даже старика и прославленного воина, за одно лишь слово, противное ее воле.

Он также уверял, что город, откуда он прибыл, столь велик, что вмещает больше людей, чем их есть во всех поселениях нашего и всех окрестных народов, если сложить их вместе. Это уж точно выдумка, но кто же станет попрекать человека тем, что он расхваливает родное племя, пусть и сверх меры!

Но самая диковинная из его диковин именовалась пиеса.

Прости, что прибегнул к слову, тебе неизвестному. Насколько знаю, в твоем языке просто нет слова для того, о чем я толкую. В нашем тоже нет, потому что сама штука, которую оно обозначает, никогда не была нам знакома. Наверное, Создатель дал ее только бледнолицым, может статься, возмещая им их недостатки — недоразвитое чувство направления и кожу, обгорающую на солнце.

Как-то вечером в начале второй его зимы, я вернулся с совета старейшин, и что же я вижу? Бледнолицый сидит у огня и быстро-быстро царапает значки на большом куске коры. Вежливости ради я осведомился:

— Гадо хадхвне? Что ты делаешь?

Не поднимая головы, он ответил на своем родном языке:

— Пиишшу пиесу.

Я понял смысл первого слова: «пиишшу» — так бледнолицый называл нанесение говорящих значков. А второго слова я ни разу не слыхивал и попросил объяснить его. Угрожающий Копьем отложил индюшачье перо, выпрямился, взглянул на меня и произнес опечаленно:

— Ах, Мышь, ну как тебе объяснить? Боюсь, тебе будет трудно понять.

Я сел по другую сторону огня и предложил:

— А ты все-таки попробуй...

Какой же я безрассудный ополоумевший глупец! Или воздух Вирджинии окончательно затуманил мой мозг? Или какой-то враг расшиб мне голову, а я и не заметил? Ибо здесь, в этой дикой стране, где самое понятие литературы никому не известно, я начал сочинять пьесу. И уж, конечно, мне никогда не видеть ее поставленной, и никому не видеть, так что затея моя — чистое помешательство. Тем не менее я склонен полагать, что не

предприми я такой попытки, то сошел бы с ума еще вернее; потому как все чаще убеждаюсь, что сам постепенно обращаюсь в индейца, и опасаюсь совершенно забыть, каким человеком был прежде. Следовательно, пьеса есть способ спасти мой разум посредством намеренного безумия, и более того, в подобном безумии есть система.

Угрожающий Копьем оказался прав. Он объяснял мне про пиесу до поздней ночи, но чем дольше объяснял, тем меньше я понимал. Я задал ему вопросов больше, чем чешуек у гремучей змеи, однако его ответы ставили меня в тупик. Прошло много времени, прежде чем я хоть в чем-то разобрался.

Случалось ли тебе ребенком воображать себя воином, или вождем, или, быть может, знахарем, а потом выдумывать для себя, воображаемого, всякие небылицы и приключения? А у твоих сестренок, наверное, были куклы, которым они давали имена, разговаривали с ними и так далее? Или...

Нет, лучше попытаюсь по-другому. Разве у твоего народа нет танцев, вроде нашего Танца медведей, когда человек подражает повадкам зверя? И разве ваши воины в танцах вокруг костра не разыгрывают свои недавние подвиги, не показывают, как они убивали врагов или прокрадывались в чужие поселения, — и разве не стараются при этом, чтобы все выглядело красивее и достойнее, чем происходило на деле? У нас такое тоже бывает.

Ну вот, эта самая пиеса отчасти похожа на подобные танцы, а отчасти на детские выдумки. Люди переодеваются в причудливые наряды и притворяются другими людьми — делают то или это — и так пересказывают целую длинную историю.

Да, взрослые люди. Да, на глазах у всех.

Но, понимаешь, это не танец. Иногда они немножко поют и танцуют, однако по большей части просто говорят. И машут руками, и корчат гримасы, а то прикидываются, что убивают друг друга. Убивают довольно часто. Наверное, это взамен наших военных плясок.

Удивительно, чего можно добиться в пиесе! Угрожающий Копьем был подлинным искусником в этом деле — таким искусникам присваивается особое имя «акттиор» — и мог заставить тебя увидеть кого и что угодно. Он мог подражать манерам, голосу, движениям любого мужчины и даже женщины так точно, что казалось — он и впрямь воплотил-

ся в того, кому подражает. Он мог прямо на твоих глазах превратиться в Большого Ножа, то ворчащего, то рычащего на других и беспрерывно помахивающего боевой дубинкой. Он мог подделать смешную походку Черного Лиса, мог шевелить бровями, как Кузнечик, мог, как Тсигейю, скрестить руки на груди и сверлить взглядом тех, кого невзлюбил. Он мог даже изобразить, как Барсук ссорится со своей тускароркой, представляясь попеременно то им, то ею и подделывая оба голоса. Помню, я хохотал так, что у меня заболели ребра.

Однако учти еще вот что. Те, кого зовут акттиор, не просто говорят слова и совершают действия, какие им вздумается, подобно детям или танцорам. Нет, им все известно заранее, каждый акттиор знает, какие слова сказать и какие действия предпринять, одно за другим. Разумеется, тут нужна хорошая память. Им же надо запомнить не меньше, чем главе Танца первого початка.

И чтобы помочь им в этом, один человек записывает все по порядку значками. Такая задача считается, по-видимому, очень почетной. Бледнолицый сообщил, что его самого признали достойным подобной чести совсем недавно, за две-три зимы до того, как он покинул родную страну. Тут и добавить нечего. Я давно понял, что он дидахнвуизги, но даже не догадывался, что такого высокого полета.

Сперва я намеревался сочинить легкую увлекательную комедию, наподобие моей прежней — «Бесплодные усилия любви»; но, увы, выяснилось, что мое остроумие истощилось от несчастий, выпавших мне на долю. Тогда я передумал в пользу пьесы про принца Датского; ее написал Томас Кид, а мне незадолго перед тем, как покинуть Лондон, поручили переделать ее для нашей труппы, и я нередко говорил Ричарду Бербеджу, что сам бы я написал лучше. Итак, я начал и молю Господа, чтобы сумел закончить, мою собственную трагедию о принце Гамлете.*

Я спросил, какие именно истории его народ пересказывает столь необычным образом. Это меня всегда занимало — можно узнать немало про любое племя из рассказов, какие оно предпочитает. Например, из

** Принято считать, что шекспировский «Гамлет» создан в 1601 году. Сюжет известен с XII века, а в конце 1580-х была написана английская дошекспировская версия, и большинство исследователей приписывают ее Томасу Киду (1558 — 1594). Ричард Бербедж (1567 — 1619) — друг Шекспира, один из самых знаменитых актеров своего времени.*

сказок маскоги о Кролике, или из нашей сказки о Детях Грома, или... в общем, ты меня понял.

Сам не знаю, на что я надеялся. К тому дню мне следовало бы уже усвоить, что у бледнолицых все не так, как на всем остальном свете.

Для начала он принялся рассказывать мне о сне, который привиделся кому-то в летнюю ночь. Звучало неплохо, пока вдруг не выяснилось, что во сне спящему явился маленький народец! Я тут же остановил рассказчика: о чем-о чем, а о них вообще не говорят. Мне было жаль несчастного, который имел неосторожность увидеть их во сне, но ему уже не поможешь.

Тогда он перешел к рассказам о знаменитых вождях своего племени. Я не очень-то хорошо понимал его, отчасти потому, что почти не разбираюсь в законах и обычаях бледнолицых, а еще потому, что многие их вожди носили, как ни странно, одинаковые имена. Как я ни старался, а так и не смог решить: то ли было два вождя по имени Ритчад, то ли всего один, но с очень переменчивым характером*.

Но самое-самое диковинное в том, что все рассказы казались начисто лишенными смысла. Из них не узнаешь: ни почему луна меняет свое лицо, ни как были созданы люди, ни откуда пришли горы, ни где енот раздобыл свой хвост и вообще ничего полезного не узнаешь. Просто пустые россказни, вроде старушечьих сплетен.

А может, я что-нибудь важное прослушал.

Жить иль не жить, вот где вопрос... (Зачеркнуто.)
Жить или умереть? Смогу ли... (Зачеркнуто.)
Погибнуть или... (Зачеркнуто.)
Быть, или что взамен?.. (Зачеркнуто.)

Спору нет, он трудился не щадя себя. Частенько я слышал, как он, согнувшись над своими значками, скрежещет зубами и бормочет что-то нечленораздельное. А то вдруг вскочит, швырнет изрисованную кору наземь и выбежит наружу, под снег и ветер, и даже в хижине слышно, как кричит что-то на своем родном языке. По крайней мере, оставалось предположить, что на своем, хотя слова не относились к тем, какие я выучил. Наверное, часть его знахарского искусства, думал я и помалкивал.

** У Шекспира есть две исторические хроники, посвященные этой фигуре, — «Король Ричард II» и «Король Ричард III».*

Боже милостивый! Неужто я провел уже столько месяцев в этом диком краю, что утратил все былые навыки? Я, которому извергать стихотворные строки было не труднее, чем рыбе плавать, сегодня беспомощно бьюсь над каждым словом, как пьяница, который не в состоянии найти собственный гульфик даже двумя руками.

Говорю тебе, та зима выдалась очень долгой.

Безжалостная времени стрела
Свистит в полете: завтра, завтра, завтра.
А завтра ждет бестрепетно и мрачно,
Ощериваясь копьями несчастий,
Как дикие индейцы из засады.
Но меркнет все пред ярым страхом смерти,
Перед неведомой страной, откуда
Еще никто досель не возвращался,
И это вынуждает нас сносить
*Земные беды, мелкие в сравненьи.**

И вот однажды, когда снег уже начал таять, я заметил, что Угрожающий Копьем не занят обычной вечерней работой. Он просто-напросто сидел, уставившись на огонь, а его шкуры и листы коры лежали рядом, и он даже не глядел на них. Индюшачьих перьев и черной краски вообще не было видно.

— Что-то не так? — спросил я, и тут меня озарило. — Ты закончил свою пиесу?

Он испустил долгий вздох.

— Да, закончил. — И добавил на своем языке: — Ну и гулупес!

Он нередко повторял эту фразу, и я никогда не мог ее до конца понять. Нетрудно было догадаться, что ему не по себе. Я предложил:

— Расскажи мне...

Он отнекивался и все же в конце концов сдался. А по мере того, как

** Не ищите этого отрывка ни в одном из 19 русских переводов «Гамлета» — не найдете. В английском тексте использованы лишь три полные шекспировские строки — две из «Гамлета», одна из «Макбета». А в целом это, конечно же, имитация Шекспира, как бы набросок, не вошедший в окончательный текст трагедии, притом набросок, намеренно приближенный к данному фантастическому сюжету.*

развивал свой рассказ, распалялся и в самых ярких местах принимался скакать по хижине, внушая мне страх, что вот-вот обрушит жилище. Изредка он хватал то одну, то другую шкуру или кусок коры и воспроизводил подлинные слова, чтобы я уловил их звучание. Я-то думал, что изучил его язык довольно сносно, а тут понимал едва ли одно слово из десяти.

Но история сама по себе была мне понятна. Попадались места, для меня совершенно темные, но в целом она была лучшей из всех, какие он мне излагал. И я похвалил:

— Хорошая штука...

Он наклонил голову вбок по-птичьи.

— Ты честно?

— Дойу, — ответил я искренне.

Он опять вздохнул, собирая кипу своих пиишшу воедино.

— Все равно я глупец!

Я угадал по его глазам, что он вот-вот швырнет всю кипу в огонь, шагнул к нему, отобрал ее и повторил:

— Хорошая пиеса. Можешь гордиться.

— Чем? — Он пожал плечами. — Кто ее увидит? Жуки да черви? Ну, может, еще мыши...

Он улыбнулся мимолетной невеселой улыбкой. Я лихорадочно размышлял, как бы улучшить его настроение. Старшая дочка Девятизубого вошла в возраст и строила бледнолицему глазки, и я задал себе вопрос, не отправиться ли за ней для него. Потом я вновь взглянул на кипу, которую держал в руках, и меня вновь осенило.

— Друг мой, — обратился я к нему, — у меня возникла мысль. Почему бы нам не поставить твою пиесу прямо здесь?

А ныне одно безумие породило другое, личное помешательство вызвало к жизни целый сумасшедший дом; ибо я ввязался в предприятие, подобного которому мир не ведал. Тем не менее, коль затеял такую глупость, доведу ее до конца и не уклонюсь; может статься, она потешит этот народ, люди которого стали моими единственными друзьями. Пусть убедятся, что Уилл по отношению к ним исполнен доброй воли.

Вроде бы, когда я неожиданно для себя выступил со своим предложением, оно звучало просто. Однако сказать-то легко, сделать куда

труднее. Прежде всего следовало поговорить с людьми.

Мы, анийвуийа, предпочитаем свободную, беззаботную жизнь. У наших вождей власти меньше, чем у ваших, и даже власть Матерей кланов отчасти ограничена. Законов у нас мало, они известны каждому, и все течет, как правило, без особых затруднений.

Но для того, что мы задумали, никаких правил не было и быть не могло — ведь ничего подобного раньше не случалось. Кроме того, нам требовалась помощь многих людей. Так что разумнее было двигаться к цели осторожно, шаг за шагом, хотя вынужден признать: мне и в голову не приходило, что наше скромное предложение вызовет такой переполох. В конце концов пришлось обсудить его на очередном совете старейшин.

Разумеется, сильнее всех разволновался Выдра.

— Это колдовская выдумка бледнолицых! — орал он. — Вы что, хотите, чтобы наш народ стал слабосильным и беспомощным, как они?

— Если бы наши воины, — возразил Большой Нож, — научились стрелять так же метко, как Угрожающий Копьем, я бы не возражал.

Выдра замахал костлявыми руками и так рассвирепел, что его лицо сделалось белее, чем у бледнолицего.

— Тогда ответьте мне! Как это может быть, чтобы танец...

— Это не танец, — заявил я.

Обычно я сдерживаюсь и не перебиваю тех, кто старше меня годами, но если терпеливо ждать, пока Выдра не выговорится, можно досидеть до утра.

— Как бы это по-вашему ни называлось, — не унимался Выдра, — оно достаточно похоже на танец, чтобы стать заботой клана Птиц. А ты, Мышь, из клана Волков, да и твой бледнолицый друг стал членом клана после усыновления, так что вы просто не имеете права на такую затею!

И тут заговорила старая Дотсуиа. Она была Матерью клана Птиц и к тому же самой старшей из присутствующих, а может, если разобраться хорошенько, вообще самой старшей в поселении.

— У клана Птиц нет возражений, — заявила она. — Мышь и Угрожающий Копьем, разрешаем вам представить вашу пиесу. Да я сама хотела бы посмотреть. А то у нас в поселении скука, ничего никогда не происходит...

Следующей слово взяла Тсигейю:

— Хоуа. Я тоже согласна. Это звучит занятно.

Выдра, естественно, не сдался без боя, а произнес пространную речь со ссылками на разные давние события в жизни племени и с проклятием всяческих бед в отместку за святотатство. Речь не принесла ему никаких выгод. Выдру никто не любил, с возрастом он становился все злее и многоречивее, да и по-настоящему хорошим дидахнвуизги никогда не был. А, кроме того, половина членов совета заснула задолго до того, как он закруглился.

Ну а после того, как совет высказал свое одобрение, собрать людей в помощь пиесе стало нетрудно. Скорее, нам предлагали помощи больше, чем мы были в состоянии принять. Вокруг моей хижины день-деньской слонялась толпа желающих. Большой Нож сказал даже, что если бы к его отряду примкнула хоть половина такой толпы, он покончил бы с катоба раз и навсегда.

И все до одного хотели быть акттиорами. Волей-неволей надо было кому-то отказать, да еще подумать, как отказать, чтобы не нарваться на неприятности. Я спросил бледнолицего, сколько акттиоров ему потребуется, и решил уточнить:

— То есть сколько мужчин? — Он принялся считать, загибая пальцы, и я добавил: — О женщинах разговор особый...

Он бросил подсчитывать и уставился на меня, будто я вырядился в совиные перья. А потом сказал мне нечто столь ужасающее, что ты не поверишь: в его стране женщин в пиесах играют мужчины, одетые в женское платье!

Я без промедления сообщил ему, что наш народ на это нипочем не согласится, — может, в других племенах это и прошло бы, а у нас нет, — и чтобы он ни о чем подобном даже не заговаривал. И, знаешь, он так расстроился, что я потратил целый день на уговоры не бросать из-за этого всю затею.

Женщины! Боже милосердный! Женщины на сцене, разыгрывающие пьесу! Я, наверное, буду ощущать себя распорядителем в борделе!

Но о мужчинах речь или о женщинах: как решить, кого именно выбрать, если никто из них раньше ничего похожего не делал? Как решить, годится он либо она — или нет? Угрожающий Копьем расспрашивал меня о каждом и каждой во всех подробностях, спрашивал на

языке бледнолицых, чтобы никого не обидеть: быстро ли он или она учится? Умеет ли хорошо танцевать и петь? Способен ли сотрудничать с другими и исполнять, что велено? А потом выстраивал всех на кромке поля для игры в мяч с палками*, а сам оставался на противоположной кромке и предлагал им называть вслух свои имена и кланы, чтобы выяснить, отчетливо ли они говорят.

Я, признаться, думал, что придется иметь дело и со стариками, поскольку в пиесе были выведены люди как молодого, так и преклонного возраста. Однако выяснилось, что Угрожающий Копьем владеет искусством перекрашивать лица и белить волосы до степени, когда каждого можно принять за его собственного дедушку.

Нет сомнения, что он мог бы проделать то же самое и с женщинами, только не возникло нужды. В пиесе были всего две женщины, молодая и старая. Первую роль мы сразу отдали дочке Девятизубого, Сверчку, а та вскарабкалась бы на дерево и повисла вниз головой, как опоссум, лишь бы угодить своему любезному бледнолицему. Вторую роль было решено поручить моей двоюродной сестре, почти ровеснице мне по возрасту, которая только что потеряла мужа в схватке с шавано и жаждала найти себе хоть какое-то занятие.

Для тех, кто не годился в актгиоры, нашлось множество других дел. Надо было построить большой настил, расчистить пространство вокруг и поставить на нем бревенчатые скамьи для тех, кто придет смотреть. Надо было подготовить факелы, потому что выступать мы собирались вечером, а еще надо было пошить особые платья и изготовить иное добро, например, копья — с виду как настоящие, а в действительности такие, чтобы никто не поранился.

Особенно старались Кузнечик и Черный Лис. Бледнолицый говорил, что оба они прирожденные плотники. Они даже заявили, что если Угрожающий Копьем по-прежнему хочет следовать обычаям своей родины и поручить женские роли переодетым актгиорам-мужчинам, то они согласны. Признаться, эта парочка всегда внушала мне кое-какие сомнения.

А сам он трудился еще упорнее, чем все остальные. Он руководил всеми приготовлениями, и, кроме того, он должен был переделать свою пиесу, приспособив ее к нашим потребностям. Вне сомнения, он соз-

** Индейская игра наподобие русской лапты, впоследствии ставшая одним из компонентов бейсбола.*

дал превосходную пиесу, но для бледнолицых, а для нас пиеса в том виде, в каком была, не годилась.

Сколько пьес довелось мне переписать и переделать на моем веку, сокращать или удлинять в соответствии с требованиями труппы, изменять те или эти слова в угоду актерам, а то и вырезать из какой-то сцены самую ее суть по велению канцелярии развлечений, каковая усмотрела в ней неподобающие и подстрекательские речи. Однако теперь должен я превзойти все, что делывал прежде, и переписать моего «Гамлета» так, чтобы анийвуийа могли воспринять его. Едва ли во всей пьесе сыщется строка, не требующая изменений; да, вот именно, а многое надлежит изъять с корнем; например, пьесу внутри пьесы, как заверяет мой друг Мышь, никто здесь вообще не поймет. И действие надлежит перенести из Дании в Вирджинию, и замок Эльсинор превратить в индейское поселение. Подумать только, какова алхимия сделать из неграмотных дикарей трагических актеров; но переписать величественных датчан с тем, чтоб они походили на смуглокожих индейцев, превыше здравого смысла. (И ты еще поминаешь здравый смысл, Уилл Шекспир? Не слишком ли поздно?).

Посмотрел бы ты на нас, когда мы принялись разучивать роли с актиорами! Сперва Угрожающий Копьем заглядывал в говорящие значки и произносил слова на своем языке. Потом объяснял мне все, чего я не понял, — а, по правде сказать, я не понимал очень и очень многого, — и уж затем я переводил все это для актиоров на наш язык. Или так близко к смыслу, как только мог, — иные выражения перевести дословно просто нельзя. Хотя бледнолицый сам уже говорил по-нашему достаточно бегло и помогал мне, когда надо.

Затем актиоры повторяли то, что услышали, почти постоянно все перевирая, и приходилось начинать все сначала. А еще позже люди, занятые в пиесе, должны были выйти вместе и произносить слова по очереди, да еще и делать то, что им полагалось, и тут уж получался настоящий дурной сон. Они не только успевали забыть свои слова, но еще и натыкались друг на друга, наступали друг другу на ноги, а когда доходило до схватки, увлекались и дрались всерьез, чуть не до смерти. Угрожающий Копьем разъяренно прыгал вверх-вниз, рвал на себе волосы, — а они и без того выпадали, уж не ведаю почему, — и подчас даже плакал навзрыд, но как только успокаивался, мы опять начинали все сначала.

Истинно, моя участь более незавидна, чем у евреев Моисея. Как уверяет Священное писание, фараон распорядился, чтобы они лепили кирпичи без соломы, и их труды возросли неизмеримо; а я ныне должен лепить свои кирпичи не только без соломы, но и без глины.

Позволь, я перескажу тебе эту пиесу.

Жил некогда великий вождь, и его убил собственный брат. Не в бою, а исподтишка, ядом. Брат забрал власть вождя, а также и жену, которая, впрочем, не возражала.

Но у погибшего остался сын, молодой воин по имени Амаледи. И однажды ночью мертвый вождь явился сыну и поведал ему всю правду. И, разумеется, потребовал, чтобы сын не оставил злодеяние без последствий.

Бедный Амаледи оказался в большом затруднении. Понятно, что он не мог пойти против матери и убить ее нового мужа без ее на то согласия. С другой стороны, никому не хочется сердить призрака — а призрак отца был и так очень рассержен.

Так что Амаледи никак не мог придумать, как ему быть. Хуже того, подлый брат отца догадался, что Амаледи кое-что знает. Брат и другой омерзительный многоречивый негодяй по имени Кволонизи — ей же ей, очень похожий на Выдру, — решили как-нибудь избавиться от Амаледи.

Защищая себя от угроз, Амаледи притворился сумасшедшим и стал выговаривать слова задом наперед или так, чтобы они казались лишенными смысла. Это добавило силы покровительствующим ему духам и укрепило его безопасность в схватке с дядюшкой и Кволонизи — по крайней мере, на время.

Но у Кволонизи была дочь Тсигелили, мечтавшая, чтобы Амаледи стал ее мужем. Только она не хотела жить с сумасшедшим — кто бы захотел? — и шаталась вокруг, плакала и умоляла его перестать притворяться. Мать Амаледи ругала сына последними словами за непочтительность к отчиму. А призрак продолжал то и дело являться и злиться на Амаледи: почему тот не торопится отомстить? Все складывалось настолько плохо, что Амаледи чуть не покончил с собой, однако сообразил, что тогда очутится в царстве теней, где отец нипочем не оставит его в покое.

Думал Амаледи, думал и придумал хитрый план. В тот вечер, когда

намечалось празднество в честь нового вождя и были приглашены певцы из соседнего поселения, он отвел главного певца в сторону и велел поменять слова песни: якобы у него, Амаледи, было видение с новыми словами. И когда танцоры пошли вокруг костра и женщины принялись подыгрывать на черепаховых панцирях, ведущий пропел:

«Вот он наливает напиток,
А вот добавляет яд.
Только что было два брата,
И вот остался один».

Тут правда и открылась, взорвалась, как раскаленный камень в огне. Зловредный вождь вскочил, словно его ужалили, и бросился с глаз долой, решив, что его околдовали. Амаледи всерьез поссорился с матерью и выложил ей все, что думает о ее поведении. А затем убил Кволонизи. Правда, заявил потом, что по чистой случайности, но, думаю, ему просто опостылели бредни старого болвана.

Этого Тсигалили снести уже не могла. Она прыгнула в водопад и свела счеты с жизнью. Хоронили ее со всеми почестями.

Теперь уж Амаледи твердо-натвердо решил прикончить своего дядюшку. И тот, в свою очередь, хотел бы убить Амаледи, но был слишком труслив, чтобы взяться за это самому, и подговорил сына Кволонизи, по имени Пума, вызвать Амаледи на поединок.

Пума был отличным бойцом и жаждал сквитаться с Амаледи, мстя за отца и сестру. Однако вождь не желал рисковать и смазал копье Пумы своим любимым ядом. А заодно подсыпал яду в бутыль с водой на случай, если ничто другое не поможет.

Итак, Амаледи и Пума расцветили лица красной краской и встали лицом к лицу напротив хижины вождя. Амаледи дрался ничуть не хуже Пумы, но все-таки получил укол в руку. Прежде чем яд начал действовать, они сцепились врукопашную, и копья перепутались. И теперь Пума напоролся на копье дважды. На отравленное копье.

Тем временем мать Амаледи почувствовала жажду и хлебнула из бутыли с ядом. Ее не успели остановить, и она вскоре упала. Амаледи и Пума прервали схватку и бросились к ней, но поздно: она умерла.

Да они и сами уже ощутили действие яда. Сначала упал и умер Пума. А за ним и Амаледи. Но прежде чем погибнуть, он успел поразить отравленным копьем негодяя-дядюшку. Так что умерли все до единого.

Ну и как тебе все это?

Честное слово, тебе стоило бы увидеть пиесу своими глазами.

Итак, мосты сожжены: завтра вечером состоится представление. Благодарение Господу, что Бербедж никак не может прибыть сюда и влиться в ряды зрителей; а то большой вопрос, что случилось бы раньше, — он ли скончался бы от смеха, либо я от стыда.

Вечер выдался теплым и ласковым. Пришли все, включая Выдру. К часу, когда стемнело, все скамьи были полны, да еще многие стояли или сидели на земле.

Настил закончили за несколько дней до представления — Большой Нож без устали сетовал на бессмысленную растрату древесины и рабочих рук, которые пригодились бы для укрепления оборонительных оград вокруг поселения. Но тем не менее настил выглядел прекрасно. И Кузнечик с Черным Лисом вывесили по бокам на шестах красные коврики, как бы изображающие стены домов, а также дающие укрытие всем тем, кому еще не пора вступить в действие. Чтобы утихомирить толпу перед началом пиесы, бледнолицый упросил Дотсуию выпустить певцов и танцоров из ее клана, пока мы не зажжем факелы и не завершим последние приготовления.

И вот настало время начинать.

Что? Нет, я не входил в число акттиоров. Зато я выучил наизусть все слова пиесы — мне же пришлось переводить и повторять их бессчетное число раз, — так что меня прикрыли занавеской из тростника, и я тихонько, чтобы на скамейках никто не расслышал, подсказывал слова тем, кто все-таки забыл их.

Ах да, про бледнолицего. Он сам играл Призрака*, для чего сделал себе лицо еще белее, чем оно было, да еще сотворил со своим голосом что-то такое, от чего по спине бегали мурашки.

Но, в общем, все прошло хорошо, гораздо лучше, чем я ожидал. Было одно-единственное скверное мгновение, когда Амаледи — его играл сын Тсигейю, брат Большого Ножа по имени Хлопотливый Птах, — вдруг заорал не по пиесе: «На! Дили, дили!», то есть «Осторожно, там скунс, скунс!» — и грохнул боевой дубинкой по стене «хижины вождя», совершенно забыв, что это всего лишь тростниковый коврик. И Мед-

** Есть сведения, что реальный Шекспир в первых представлениях «Гамлета» действительно играл эту роль.*

вежий След, который был Кволонизи, получил такой удар по голове, что обеспамятел до самого конца пиесы. Хотя это не имело большого значения, потому что никаких слов ему уже не оставалось, зато когда Амаледи вытащил его за ноги на настил, трупом он выглядел настоящим.

А людям понравилось, очень понравилось. Они смеялись, и еще как! Никогда не слышал смеха столь долгого и столь беспрерывного. В самом конце, когда Амаледи пал ничком меж своей матерью и Пумой, и весь настил оказался покрыт мертвецами, собравшиеся взвыли и загудели, словно налетел ураган. Я выглянул в щелку меж ковриков и увидел, как Большой Нож и Тсигейю припали друг к другу, чтобы не свалиться со скамьи. Воины утирали слезы, выступившие на глазах, женщины держались за животы, а Дотсуиа лежала навзничь, дрыгая ногами, как младенец.

Я повернулся к стоящему рядом бледнолицему, говоря:

— Ну погляди сам! А ты еще боялся, что они не поймут...

Потом все на какое-то время смешалось. Набежали Кузнечик с Черным Лисом и уволокли бледнолицего с собой, и когда я увидел его вновь, Тсигейю обнимала его, а Большой Нож похлопывал по спине. Выражения лица Угрожающего Копьем я не разглядел, поскольку Тсигейю начисто закрыла вид своей обширной грудью.

Люди подняли вокруг нас настоящий гвалт. Даже я и то стал центром внимания. Женщина из клана Крашеных, недурно выглядящая для своих лет, оттащила меня в сторонку, чтобы оказать мне знаки внимания. Она оказалась податливой и предприимчивой, и домой я добрался только поздней ночью.

Бледнолицый сидел у огня. Когда я вошел, он не поднял головы и был страшно бледен. Поначалу мне даже почудилось, что он не смыл краску, которой вымазался ради Призрака.

— Гузди нузди? — спросил я. — Что-то неладно?

— Они смеялись, — ответил он удрученно.

— Да, смеялись. Смеялись, как никогда прежде. Кроме Выдры, но тот вообще никогда не смеется. — Я опустился наземь рядом с бледнолицым. — Позволь сказать тебе, мой друг, что ты сегодня совершил чудо. Ты сделал людей счастливыми. У них нелегкая жизнь, а ты заставил их смеяться.

Он не то всхлипнул, не то фыркнул.

— Вот именно. Они смеялись, глядя, как мы корчим из себя глупцов. Может, и правильно, что смеялись.

— Да нет же, нет! — Наконец-то до меня дошло, что его тревожит. — Ты все не так понял. Ты думаешь, они смеялись оттого, что мы разыграли твою пиесу из рук вон плохо? — Положив руку ему на плечо, я развернул его к себе. — Друг мой, да ведь никто, кроме тебя, до нынешнего вечера не видел ни одной пиесы! Откуда им знать, плоха она или нет? Она безусловно лучшая, какую они когда-либо видели. — Он сморгнул медленно, как черепаха, и я обратил внимание, что у него красные глаза. — Поверь мне, Угрожающий Копьем. Они смеялись потому, что пиеса такая смешная. И это твоя заслуга.

С его лицом творилось что-то странное.

— Итак, они посчитали представление веселым?

— А как же иначе! Все эти полоумные, то и дело убивающие друг друга и самих себя, и еще самый конец, где убиты все до единого! — Мне пришлось остановиться, потому что я сам рассмеялся, вспоминая. Потом я перевел дух и досказал то, что собирался: — Говорю тебе, я ведь знаю все на память и то в иных местах не мог совладать с собой. — Тут я встал. — Пошли. Тебе надо выспаться. Ты утомился.

Однако он лишь опустил голову на руки, издал горлом какой-то невнятный звук и пробормотал два-три слова, которых я не уразумел. Я оставил его в покое и потащился в постель.

Доживи я до дня, когда осыплются горы, мне все равно не понять бледнолицых.

Доживи я хоть до второго пришествия Спасителя, мне никогда не понять индейцев. Войну они почитают спортом, а кровавое убийство — развлечением; сие потому, что они относятся к жизни с легкостью, и смерть как бы не имеет для них серьезного значения; и то, что для нас трагично, они воспринимают как комедию. И будь я проклят, но не могу поклясться, что у них нет на это права.

Что бы ни случилось в ту ночь, однако Угрожающий Копьем переменился. Он провел с нами еще много лет, но никогда больше не предлагал нам ни одной пиесы.

Нас это печалило, нам так понравилась история про Амаледи, и мы лелеяли надежду, что будет что-нибудь еще. Многие пробовали пере-

убедить его — Тсигейю прямо-таки умоляла сочинить новую пиесу, а я вообще не припомню, чтобы она когда-либо умоляла кого бы то ни было, и все равно без толку. Он не желал даже разговаривать об этом.

И мы в конце концов осознали, что его колдовская сила иссякла, и оставили его в покое. Ужасно, когда дидахнвуизги вдруг утрачивает свою силу. Возможно, духи его предков почему-то обиделись на него за нашу пиесу. Надеюсь, что все-таки нет, — ведь дело это затеял не он, а я.

В то же лето Сверчок, дочь Девятизубого, стала его женой. Я отдал им свою хижину, а сам переехал к женщине из клана Крашеных. Я частенько навещал своего друга, и мы толковали о самых разных вещах, но о пиесе — никогда. Сверчок рассказывала мне, что он по-прежнему иногда рисует говорящие значки, но если он и пытался сочинить новую пиесу, то никогда никому о том не обмолвился.

Наверное, пять зим назад — нет, не больше — Сверчок однажды пришла домой и нашла его мертвым. Это случилось неожиданно — он ничем не болел, да и лет ему было не так-то много. И, насколько можно судить со стороны, с ним все было в порядке, не считая того, что он совсем облысел. Я лично думаю, что его дух просто-напросто пожелал вернуться на родину.

Сверчок долго горевала и до сих пор не взяла нового мужа. Не случалось ли тебе, когда ты шел по нашему поселению, встретить мальчонку со светлой кожей и коричневыми волосами? Это их сын Уили.

Посмотри, что Сверчок отдала мне. Индюшачье перо, которое Угрожающий Копьем держал в руке, когда она нашла его мертвым. А рядом лежал кусок коры тутового дерева. Остается только гадать, что там сказано.

Мы слеплены из того же теста, что и сны; и наша малая жизнь неизбежно завершается дремой...

Перевел с английского
Олег БИТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Пирс Энтони — один из самых популярных и плодовитых авторов НФ и «фэнтези», на протяжении десятилетий остающийся кумиром любителей этого жанра.

Перу Пирса Энтони принадлежит блистательный сериал «Воплощения Бессмертия» в семи книгах, публикующийся в издательстве «Полярис».

Российскому читателю Пирс Энтони известен как автор великолепных циклов «Ксант», «Голубой адепт», «Боевой круг», эпических романов «Макроскоп» и «Хтон». Но большая и лучшая часть его творчества — «Скопление», «Таро», «Воплощения Бессмертия» — до сих пор остается в тени. Этот писатель прочно удерживает пальму первенства как по количеству, так и по качеству написанных книг из всех американских фантастов. Его оптимистичными и светлыми произведениями уже три с лишним десятилетия зачитываются по всему миру горячие любители фантастики всех возрастов.

В мире, очень похожем на наш, ковры-самолеты конкурируют с автомобилями, призраки бродят по улицам, а Сатана развертывает рекламную компанию по пополнению ада свежими душами. Разрушать его коварные планы по установлению вселенского господства Зла приходится Воплощениям Бессмертия, простым людям, взявшим на себя обязанности сверхъестественных сил — потому что только они, каждый по-своему, способны противостоять могуществу ада. Смерть, Время, Судьба, Война, Природа останавливают коварные планы Зла, пока не настанет время последней битвы.

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

101000 Москва, Главпочтамт а/я 900

АРТУР КЛАРК

ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Бабушке моя затея ужасно не понравилась, хотя она еще застала те времена, когда в прислуги нанимали людей.

— Если ты воображаешь, что я соглашусь разделить свой дом с *мартышкой*!..

— Ну полно, бабуля, не будь такой старомодной! К тому же Доркас вовсе не обезьяна, — сказала я убедительным голосом.

— Вот как? И кто же она... то есть *оно*?

Я полистала проспект Биоинженерной Корпорации.

— Вот, послушай. «Супершимп, зарегистрированный под торговой маркой ПАН САПИЕНС, является разумным антропоидом, созданным на базе генотипа шимпанзе путем селекции и генетических модифика...»

— А что я говорила? Обезьяна, как есть обезьяна!

— Ты слушай дальше. «Обладает достаточным словарным запасом для понимания простых команд и может быть натренирован на исполнение любых обязанностей в домашнем хозяйстве или других несложных рутинных работ. Послушен, привязчив, чистоплотен, приучен пользоваться туалетом. Особенно хорош для присмотра за детьми...»

— Нет, только не это... Неужто ты позволишь Джонни и Сьюзен общаться с гориллой?!

Я со вздохом отложила брошюру.

— Боюсь, тут ты права, бабуля. Доркас очень дорогая, и если эти маленькие негодяи...

Но в этот момент раздался звонок в дверь, посыльный попросил меня расписаться, я наскоро подмахнула бумаги — и Доркас вошла в нашу жизнь.

— Привет, Доркас, — сказала я. — Надеюсь, тебе у нас понравится.

Большие печальные глаза уставились на меня из-под тяжелых надбровий. Сказать по чести, мне случалось видеть людские физиономии и побезобразнее, но фигурой она отнюдь не блистала, имея четыре фута в высоту и почти столько же в ширину. В своей аккуратно отглаженной униформе Доркас живо напомнила мне вышколенную горничную из кинофильма XX века, хотя ступни ее были босы и занимали на полу слишком много места.

— Доброе утро, мэм, — ответила она, артикулируя не совсем четко, но вполне разборчиво.

— Боже мой, она говорящая! — взвизгнула бабуля.

— Ну разумеется... Доркас умеет произносить пятьдесят слов, а понимает целых двести. Ее словарный запас еще увеличится, когда она к нам привыкнет, но на первых порах следует придерживаться вокабулярия, помещенного на страницах 43 и 44 инструкции по пользованию, — пояснила я и быстро всучила брошюру онемевшей бабушке, которой на сей раз не удалось отыскать подходящих слов для выражения собственных чувств.

Доркас освоилась очень быстро. Ее подготовка (домашние работы по классу А, уход за детьми младшего возраста) оказалась безупречной, и к концу первого месяца она справлялась практически со всеми обязанностями — от сервировки стола до хлопотной процедуры переодевания маленьких негодяев. Поначалу, правда, она продемонстрировала раздражающую манеру поднимать вещи с пола ногой (что, казалось, было для нее столь же естественно, как делать это руками), и понадобилось какое-то время, чтобы отучить ее от этой дурной привычки. В конце концов проблему решил один из тлеющих окурков, которые бабуля по обыкновению роняет где попало.

Что до всего прочего, то характер у обезьяны оказался уравновешенный, к работе она относилась добросовестно и никогда не вступала в пререкания. Конечно, назвать Доркас особо сообразительной было никак нельзя, и кое-какие задания мне приходилось растолковывать ей довольно долго, однако через несколько недель я полностью свыклась со всеми ее достоинствами и недостатками. Труднее всего было привыкнуть к тому, что моя домработница все-таки не вполне человек, и нет никакого смысла вовлекать ее в те специфические беседы, какие женщины обычно ведут между собой. Впрочем, она выказывала явный интерес к нарядам, будучи неравнодушной к ярким цветам, и позволь я Доркас одеваться согласно ее собственному вкусу, она выглядела бы точь-в-точь беглянкой из шапито.

Дети же, к моей великой радости, ее буквально обожали...

Я прекрасно знаю, что говорят соседи о Джонни и Сью, и вынуждена согласиться с тем, что их замечания недалеки от истины. Воспитывать парочку буйных отпрысков, чей отец пребывает в отсутствии по меньшей мере триста дней в году, не так-то легко и просто, а в довершение ко всему дело усугубляет бабуля, которая сразу начинает бессовестно баловать их, стоит мне лишь отвернуться. Собственно, и Эрик ничуть не лучше, поскольку делает то же самое каждый божий день,

когда его корабль находится на Земле, ну а суммарные последствия приходится расхлебывать мне. Могу только посоветовать никогда не выходить замуж за звездолетчика: доходы, конечно, солидные, но романтики ни на грош.

Когда Эрик вернулся с Венеры, имея три недели отпуска в кармане, наша новая служанка была уже полноправным членом семьи. Эрик воспринял это как должное; в конце концов на других планетах ему попадались куда более странные создания. Без брюзжания о непомерных расходах, разумеется, не обошлось, однако я справедливо указала ему, что теперь, когда большая часть домашней работы снята с моих плеч, мы сможем провести вместе гораздо больше времени и успеем сделать все необходимые визиты, что в прошлый раз совершенно не удалось.

Словом, я жаждала вновь окунуться в светскую жизнь, которая в Порт-Годдарде буквально бьет ключом, даром что он торчит как раз посредине Тихого океана (после того, что случилось в Майами, космодромы были вынесены подальше от цивилизации). Кроме бесконечного потока Очень Важных Персон вперемешку с путешественниками из разнообразных уголков Земли (и не только), там имеются и местные знаменитости.

В любом обществе всегда существует общепризнанная законодательница вкусов и мод, этакая grande dame, служащая своим неудачливым соперницам двойным эталоном — для порицания и подражания. У нас в Порт-Годдарде царила Кристина Свансон, чей муж дослужил до чина командора Космической Службы, и об этом факте она никому и никогда не позволяла забывать. Стоило лишь очередному лайнеру коснуться Земли, как все офицеры Базы получали приглашение на очередной прием в ее роскошном особняке, искусно декорированном в архаичном стиле XIX века, и пренебрегать этим приглашением без чрезвычайно уважительной причины категорически не рекомендовалось... Даже если в программу входил вернисаж живописных творений хозяйки дома!

Кристина мнила себя большим художником, так что одним из главных ужасов этих вечеринок являлась настоятельная необходимость выпускать поощрительные реплики по поводу ее пачкотни (вторым кошмаром был ее любимый резной мундштук длиною в метр). За время, истекшее после прошлогоднего визита Эрика, она успела сменить стиль и вступила в свой *квадратный период.*

— Ах, дорогие мои, эти скучные продолговатые картины ужасно ус-

тарели! Они совершенно не гармонируют с космической эрой, — принялась объяснять она. — Ведь там, в пространстве, нет ни верха, ни низа, нет горизонталей и вертикалей, так с какой это стати у современной картины одна сторона должна быть больше другой?! В идеале она должна выглядеть совершенно одинаково, как ни повесь, и я над этим работаю...

— Удивительно логичная идея, — благовоспитанно заметил Эрик (командор Свансон был его непосредственным начальником), а когда хозяйка отошла подальше, вполголоса пробормотал: — Не могу сказать, как висят ее картины, но точно знаю, что не той стороной к стене!

Я была с ним полностью согласна. До замужества я несколько лет брала уроки живописи и, смею заверить, неплохо в ней разбираюсь. Мои собственные полотна давно уже пылятся в гараже, но наберись я такой наглости, как Кристина, чтобы устроить в Порт-Годдарде свой личный вернисаж, он наверняка прошел бы успешно.

— Знаешь, Эрик, — злорадно хихикнула я, — даже Доркас сможет написать картину получше, если я ее немного подучу!

Он фыркнул и чуть было не поперхнулся виски.

— А что, это мысль! Попробуй когда-нибудь, если Кристина совсем зарвется...

Я тут же забыла об этом разговоре и вспомнила о нем только через месяц, когда Эрик уже был в космосе.

Конкретный повод к нашей стычке особого значения не имеет, скажу лишь, что речь на заседании муниципального совета шла о перспективах хозяйственного развития Порт-Годдарда, по поводу чего мы с Кристиной имели диаметрально противоположные мнения. Ее точка зрения победила (как всегда), и я в ярости вылетела из зала, изрыгая, что называется, дым и пламя.

Первым существом, которое попалось мне на глаза, когда я ворвалась в наш дом, оказалась Доркас, мирно разглядывающая цветные картинки в иллюстрированном еженедельнике — вот тут мне и вспомнились слова Эрика.

Отшвырнув сумку и избавившись от шляпки, я произнесла твердым голосом:

— Доркас! Сейчас мы с тобой пойдем в гараж.

Понадобилось немало времени, чтобы откопать мольберт и ящик с кистями и красками из груды всяческого хлама (развинченные ма-

ленькими негодяями игрушки, пустые упаковочные коробки, ласты и маски для подводного плавания, старые кастрюльки, рождественские бумажные гирлянды, сломанные рабочие инструменты... черт побери, у Эрика никогда не хватает времени, чтобы как следует прибраться перед полетом!). В общей куче обнаружились также начатые когда-то холсты, и я решила, что для первого раза и они сойдут.

Выбрав осенний пейзаж, не продвинувшийся далее единственного костлявого дерева, я поставила его на мольберт и авторитетно изрекла:

— А сейчас, Доркас, я буду учить тебя рисовать!

План мой был крайне прост и не вполне честен.

Хотя приматов еще в XX веке неоднократно поощряли к размазыванию краски по полотну, ни один из них, насколько мне известно, не создал ничего такого, что можно было, не кривя душой, назвать подлинным произведением искусства. В общем-то я была уверена, что у Доркас тоже ничего путного не получится... Но кто уличит меня в том, что я направляла ее руку? А вся слава достанется ей.

На самом деле я отнюдь не собиралась идти на полный обман. Да, я набросаю углем эскиз, смешаю краски и лично выполню самую сложную часть работы, однако и Доркас будет принимать в ней посильное участие. Я надеялась, что она справится с закрашиванием обведенных контуром участков, а может быть, даже выработает нечто вроде собственной манеры. Если повезет, прикинула я, Доркас выполнит примерно четвертую часть работы, и тогда я с чистой совестью смогу утверждать, что все это дело ее рук... В конце концов, разве Микеланджело и Леонардо не ставили свои имена на картинах, процентов на девяносто написанных их подмастерьями? Ну а я выступлю в роли подмастерья Доркас!

Должна признаться, меня постигло изрядное разочарование.

Хотя Доркас быстро догадалась, в чем суть дела, и поняла, как надо использовать кисти и палитру, ухватки ее оказались до боли неуклюжими. Казалось, бедняжка никак не может решить, как ей сподручней размазывать краски, и потому постоянно перекладывает кисть из одной руки в другую... Кончилось тем, что первую картину я написала сама, участие же Доркас ограничилось десятком ярких жирных мазков.

С другой стороны, глупо было бы ожидать, что она станет мастером за каких-то два или три урока, тем более что по сути это не имело значения: мне всего лишь придется сделать истину чуть более растяжимой, когда я начну безапелляционно утверждать, что единственным автором

картины является моя антропоидная служанка.

Торопиться было некуда, ибо задумки подобного рода требуют тщательного исполнения, и тем не менее уже через пару месяцев продукция «Студии Доркас» исчислялась дюжиной живописных работ. Тематика их, естественно, была ограничена тем, что супершимп может узреть в Порт-Годдарде: этюд лагуны в голубых тонах, вид нашего дома в пейзаже, импрессионистский набросок ночного старта (зеркальный блеск металла и взрывы ярких пятен на угольно-черном фоне), бытовая сценка с рыбаками, пальмовая роща... Словом, сплошной стандарт, но что-то иное наверняка показалось бы подозрительным; не думаю, чтобы до приезда к нам Доркас часто бывала вне стен лаборатории, где ее растили и воспитывали.

Лучшие из этих картин (а некоторые были и впрямь недурны, уж можете мне поверить) я развесила по дому в таких местах, где мои друзья просто не могли их не заметить, а далее все разыгрывалось как по нотам. Сперва восхищенные ахи, затем мой твердый отказ от авторства, недоумевающие вопросы... и наконец изумленные возгласы: «КАК!», «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!» и «КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ!!!»

Скептиков я сразила тем, что позволила кучке избранных полюбоваться процессом творчества. Полагаю, нет нужды пояснять, что подобной чести были удостоены лишь ни черта не смыслящие в живописи, картина же являла собой абстрактную композицию в красном, черном и золотом, которую никто не осмелился критиковать. Доркас эффектно смотрелась за мольбертом и провела показательный сеанс не хуже опытного киноактера, умело имитирующего игру на музыкальном инструменте.

В целях дальнейшего распространения сенсации я раздарила несколько картин в качестве забавных безделушек, стараясь при этом, чтобы облагодетельствованный непременно отметил нотку уязвленного самолюбия в моей дежурной фразе: «Я наняла эту обезьяну для работы по дому, а не для Музея изобразительных искусств!» Разумеется, я была достаточно благоразумна, чтобы не проводить сравнений между творениями Доркас и мазней Кристины, поскольку прекрасно знала, что наши общие знакомые сделают это за меня.

Когда мадам Свансон нанесла мне неожиданный визит, дабы обсудить нашу ссору, *как подобает двум приличным людям*, я поняла, что она на крючке... Я повела ее пить чай в гостиную, увешанную работами Доркас, где и позволила себе грациозно капитулировать под лучшей из

них (полная луна встает над лагуной — холодная, голубая и необыкновенно мистическая; при каждом взгляде на нее я испытывала вполне заслуженную гордость). Мы не обмолвились ни единым словом ни о картинах, ни о Доркас, однако в глазах моей гостьи я увидела все, что хотела увидеть.

Через день очередная выставка Кристины, запланированная на следующую неделю, была отменена.

Мудрость карточных игроков гласит, что после крупного выигрыша следует немедленно выходить из игры... Не сочти я за труд хоть немного задуматься, то уразумела бы, конечно, что Кристина мне этого не спустит и рано или поздно нанесет жестокий контрудар.

Время она рассчитала блестяще: дети в школе, бабуля в гостях, а я уехала за покупками на другой конец острова. Должно быть, она сперва позвонила по телефону, дабы удостовериться, что дома действительно никого нет, а точнее говоря, ни единого человека... Что касается Доркас, то после первых же попыток мы строго-настрого запретили ей брать трубку: по телефону речь супершимпа подозрительно напоминает разговор мертвецки пьяного человека, а это, сами понимаете, чревато ненужными осложнениями.

Полагаю, я правильно реконструировала последовательность событий. Итак, Кристина подъехала к дому, выразила глубокое огорчение по поводу моего отсутствия и пригласила себя войти. Не тратя времени зря, она тут же принялась обрабатывать Доркас, но подобную ситуацию я как раз предусмотрела... «Это сделала Доркас, — каждый раз наставляла я своего антропоида, указывая пальцем на только что законченную картину. — Ты поняла? Нет, не Мисси, только Доркас! *Доркас*!» В конце концов, полагаю, бедняжка сама в это поверила.

Если профилактическое промывание мозгов и лексикон из пятидесяти слов ввели в заблуждение самозванную гостью, то длилось оно не слишком долго. Кристина была дама решительная, а Доркас — простая душа. Должно быть, мадам Свансон немало удивилась тому, с какой готовностью ее отвели в знаменитую студию в гараже, где она намеревалась обнаружить неопровержимые доказательства гнусного подлога и обмана...

Подъехав к дому получасом позже, я почуяла крупные неприятности, как только заметила чужую машину. Надежда на то, что я успела вернуться вовремя, тут же рассеялась, как только я вошла в дом, где ца-

рила немыслимая, мертвая тишина. Слишком поздно... ЧТО-ТО УЖЕ ПРОИЗОШЛО! В противном случае Кристина никак не смогла бы удержаться от разглагольствований, даже если ее аудиторию составляет один-единственный шимпанзе: тишина для нее — такой же вызов, как чистый холст, и она усердно заполняет ее звуками собственного голоса.

В доме было невыносимо тихо. На цыпочках я проследовала через пустую гостиную, пустую столовую, кухню и вышла во двор через черный ход. Дверь гаража оказалась открытой. Подкравшись к ней, я заглянула внутрь.

И это был момент горькой истины!

Освободившись наконец от моего влияния, Доркас действительно развила собственный стиль. Свою новую картину она писала быстрыми, мощными и точными мазками, но только совсем не так, как я ее долго и старательно учила. А уж что там было изображено...

Я была жестоко уязвлена в самое сердце, когда разглядела ту отвратительную карикатуру, которая явно доставляла Кристине бездну удовольствия. После всего, что я сделала для Доркас, это была чистейшей воды неблагодарность! Теперь-то я, конечно, знаю, что она не имела в виду ничего плохого и попросту самовыражалась... Психологи и искусствоведы, сочинившие те дурацкие комментарии к ее выставке в Музее Гугенгейма, утверждают, что портреты кисти Доркас не только проливают свет на взаимоотношения людей и животных, но впервые в истории человеческой расы дают нам возможность взглянуть на себя со стороны.

Однако в тот день, когда я, накричав на Доркас, отослала ее на кухню, этот интересный аспект явно ускользнул от моего внимания.

Что расстроило меня еще больше, так это бесполезно потерянное время, растраченное мной на исправление ее дурных манер и постановку техники рук: игнорируя все мои указания, она сидела перед мольбертом, скрестив их на груди!

Но даже тогда, в самом начале ее блистательной карьеры свободного художника, было абсолютно ясно, что в одной ее ноге таланта не в пример больше, чем в обеих моих руках, вместе взятых...

Перевела с английского
Людмила ЩЕКОТОВА

Вл. ГАКОВ

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Наш журнал продолжает публикацию очерков, посвященных истории европейской фантастики*. Для иллюстрации своих размышлений автор предложил полотно знаменитого художника-сюрреалиста Макса Эрнста «Европа после дождя». Мы не стали репродуцировать картину, решив напомнить читателям ее содержание. Живопись Эрнста не раз украшала обложки научно-фантастических книг, и это произведение пророческое: оно написана в 1940–42 годах, но изображает, конечно же, предвидимое будущее. Какие-то сюрреальные структуры, то ли органические, то ли рукотворные, но безусловно наводящие на мысль о руинах, развалинах — и средь них одиноко бродит зловещая фигура с человеческим телом и птичьей головой. Словом, пейзаж после битвы...

Современная западноевропейская фантастика, насколько я могу судить по личному общению с «резидентами» и по разнообразным информационным каналам, навевает грустные настроения. При обилии национальных «конов», журналов, премий — короче, при всем богатстве окружающей среды жанр фантастики влачит практически во всех европейских странах существование откровенно жалкое. Национальные литературные острова не выдерживают напора могучего и всесокрушающего цунами, который, несколько припозднившись после плана Маршалла, обрушился на Европу в последние два десятилетия.

Откуда он излился на континент, давший миру саму научную фантастику, подробно объяснять не надо.

Какое-то время — приблизительно четыре десятилетия, если вести счет с начала 1950-х, — хоть и слабое, но

* *«Если» №№ 7, 8, 1997 г.*

Парадоксальнее всего, что американской фантастике противостояли, на первый взгляд, идеологически «несовместные» отряды национальных писателей всей Европы.

сопротивление внешнему давлению оказывалось. И парадоксальнее всего, что американской фантастике в согласии противостояли, на первый взгляд, идеологически «несовместные» отряды национальных писателей всей Европы. Не объединяясь в антиамериканский «фантастический Интернационал» и продолжая взаимные склоки (мир еще был разделен на два военных лагеря), но противостояли все вместе и вполне осознанно. Словно опасались угрозы нападения — нет, не гипотетических марсиан и не политических оппонентов «из-за Стены», но вторжения иного рода, куда более фатального и неизбежного проникновения из-за океана — рыночного, напористого и убедительного...

Наличие целой плеяды известных в Европе советских авторов во главе со Стругацкими, поляка Станислава Лема, немцев Герберта Франке и супругов Браунов, венгра Петера Жолдоша, чеха Йозефа Несвадбы, итальянцев — Лино Алдани, Уго Малагути и Примо Леви, французов — Рене Баржавеля, Жерара Клейна и Френсиса Карсака, скандинавов Нильса Нильсена и Сама Люндваля (названы, разумеется, не все, а только самые видные) — заставляло говорить о «европейской фантастике» с законным чувством гордости. А такие фигуры из мира «просто литературы», которые с разной мерой падения, но согрешили-таки по части фантастики: Карин Бойе, Харри Мартинсон, Пьер Буль, Робер Мерль, Борис Виан, Веркор, Итало Кальвино, Томмазо Ландольфи, Фридрих Дюрренматт и многих других — красноречиво свидетельствовали об отношении европейской литературы к жанру, который для американских авторов, за редким исключением, так и остался коммерческим конвейером, массовой литературой.

Я оставляю в стороне вопрос, чье отношение к фантастике лучше — американское или европейское*. Но если

** К тому же, зажатый журнальными рамками, я вынужден прибегать к пунктирному стилю изложения — а значит, к неизбежным упрощениям. И в англоязычной фантастике не все только развлекали, да и в европейской хватало умелых ремесленников, озабоченных только тем, как бы поэффектнее развлечь. (Здесь и далее прим. автора).*

Ныне наблюдается картина, перевернутая с ног на голову: в этом Зазеркалье издается все больше и больше критики и библиографии, а от их «объекта» осталось одно воспоминание.

еще десять лет назад я мог с энтузиазмом взяться за обзор европейской фантастики — было что обозревать! — то сейчас, на исходе столетия, в котором, собственно, и родилась, оформилась в самостоятельный поток литературы научная фантастика — руки опускаются! Но все же, все же...

Воссоединение двух Германий... в одну Америку

Начнем со страны, которая в результате второй мировой войны была поделена победителями надвое — и таким образом зримо продемонстрировала деление европейской фантастики на «восточную» и «западную».

«Главная трудность для всякого пишущего о немецкой научной фантастике состоит прежде всего в поиске вторичных источников — справочного материала, ибо можно констатировать почти полное отсутствие как литературы критической, так и сколько-нибудь солидных библиографий». Этими словами, как будто нарочно сказанными с целью отбить охоту у конкурентов разбираться в столь неблагодарном деле, открывает свой обзор немецкой фантастики критик Франц Роттерштайнер, проживающий в Вене.

На самом деле не все так мрачно сейчас. Уже изданы и немецкоязычные энциклопедии жанра, более чем подробные библиографии, да и сам пионерский обзор Роттенштайнера, появившийся в середине восьмидесятых, содержал впечатляющий ряд имен.

С другой стороны, именно сейчас картина куда мрачнее, чем она представлялась десятилетие назад. Ибо тогда отсутствовала критика по фантастике на немецком языке, но хотя бы можно было говорить о существовании самой этой литературы. Ныне же наблюдается картина, перевернутая с ног на голову: в этом Зазеркалье издается все больше и больше критики и библиографии, а от их «объекта» осталось одно воспоминание — как улыбка Чеширского Кота...

Все, увы, в прошлом. Хотя само оно впечатляет и не ус-

Собственно science fiction в истории немецкоязычной литературы отыщется не так много, как, скажем, в англоязычной, но зато романтических фантазий и утопий хватит на любой вкус!

тупает, на первый взгляд, более бесспорными достижениям фантастики Англии или Франции. Впрочем, странно, если бы было иначе.

Собственно science fiction в истории немецкоязычной литературы отыщется не так много, как, скажем, в англоязычной, но зато романтических фантазий и утопий хватит на любой вкус!

С одной стороны, только в Германии могли появиться Новалис, Гофман, Тик, Шамиссо; одних этих имен достаточно, чтобы закрыть вопрос о том, кто может претендовать на «звание» провозвестника фэнтези. А если добавить к ним еще трех писателей, которых дала мировой литературе Австро-Венгрия начала столетия: Густава Мейринка, Альфреда Кубина и Франца Кафку, — то ясно, что и с другой составляющей фантастики (философской, мистической, иррациональной) в немецкой литературе все обстоит нормально. Один Кафка дал современной мировой фантастике и антиутопии больше, чем десяток канувших в лету чисто «жанровых» авторов, творивших в Германии и Австро-Венгрии на рубеже веков.

С другой стороны, куда немцам без их ordnung'а. Литературным выражением этой почти национальной тяги к порядку, социальному идеалу общества, заведенного как часы, стала немецкоязычная утопия. Здесь ряд имен не менее впечатляющий — хотя многие из них отечественному читателю практически не знакомы.

Почти век понадобился европейской общественной мысли нового времени, чтобы вслед за книгой Томаса Мора, давшей название жанру, «раскачаться» на вторую по счету утопию: ею оказался «Христианополис» (1619) Йоханна Валентина Андреа. А наибольшее количество утопий пришлось на канун нашего столетия, попытавшегося реализовать на практике многие из подобных проектов и цену за то заплатившего, как мы понимаем сейчас, на исходе его, дорогую.

Были в Германии, как положено, утопии патриархальные и технократические, религиозно-мистические и социалистические, преисполненные шовинизма и проникнутые пафосом интернационализма... Достаточно упомя-

К чему привела двойственность немецкого сознания, хорошо известно. К расколу уже не одной конкретной «фантастической» семьи, а и всей национальной фантастики.

нуть две из них, чтобы показать широту охвата.

О технократической утопии австрийца Теодора Герцки «Земля свободных» (1890) в нашей критике писали много — не в пример другому, не менее значительному произведению, которое стыдливо обходили молчанием. Почему — понятно. Ведь трактат-роман «Новая родина» (1902) одного из крупнейших теоретиков сионизма. Теодора Герцля — это, по замечанию критика, единственная литературная утопия, которая, пусть и с издержками, но реализовалась на практике.

Если же окинуть взглядом диапазон литературный, художественный, то на одном краю его расположится откровенно популяризаторский «Туннель» Бернхарда Келлермана, книги местного «жюль верна» — Курда Лассвица и местных же «циолковских» — пионеров космонавтики Гайля, Оберта и Валье. А на другом, бесконечно от них далеком и как бы уходящим за горизонт конце спектра, один из литературных шедевров XX века — «Игра в бисер» Германа Гессе*.

И наконец, спектр политический. Тут в предыстории немецкой фантастики, кроме одиозных и однозначных фигур Ганса-Хайнца Эверса и Ганса Доминика, начинавших с лозунга «техника — молодежи», а затем совершивших закономерную эволюцию в сторону «арийской крови» и Deutschland über alles, следует упомянуть еще и странную супружескую пару, впоследствии распавшуюся как раз «через политику». Это гениальный режиссер немого кино, автор «Метрополиса» Фриц Ланг, эмигрировавший в Америку после прихода Гитлера к власти, и его жена, автор сценариев к его фантастическим фильмам и последующих новеллизаций — Теа фон Харбу. Активист нацистской партии, литературная гордость рейха...

К чему привела эта двойственность немецкого сознания, хорошо известно. К расколу уже не одной конкретной «фантастической» семьи, а и всей национальной фантастики.

** Где-то посередине заблудился еще и Альфред Дёблин со своими «Горами, морями и гигантами» (1924)...*

Фантастика ГДР во многих отношениях оказалась интереснее своей единоутробной сесры, оказавшейся за Берлинской стеной.

С той поры та Германия, которую назвали Западной, по сути, ничего нового в НФ не сказала. И на имена оказалась не плодовита.

Один сколько-нибудь заметный писатель-фантаст Герберт Франке, основная масса переводов которого поспела у нас аккурат к 1991 году. Любопытный масслитературный феномен под названием «Перри Родан» (серийный «антигерой» со всеми родовыми пятнами übermensch'a — только не арийского, а англосаксонского); правда, любопытный скорее политологам, социологам, психологам, психиатрам, критикам, наконец, но никак не читателям, воспитанным на «серьезной» фантастике. И все*. При том, что прилавки Западной Германии были завалены фантастикой. Американской, английской и советской, выпускаемой, в основном, у соседей-соплеменников в бывшей ГДР!

«Гэдээровская» фантастика, на мой взгляд, во многих отношениях оказалась интереснее своей единоутробной сесры, оказавшейся за Берлинской стеной.

Местный послевоенный урожай фантастики «ближнего прицела» пропускаю: никому из читателей не знакомы имена Дель Антонио, Раша, Крупката и других. Однако уже в конце 1970-х ситуация изменилась: в ряды научных фантастов ГДР влился отряд молодых авторов, которые в упомянутый прицел никак не попадали и, в большинстве своем, счастливо избежали прицелов иных...

Ситуация в ГДР, как рассказывал мой друг на протяжении вот уже двух десятилетий Эрик Зимон, фантаст, редактор и переводчик, — была существенно иной, чем в нашем отечестве. В чем-то еще более «режимной», а в чем-то и более расслабляющей.

У них не было нашего иезуитского и поднаторевшего в идеологических боях Госкомиздата, его заменяло иде-

** На критиках, редакторах и издателях — например, том же Роттенштайнере или Вольфганге Йешке, который и сам баловался фантастикой, — я не останавливаюсь. Подробнее о фантастике довоенной Германии и ФРГ смотри в моей вступительной статье к сборнику Г.Франке «Стеклянная западня» (М. 1991).*

С «Левой рукой Тьмы» Урсулы Ле Гуин читателей ГДР познакомили раньше, чем нас.

ально дисциплинированное и организованное, как часы, Министерство (аналог Главлита), которое методично спускало четкие разнарядки издательствам — сколько и кого издавать. Причем, среди прочих критериев работы издательств учитывалось и такое: экономическая эффективность. Стругацкие шли нарасхват, Лем шел нарасхват, американцы шли нарасхват — и всех их рекомендовалось издавать. А чтобы поддержать отечественных авторов фантастики — то их издавать вменялось в обязанность.

Переводов издавалось немного — как и у нас в ту пору, но все-таки с «Левой рукой Тьмы» Урсулы Ле Гуин читателей ГДР познакомили раньше, чем нас. Как и с первыми книжными изданиями отдельных вещей Стругацких. А уж что издавали своего — так нам в годы застоя подобный либерализм и не снился!

В научной фантастике ГДР были свои «Хаксли» и «Оруэллы», множество «Кафок», «Свифтов», «Борхесов» и кого угодно. Кавычки в данном случае закономерны, ибо подражательство было налицо. Другое дело, что подражать можно разным авторам...

Конечно, сегодня я чуть идеализирую картинку, но пример этой страны еще тогда лишний раз убедил меня, что уж если выбирать из двух тираний — бюрократической и идеологической, то лучше ставить на первую. Тупую и идеально организованную машину всегда легче обмануть, нежели цензоров «идейных». Об этом многое могут поведать отечественные авторы-ветераны, еще помнящие о том, как сравнительно легко можно было обвести вокруг пальца наш заорганизованный и неповоротливый Главлит, но Госкомиздат — никогда...

Уж если выбирать из двух тираний — бюрократической и идеологической, то лучше ставить на первую.

По крайней мере, имена Стефана Хейма или супругов Браунов, Йоханны и Гюнтера, быстро оказались на слуху и у читателей по ту сторону Берлинской стены; в конце концов эти писатели закономерно обосновались в западногерманских издательствах, а Хейм — даже в американских. Что касается книг их коллег — Хайнера Ранка, Герхарда Бранстнера, Альфреда Лемана, Герта Прокопа, еще одной супружеской пары, Анжелы и Кар-

Для большинства фантастов ГДР «НФ» означало просто легальную возможность писать завуалированную политическую сатиру.

лхайнца Штайнмюллеров, Эрика Зимона, Ганса Тауберта, Бернда Ульбриха, Герберта Циргибеля, то у себя на родине они составляли заметную конкуренцию даже англо-американским переводам. Хотя за пределы тогдашней ГДР так, увы, и не вышли.

Причины последнему обстоятельству можно выискивать разные, но главная, на мой взгляд, понятна и хорошо знакома тем, кто еще помнит времена до падения «исторического материализма».

Дело в том, что для большинства указанных авторов ГДР «НФ» означало просто легальную возможность писать завуалированную политическую сатиру либо уходить в безудержный «абсурд», который в иных ситуациях был «непроходимым». На Западе все эти кукиши в кармане удалось пристроить лишь вышеупомянутым Хейму (впрочем, такому же «научному фантасту», как, скажем, Борис Виан) да супругам Браунам — а остальные только облизывались из-за пресловутой Стены. Что касается направления «восточного», то лишь редкие рассказики проскочили в наши журналы и антологии, поскольку, как уже было сказано, для нас в те времена и это было «слишком»...

Однако нет худа без добра. Боюсь, переведи у нас в то время массовым порядком гэдээровскую фантастику, — и в восприятии тогдашнего советского читателя это ее окончательно бы добило (судя по тем подробным пересказам сюжетов, которые я слышал от Эрика Зимона). У нас и своих «фиг» были, как говорится, полны карманы, а то, что все это могло возбудить лишь тогдашних читателей ГДР и никакой другой страны в мире, сомнений не вызывает.

Хотя что сейчас обсуждать гипотетическую неудачную стрижку — голова полетела!

Падение Стены ознаменовало собой долгожданное воссоединение двух фантастик.

Падение Стены ознаменовало собой долгожданное воссоединение двух фантастик. Только не между собой — поскольку обе испустили дух практически одновременно, — а с теми, кто радостно и деловито заполонил опустевшую экологическую нишу: с американцами...

Издательства ГДР, среди которых выделялось «Das

Знакомый редактор вернул меня на землю: сегодня никому не нужны авторы не только российские, но и немецкие!

Neue Berlin», до того удачно работавшие и на собственный рынок, и — в отдельных случаях — на западногерманский, быстро разорились и канули в Лету. Редакторы и писатели остались без работы и вынуждены были переквалифицироваться. И если бы дело обстояло так, что подвинуться их заставили конкуренты, немцы же! Но все вышло куда хуже.

Когда уже в начале 90-х годов я, еще не избавившись от иллюзии, будто мы по-прежнему кому-то интересны, попытался предложить в крупнейшее научно-фантастическое издательство ФРГ «Heyne» что-то из новой — уже посткоммунистической, российской — фантастики, знакомый редактор вернул меня на землю: сегодня никому не нужны авторы не только российские, но и немецкие!

Само издательство «Heyne» печатает почти исключительно переводную (читай: англоязычную) фантастику. Бывшие элитарные серии издательств «Goldmann», «Ullstein» и «Suhrkamp», когда-то державшие планку на уровне Стругацких и Лема, практически закрылись. Не выжил ни один из специализированных журналов фантастики, их роль приняли на себя регулярные антологии, в которых наряду с прозой печатаются статьи, обзоры, переписка с читателями...

Потому-то на данный момент и в Германии термин science fiction не требует перевода, что означает фантастику почти исключительно переводную — американскую и английскую. А редкие и, как правило, для science fiction периферийные фигуры, вроде недавно умершего детского сказочника Михаэля Энде, автора феноменальной «Бесконечной истории», прославившейся по обе стороны Атлантического океана, или бурно стартовавшего за последнее десятилетие Вольфганга Хольбайна, опять-таки более ориентированного на читателя-подростка, погоды не делают.

Не выжил ни один из специализированных журналов фантастики.

Короче, рухнула не только стена... Как прозорливо заметил польский сатирик Станислав Ежи Лец: «Наконец-то ты пробил головой стену. Но что ты будешь делать в соседней камере?»

Горячие скандинавские парни

Лет двадцать назад в Швеции и Дании (в меньшей степени — в Норвегии и Финляндии) наблюдался настоящий бум фантастики!

Если кризис немецкоязычной фантастики окончательно оформился в конце 1980-х, и причины его более или менее понятны, то неудача, постигшая в последнее десятилетие других представителей «нордического характера», внешне ничем не объяснима.

То, что на севере Европы научная фантастика сегодня замерзает, видно даже невооруженным глазом. Это тем более странно, что, в отличие от двух Германий, эти страны никто фатальным образом не «воссоединял» (как ранее и не делил), и еще лет двадцать назад в Швеции и Дании (в меньшей степени — в Норвегии и Финляндии) наблюдался настоящий бум фантастики!

Словно вспомнив о великих предках — Карин Бойе и Харри Мартинсоне* — шведские писатели 1970 — 1980-х годов печатались много, обильно печатали других (и нас, кстати), часто собирали шумные «коны» и выпускали журналы, постоянно враждовавшие между собой. А кроме того, на научную фантастику обращали внимание авторы «основного потока», что также свидетельствует о высоком социальном статусе SF. Научной фантастикой грешили признанный мастер детектива Пер Валс, тонкий социальный сатирик Пер Ерсильд, не говоря уже о всемирно известной сказочнице Астрид Линдгрен!

Короче, фантасты тогда вели жизнь совсем не по-северному бурную и регулярную.

Наверное, потому что в этой жизни присутствовал своего рода силовой центр, источник энергии по имени Сам Люндваль. Писатель, редактор журнала, издатель, критик, библиограф, переводчик... — казалось, не было вида деятельности, в которой он не преуспел.

Получая на протяжении нескольких лет журнал Люндваля «Jules Verne Magazinet», я мог в полной мере ощущать идущую от этого издания энергию, заряжающую писателей, читателей, критиков. А когда впервые в

** На сегодняшний день это единственный Нобелевский лауреат, премию которому дали, в основном, за произведение формально научно-фантастическое — эпическую поэму «Аниара».*

Люндваль, может, и не был лучшим скандинавским автором по молодой и заводной швед безусловно растопил научно-фантастический лед на севере Европы

жизни попал на настоящий западный «кон» в 1979 году в Стокгольме, то воочию убедился, каким уважением пользовался в Швеции его организатор. Уж на что записной тамада Гарри Гаррисон — но в компании с Люндвалем и тот производил впечатление старого неторопливого дедушки-молчуна!

Люндваль, может быть, и не был лучшим скандинавским автором — в самой Швеции с ним могли посоперничать Бертиль Мартенссон, Борье Круна, Денис Линдбом или ныне покойный Карл-Йохан Хольцхаузен, — но молодой и заводной швед безусловно растопил научно-фантастический лед на севере Европы, не говоря о том, что он писал на двух языках — шведском и английском — и несколько раз издавался в США.

Говорю «был», потому что в последнее десятилетие я о нем почти не слышал. После своих кэрролловских мозаик («Мир Алисы») и черно-юмористических эскапад (серия романов о рядовом Галактического флота Бернхарде Рордине) Люндваль пробовал себя в политической сатире, в сюрреалистической фантастике, а затем принялся за бесконечную серию «просто» романов с элементами фантастики — судя по всему, без особого успеха...

Итак, «позор вам, шведы», как говаривал их король, в свое время битый под Полтавой. Ну, а как обстоят дела у соседей?

Научная фантастика на родине великого Андерсена чем-то напоминает польскую. Мы все понимаем, что есть Лем — а есть польская научная фантастика (что важнее, и поляки прекрасно это понимают). Так и в Дании — есть Нильс Нильсен, а есть датская научная фантастика. Числом примерно человек десять — двенадцать.

На счету Нильсена — крепкого профессионала и, безусловно, жанрового писателя — более двух десятков книг, составляющих, вероятно, одну пятую всей изданной современной датской фантастики. Хотя отдельные книги коллег Нильсена, например, романы «Точка замерзания» Андерса Бодельсена и «Термуш» Свена Хольма, в

Но в целом, как и в Швеции, и в Дании, фантастика в Норвегии на сегодняшний день — занятие нескольких сотен человек, включая фэнов.

литературном отношении выглядят более солидно (роман Бодельсена был даже переведен на английский).

В Норвегии среди фантастов наиболее известны знакомые и нам Йон Бинг и Тор-Оге Брингсверд, чьи переводы изредка просачивались в журналы и антологии советского периода. А если говорить о фигурах периферийных по отношению к жанру, то это, конечно, Кнуд Фалдбаккен — автор умных утопий-антиутопий.

Но в целом, как и в Швеции, и в Дании, фантастика в Норвегии на сегодняшний день — занятие нескольких сотен человек, включая фэнов. Сами пишут, сами себя читают, критикуют, сами собираются на карликовые «коны» и сами же себе присуждают премии! Сообщаю это без тени иронии — и в более масштабных странах ситуация после известных политических переломов ничем принципиально от «маленьких» скандинавов не отличается, — а лишь для того, чтобы подчеркнуть: вне тесного кружка местных фэнов разглядывать какие-либо следы этой литературы на севере Европы сейчас занятие весьма нелегкое.

Единственным исключением на общем фоне, кажется, смотрится одна Финляндия.

Говорю «кажется», поскольку могу судить лишь по свидетельствам косвенным. Учить финский язык не пожелаю и врагу, а ни одно произведение местных фантастов пока ни на каком другом языке не доступно — вот и приходится читать все в том же «Локусе» об авторах с непроизносимыми фамилиями (Пуккала — из них самая благозвучная), но, судя по отзывам, пишущих много. И нередко пишущих интересно. И, как всегда в период локального расцвета научной фантастики, финские «коны» сегодня — едва ли не самые бурные и шумные во всей Европе. Что для российских фэнов, конечно, загадочно вдвойне: с чего гудеть-то — в стране латентного сухого закона!..

(Продолжение следует)

Новости

«Аэлита» будет жить! — уверяют организаторы ежегодного фестиваля фантастики, который уже много лет проводится в Екатеринбурге. Слухи о «кончине» оказались преувеличенными, а предшествующая пауза в проведении «Аэлиты» — не повод для пессимизма.

В этом году премия «Аэлита», которая присуждается лучшему писателю года, была вручена Киру Булычеву. Премию «Старт» за лучший дебют получил Андрей Валентинов. Премию В. Бугрова за вклад в развитие фантастиковедения вручили (заочно) Вл. Гакову. Иллюстратор Евгения Стерлигова получила премию И. Ефремова за вклад в издание фантастики.

Участники единодушно отмечали тот факт, что без титанических усилий исследователя фантастики Игоря Халымбаджи нынешняя «Аэлита» вряд ли состоялась бы.

Звездные войны продолжаются не только на экране. Издательство «Бэнтам букс», откупившее у лукасовской империи право продолжить приключения Люка Скайуокера, Хана Соло и прочих героев саги в оригинальных книжках, объявила о новых условиях заключения контракта с авторами. Отныне — никаких «роялти», составляющих 2%. Зато выше стал гонорар–аванс. Многих авторов эти новшества не устраивают. Однако издательство ссылается на Лукаса, поднявшего свой процент («отступные», которые издательство платит за эксплуатацию популярных персонажей) с 15 до 18%. Предстоит выяснение отношений. Кто же кино снимать будет?

Миграция российских писателей продолжается: из относительно достоверных источников стало известно, что красноярский фантаст Андрей Лазарчук намерен переселиться в Санкт–Петербург. Отчетливо прослеживаются тенденции концентрации писателей вблизи крупных издательских центров, каковыми являются Москва и Санкт–Петербург.

Проданы права на экранизацию поздней вещи Ф. Дика «A Scanner Darkly» («Помутнение»). Также проданы права на роман–бестселлер

недавно скончавшегося астронома и писателя-популяризатора Карла Сагана «Контакт», а на главную роль в этом фильме приглашена Джоди Фостер.

Новый роман

известного рижского писателя Сергея Иванова «Мертвый разлив» в ближайшее время выходит в одном московском издательстве.

И вправду стала бабушкой

признанная «бабушка современной фэнтези» — Мэрион Зиммер Брэдли. Причем, впервые в жизни, что удивительно, учитывая почтенный возраст Первой Дамы Дарковера (писательница родилась в 1930 году).

Интернет шагает по планете

и дошел до российских издателей фантастики. Свои «страницы» в Интернете открыли издательство «Terra Fantastica» (Санкт-Петербург) и журнал «Если» (Москва).

Июньский номер «Локуса»

посвящен «сводному темплану издательств» на конец этого года — начало следующего. Издатель «Локуса», Чарлз Браун, комментирует этот список: «Создается впечатление, что издательский бум выдыхается — каждый год наши списки ожидаемого становятся на 10% тоньше, зато список «ожидаемых книг избранных авторов» почти не меняется по величине. Хотелось бы думать, что это расхождение — результат уменьшения в планах издательств откровенной макулатуры. Если это правда, тогда с нетерпением ожидаем еще десятипроцентного падения и в следующем году».

В июне 1997-го объявлены выходящими в ближайшие полгода новые романы Пола Андерсона («Война богов»), Грегори Бенфорда («Косм»), Грега Бира («Лето динозавров»), Дэвида Брина («Темные дела»), Мэрион Зиммер Брэдли («Благодарность королей» и «Дама Авалона»), Курта Воннегута («Времетрясение»), Орсона Скотта Карда («Остов дома»), Вонды Макинтайр («Луна и Солнце»), Энн Маккефри («Мастер арф Перна»), покойного Уолтера Миллера «в соавторстве с Терри Биссоном» («Святой Лейбовиц и Женщина на дикой лошади»), Фредерика Пола («Осада Вечности»), Конни Уиллис («Не говоря о собаке») и Джо Холдемана («Вечный мир»), а также сборник Рэя Брэдбери «Вождение вслепую».

Агентство «F-Press»

В обзоре использованы материалы журнала «Locus»

Александр ВОЛКОВ

ПРИШЕЛЕЦ

Санкт-Петербург: Азбука, 1997. — 525 с. (Серия «Fantasy»). 20 000 экз. (п)

Роман А. Волкова «Пришелец» вызывает смешанные чувства. Приключения охотников на мамонтов, живущих, судя по началу романа, в каменном веке — Эрниха и его соплеменников, — поначалу воспринимаются как добротный фэнтезийный триллер. Но по мере перемещения героев в пространстве начинается их движение во времени. Надо отметить, что этот момент автором прописан очень тонко, даже слишком тонко. Неподготовленного читателя могут неприятно поразить своей немотивированностью встречи героя с мореплавателем по имени Норман, а затем и с неким «падре». Странно звучат некоторые диалоги персонажей, и только когда дело доходит до плавания героев к берегам Америки времен конкистадоров, понимаешь, что автором так и было задумано. С одной стороны — лихо закрученный сюжет, плотная, даже несколько «перенасыщенная» проза, погружение в вечные проблемы человеческого бытия, а с другой — местами затянутое повествование, композиционная дисгармония. Может сложиться впечатление, что автор вплел в канву романа старые заготовки: стыковка отдельных фрагментов романа порой весьма шероховата. А то, что автор наделил главных действующих лиц — Эрниха и Гильда — паранормальными, магическими способностями, снижает уровень сопереживания. Ко всему еще время от времени, например, когда падре начинает вещать как современный ученый, возникает подозрение: а не завершится ли роман в духе «виртуальной прозы» и не окажутся ли все эти терзания плоти и блуждания духа очередной фантоматикой? К чести автора надо сказать, что он избежал этой ловушки. Правда, попал в другую. Две странички эпилога, словно дописанные автором по просьбе редактора «для понятности», немного обесценивают мучительные поиски персонажей.

И еще возникает такое подозрение, что автор хотел сразу ответить на множество «проклятых вопросов», что вполне в духе российской литературной традиции. Но для притчи объем романа оказался слишком велик, сюжет — чрезмерно запутанным, а элемент иносказания — неадекватным содержанию.

Тем не менее добротная художественная проза этого произведения делает его вполне достойным внимания читателей.

Олег Добров

Уолтер Джон УИЛЬЯМС

КОРАБЛЬ БЕГЛЕЦОВ

Смоленск: Русич, 1997. — 496 с. Пер. с англ. Ю.Гольдберга — (Серия «Сокровищница боевой фантастики и приключений»). 11 000 экз. (п)

Действие романа разворачивается в далеком будущем. Человечество, рассеянное по звездам, космические торговцы, гигантские монополии, безжалостная конкуренция всех со всеми... Словом, модель либеральной экономики дальнего прицела — вполне в духе Хайнлайна или Азимова. В этом безжалостном мире трудно выжить каждому, но особенно нелегко приходится главным героям, брату и сестре, после смерти отца-неудачника. В наследство им достался старый корабль, да и его вот-вот реквизируют за долги. Но упорство, деловая смекалка и немного везения — вот ключ к успеху!

Случись все это во времена «исторические» — перед нами оказалась бы еще одна история предпринимательского успеха, каковых, собственно говоря, имеется превеликое множество с тех пор, как человек изобрел деньги. Но фантастический ингредиент отнюдь не вредит роману, наоборот, показывает, что человеческая предприимчивость безгранична даже на просторах галактики. Следить за ухищрениями Юби — одно удовольствие. Книга читается как похождения трикстера — героя плутовских романов. Но когда во имя успеха — да чего там, попросту наживы! — он фактически отдает свою сестру Марию на утеху конкурентам, акценты произведения смещаются. Да, «бедным сироткам» удается немного помочь своему счастью и не только монополизировать торговлю с чужим разумом, но и «разобраться» со своими конкурентами. Однако контакт с «унитарным» разумом влияет на сознание Юби, и финальные победные аккорды настораживают. Герой-победитель чем-то становится похож на корабль-организм, с которым он заключил сделку. Откровенно фрейдистские аллюзии не заглушают тривиальную мораль автора, исходящую, по всей видимости, из знаменитого тезиса Маркса о процентах прибыли и капитале, готовом на все.

«Корабль беглецов», несмотря на традиционный для научной фантастики антураж, вполне может занять место на книжной полке рядом с такими книгами, как «Банкир» Л.Уоллера или мемуарами Ли Якокки.

Олег Добров

Вячеслав РЫБАКОВ

ТРУДНО СТАТЬ БОГОМ

Москва — Санкт-Петербург: АСТ — Terra Fantastica, 1997. — 544 с. (Серия «Вертикаль»). 10 000 экз. (п)

В отличие от книг не всегда популярных, но неизменно плодовитых авторов, новые произведения петербуржца Вячеслава Рыбакова появляются очень редко. Настолько редко, что даже повесть «Трудно стать Богом», написанная для антологии «Время учеников» в серии «Миры братьев Стругацких» и перепечатанная в настоящем авторском сборнике, уже воспринимается как заметное и самостоятельное событие в мире фантастики. Продолжая ход мысли Учителей («За миллиард лет до конца света»), Рыбаков создает «самодостаточный» текст.

Но речь о другом, уже чисто «рыбаковском», романе, включенном в книгу, — «Человек напротив». Это продолжение знаменитого «Очага на башне», давнего произведения автора, написанного в середине восьмидесятых и впервые опубликованного в 1990 году. Но если тогда братья Стругацкие в послесловии к книге одним из главных ее достоинств увидели обращенность к человеку, его переживаниям и эмоциям, к «микротрясениям» социума, то новый роман Вячеслава Рыбакова подобной характеристике не поддается. Впрочем, как и массе остальных суждений, применимых к фантастике.

Можно, конечно, начать с самого интригующего — с момента, когда в тюремной камере, где коротает свое пожизненное заключение бывший российский президент, вдруг материализуется некий человек и предлагает переиграть историю заново. Можно добавить еще, что человек этот — старый наш знакомый, главный герой «Очага на башне» Андрей Симагин. Ставший-таки, вопреки названию первой повести, богом — и еще острее осознавший свое бессилие изменить людей и помочь им. Или точнее: осознавший невероятную трудность этой задачи. Даже для того, кто стал практически всемогущим, ибо всемогущему, в полном соответствии с известным парадоксом Саваофа Бааловича Одина, во сто крат сложнее решиться на конкретное, пусть даже самое доброе деяние — слишком хорошо он может представить и просчитать все вероятные последствия оного...

Словом: приписывайте роман к любому жанру. Например, к «альтернативной истории», или к фантастическому детективу, ибо есть на его страницах и жуткие убий-

ства, и следователи КГБ, или к мистике, поскольку действуют в произведении «потусторонние» силы. Есть опять же откровенные аллюзии творчества Стругацких, да и не одних Стругацких. Есть любовь, есть добро и зло, причем, не только с заглавных букв. Есть вечная для Рыбакова проблема нравственного выбора, но есть и многое, что в последнее время было для него не особенно типичным. Например, конец, который можно даже без особой натяжки назвать счастливым — и притом безо всякой фальши. Даже наоборот, как ни странно, в этой стране, в это время и в этой книге этого автора подобная концовка выглядит вполне естественной. Поскольку, если ласка, любовь и доброта не способны в конце концов сделать мир лучше — тогда зачем же им существовать на свете?

Владислав Гончаров

Йен УОТСОН

ИНКВИЗИТОРЫ КОСМОСА

Смоленск: Русич, 1997. — 384 с. Пер. с англ. Т. Замиловой — (Серия «Сокровищница боевой фантастики и приключений»). 11 000 экз. (п)

Вот самый простой рецепт изготовления фантастического боевика: время действия — как можно «дальше», этак сороковое или, еще лучше, сорок первое тысячелетие; место — Вселенная и ее окрестности; действующие лица — супермены, побеждающие злодеев суперсилой своих супермышц, не отрицая, впрочем, супероружия, в том числе и боевых роботов (хотя они из иного блюда). Добавить пряности по вкусу — казармы превратить в звездный монастырь, сержантов в аббатов, и вперед знамена! Впрочем, стоп, сержант и в монастыре сержант, отставить аббатов! Выдержать до готовности и подать на стол роман «Инквизиторы космоса».

История трех заклятых друзей, попавших в космическую крепость братства Имперских Кулаков, могла бы стать очередной поделкой на тему «пиф-паф-бум-трах». Собственно, таковой она и является. Но какие-то отдельные детали мешают отнести это произведение в разряд откровенной халтуры. Во-первых, долгое и подробное описание биотехнологии превращения шпановатых парней в суперменов выглядит тонкой пародией на известную сагу Р.Олдриджа («Контракт на Фараоне», «Машина-Орфей»). Во-вторых, псевдорелигиозный ас-

пект романа и в особенности культ Рогала Дорна ассоциируется с малоизвестным у нас Перри Роданом, героем западногерманской фантастики пятидесятых годов. Очевидно, автор пытался создать многослойный роман, в котором есть место и пародии, и насмешке, и литературным реминисценциям. Возможно, воспринять всю его глубину нам помешало качество перевода. Но поверить, что это произведение создано интеллектуалом Уотсоном нелегко. Очень трудно. Практически невозможно.

Павел Лачев

Андрей ВАЛЕНТИНОВ

ТЫ, УСТАВШИЙ НЕНАВИДЕТЬ

МНЕ НЕ БОЛЬНО

ОРФЕЙ И НИКА

Москва — Санкт-Петербург: АСТ — Terra Fantastica, 1997. — 464 + 464 + 464 сс. (Серия «Око Силы», Вторая трилогия эпопеи). По 11 000 экз. (п)

Так уж получилось, что в мировой литературе давно сформировались довольно стойкие стереотипы, связанные с обобщенным восприятием тех или иных исторических периодов. Мрачное европейское Средневековье, пышная и праздная Франция эпохи Возрождения, холодная и чопорная викторианская Англия... Со временем общественное представление об эпохе костенеет, превращаясь в нечто неподвижное, застывшее. Трудно сказать, «работает» ли новая трилогия из историко-фантастической эпопеи Андрея Валентинова «Око Силы», действие которой разворачивается в 1937 — 1938 годах, на разрушение стереотипа, или же на создание нового, но уже сам факт участившегося обращения писателей-фантастов к тем событиям отечественной истории говорит о многом.

В первой трилогии, охватывающей период с 1920-го по 1921 год, главный предмет исследования — эволюция взглядов двух человек, принадлежащих к враждебным лагерям, но постепенно постигающих природу сил, втянувших страну в хаос гражданской войны. В отличие от капитана Арцеулова и красного командира Косухина, герои новых романов эпопеи с самого начала осознают противоестественность ситуации, сложившейся в стране, — независимо от того, являются ли они сотрудниками НКВД или же членами подпольной организации. Естественно, автор постарался несколько облагородить своих «энкавэдэшников», бросив их на борьбу с реальными

врагами и шпионами, которых в те годы хватало. Однако Валентинов не скрывает, что его герои осведомлены о безосновательности и незаконности массовых репрессий. Но для того, чтобы прямо противопоставить себя гигантскому Молоху госаппарата, одного знания мало. Нужен дополнительный толчок. Подобным толчком и становятся для старшего лейтенанта Сергея Пустельги события, последовавшие за встречей со странным краснолицым комбригом по фамилии Волков...

Рассказывая о событиях тех трагических и страшных лет, автор захотел остаться беспристрастным и не начал сдавать все карты в руки одной из сторон. Несмотря на вполне законное искушение выставить палачами и подонками всех «бойцов невидимого фронта», Валентинов пытается не следовать конъюнктуре. Главный же недостаток трилогии заключается, как мне кажется, в отсутствии четко проработанного финала. Слишком много колоритных, хорошо прописанных сюжетных линий обрывается в пустоту. В финальном эпизоде, который, вероятно, должен был сыграть роль своеобразного апогея, высшей точки трилогии, сходится воедино только некоторая часть из них. Если в предыдущих книгах «Ока Силы» сюжет в целом был доведен автором до финала, то здесь этого не произошло. Несмотря на всю эмоциональную насыщенность, заключительный эпизод доводит до логического конца только одну, отнюдь не самую главную сюжетную линию. Впрочем, историко-фантастическая эпопея «Око Силы» на этих книгах отнюдь не заканчивается. Вероятно, в следующем трехтомнике автор коснется тех событий, что остались за рамками трилогии «номер два», и на сей раз уже ничто не ускользнет от его бдительного взора.

Василий Владимирский

Роберт ДЖОРДАН

ВОСХОДЯЩАЯ ТЕНЬ

В трех томах

Фэнтези пишут все. Ныне фэнтези стало индустрией, причем гораздо менее зависящей от качества сырья (то бишь собственно рукописей), чем, допустим, производство детектива или НФ. Фантасту все же приходится придумывать хоть какие-то оригинальные реалии, создателю детективов — более или менее грамотно запу-

Москва — Санкт-Петербург: АСТ — Terra Fantastica, 1997 . — 528 + 512 + 496 сс. Пер. с англ. — (Серия «Век дракона»). По 10 000 экз. (п)

тать, а потом распутать расследование. А здесь полный простор. Все уже придумано — драконы, эльфы, гномы, маги и колдуны, много-много бряцания мечей и всякого прочего звона по вкусу. Герой проходит по миру и в произвольном порядке истребляет нечисть, вступая по пути в необязательные беседы со встречными. Спасать и любить прекрасную принцессу нет необходимости. Разбираться в механизме действия магии не нужно: герой либо наблюдает за действиями хмурого неразговорчивого колдуна, либо, обнаружив в самом себе магические способности, пользуется ими направо и налево, не имея (вместе с автором) ни малейшего понятия, каким именно образом он это делает.

Внешне джордановский цикл можно отнести к тому же разряду. Но кое-что смущает. Например, толкиновская проработанность бытовых реалий. Точная психологическая мотивировка поступков. А главное — красочность и оригинальность сложного и запутанного мира. Правда, сам этот мир, со страхом и надеждой ожидающий появления Возрожденного Дракона, реинкарнации великого героя, спасителя и губителя, мир, где регулярно возникают самозванцы-Лжедраконы, где есть и таинственный пустынный народ Айил, беспощадные воины в черных вуалях, не прикасающиеся к мечу, и странное цыганообразное племя кочевников-пацифистов Туата'ан — этот мир существует как бы вне пространства и времени, единственно по воле автора.

И вдруг картина разительным образом меняется. Обнаруживается связь и единство случайных — как казалось прежде — предметов и явлений, детали выстраиваются в ряд, обретая свой подлинный смысл в составе очень сложной, но стройной и непротиворечивой системы.

Ситуация действительно редкая. Как правило, последующие тома, разнообразные продолжения и дополнения бывают значительно хуже исходного текста. Но Джордан сделал почти невозможное — финальная часть эпопеи не хуже предыдущих. Можно только восхититься мужеством, с которым г-н Джордан пошел на написание многотомного вступления к основным событиям, которые только начинают разворачиваться, сам рискуя заблу-

диться в подробностях придуманного мира и утомить читателя. Жаль только, что повторить этот подвиг будет доступно очень немногим.

Демьян Садов

Тимоти ЗАН

ЗАВЕТ ЗАХВАТЧИКА

Смоленск: Русич, 1997. — 544 с. Пер. с англ. О. Разумовского — (Серия «Сокровищница боевой фантастики и приключений»). 11 000 экз. (п)

О вкусах трудно, да и бессмысленно спорить. Рецензент может считать, что автор откровенно издевается над читателем, а любитель остросюжетной фантастики имеет полное право смело плевать на мнение рецензента и упиваться очередными перипетиями войны людей и жирижей в очередном томе сериала.

К достоинству автора надо сказать, что он создал не лишенную остроумия систему взаимоотношений людей и «чужих», построенную на досадном недоразумении. Действительно, из какой мелочи может разгореться долгий и кровопролитный конфликт — было бы желание! Но с трудом верится, что изощренная культура жирижей, основанная на бытовой эксплуатации «жизни после смерти», будет до отвращения напоминать человеческое сообщество со всем набором его недостатков. Цель автора ясна и задачи вполне понятны, но такое лобовое морализаторство вызывает раздражение. Ко всему еще именно в этой книге чувствуется «усталость» автора — диалоги корявые, событийный ряд вымучен, повествование растянуто, фабула в лучшем случае на рассказ. Впрочем, не будем злобствовать, роман не хуже множества подобных изданий.

Павел Лачев

Сергей КОСТИН

ВАРРКАН

Смоленск: Русич, 1997. — 428 с. (Серия «Иные миры»). 10 000 экз. (п)

Хорошо в России американскому фантасту: будь ты не то что негром преклонных годов, а клиническим идиотом, размазывающим по страницам сопли вперемешку с бессмысленным набором слов, все тебе простит читатель, все спишет на халтурщиков–переводчиков.

Плохо в России фантасту русскому. Ведь за каждую фразу типа «укрытое за толстыми костями, сердце оказалось надежно защищено костями» приходится держать ответ самому.

А что, собственно, изощряться: технология подобных

фэнтезийных псевдобоевиков известна. Автомобильная катастрофа, герой переносится в иной мир, воплощается, естественно, в воина сурового и могучего, покрошив нечисти видимо-невидимо. Если противник человек, то «я носком правой ноги встретил его наглую рожу. Это был отличный удар. Мой старый сержант остался бы доволен». Ежели нечисть, то «меч продолжал исправно крушить тела нападавших. Не было слышно звука рассекаемого воздуха, одно скольжение по неживому мясу. Не существовало ничего, кроме бойни. Отдельные тела смешались в однообразную массу, тянущую ко мне мохнатые отростки. Мне оставалось только отсекать эти чужеродные предметы». И вот герой, завоевав любовь расколдованной принцессы, может с чувством выполненного долга возвращаться домой. Принцессу, правда, прихватить не удается — но надо же оставить место для продолжения. А читатель все съест, да еще добавки попросит.

Плохо в России читателю. Хотя... Кто его, читателя, знает. Может, и правда, съест?

Демьян Садов

THE ENCYCLOPEDIA OF FANTASY (Энциклопедия фэнтези)

Лондон — Нью-Йорк, 1997. — 1049 с. На англ. под ред. Джона Клюта и Джона Гранта

Свершилось! Мало Клюту было его могучей Энциклопедии научной фантастики (из «отходов» которой, в основном, иллюстративных, вышел еще и прекрасный альбом, и CD-ROM), так он, неугомонный, решил окончательно и единолично закрыть тему, выпустив почти столь же объемный «кирпич».

После того как первое чувство восхищения и доброй зависти прошло, я принялся перелистывать «томину» и вот что заприметил. Пока бегло, навскидку.

Что касается солидности и организации гигантского материала, то на ближайший Worldcon другие претенденты на «Хьюго» по номинации non-fiction могут отдыхать.

Другое дело — охват и критерии. Тут не все так однозначно. С самого начала можно было догадаться, что это — энциклопедия не только фэнтези (произведений одного этого жанра при всем желании столько

не наберешь, да и пересечения с первым томом должны были бы задавить); скорее, можно говорить об Энциклопедии Всего, Что Можно Назвать Фантастикой (кроме научной). Готика, магический реализм, литературные сны и видения, аллегории, мифология, сюрреализм, литература о сверхъестественном, «ужастики» — даже итальянская commedia dell'arte! И все это не только в литературе, но и в живописи, музыке, кино, театре.

С «культуртрегерской» точки зрения это блестящая находка: пусть читатель-фэн узнает о том, что фантастика (в данном случае именно так следует переводить помещенный в заголовок Энциклопедии термин) — это не только серии однотипных и не блещущих фантазией романов. И все же, мне кажется, авторы несколько переборщили: собственно жанр фэнтези почти утонул в этих фонтанах эрудиции.

Сами эти фонтаны бьют мощно, но случаются и перебои. Есть обзоры польской, чешской даже литовской и латвийской фантастических литератур, но отсутствует... правильно! У нас ведь, как известно, ничего нет — ни секса, ни фантазии (хорошо хоть, не забыли о Гоголе, А.К.Толстом, Булгакове...). Впрочем, это скорее самокритика (ведь предлагали написать про отечественную фантастику, да свалял дурака, замотался — одних статей в «Если» вон сколько заказано!). И вообще, давно ли я сам-то отбивался от тех же нападок фразами типа: «Сами б написали, если такие умные!»

Поэтому, если честно и не бурча по пустякам: завидно. Кому, как не мне, знать, чего это стоило; поэтому остается порадоваться за Клюта: его книга переживет всех своих критиков.

Вл. Гаков

Опубликована в «Если» № 3, 1997 г. Репрезентативная группа для журнала составляет 392 человека*. Получено 511 откликов из всех регионов России, 52 письма из Белоруссии и Украины.

Здравствуй, наш друг и читатель. Просим извинить за затянувшееся молчание, но попыток написать твой портрет оказалось столь много, что редакции пришлось приглашать специалиста. В роли портретиста выступил статистик. И, признаемся, нам очень понравилось произведение. На картине ты полон сил и энергии. Хотя во всем твоем облике видны следы жизненного опыта, ты еще молод: 25 — 30 лет. В глазах читается напряженная работа мысли — результат прочитанных книг, обширной эрудиции и высшего образования, которое, как известно, бесследно не проходит. За окном твоего кабинета виден индустриальный пейзаж, примета крупного города.

Кажется, наш читатель получился уж очень плакатным. Скажем спасибо портретисту и попытаемся оживить полотно.

Да, «Если» — сугубо мужской журнал (76% аудитории), но что это значит? Это значит, что прекрасная половина человечества делегировала своих лучших представительниц для того, чтобы они сумели полюбить и понять этот жанр, и мы просто обязаны учитывать их интересы при подготовке номеров.

Да, «Если» рассчитан на людей с жизненным опытом и позицией, людей, способных конструировать мир (91% читателей в возрасте от 20 до 60 лет, из них 57% в возрасте от 20 до 35 лет), но честь и хвала тем юным любителям фантастики (8,7%), которым близки произведения, публикуемые в журнале.

Горе тем маловерам и нытикам (см. «Круглый стол» издателей в «Если» № 9, 1997 г.), которые полагают, что аудитория любителей фантастики «размыта» неразборчивыми обывателями, жаждущими легковесного чтива. Судя по анкетам, 65% читателей «Если» либо уже имеют высшее образование, либо учатся в ВУЗах. Большинство (42%) получили высшее техническое образо-

** Согласно статистике, данная цифра свидетельствует о репрезентативности выборки, исходя из заявленного тиража «Если». И хотя читателей журнала, как выяснилось, существенно больше, количество поступивших в редакцию ответов репрезентативно для всей аудитории.*

вание, еще 8% — техническое среднее специальное. Гуманитариев среди поклонников НФ оказалось 17%, а далее, как ни странно, идут юристы, которых пришлось даже выделить в отдельную группу, — 10% (видимо, фантастика — хороший инструмент для того, чтобы эффективно вести расследование или защищать человека). Врачи, психологи, биологи претендуют на 9%. Оставшиеся проценты поделили между собой люди самых различных профессий: от менеджера до зверолова.

Благодаря анкетированию редакция смогла воочию убедиться, насколько же обширна география поклонников журнала. Порой приходилось прибегать к помощи атласа, чтобы уяснить, откуда прилетело очередное письмо. Тем не менее основная часть читателей — горожане. Лишь 22% ответивших на анкету живут в сельской местности, к которой мы под свою ответственность приравняли и малые города.

Но где бы ни жил наш читатель, чем бы ни занимался, какие бы удары судьбы ни испытывал, его отличает одно: он любит и ценит хорошую фантастику. И прежде всего НФ (или SF — кому как нравится). Тут можно долго спорить, отражает ли наша анкета общее «состояние умов», или за шесть лет мы сформировали свою аудиторию, ориентированную, как и журнал в целом, прежде всего на научную фантастику. Словом, что было раньше: курица или яйцо?.. Но факт остается фактом: большинство наших читателей готово воспринимать фэнтези (7% аудитории вообще против этого направления), но дозировано — их вполне устраивает один «фэнтезийный» номер «Если» в полугодие. И категорически не устраивает засилье мечей и заклятий на прилавках книжных магазинов, вытесняющее НФ на периферию жанра.

Кстати, из названных нами девяти наиболее популярных направлений в фантастике (как вы понимаете, в достаточной мере условных) последнее место прочно заняли утопия и антиутопия. Видимо, в первую наши читатели уже не верят, а последней им вполне хватает в реальной жизни.

Однако, в конце концов, важно не направление, а Художник. О первой пятерке наиболее запомнившихся произведений мы уже писали в журнале (см. «Если» № 9, 1997 г.), а теперь назовем имена тех, кого любители фантастики желают видеть на страницах журнала. Надо сказать, что наши читатели проявили немыслимую эрудицию, упомянув в числе желаемых авторов 146 зарубежных фантастов и 64 отечественных! Зарубежных, приложив немалые усилия, мы смогли вспомнить всех, а вот о некоторых российских, упомянутых в анкетах, не смогли сказать ни слова даже наши рецензенты.

Но уж зато «золотая десятка» известна любому поклоннику НФ! Читатели требуют от журнала публикации новых произведений Г. Гаррисона, У. Ле Гуин,

Р. Хайнлайна, К. Саймака, Р. Желязны, Ф. Дика, С. Лема, А. Азимова, П. Андерсона, Р. Шекли.

Нет, как хотите, а статистика — мудрая наука. Она абсолютно точно и упрямо показывает, что «Золотой век НФ» недаром заслужил такое название: все великолепие фантастики, все роскошество идей и буйство фантазии, высокий уровень мастерства и прозрачность авторской позиции — все это осталось там, в «Золотом веке»... Ну, добавим еще и «Новую Волну».

Хотя, надо заметить, что, отвечая на вопрос о соотношении классики жанра и новейшей прозы, читатели распределили свои голоса поровну: 16,2% за новую фантастику, 15,8% — за классику. Итог подвело большинство: 68% читателей устраивает пропорция, существующая в журнале.

К сожалению, «золотой запас» с каждым годом становится все меньше. Многие из тех писателей, кого вы хотели бы видеть на страницах журнала, ушли из жизни, и все их произведения уже изданы на русском языке в разных переводах и многотысячными тиражами. Благодаря поистине миссионерской деятельности издательства «Полярис» к российскому читателю пришли практически все произведения Андерсона, Азимова, Ле Гуин, Шекли, Саймака, Желязны, Хайнлайна, а собрание сочинений Лема выпустило издательство «Текст». Эти авторы были широко представлены на страницах «Если» до той поры, пока хоть какая-то часть их работ оставалась неизвестна отечественной аудитории. По счастью, У. Ле Гуин, П. Андерсон, Г. Гаррисон, С. Лем еще в строю, и мы обязательно опубликуем их новые вещи, когда они выйдут из-под пера мастеров. Из всей «золотой десятки» не опубликованные на русском языке произведения остались только у Филипа Дика, и мы постараемся продолжить знакомство наших читателей с великим художником.

И, естественно, мы обещаем напечатать произведения тех авторов, которые, по мысли нашей аудитории, составляют ныне авангард НФ — Г. Бира, Р. Силверберга (опять ветераны!), Г. Тартлдава, Д. Брина, Д. Симмонса, О.С. Карда, М. Суэнвика, Д. Мартина, С. Дональдсона и других, набравших по результатам анкетирования высокий рейтинг.

А теперь о тех российских фантастах, которые вошли в первую десятку. По мнению читателей журнала, это Кир Булычев, А. Столяров, С. Витицкий, Е. Лукин, А. Лазарчук, С. Логинов, В. Рыбаков, В. Головачев, Э. Геворкян, С. Лукьяненко (имена публикуются в порядке читательского рейтинга). Но здесь мы с грустью должны сообщить, что твердо ничего обещать не можем. С большинством названных авторов, как и с другими российскими «звездами», существует договоренность, что новые рассказы и повести предоставляются в первую очередь журналу «Если». Но суть проблемы как раз в том, что ни повестей, ни

тем более рассказов современные отечественные фантасты не пишут! Мы не раз на страницах журнала сообщали о том, что «малая форма» практически исчезла с литературной сцены. Время и силы отданы объемным, многостраничным романам, поместить которые журнал не в состоянии — 21% читателей категорически против публикации романов с продолжением и 53% считают, что это можно делать крайне редко. Кстати, такое же отношение и к сериалам одного автора: «нет» сказали 28%, «в исключительных случаях» — 43% (причем, многие оговорились, что имеют в виду лишь сериал Г. Гаррисона о Стальной Крысе).

Но один факт радует. Помните вопрос анкеты о том, какое соотношение между публикациями российских и зарубежных авторов следует соблюдать журналу? Нет, пока еще большинство любителей фантастики предпочитает зарубежную литературу (67,2%), но уже почти треть (31,2%) хотела бы установить примерный паритет, а есть читатели (1,6%), которые вообще предлагают изменить соотношение на противоположное. Мы, к сожалению, не проводили подобное анкетирование два или три года назад, но если вспомнить читательскую почту тех лет, то можно убедиться, что число поклонников российской НФ было существенно меньше.

Анкета показала, как чисто литературные вопросы выводят на «болевые точки» и вполне житейские проблемы. Например, абсолютной неожиданностью для нас оказался ответ на вопрос: какие рубрики, помимо прозы, привлекают читателей в первую очередь? Здесь бесспорным лидером стала служебная рубрика, которая до некоторых пор и в оглавлении не присутствовала, — рецензии. Суть же в том, что читатель, получающий информацию о фантастике в основном со страниц журнала (86%), относится к этой рубрике сугубо утилитарно. А как иначе, если вы, по счастью, не крутой воротила и предпочитаете хорошую книгу «новорусским забавам», но, к сожалению, свободных средств у вас тысяч 40 — 50 в месяц? То есть, на две–три книги. В этой ситуации очень не хочется выкидывать деньги на макулатуру... Понятно, что 60% читателей просят увеличить число рецензий. Как вы, наверное, заметили, эту просьбу мы уже выполнили: с нынешнего полугодия число рецензий увеличилось вдвое.

Любители фантастики с энтузиазмом восприняли появление в «Если» цветной вкладки — раздела «Видеодром». Здесь лидируют рубрики «Адепты жанра», «Тема» и опять–таки «Рецензии».

Практически все читатели выделяют рубрику «Personalia» как удобный инструментарий для лучшего понимания творчества автора, чье произведение опубликовано в номере. Большой популярностью в разделе «Критика» пользу-

ются исторические очерки и литературные портреты.

В разделе «Публицистика» приоритеты отданы научно-популярным материалам. Наибольший интерес у читателей вызывают статьи на тему психологии, информатики, науки и техники (в основном, материалы, помещенные в рубрике «Факты»), медицины и философии. На последнем месте оказалась политика, что, конечно же, не означает полной аполитичности наших читателей, просто, устав от политических баталий на страницах других изданий, читатели не желают видеть их в своем журнале.

А вообще «Если» остался той исчезающей с лица Земли территорией, где еще сохранился странный и редкий подвид homo sapiens — «Человек Читающий». Наш подписчик покупает в среднем 3 — 4 книги в месяц (хотелось бы больше, отмечают многие, но не позволяют финансы). На выбор книги оказывает влияние прежде всего имя автора, а далее в порядке убывания — прочитанная рецензия, реклама, цена, марка издательства, название серии, совет друзей. Оформление — вот уж неожиданность для издателей! — оказалось на последнем месте.

Благодаря анкете мы теперь знаем истинное число наших читателей. Оказывается, коэффициент оборачиваемости одного номера (есть такой специальный термин) — 3,3, то есть один экземпляр «Если» читают три-четыре человека. Так что у нас около 70 тысяч читателей, а не 20, как мы полагали раньше. Причем, основной массив читателей журнала — подписчики, которые либо выписывают «Если» в складчину, либо в силу благородства души просто дают его друзьям и знакомым. Отсюда, кстати, претензии к полиграфии: «Журнал возвращается потрепанным». Но, дорогие друзья, четвертого чтения не выдержит ни один литературный журнал мира: самые высокие технологии печати периодических изданий к подобному повороту событий пока не готовы. Из остальных претензий: глянцевая бумага, которая бликует (уже заменена на «тонированную»), случаи полиграфического брака — перепутаны тетрадки, а также пропажа журнала на почте. По поводу полиграфического брака вам немедленно следует обратиться к издательству ОАО «Любимая книга», выпускающему журнал (Адрес: Москва, 125057, а/я 28, отдел распространения). А взаимоотношения с почтовым отделением вы можете решить с помощью Агентства подписки и розницы, экспедирующего журнал (Москва, 103009, Страстной бульвар, д. 4, офис 94, АПР).

В целом же подавляющее большинство читателей (91,7%) одобряют новый формат и оформление журнала.

Конечно, нам важно мнение каждого читателя, и 8% «неодобряющих» — для нас серьезная цифра. Можем сказать им лишь одно: друзья, журнал

прежнего формата, печатавшийся в типографии «Московская правда», в принципе не мог увеличить объем в силу технологических причин (да и качество печати, заметим, было гораздо ниже). Теперь же вы получаете журнал в полтора раза большего объема практически за ту же цену. Подумайте, не есть ли это достаточная компенсация вашей привязанности к прежнему формату?..

Правда, немало ответивших на анкету предлагают «не останавливаться на достигнутом» и еще больше увеличить объем журнала. И только три читателя, вспомнив закон Ломоносова — Лавуазье, добавляют: «Естественно, с увеличением подписной цены». Остальные деликатно обходят этот вопрос. Будем откровенны: уже сейчас стоимость подписки, помноженная на тираж, не окупает расходов по подготовке журнала. Вот они, искомые три «среднестатистических» читателя на один экземпляр «Если», которые предпочитают любить журнал бескорыстно, забирая его у друзей и знакомых. А ведь подписная стоимость «Если» и так невысока — сравните ее с аналогичными изданиями по каталогу «Подписка-98».

И раз уж мы затронули эту тему, скажем со всей ответственностью: известные НФ-издания мира — и американские «Аналог», «Азимов», «Фэнтези и НФ», «Век научной фантастики», и английская «Интерзона», и французская «Галактика», и немецкая «НФ-Медиа», и польские «Феникс», «Новая фантастика», и чешская «Икария» — все они в авторских листах «тоньше», чем «Если». Так что российские, а также украинские и белорусские читатели могут испытывать чувство законной гордости...

Ну а мы гордимся нашим читателем! И выражаем искреннюю благодарность всем, кто нашел время и силы ответить на вопросы анкеты. Надеемся, вы заметили, что наше обращение было продиктовано отнюдь не академическим интересом: многие ваши предложения и замечания уже реализованы на страницах «Если». Это касается и авторов, и рубрик, и целых разделов. Мы еще не раз будем обращаться к результатам анкетирования, и особенно к последнему пункту «А еще я хочу сказать», который содержит немало вполне конкретных идей, тем и рекомендаций (скажем, рубрика «Вернисаж», ныне открывающая цветную вкладку, выросла из предложений читателей). И, конечно, мы не забудем о том, что большинство читателей «Если» нуждается в общении с такими же поклонниками фантастики — и читающими, и пишущими. Так что уже в ближайших номерах ждите сюрпризов.

Ну что ж, в путь, уважаемые коллеги, ибо теперь вы такие же творцы журнала, как и сотрудники редакции, авторы, художники. Фантазии нам с вами не занимать, а все остальное, даст Бог, приложится.

Редакция «Если»

ВЕБЕР, Дэвид
(WEBER, David)

Дэвид Вебер пришел в фантастику совсем недавно: в 1990 году появился роман «Мятеж», написанный Вебером в соавторстве со Стивом Уайтом. Два последующих произведения, созданные с тем же соавтором, — «Луна мятежников» (1991) и «Крестовый поход» (1992) — были хорошо приняты и читателями, и НФ-прессой, но славы Веберу не прибавили, поскольку он затерялся в тени своего более маститого коллеги. И лишь после выхода в 1996 году его первой самостоятельной повести «Мне еще ехать далеко...» о молодом писателе заговорили всерьез. Более того, критики признали повесть одним из лучших произведений, посвященных разумным боевым машинам, — а ведь эту тему разрабатывали гораздо более именитые авторы...

КЛАРК, Артур
(CLARKE, Arthur C.)

В декабре этого года Артуру Кларку исполнится 80... Что еще можно добавить! Только перечисление сухих фактов займет не одну страницу, каждый факт будет вехой в истории научной фантастики. А что касается эмоций... Вспомните, с каким чувством вы в первый раз прочитали «Конец детства», «Город и звезды», маленький рассказ «Девять миллиардов имен Бога» — или вспомните открывающие и финальные кадры фильма «2001: космическая одиссея» — и снова никакие слова не нужны!

Кларк родился 16 декабря 1917 года, в небольшой деревушке в Англии, окончил школу, был активным фэном и энтузиастом межпланетных сообщений; во время второй мировой войны служил на радарной станции; после войны с отличием окончил колледж и начал свою литературную карьеру с популяризации науки. Писатель неоднократно высказывал сожаление, что вовремя не запатентовал идею космических спутников связи, о которых написал первым... Лауреат нескольких престижных премий за популяризацию науки, почетный доктор американского колледжа, кавалер Ордена Британской империи (интересно, возведет ли королева одного из самых знаменитых британских писателей в рыцари — к юбилею?). Почетный житель Коломбо (Шри-Ланка), где проживает уже несколько десятков лет.

И, конечно, книги. Если говорить о научной фантастике Кларка, то за полвека он написал не так много — меньше сорока книг. Другое дело, что это за книги! Дебютировав в 1946 году рассказами «Амбразура» и «Спасательный отряд», Кларк уже десятилетие спустя был автором двух классических рома-

нов — «Конец детства» и «Город и звезды». Затем, правда, последовали книги фантастики откровенно популяризаторской, — пока, наконец, Кларка не сделал Большим Писателем фильм «2001: космическая одиссея». Правда, успех этот писатель должен по справедливости делить с режиссером Стэнли Кубриком, но литературное переложение сценария (одноименный роман), как и все его продолжения, сделал все-таки Артур Кларк.

Он обласкан премиями и дипломами, его приглашали почетным гостем на самые престижные научные мероприятия (вроде торжеств по случаю высадки американских астронавтов на Луну), к его словам, доносящимся с далекого острова Шри Ланка, прислушиваются как к откровениям пророка, гуру. А выплачиваемые ему авансы манят молодых авторов, как самого писателя — далекие звезды. Словом, как бы ни относиться к тому, что он пишет в последнее время, подобной писательской карьере можно только позавидовать!

САНДЕРС, Уильям
(SANDERS, William)

Американский писатель, автор шестнадцати книг. Однако к фантастике имеют отношение лишь две из них — «Путешествие в Фусанг» и «Необузданный, грустный и седой». Эти произведения близки по жанру к альтернативной истории, но решенной в юмористическом ключе. Сандерс известен своими рассказами, посвященными истории, быту и легендам индейцев племени чероки — некоторые из новелл можно причислить к фэнтези. Рассказы Сандерса дважды публиковались в сборниках «Лучшая фантастика года». «Неизвестный Гамлет», где автор впервые соединил два своих основных мотива — альтернативную историю и описание быта индейцев, — первое произведение, напечатанное в «Asimov's SF».

ХЕЧТ, Джефф
(HECHT, Jeff)

Имя Джеффа Хечта (или, правильнее, Хехта) известно лишь по нескольким публикациям в журналах, в частности, в журнале «Analog» (откуда взят опубликованный в данном номере «Если» рассказ). Дебют молодого американского автора состоялся в середине 1990-х годов — а это слишком короткий срок, чтобы автор как-то «проявился» в энциклопедиях и справочниках...

ХОГАН, Джеймс
(HOGAN, James P.)

Джеймс Патрик Хоган родился в 1941 году в Лондоне, жил в США, а сейчас делит время между Калифорнией и Ирландией. Он получил отличное техническое образование (по специальности авиационный инженер), но, прежде чем стать писателем, ему пришлось поработать и страховым агентом, и продавцом компьютеров — во всем, что касается заработка (и параллельно жизненного опыта), западных фантастов приведерами не назовешь...

Славу Хогану как одному из мастеров «твердой» научной фантастики принесла серия «Эксперимент Минервы», начатая романом-дебютом «Наследие звезд» (1977), а кроме того, одиночные романы — «Машина Творения» (1978), «Код Создателя» (1983) и особенно «Операция «Протей» (1985) — еще одна альтернативная история, в которой победил Гитлер (чему, разумеется, пытается воспрепятствовать команда, посланная из «нашей» истории). Среди последних амбициозных проектов Хогана — серия о «Конце игры», действие которой разворачивается в близком будущем.

ЧАЛКЕР, Джек
(CHALKER, Jack)

Карьера Джека Чалкера в научной фантастике развивалась по проторенному пути: сначала «профессиональный» читатель-фэн, затем фэн-издатель, потом писатель. Единственное различие, пожалуй, состояло в том, что в основанном им издательстве «Мираж пресс» Чалкер издавал не научную фантастику, а литературу по фантастике — критическую, библиографическую и прочую... Родился он в 1944 году, после окончания школы служил в армии сержантом (сначала в ВДВ, а потом в воздушных частях Национальной гвардии), затем окончил престижный на Восточном побережье США Университет Джонса Хопкинса в Балтиморе, преподавал в школе (одновременно английский язык, литературу, историю и географию!). После чего полностью переключился на столь милую его сердцу фантастику.

Дебютировал Чалкер в 1976 году романом «Джунгли звезд». А затем сделал себе имя многочисленными сериалами «твердой» научной фантастики и фэнтези, более интеллигентными, чем у других (и даже не без претензий на философскую и общекультурную глубину), но, увы, такими же бесконечными. За двадцать лет этих серий в активе писателя набралось с десяток: «Война у Колодца», «Корпорация Б.О.Г.», «Четыре властелина бриллианта», «Кольца Повелителя», «Танцующие боги», «Ветры перемен» и другие.

Подготовил Михаил АНДРЕЕВ

ЖЕЛЕЗНАЯ ДАМА СО СТАЛЬНОЙ СОБАЧКОЙ

ВЕРНИСАЖ

До сей поры цветная вкладка нашего журнала была посвящена исключительно кино и видео. Сегодня, по просьбе читателей, которая звучит во многих анкетах, мы открываем новую рубрику — «Вернисаж». Вы уже догадались, о чем пойдет речь? Ну конечно — о фантастической живописи, графике, оформительском искусстве. Исторические корни здесь богатейшие и не уступят литературным: Босх, Брейгель, Сандерс, Дезидерио, Гойя, Дали, Малевич, Поллок, сюрреалисты и символисты, дадаисты и кубофутуристы — всех течений, направлений и имен не перечислить...

Фантазии художникам, работающим в этой области, не занимать. Причем фантазии изобразительной, «вещной», зримой, позволяющей удовлетворить потаенное желание всякого читателя представить воочию миры будущего, далекие планеты, их обитателей. А самое главное — детали, без которых нет законченного визуального образа и веры в реальность повествования. Многие писатели от подробного описания деталей себя освободили — что ж, имеют право: пусть работает воображение читателей. Художникам не в пример тяжелее — ведь нужно придумать одежду, машинерию, пейзажи, бытовые детали, города, средства транспорта — все это футуристическое и инопланетное. А если говорить о фэнтези, то и замки, доспехи, оружие, драконов и иных чудищ, наряды принцесс...

Вот мы и постараемся представить вам на цветных страницах творчество ведущих мастеров. Уже неплохо знакомых у нас «бестселлеристов», чьи иллюстрации нынче встретишь не только на английских и американских оригиналах, но и на обложках отечественных книг. И пока еще не известных у нас художников, причем не только американских или английских.

На современном рынке научно-фантастической иллюстрации, где долгое время вне конкуренции были коммерчески безотказные американцы и англичане, серьезного «бунта на корабле» не предвидится и поныне, однако опасные брожения умов уже начались. За последнее десятилетие-полтора американская, в частности, публика вдруг словно помешалась на иллюстраторах фантастики из неведомых прежде стран — Германии, Испании, Франции! Не оставалась в стороне и хорошо знакомая американцам Страна Тысячи Островов, отметившая победой в бескровной войне товаров и технологий. Мода на японскую hi-fi sci-fi — игрушечные роботы, которыми играют дети всего мира, и японские же фантастические «мультики» — как бы разогрела, подготовила публику к выходу на сцену настоящей звезды.

В такой обстановке на американских книжных прилавках появились первые альбомы талантливого японца по фамилии Сораяма. Он совершенно пленил всех своими живописными... изобретениями — поскольку даже трудно определить, чего в них больше: фантазии художника или выверенного проекта экстравагантного инженера-конструктора. Среди персонажей Сораямы особенно привлекали женщины-роботы — соблазнительные, кокетливые, демонические. Можно еще сказать — блистательные (в смысле скорее прямом, ибо их металлические «формы» отполированы до блеска). А еще японский художник преуспел в таком страшном жанре, как механималистика: достаточно раз увидеть его забавных робокроликов, робопсов, робочерепах и роборыб, чтобы не забыть никогда.

Парадоксальное сочетание «льда» механических сочленений и «пламени» эмоций академически дотошного рисунка и бытового юмора оказалось на редкость заразительным. Художников-гиперреалистов, чьи портреты и пейзажи кажутся более реальными, чем сама Природа, в мире после появления акриловых красок, а затем компьютерной графики, — не счесть. Однако Сораяма, если повни-

мательнее вглядеться в его картины, не просто имитирует живую природу, а безудержно фантазирует, творит, выдумывает некую новую реальность, — а потому с гордостью может носить звание художника-фантаста.

Родился Хасими (или Хазиме, Хажиме — как его имя произносится по-японски, увы, не знаю) Сораяма в 1947 году, в одной из префектур на острове Сикоку. Отец был плотником и в 1983 году, когда вышел первый, прославивший сына альбом — «Сексуальная роботесса», — все еще не оставил своего ремесла. Во всяком случае, в семье Сораямы, где было трое детей, им всем с малолетства прививалось почти священное отношение к кропотливому труду, тщательности отделки, стремлению довести до совершенства все, за что бы ни взялся.

Рисовал Хасими с юных лет. Среднюю школу он закончил с отличными отметками по рисованию и прочим изящным искусствам, зато по музыке или физкультуре едва-едва натянул на хилую «троечку». И уже в старших классах обнаружил, что более всего ему нравится даже не рисовать, — а вырисовывать пером и чернилами почти идеальные копии моделей кораблей и самолетов. Когда позже он примется за «конструирование» своих биомеханических созданий, то вспомнит в одном интервью, что математика давалась ему с трудом — кроме геометрии, которую он постигал чуть ли не интуитивно... Что касается традиций, то в классическом японском изобразительном искусстве навыки дотошного «копииста» (в сочетании с фантазией, коей Сораяме, как пока-

жет дальнейшая его судьба, было не занимать) — необходимейшее условие мастерства.

Подобно многим сверстникам, юноша поступил в колледж, чтобы получить какую-то «серьезную» специальность, но в аудиториях не засиделся, быстро поняв, что желает в жизни только одного: рисовать! И в возрасте двадцати лет он уезжает в столицу поступать в престижную художественную школу Чуо. Закончил ее Сораяма в 1969 году, выучившись, на его собственный взгляд, главному — технике, ремеслу. Куда и как его применить, в тогдашней Японии, бурно завоевывавшей мировые рынки товаров и технологий, способному юноше долго думать не пришлось: его пригласили в одно из рекламных агентств.

Так что первой ипостасью Сораямы-иллюстратора стала реклама. Разумеется, это было далеко от идеала — работы свободного художника, — но выполнение заказов на рекламу консервов, промышленных изделий, бытовой техники и тому подобного оказалось для будущего свободного художника отличной школой: Сораяма хорошо изучил, что людям нравится, что они подсознательно жаждут увидеть, и в дальнейшем в коммерческом отношении был безошибочен.

В 1971 году он ушел в вольное плавание, рисуя на заказ и одновременно для души. Он перепробовал множество стилей и тем, но славу ему принесли его странно живущие машины: в 1978 году на календарях и рекламе различных товаров появились его традиционные роботы-мачо; зато годом позже художник поразил всех роботами весьма своеобразными. Их по праву и называть нужно как-то по-иному: роботессами, к примеру...

Женщина из металла, но сохраняющая всю притягательность своих форм,

коим Природа определила другой материал, женщина одновременно манящая и демонстрирующая ледяную неприступность своей сверкающей металлической «чешуей» — это было, действительно, неожиданно! О роковой красавице из старинного фильма «Метрополис» в 1980-х годах мало кто помнил, но японские роботы — в комиксах, игрушках, мультфильмах — уже превратились в мощную статью национального экспорта и во всем западном мире значили не меньше, чем торговые марки «Сони» или «Тойота».

Так что Сораяма подоспел на рынок удивительно вовремя. Когда его альбомы в 1980-90-х годах произвели фурор в Соединенных Штатах, выяснилось, что хитроумный японец удивительным образом «поспел» и к другой смене ориентиров, которую тогда испытало американское общество. Речь шла о том, насколько сексуальными оказались «железные леди» Сораямы на вкус новоявленных цензоров, роль которых охотно приняли на себя феминистки.

Объявив бой любым формам «сексуальной эксплуатации» женщин, воинственные цензорши уже добились того, что старые добрые pin-ups — сексуальные и в меру раздетые «девочки-завлекалочки», исполненные в духе гиперреализма, — были загнаны с глаз долой в гетто специфических журналов «для мужчин». А роботессы Сораямы были, конечно же, куда более привлекательны, чем живые воинствующие феминистки, — но вот назвать это «обнаженной натурой»... Да еще и «эксплуатируемыми» женщинами? Короче, сегодня альбомы японского художника выставлены в самых обычных книжных магазинах как живое свидетельство той мысли, которую я не устаю повторять: свободный художник всегда способен обмануть заидеологизированного цензора!

Вл. ГАКОВ

ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЭНТЕЗИ

Если верить популярным киноэнциклопедиям и электронным базам данных, жанр «фэнтези» в мировом кино — это прямо-таки безбрежное море, в котором на равных правах соседствуют «Синяя птица» и «Безумный Макс», Спилберг и Пазолини. Чтобы не затевать многословной наукообразной дискуссии о «критериях» и «параметрах», для начала сфокусируем наше внимание лишь на одной ветви этого гипержанра: назовем ее «фэнтези на историческую тему» или просто «исторической фэнтези». «Листьями» этой «ветви» будут фильмы, отвечающие двум главным требованиям: во-первых, в них должны отображаться (или, по крайней мере, подразумеваться) исторические реалии; во-вторых, в отличие от обычных исторических фильмов, здесь непременно обязаны присутствовать вымысел, мистика, фантастические герои и сюжеты, намеренное искажение фактов.

ЗА МИЛЛИОН ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Возможно, когда-нибудь в Голливуде снимут фильм о сотворении мира и покажут нам Землю, когда она была «безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою». Пока же, путешествуя по шкале времени, кинематографисты даже в самых невероятных фантастических сюжетах не рискуют опускаться глубже одного миллиона лет до нашей эры. В этой метафорической временной отметке, ставшей названием двух хорошо известных фильмов-фэнтези (американского — Хэл Роуча, 1939, и английского, сделанного Доном Чаффи почти четыре десятилетия спустя), есть и доля научной конкретики: согласно общепринятым гипотезам первые прямоходящие человекообразные существа появились именно около миллиона лет тому назад. Другое дело, что и в том, и в другом фильме герои уже приобщены к цивилизации (у них есть жилье, оружие, одежда — вспомним первобытное бикини Рэкел Уэлч) и мало похожи на представителей дикой природы.

Еще более серьезным анахронизмом становится встреча в одном сюжете первобытных людей и древних ящеров — плезиозавров, ихтиозавров, птеродактилей, исчезнувших с лица Земли в более раннюю геологическую эпоху. Для «доисторической фэнтези» такая встреча — непременное правило и один из главных «аттракционов» (клас-

сический пример фильмов такого рода — «Когда динозавры правили миром» В.Геста, 1970). На динозавров охотятся, используют их как рабочую силу и даже делают союзниками в борьбе против других чудовищ («Динозавр», 1960). В экранизации романа Э. Берроуза «В земной коре» (1976) разновидность мыслящего птеродактиля с чертами мифической гарпии является высшей расой по отношению к обезьяноподобным саготам.

Превращать первобытного человека в героя комедии полюбили с легкой руки Бестера Китона («Три эпохи», 1923). Жизнь первобытного племени в «Пещерном человеке» К.Готтлиба (1981) представлена только в пародийном ключе. Первое получение огня, изобретение орудий труда, музыки, горячей пищи представлены как цепь забавных недоразумений; не случайно фильм начинается титром «Один зиллион лет до рождества Христова. 9 октября». В «Гарри и Хендерсонах» или «Флинстонах» обезьяноподобное существо попадает на экран с одной целью — рассмешить зрителя. Редким исключением на этом фоне выглядит картина «Ледовый человек» (1984), где герой из каменного века становится объектом серьезного научного эксперимента и, соответственно, не комической фигурой.

Вспомнив «Гарри и Хендерсонов» или «Ледового человека», мы понево-

ле должны коснуться одного из главных сюжетных механизмов «доисторической фэнтези» — перемещения героев во времени, благодаря чему носом к носу сталкиваются покрытый шерстью антропоид и тщательно выбритый яппи, динозавр и подъемный кран. Несмотря на все «хохмы», на которые способен пещерный человек Атук в исполнении Ринго Старра, или романтическую любовь героев фильма «Когда динозавры правили миром», в рамках одной эпохи создателям фэнтези явно не хватает оперативного простора. Сближение эпох происходит, как правило, по двум схемам.

Первая. Современные нам герои отправляются в экспедицию (или путешествуют по воле судьбы в захваченной немецкой субмарине, как, например, в «Земле, забытой временем») и где-то на краю света находят «окно» в доисторический мир. Так обстоит дело в четырех экранизациях «Затерянного мира» А. Конан Дойля. В новом «Затерянном мире» Спилберга «окно» находится на изолированном от прочего мира острове. Герои «Долины Гванги» (1969) встречаются с первобытным миром в Мексике, «Неизвестной земли» (1957) — в Антарктиде. В фильмах «В земной коре» и «Путешествие к центру Земли» (1959) так же, как и в «Земле, забытой временем», первобытный мир размещается в исполинской подземной пещере,

что противоречит здравому смыслу, но вполне соответствует законам фэнтези.

Вторая. Представитель доисторического мира сам попадает в гости к нашим современникам. Конечно, здесь каждый из нас вспоминает «Парк Юрского периода», но не надо забывать, что значительно раньше появились «Гигантский бегемот» (1959), «Динозавр» И. Иворта и все десять фильмов о Годзилле.

За рамками «исторической фэнтези» остается и первобытный мир, перенесенный в космос. Если и следует упомянуть такие фильмы, как «Женщины с доисторической планеты» (1966) и «Путешествие на планету доисторических женщин» (1968), действие которых развивается на Венере, то только потому, что их создатели беззастенчиво воспользовались кадрами венерианских пейзажей... из советского фантастического фильма «Планета бурь»! Имея таких виртуозных мастеров спецэффектов, как Джим Дэнфорт («Когда динозавры правили миром» — номинация на «Оскар») и Рей Хэррихаузен («Миллион лет до нашей эры»), западное кино не побрезговало «пиратством» и по достоинству оценило солидную русскую постановку, к сожалению, нами незаслуженно забытую.

БИТВЫ ТИТАНОВ

Древние греки и германцы внесли в копилку сюжетов «исторической фэнтези» побольше, чем Э.Бэрроуз или Р.Хаггард. Миф, который в отличие от сказки гораздо прочней привязан к реальной истории, оказался основой для десятков киносценариев еще во времена немого кино. Так, одной из вершин немого кинематографа стали два фильма о Нибелунгах Фрица Ланга («Смерть Зигфрида» и «Месть Кримгильды», 1924). Эта масштабная эпопея, главным героем которой был непобедимый завоеватель, высокорослый, светловолосый, полуобнаженный ариец, не только

заняла место среди шедевров экспрессионизма, но и превратилась в одну из главных кинематографических икон «Третьего Рейха». Не оспаривая ценности фильмов Ланга в плане реконструкции древнегерманского эпоса, заметим, что в их грандиозных декорациях и макетах преобладала стилизация в духе модного в то время кубизма, а фантастические персонажи и сюжетные коллизии слишком прозрачно намекали на текущую политическую ситуацию в Германии, к примеру, поверженный Зигфридом дракон ассоциировался с «гидрой коммунизма», а бородатый, с крючковатым носом и отвислой губой король гномов — с засильем еврейского капитала.

Новая вспышка интереса кинематографа к героической мифологии — на этот раз уже античной — возникает в конце 50-х — начале 60-х годов. В Италии в 1959 г. выходит фильм о подвигах Геракла («Геркулес») со Стивом Ривзом в главной роли. После успеха картины этот античный полубог превращается в универсального культового героя наподобие Годзиллы. Помимо выпущенного год спустя «сиквела» («Геркулес раскованный»), где тот же Ривз действует в древней Элладе и спасает свою невесту, бойкие итальянские сценаристы умудряются сочинить несколько новых «мифов». По их произволу Геркулес (его играют культуристы Марк Форест или Рег Парк)

сражается с лунными пришельцами, властителем Атлантиды и даже попадает в доколумбовскую Америку.

В Голливуде тоже пытались поставить античных героев «на конвейер», но ни «Атлас» (1961), ни «Атлантида, затерянный континент» конкурировать с итальянскими постановками не смогли. К тому же лавров европейским «мифотворцам» добавила удачная постановка «Ясона и аргонавтов» (Италия, 1963), где единодушной похвалы удостоились снятые в анимационной технике чудовища все того же Рея Хэррихаузена.

Малобюджетный и провалившийся в прокате американский «Геркулес в Нью-Йорке» (1970) также можно считать запоздалым отзвуком этого соперничества. Мифологические небожители, особенно Зевс, плутовато заглядывающий в иллюминатор самолета, напоминают героев юморис-

тического телешоу или капустника (у европейцев, в «Битве титанов», в роли Зевса снимался не кто иной, как Лоуренс Оливье!). «Геркулес в Нью-Йорке» надолго закрыл для Голливуда тему античной мифологии, зато открыл Арнольда Шварценеггера. Он тоже не имел ничего общего с античной традицией, но наблюдательный взгляд мог заметить в этом излучающем «теплую мощь» атлете черты героя уже другого мифа — не Зигфрида и не Геркулеса, но кого-то иного.

Новый «синтетический» миф и соответствующий ему герой родились уже в следующем десятилетии. «Конан Варвар» (1981) Д. Милиуса и последовавший за ним «Конан Разрушитель» (1984) Р. Флейшера представляют собой дерзкую эклектическую смесь германской, античной и восточной мифологии, но именно эта эклектика и становится питательной средой для фэнтези, обеспечивая жанру и его кумирам новых и новых поклонников. Хотя рогатый шлем и доспехи Конана роднят его с героями древних германских легенд, «золото» этой саги скрыто на дне Гудзона, а не Рейна. Не случайно во втором фильме рядом с Конаном появляется чернокожая охотница Зула (Грейс Джонс), а всем прочим героям, принцессе Йенне, колдунье Тарамис, волшебнику Акиро, легче найти место в «этническом коктейле» Сан-Франциско, нежели в Европе времен древних германцев и гуннов.

В следующем фильме Флейшера Конан превратился в Калидора и уступил центр кадра рыжеволосой воительнице Соне («Рыжая Соня», 1985).

«Страна Вечной ночи» — королевство Биркабен еще сильнее отдалилось от исторических реалий, но мы все же можем уловить некую общность с дофеодальной Европой и скандинавскими сагами. По замыслу продюсеров, упрочить связь с европейской традицией должна была исполнительница главной роли Бриджит Нильсен, однако рослая датчанка лучше выглядела в амплуа фотомодели, чем в роли атлетической воительницы.

По пути фильмов о Конане в создании «синтетического эпоса» пошли «Властелин зверей» (1982), герой которого представляет нечто среднее между Конаном и Тарзаном, «Властелин меча» (1984) и целый ряд других картин. Примером более серьезной опоры на классический скандинавский эпос стал фильм Терри Джонса «Эрик Викинг» (1989). Хотя бывшие участники творческого содружества «Монти Питон» — режиссер Джонс и актер Клиз — и здесь отдали дань гротеску и «черному юмору», мы все же имеем дело с настоящими героями и богами северных саг (Эрик Викинг, которого сыграл Тим Роббинс, его возлюбленная Хельга, божества Фенрир, Фрейа и Локи).

ДРАКОНЫ И РЫЦАРИ

К жанру «исторической фэнтези» не раз обращался и другой участник группы «Монти Питон» — Терри Гиллиам. В 1977 г. героем его фильма стал дракон Джаббервоки (в русской традиции перевода — Бармаглот), наводящий ужас на жителей средневековой Англии. Впрочем, и страна, и время определены более чем условно: правит здесь король Бруно Вопросительный, а сами жители толком не помнят, какое на дворе столетие: «Одиннадцатый нет, подождите, двенадцатый век!». В отличие от героев «Джаббервоки» режиссер фильма «Сердце дракона» (1996) Р.Коэн точно

называет не только век, но и год, в котором происходит действие: 984-й. Как видно, в Англии и в это время драконы были обычным явлением. Правда, летающее чудовище Дрейко, которое озвучивает Шон Коннери, не в пример своему предшественнику Джаббервоки — миролюбивое и даже философски рассудительное существо. Хотя в истории фэнтези уже встречались говорящие монстры (дар речи обретала даже Годзилла), их лексика никогда не была такой богатой, а мимика — выразительной.

Рыцарский эпос, к которому имеют отношение сюжеты двух названных выше фильмов, тоже не раз исправно служил «исторической фэнтези». На сегодняшний день снято не меньше дюжины фильмов по мотивам сказаний о короле Артуре и рыцарях «круглого стола» («Эскалибур» Д.Бурмана — один из наиболее впечатляющих примеров в этом ряду). В фильме «Сердца и доспехи» (экранизация Людовико Ариосто) в рыцарские доспехи облачается весьма сексуальная героиня, а сюрреалистическая комедия «Монти Питон и Святой Грааль» (1975) изображает крестовый поход как шутовской, но полный кровавых и отталкивающих подробностей фарс.

Реалии примерно той же эпохи, но уже на примере Востока с его экзо-

тическими сюжетами и персонажами отразились в многочисленных фэнтези по мотивам сказок «Тысячи и одной ночи». Первая полнометражная звуковая версия «Тысячи и одной ночи» была создана в Голливуде в 1942 г., последняя — «Арабский рыцарь» — в 1995, но по-прежнему непревзойденной считается «Золотое путешествие Синдбада» (1974) с его блестящими спецэффектами — конечно, все того же Хэррихаузена.

Боевая атрибутика и ритуалы шотландского средневековья содействовали успеху весьма популярного и в России «Горца» с его тремя сиквелами и телевизионным сериалом. Правда, как справедливо считают некоторые западные критики, подобно «Терминатору», «Горец» довольно легко изменил фантастическому жанру и трансформировался в городской триллер.

«Парк Юрского периода» или «Робин Гуд — принц воров» — характерные примеры того, как экранная версия фэнтези становится более популярной, чем ее литературный первоисточ-

ник. Есть, однако, и обратные примеры. Не дотянул до уровня популярности романа «Питер Пэн», поставленный в жанре «пиратской фэнтези» «Капитан Крюк» (1992), хотя его режиссером был сам Спилберг. До сих пор не создана равноценная экранизация самого культового фэнтезийного произведения — романа-трилогии Д. Толкиена. Вышедший на экраны в 1979 г. двухчасовой мультфильм Р.Бакши сегодня практически неизвестен тем, кто впервые открыл эту книгу в 90-е годы.

НАЗАД, В ПРОШЛОЕ!

События новейшей истории — нынешний, да и прошлый век — почему-то не подталкивают сценаристов к созданию сюжетов в жанре «фэнтези». Во всяком случае фильмы, которые построены на сопряжении исторической канвы и фантастических элементов, можно пересчитать по пальцам одной руки (оговорюсь: «Индиану Джонса», картины о вампирах и вариации на тему Франкенштейна оставим в стороне, исторический фон в них достаточно условен, размыт и для сюжета мало что значит). Здесь следует отметить прежде всего «Последний отсчет» Дона Тейлора. Этот американский фильм, снятый в 1980 г., рассказывает о таинственном происшествии с авианосцем «Нимиц». Корабль, которым командует капитан Йелланд (Кирк Дуглас), попадает в странный шторм, последствием чего становится смещение во времени. Аэрофотосъемка показывает, что судно находится близ целого и невредимого Пирл-Харбора, такого, каким он был накануне японского налета. Вскоре появляется и японский самолет-разведчик. Мучительные колебания капитана Йелланда (вмешиваться в ход истории или нет?) прерываются новым штормом, который возвращает авианосец в сегодняшний день.

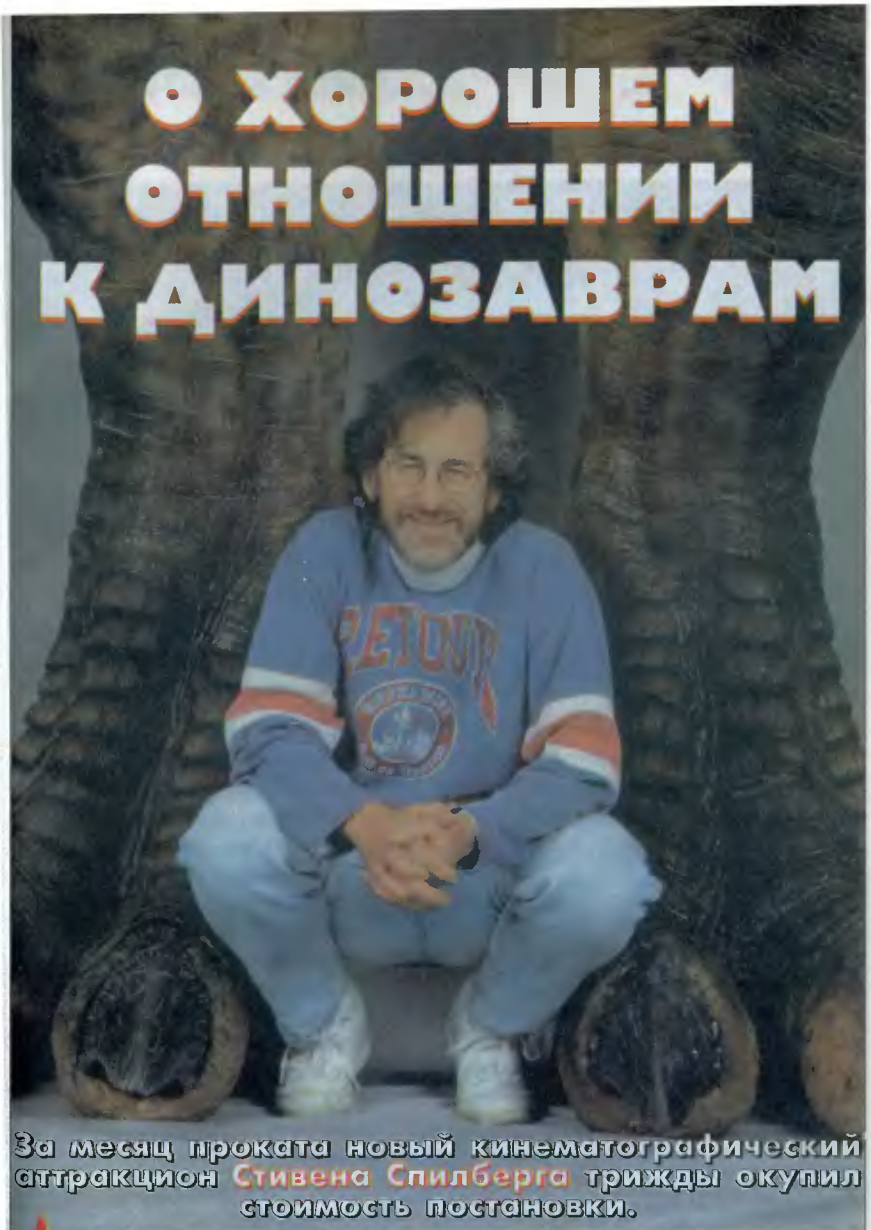
Тот же не слишком оригинальный прием (смещение во времени) использован и в фильме Уильяма Дира «Ездок через время: приключение Лайла Свонна» (1982). Его героя, участника мотоциклетной гонки, «заносит» на Дикий Запад XIX века. «Железный конь» вступает в конкуренцию с живыми мустангами, становится причиной забавных и драматических поворотов сюжета. Опередив в своем замысле «Назад в будущее-3» Р.Земекиса, фильм У.Дира, однако, заметно проиграл ему в художественных достоинствах: критики назвали его соединением вестерна с «мотоциклетными дешевками» в духе Роджера Кормана.

Кстати, первый и третий фильм из упомянутой трилогии Земекиса тоже следует отметить. Историческая фактура (50-е годы нашего столетия — в первом фильме, XIX век — в третьем) там отчетливо проработана и не раз обыгрывается — так же, как и в нашем «Зеркале для героя» В.Хотиненко. Хорошо известен у нас и фильм «Бандиты во времени» Т.Гиллиама, герои которого попадают в XIX век, во дворец к Наполеону. Герой совсем забытого ныне английского фильма «Невероятный мистер Лимперт» (1964), превратившийся в рыбу, во время второй мировой войны борется с немецкими подлодками. Но это, пожалуй, и все...

Историческая «фэнтези», так же, как и жанр «альтернативной истории» («белое пятно» в современном кинематографе) переживает сейчас не лучшие времена. Но не кажется ли вам, что уже довольно скоро «звездные рейнджеры» и похожие на ящериц пришельцы настолько набьют оскомину, что он категорически потребует: «Назад в прошлое!»?

Дмитрий КАРАВАЕВ

О ХОРОШЕМ ОТНОШЕНИИ К ДИНОЗАВРАМ



За месяц проката новый кинематографический аттракцион Стивена Спилберга трижды окупил стоимость постановки.

Съемки «Затерянного мира», он же «Парк Юрского периода-2» («The Lost World: Jurassic Park»), обошлись студии «Юниверсал» в 74 миллиона долларов. По утверждению самого Спилберга, «Юниверсал» не скупилась и оп-

ределяла бюджет картины на уровне 130 миллионов. Профессионализм и хозяйский подход позволили режиссеру не только сэкономить 50 с лишним миллионов «баксов», но и закончить фильм на неделю раньше срока.

Вообще, если судить по содержанию и тону некоторых высказываний Спилберга, сделанных уже после съемок, главным и едва ли не единственным критерием в оценке его новой картины должен быть уровень организационно-технических решений, прежде всего «идеология» и исполнение спецэффектов. Обо всем этом он говорит с удовлетворением и нескрываемой гордостью и, стало быть, считает фильм в целом успешным, хотя, надо отдать маэстро должное, не относит «Затерянный мир» к серьезному кино: «После «Списка Шиндлера» мне не хотелось браться за серьезный фильм. Возвращаясь к режиссуре после трехлетнего перерыва, я не стал нырять в омут, а пошел по мелководью и постепенно привык к воде. Я решил сделать что-нибудь хорошо мне знакомое».

Спецэффекты «Парка-2» (особенно при просмотре на большом экране) без сомнения оценит и профессионал, и дилетант. Первое достоинство в том, что... их не так много, как могло бы быть. Если в снятом почти пять лет назад «Парке Юрского периода» совмещение компьютерной графики и обычной съемки применялось 59 раз, то в «Парке-2» — фильме эпохи расцвета компьютерных технологий — всего лишь 75 раз. Для сравнения можно напомнить, что в фильме «Смерч» («Twister») насчитывается 350 оптических «композитов».

Разрабатывая «идеологию» съемок, Спилберг решил не отказываться от сложных в изготовлении и управлении трехмерных моделей огромных ящеров, хотя примеры полного отказа от громоздких «чучел» и использования только компьютерной графики есть: совсем недавно так поступили создатели ленты-фэнтези «Сердце дракона». Однако Спилберга едва ли можно упрекнуть за нежелание копировать чей бы то ни было опыт (более авторитетного постановщика впечатляющих фантастических аттракционов в современном кино попросту нет). Стремясь придать эпизодам с участием доисторических ящеров особую достоверность и естественную динамику, режиссер вновь обратился к объемным моделям Стэна Уинстона.

Вершиной творчества мастерской Уинстона стали две шеститонные модели тиранозавров, стоимость которых составила порядка двух миллионов долларов. Передвигались модели на специальных платформах, а управлялись двадцатью операторами с помощью компьютера. По словам участников съемок, панцирь ящеров даже на ощупь неотличим от натуральной змеиной кожи, а ткани возле глаз «нежны, как манный пудинг» (ко всему этому можно с сожалением добавить, что после окончания съемок модели были демонтированы, и в сохранности остался лишь каркас с системой гидроусилителей и шлангов). Техническим достижением стал снятый «на натуре» эпизод, когда тиранозавр пробивает лобовое стекло автомобиля, а потом поднимает машину в воздух и разрывает ее на части.

Важно было не только смастерить и снять на пленку эти модели, но и «без швов» смонтировать их изображение с компьютерной графикой. По общему мнению, это было сделано в высшей степени искусно. Без пристального взгляда едва ли можно определить, на каком плане роботы Уинстона уступают место виртуальным созданиям Майкла Лантьери. Кроме того, у нас почти не возникает сомнения, что доисторические исполины обладают реальной массой и передвигаются в реальной среде: под их кожей перекатываются могучие мышцы, а во время их тяжеловесного бега в воздух поднимается грязь и пыль. Впечатляет кадр преследования стада динозавров моторизованной армадой охотников, когда под брюхом огромного бронтозавра на полной скорости проскакивает мотоциклист.

ХИТ СЕЗОНА

Во втором фильме «юрский парк» пополнился новыми видами ископаемых. Появилась стая мелких, но кровожадных комсогнатов, огромные стегозавры с гребнями на спине, пахицефалозавр или толстолобый ящер, паразавролоп, на которого охотники набрасывают лассо, как на мустанга.

Однако Спилберг не пожелал слишком отдаляться от научных фактов и отказался от введения в сценарий фантастического «суперраптора». «Суперраптор — это уже слишком смахивает на фильм ужасов, — заметил он. — Мне не хотелось создавать космических пришельцев».

К сожалению, без штампов в духе «Годзиллы» все же не обошлось. Виной тому — слабый сценарий Дэвида Коппа, сделанный по столь же слабому роману Майкла Крайтона: мнение американских критиков было по этому поводу на редкость единодушным.

Действительно, далеко не оригинальными выглядят все фазы сюжета, начиная с завязки. Без особых мудрствований нам заявляют, что в 80 милях от острова Исла-Нубар, на котором происходило действие в первом фильме, есть остров Исла-Сорна, где вовсю пошел процесс естественного размножения динозавров. Один из героев первой картины ученый-генетик Йэн Малькольм (актер Д. Голдблюм) отправляется на Исла-Сорну, но не для того, чтобы вести научные исследования, а чтобы вытащить оттуда свою возлюбленную, палеонтолога Сару Хардинг (Джулианна Мур). Связаться с ней по спутниковому телефону, понятно, не удается. Компанию Малькольму составляют пара специалистов, явно уготованных в потенциальные жертвы ящерам, и дочка-тинейджер Келли, появившаяся явно для того, чтобы привлечь к просмотру и детскую аудиторию (фильм, кстати, вышел с категорией «PG-13»: «дети до 13 в присутствии родителей»).

Встреча Малькольма с динозаврами происходит не более драматично, чем с пятнистыми оленями в цивилизованном заповеднике. Детонатором сюжетного конфликта становится экспедиция экипированных как десантный полк авантюристов под началом Питера Людлова, племянника того самого Хэммонда (Р. Аттенборо), который и основал «юрский парк» в первом фильме. Что могут хотеть охотники в царстве дикой природы? Естественно, поймать тиранозавра и отвезти его в «зверинец». «Зверинцем» становит-

ся парк развлечений в Сан-Диего, куда огромного ящера везут на специально оборудованном корабле. Именно эта ступень сюжетного «двигателя», введенная в дело после того, как все предыдущие уже «сгорели» (положительные герои спаслись, а до финала еще далеко), и заставляет нас с сочувственной улыбкой вспомнить «Кинг Конга» или «Годзиллу». Вырвавшись на волю в современном городе, тиранозавр ведет себя как раз так, как должны вести себя монстры в фильмах ужасов, от которых хотел бы «уйти» Спилберг.

Сделав своих ящеров «трехмерными» не только визуально, но и «психологически», режиссер немного переусердствовал. Примитивный хищник не просто проявляет заботу о своем потомстве, но и проникается жалостью к дочке и возлюбленной Малькольма. Главное, что на этом фоне проигрывает сам герой Джеффа Голдблюма. Во всех его ипостасях (чудак-ученый, заботливый отец, влюбленный мужчина) он едва ли становится персонажем более «объемным» и занимательным, чем... нет, конечно, не тиранозавр, но герой того же Голдблюма в «Дне независмости». То же можно сказать и о других положительных действующих лицах, на которых держится весьма простая и не оригинальная идея фильма «о хорошем отношении к динозаврам».

Перед тем, как выйти из «Затерянного мира», еще раз процитирую Л. Клэйди, сравнившего новый фильм Спилберга с попкорном: «вкусным и забавным кушаньем с низкой питательной ценностью». Впрочем, не надо забывать, что и попкорн бывает разного качества.

Александр АЛЕКСЕЕВ

БЭТМЕН И РОБИН

(BATMAN AND ROBIN)

Производство компании «Warner Bros.» (США), 1997.
Сценарий Акивы Голдсмена.
Продюсер Петер Макгрегор-Скотт.
Режиссер Джоел Шумахер.
В ролях: Арнольд Шварценеггер, Ума Турман, Джордж Клуни, Крис О'Доннел, Алиса Сильверстоун.
1 ч. 55 мин.

Вот еще один фильм (уже четвертый по счету), который продолжает историю подвигов, пожалуй, самого легендарного героя фантастических кинокомиксов последнего десятилетия — Человека-Летучей Мыши. Известнейший мастер кинофантастики Джоел Шумахер и на сей раз не изменил своим пристрастиям, сняв после ленты «Бэтмен навсегда» новую сказку о победе добра над злом, адресованную всем поклонникам жанра от мала до велика. Картина продолжает «бэтмениану», отличаясь от своих предшественников еще большим количеством мастерски выполненных разнообразных спецэффектов, которые, однако, не являются для создателей фильма самоцелью, а потому не мешают зрителю следить за развитием действия. Должен заметить, что кинокомиксам о Бэтмене всегда везло с прекрасным актерским составом. Не менее «звездная» команда выступает на экране и на этот раз. Решил тряхнуть стариной Арнольд Шварценеггер, изобразивший отпетого злодея мистера Фриза — своего рода ледяного Терминатора. В роли безжалостной девицы по имени Ядовитый Плющ прекрасно себя чувствует Ума Турман, чье киноковарство заслуживает всяческих похвал. А уж главный герой (Джордж Клуни) — так просто образец доброты и благородства!.. Конечно, персонажи ничем не отличаются от масок, диалоги напоминают обмен информацией, да и сценарист, кажется, не слишком задумывается над логикой развития сюжета... Но в границах выбранного жанра — фантастического кинокомикса — это прощается. Ведь картина «Бэтмен и Робин» предназначена для семейного просмотра, поэтому даже для самых маленьких зрителей не должно оставаться никаких тайн.

Оценка по пятибалльной шкале: 4.

Сергей НИКИФОРОВ

ЧЕРНАЯ ПЛАНЕТА

(DARK PLANET)

Производство компании «EGM Film International» (США), 1997.
Сценарий С.О. Ли, Дж. Рейфела.
Продюсеры Джон Айрис, Барнет Бэйн.
Режиссер Альберт Магноли.
В ролях: Майкл Йорк, Пол Меркурио, Харли Джейн Козак.
1 ч. 35 мин.

Что делать режиссеру, если сценарий фильма написан в состоянии затяжной депрессии, если бюджет рассчитан на телеспектакль средней руки, а актеры даже стрелять способны разве что из рогатки? Для А.Магноли ответ очевиден: снимать психологическую драму! И вот, стремительно завершив экспозицию (две враждующие группировки землян XXI века Альфы и Мятежники внезапно заключают тайное перемирие, по причине, которая откроется лишь в конце фильма, и отправляют совместный экипаж сквозь «черную дыру»), режиссер с энтузиазмом берется за дело. Запаяв героев в корабль размером с консервную банку (бюджет, бюджет!), он заставляет членов экипажа непрерывно выяснять отношения и произносить монологи. Речи особой мыслью не блещут, и режиссер для разрядки встряхивает банку... сиречь корабль, так что персонажи начинают стучать зубами: это, пожалуй, самое эффектное зрелище в фильме. Ошалев от скуки и тесноты, герои начинают потихоньку отвоевывать жизненное пространство, паля друг в друга из слегка модифицированных автоматов Калашникова. Помимо веры в мощь российского оружия, режиссер, по всей видимости, неплохо знает наш кинематограф и реализует на практике великую мысль Штирлица о том, что запоминается именно последнее слово. Слов в финале действительно много, и все они невероятно благородны, только вот запомнить их довольно трудно... Короче, второго Бергмана из режиссера не вышло, да и до Штирлица он, пожалуй, не дотянул.

Оценка: 2.

Юрий ШАХОВ

ГИДРОСФЕРА

(HYDROSPHERE)

Производство компании «Royal OAKS Intertainment» (США), 1997.
Сценарий Эндрю Доулера.
Продюсеры Даниел Диор, Г.Филипп Джексон.
Режиссер Г.Филипп Джексон.
В ролях: Майкл Парэ, Малькольм Макдауэл.
1 ч. 30 мин.

Главное достоинство фильма в том, что события, изображенные в нем, вполне могли бы стать основой сюжета абсолютно реалистического кино. К примеру, если отбросить дату происходящего (2130 год) и прочую фантастическую атрибутику: навигационный биокомпьютер «Малыш», кибернетическую красноглазую даму — машину для убийства, а также супервозможности еще одной представительницы прекрасного пола — первого помощника капитана корабля «Лилит», то все остальное прекрасно помещается в рамки современного психологического детектива с экологической направленностью. Судите сами: некая корпорация «Проксит» хочет избавиться от скопившегося на ее складах токсичного химического вещества. Для этих целей фрахтуется морское судно почти столетнего возраста, на котором смертоносный груз предполагают доставить в океан и там уничтожить вместе с кораблем и всей командой, конечно же, ничего не подозревающей о коварных планах «Проксита». Миру угрожает страшная экологическая катастрофа... Сюжет не нов, но «Гидросфера», снятая на стыке жанров, от этого не проигрывает. А если приплюсовать сюда еще и добротную работу голливудского красавца Майкла Парэ (Таркис), а также капитана Мердока, - сыгранного неподражаемым Малькольмом Макдауэлом, чьи актерские пристрастия имеют самый широчайший диапазон (от комедии «О, счастливчик!» до серьезнейших исторических драм «Калигула» и «Цареубийца»), то фильм, о котором идет речь, оказался изначально обречен на зрительский интерес.

Оценка: 3,5.

Сергей НИКИФОРОВ

НОВОСТИ со съемочной площадки

Эпидемия повторных съемок — римейков — классических фильмов продолжает распространяться по киномиру. Дошла очередь и до классических образцов кинофантастики. В июле началась работа над новой версией знаменитой «Планеты обезьян» («Planet Of The Apes») по одноименному роману французского писателя Пьера Буля. Как известно, в первом фильме, который в 1968 году снял Франклин Шеффнер, астронавт Джордж Тейлор (его играл Чарльтон Хестон) попадал на планету, где правят разумные обезьяны, а люди находятся под пятой мохнатых эксплуататоров. Естественно, свободолюбивый землянин устроил на планете полный беспорядок и почти революцию.

В новой версии «Планеты обезьян» роль Тейлора досталась Джорджу Клуни, который совсем недавно стал уже третьим по счету кино-Бэтменом. Впрочем, новые актеры — не единственное отличие «Планеты обезьян» образца 1997 года от фильма-предшественника. В новой картине гораздо больше места займет собственно война людей и обезьян. Именно поэтому помимо довольно мирных горилл-ученых в сценарии появился жестокий диктатор Генерал Укко. Его сыграет Арнольд Шварценеггер.

В свое время успех оригинальной «Планеты обезьян» вызвал к жизни четыре фильма-продолжения и два телесериала (один — мультипликационный). Начнется ли 30 лет спустя очередная «обезьяномания», мы узнаем уже ближайшей зимой.

После того, как последний фильм Уэса Крейвена собрал в прокате больше 100 миллионов долларов, взоры продюсеров снова обратились к жанру фильма ужасов. В ближайшие полгода одна за другой

Стивен КИНГ

состоятся премьеры сразу четырех картин с мистически-кровавыми сюжетами. Две из них — экранизации произведений Стивена Кинга и, одновременно, римейки более ранних лент: «Мертвая зона» («The Dead Zone» — предыдущая киноверсия была снята в 1983 году) и «Кошачий глаз» («Cat's Eye» — предыдущая киноверсия датирована 1985 годом). Третьим кинокошмаром станут «Дикие вещи» («Wild Things»), которые снимаются по оригинальному сценарию. Наконец, самый большой бюджет (и, соответственно, самые большие надежды прокатчиков) достался продолжению «Крика» — фильму, который из-за проблем с авторскими правами будет называться «Пугающий фильм-2» («Scary Movie 2») или просто «Страшнейший фильм» («Scaried Movie»). Снимать этот фильм намерен сам Уэс Крейвен, главная роль опять достанется Нив Кемпбелл, а таинственные смерти друзей и близких будут преследовать героиню и после переезда в другой город.

Есть хорошие новости для поклонников фантастических боевиков с Харрисоном Фордом. Во-первых, уже на Рождество 1998 года намечена премьера «Индианы Джонса и сыновей Тьмы» («Indiana Jones And The Sons Of Darkness») — нового фильма о похождениях неутомимого археолога. Во-вторых, Форд наконец решил всерьез взяться за режиссуру и готовится к съемкам экологического боевика «Смертельная осень» («Deadfall»). По сюжету на нашу планету надвигается страшная экологическая катастрофа, предотвратить которую может только повсеместное разведение лесов. Однако жестокий мир чистогана с этим не согласен, и только один смелый и мудрый эколог сумеет наказать злодеев и спасти леса. Продюсировать столь серьезную драму характеров согласился Джордж Лукас.

внимание, мотор!

Самым ярким событием в кинофантастике в ближайшие полгода должно стать возрождение Супермена. Обновить образ супергероя взялся Тим Бэртон, в свое время уже проделавший подобную операцию с Бэтменом. В своей новой работе режиссер решил не отказываться от испытанных практикой рецептов, а потому потомку могущественных инопланетян придется сражаться с Джеком Николсоном (в первом бэртоновском «Бэтмене» Николсон играл злодея Джокера). В остальных ролях — Сандра Баллок и Род Стайгер. Впрочем, интеллектуал Бэртон решил подшутить над зрителями и вставить в «Супермен возрождается» («Superman Reborn») эпизод встречи Супермена и Бэтмена. А еще Бэртон хочет затащить в фильм Патрика Стюарта в костюме и гриме капитана космического корабля «Энтерпрайз» из сериала «Звездный путь». Правда, герой Стюарта, по слухам, окажется злодеем.

Патрик СТЮАРТ

Впрочем, одним «Суперменом» режиссерские планы Тима Бэртона не исчерпываются. В 1998 году он надеется наконец осуществить свою давнюю мечту и снять фильм о приключениях Женщины-Кошки — героини «Бэтмен возвращается», которая носила черный костюм и прыгала по крышам. Как и в фильме «Бэтмен возвращается», эту роль должна исполнить Мишель Пфайфер. Еще Тим Бэртон спродюсирует пятый фильм о подвигах Человека-Летучей Мыши, который будет называться «Бэтмен: Темный Рыцарь» («Batman: The Dark Knight»). Кроме того, он намерен завершить работу над сценарием картины «Возвращение Эдварда Руки-Ножницы». И, наконец, трудолюбивый режиссер подписал контракт на постановку сразу трех мультфильмов с персонажами популярнейшего мультсериала «Симпсоны». Сюжеты у этих мультиков будут вполне фантастические: путешествия во времени, внезапное увеличение отца семейства до таких размеров, что все остальные смогут гулять внутри него, и тому подобное...

Арсений ИВАНОВ

ОДПИСКА НА «ЕСЛИ»

на первое полугодие 1998 года
проводится по объединенному каталогу

«ПОДПИСКА-98»

(I том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 73118.

Каталожная цена подписки на журнал не изменилась и составляет 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг, которая в каждом регионе определяется узлами связи самостоятельно. Каталог есть в каждом почтовом отделении России. В республиках СНГ подписка проводится по местным каталогам и по каталогу АПР.

КЛАССИКА КИНОФАНТАСТИКИ

КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ 2001 ГОД

ВПЕРВЫЕ НА ЛИЦЕНЗИОННОМ ВИДЕО !

заказывайте кассеты - почтой а/я 333 индекс 103062

VARUS VIDEO